

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго.

Г. АΘΑΝΑΣЬЕВЪ.

ИСТОРИЯ ИРЛАНДІИ.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

Цѣна 1 р. 25 к.

С-П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.
Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1907.

Издательство БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

Спб., Прачешный, 6.

**„Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ
средніе вѣка и новое время“,**

ИЗДАВАЕМАЯ

подъ редакціей проф. Н. И. КАРЪЕВА и И. В. ЛУЧИЦКАГО.

Изданіе распадается на двѣ серіи—эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ посвящено, какъ и второстепеннымъ странамъ, по одной книжкѣ, болѣе важнымъ странамъ—по двѣ и по три. Въ составленіи книжекъ принимаютъ участіе профессора и приватъ-доценты русскихъ университетовъ и другіе ученые: П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Аванасъевъ, В. П. Бузескулъ, В. И. Герье, И. М. Грѣвъ, А. К. Дживелеговъ, А. Я. Ефименко, Н. И. Каръевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любичъ, П. Г. Мижуревъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. Θ. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, Θ. И. Успенскій и др.

Въ настоящее время уже имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

1. М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 коп.
2. М. С. Корелинъ. Главнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣкового папства. Ц. 75 коп.
3. М. С. Корелинъ. Великіе походы. Ц. 75 коп.
4. М. С. Корелинъ. Средніе вѣка. Ц. 1 р.
5. М. С. Корелинъ. Новое время. Ц. 1 р.
6. Н. И. Каръевъ. История Европы XIX в. Ц. 1 р.
7. П. Н. Милюковъ. История Европы. Ц. 1 р.
8. А. К. Дживелеговъ. История Европы. Ц. 1 р.
9. А. К. Дживелеговъ. История Европы. Ц. 1 р.
10. В. К. Пискорскій. История Европы. Ц. 1 р.
11. Д. М. Петрушевскій. История Европы. Ц. 1 р.
12. П. Н. Милюковъ. История Европы. Ц. 1 р.
13. П. Н. Милюковъ. История Европы. Ц. 1 р.
14. Я. Ефименко. История Европы. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	1.
Гл. I. Ирландія до XV в.	7.
Гл. II. Религіозныя преслѣдованія и обезземеленіе ирландцевъ	32.
Гл. III. Послѣдніе Стюарты и окончательный погромъ	80.
Гл. IV. Возстановленіе потерянныхъ правъ	120.
Гл. V. Унія. Эмансипація католиковъ	153.
Гл. VI. Земельныя отношенія. Феніанство. Реформы Гладстона	195.
Гл. VII. Земельная лига и гомруль	245.
Заключеніе	305.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едвали подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе послѣднихъ четырехъ десятилѣтій судьба Ирландіи, этого сравнительно небольшого уголка Европы, привлекала къ себѣ особенное вниманіе не только англійскаго, но и всего европейскаго общества. Мнѣ кажется, что причина этого интереса заключается въ томъ, что нѣсколько важныхъ въ принципіальномъ отношеніи общественныхъ вопросовъ связаны съ ходомъ ирландской жизни и съ разрѣшеніемъ задачъ ея.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставимъ вопросъ о націонализациі, или если хотите о денационализациі какого-нибудь народа, то Ирландія представляетъ въ своей исторіи рядъ яркихъ фактовъ, на которыхъ можно разсматривать вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ происходитъ потеря народомъ своихъ національныхъ особенностей и поглощеніе его другой національностью. Въ большой публикѣ довольно распространена мысль, что особыми специалистами по части денационализациі другихъ народовъ являются нѣмцы, что германская раса болѣе другихъ способна подчинять себѣ другія національности. Это мнѣніе мнѣ кажется предразсудкомъ, который созданъ въ обществѣ на основаніи наблюденія ряда фактовъ безъ достаточнаго вниманія къ другимъ, имъ противорѣчащимъ. Это то, что Бэконъ Веруламскій называетъ „идолами толпы“ (*idola fori*).

Если присмотрѣться къ отношеніямъ германцевъ къ другимъ народамъ, то нельзя не замѣтить, что германцы далеко не вездѣ брали верхъ, а напротивъ въ очень большомъ числѣ случаевъ потеряли свою національность. Въ самомъ дѣлѣ,

Остготы и Лангобарды заняли теперешнюю Италию. А гдѣ они? Они романизовались и стали теперешними итальянцами. Свевы, Аланы, Вандалы и часть Вестготовъ овладѣли Испаніей. Но они не сохранили на ней своего облика. Они также романизовались, какъ и ихъ соплеменники въ Италиі, и отъ нихъ не осталось яснаго слѣда. Другая часть Вестготовъ, Бургунды, Франки и Норманны заняли территорію Галліи. Гдѣ-жъ они? Въ Англіи поселились Саксы; но когда они вступили въ соприкосновеніе съ пришедшими изъ Франціи романизовавшимися тамъ Норманнами, они подверглись видоизмѣненію въ сторону романскаго элемента и создали англійскую націю. Наконецъ, послѣдняя, приходя въ соприкосновеніе съ кельтами-ирландцами, не разъ подчиняется ихъ вліянію и теряется въ ихъ средѣ.

Такимъ образомъ положеніе, что германцы преимущественно предъ другими обладаютъ способностью поглощать другія національности, претворяя ихъ въ себя, требуетъ большихъ ограниченій. Откуда же взялся, у насъ особенно, такой взглядъ на дѣло, близкій къ предрасудку? Мнѣ кажется, что онъ произошелъ отъ того, что Славяне, столкнувшись на Эльбѣ и Одерѣ съ Германцами, не выдержали этого соприкосновенія, онѣмечились, и только живущіе до сихъ поръ Лужичи, сохранившіяся мѣстныя названія да нѣкоторые другіе признаки свидѣтельствуютъ о славянскомъ прошломъ полабскихъ земель.

Мы, Славяне, свой собственный опытъ столкновенія съ германскимъ племенемъ обобщили и приписали Германцамъ особенно сильную способность подчинять другихъ своей національности. Но съ другой стороны изъ наблюденія результатовъ столкновенія Славянъ съ Германцами нельзя дѣлать вывода противъ первыхъ, т. е. что они вообще склонны быть поглощаемыми. Нѣтъ. Такому выводу противорѣчатъ исторія русскаго народа. Племена, населявшія среднюю Россію, претворились въ русскіхъ, такъ сказать растворились въ русскомъ народѣ. Интересно, что этотъ процессъ

ассимиляціи, связанный съ русской колонизаціей и не прекратившійся еще до сего времени, шель почти исключительно мирнымъ путемъ и этимъ отличается отъ германизаціи, которая нерѣдко связана съ истребленіемъ аборигеновъ.

Наблюдая борьбу національностей въ теченіе исторіи Ирландіи, мы видимъ, что сначала одолѣваютъ ирландцы, а потомъ беретъ верхъ англійская національность, и приходимъ къ тому заключенію, что дѣло не въ преимущественной способности того или другого народа націонализировать, а въ томъ культурномъ уровнѣ, на которомъ стоятъ народы при взаимодействіи, если при этомъ нѣтъ слишкомъ большаго численнаго перевѣса одного изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи, существующемъ между уровнемъ культуры одного народа и уровнемъ культуры другого, заключается центръ тяжести дѣла подчиненія одного изъ нихъ національности другого.

За національными отношеніями слѣдуютъ религіозныя. Съ XVI вѣка и до половины XIX они играютъ видную роль въ исторіи Ирландіи. Существуетъ давно сложившееся мнѣніе, что фанатизмъ и нетерпимость свойственны католикамъ и что, напротивъ, широкая терпимость и уваженіе къ свободѣ совѣсти и религіи присущи протестантизму. Факты противорѣчащіе такому тезису, игнорируются и не признаются способными опровергнуть его или ослабить его значеніе. Въ исторіи Ирландіи мы встрѣчаемся именно съ такими фактами и притомъ не спорадическими, а составляющими цѣлый рядъ, захватывающій безъ малаго три вѣка. Въ положеніи преслѣдуемаго мы видимъ католицизмъ, а въ роли притѣснителя протестантизмъ. Присматриваясь ближе къ этимъ и подобнымъ явленіямъ, мы видимъ, что дѣло въ сущности не въ свойствѣ той или другой религіи, а въ той или другой степени нетерпимости, свойственной извѣстному обществу состоянію, порождаемому весьма разнообразными причинами. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ возбужденіе религіознаго чувства параллельно съ слабостью

научнаго просвѣщенія и незначительностью общественнаго круга, ему причастнаго.

Не надо однако забывать, что въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ дѣйствовалъ не только религіозный фанатизмъ, но и извѣстный политическій принципъ, кое гдѣ признаваемый и нашими современниками. Онъ заключается въ томъ, что единство государства зависитъ отъ единства церковнаго. Этимъ воззрѣніемъ объясняется, вмѣстѣ съ другими причинами, преслѣдованіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV. Если это воззрѣніе не принять во вниманіе, то драгонады не будутъ понятны. То же воззрѣніе проводится въ жизнь отчасти и въ Ирландіи только по отношенію къ католикамъ. Страффордъ совершенно опредѣленно высказывалъ эту мысль и въ ней онъ былъ совершенно солидаренъ съ государственными людьми Франціи. И долго потомъ это воззрѣніе на государственное значеніе церковнаго единства продолжало жить, ослабѣвая по мѣрѣ развитія умственной жизни и по мѣрѣ накопленія историческаго опыта.

Въ исторіи Ирландіи мы можемъ слѣдить за взаимными отношеніями между католиками и протестантами, какъ представителями разныхъ исповѣданій и видѣть, до какихъ едва вѣроятныхъ предѣловъ преслѣдованія доходили протестанты, стремясь вытравить католиковъ изъ ирландской почвы, и далѣе мы можемъ въ весьма благопріятныхъ условіяхъ изучать, на сколько вся система мѣропріятій, направленныхъ къ достиженію единства церковнаго путемъ насилія надъ свободой совѣсти и богослуженія, была оправдана достигнутыми результатами, если вообще это можетъ служить оправданіемъ насилія и поруганія правъ совѣсти.

Въ заключеніе нашихъ общихъ замѣчаній скажемъ два слова объ экономическихъ отношеніяхъ, а именно о землевладѣніи. Въ Ирландіи мы видимъ столкновеніе двухъ міровоззрѣній. Одно міровоззрѣніе основано на принципѣ абсолютной земельной собственности, и представителями его являются англичане. Другое міровоззрѣніе, искони принадле-

жавшее ирландцамъ, исходить изъ понятія о землѣ, какъ собственности цѣлаго племени, находящейся только въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ его. Эти воззрѣнія борются. Беретъ верхъ первое изъ нихъ. Но затѣмъ реализація побѣды и приложеніе къ дѣлу принципа абсолютной земельной собственности создаетъ множество страшныхъ страданій, не приводя ни къ какому положительному результату. Въ концѣ концовъ англичане, дотолѣ безусловные сторонники абсолютной земельной собственности, сами приходятъ къ мысли о необходимости ограниченія правъ земельныхъ собственниковъ. Если принять во вниманіе, что нѣкоторые экономисты настоящаго времени приходятъ къ отрицанію личной земельной собственности и полагаютъ, что земля не можетъ раздѣлять судьбы всякаго другого товара, то отсюда видно, какой интересъ представляютъ экономическія отношенія Ирландіи, въ особенности въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣковъ въ качествѣ иллюстраціи предмета спора и арсенала для аргументаціи тѣхъ или иныхъ теоретическихъ положеній.

Сказанное, какъ намъ кажется, свидѣтельствуешь, что исторія Ирландіи въ ея трехъ элементахъ представляетъ интересъ, въ значительной степени оправдывающій трудъ на составленіе этой книги для русскихъ читателей. Само собою разумѣется, что въ изложеніи ея придется имѣть дѣло съ довольно сухими фактами, читателю приходится забираться въ детали прежде, чѣмъ дойти до выводовъ и обобщеній, а детали часто очень скучны. Съ этимъ надо мириться ¹⁾).

¹⁾ Содержаніе предлагаемой вниманію читателя книги было предметомъ небольшого курса публичныхъ лекцій, читанныхъ мною въ 1904 году въ Кіевѣ отъ имени «Историческаго Общества Нестора Лѣтописца». Мною указаны были моимъ слушателямъ нижеслѣдующія книги, могущія быть полезными для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей Ирландіи. Позволяю себѣ для удобства читателя привести этотъ списокъ:

1. H de Chavaunes de la Giraudiere et Huillard Bréholles, *Irlande, son origine, sonhistoire et sa situation présente*. Tours, 1857.

2. Hassenkamp. *Geschichte Irlands von der Reformation bis zur seiner Union mit England*. Leipzig, 1886. Обстоятельное, хотя черезъ-чуръ строго хронологическое изложеніе.

3. Lecky William. Leaders of public opinion in Ireland. London. 1903.— Это рядъ біографій и характеристикъ главныхъ борцовъ за интересы ирландскаго народа.

4. Еггс-же. History of England in the XVIII century. London. 1878—1890. Есть нѣмецкій переводъ: Geschichte Englands in achtzehnten Jahrhundert. Leipzig. 1879—1883. Въ него входятъ большія главы по Исторіи Ирландіи, прекрасно написанныя. Нѣмецкій переводъ однако останавливается до возстанія 1798 г. Ему недостаетъ, противу англійскаго текста, одного тома, изданнаго позже 1883 года.!

5. Негрвѣ. La Crise Irlandaise depuis la fin du XVIII siècle jusqu'à nos jours. Paris. 1885.

6. Франсис де Прессенсѣ. L'Irlande et l'Angleterre depuis l'acte d'Union jusqu'à nos jours. 1800—1888. Paris. 1889.

7. Афанасьевъ. Судьбы Ирландіи. Одесса. 1887. (много пробѣловъ).

8. Быкова. Разказы изъ исторіи Ирландіи. С.-Петербургъ. 1902 г. (Очень популярное изложеніе, рассчитанное на читателя, совсѣмъ не подготовленнаго).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первоначальными поселенцами Ирландіи считают Иберовъ, родственниковъ аборигеновъ Испаніи, которые въ свою очередь съ родни берберамъ и кароагениянамъ. Это родство чуется и во внѣшнемъ видѣ части обитателей Ирландіи, въ особенности на югѣ, въ смутныхъ воспоминаніяхъ о первобытныхъ вѣрованіяхъ, въ присвоеніи, напримѣръ, солнцу названія, напоминающаго бога Бэла; кое-гдѣ и въ языкѣ слышится это семитское родство. Затѣмъ, послѣ вторженія кельтовъ, Иберы смѣшались съ послѣдними; но нельзя сказать, чтобы при этомъ Кельты поглотили Иберовъ, или наоборотъ. Произошло амальгамированіе, которое отразилось на языкѣ и на религиозныхъ воззрѣніяхъ ирландцевъ. Еще въ началѣ XIII вѣка епископъ Дублина указывалъ на существованіе въ Кильдэрѣ обычая въ часовнѣ, рядомъ съ церковью, поддерживать неугасимый огонь. Честь поддержанія его принадлежала дѣвушкамъ знатнѣйшихъ аристократическихъ семействъ. Епископъ потушилъ этотъ огонь, но потомъ онъ снова былъ зажженъ и указанный обычай продержался до самаго упраздненія монастырей. Онъ напоминаетъ культъ Весты и культъ Бэла и Астарты, словомъ культъ аборигеновъ Ирландіи иберійцевъ, сквозящій черезъ позднѣйшій кельтскій слой.

Овладевъ Ирландіей, кельты внесли туда свои друидическія вѣрованія и свои общественныя установленія. Эти послѣднія нашли выраженіе въ рядѣ обычаевъ, опредѣлявшихъ политическую жизнь и гражданскія отношенія. Законъ „Танистри“ опредѣлялъ политическую жизнь старой Ирландіи. Во главѣ отдѣльныхъ племенъ стоятъ короли, носящіе названіе „ріаговъ“ или „тирновъ“. Они были избираемы всѣмъ народомъ. Обыкновенно еще при жизни ріага ему выбирали преемника „таниста“. Его выбирали не изъ

сѣмѣйства ріага, а вообще изъ числа храбрѣйшихъ племени. Эти выборы были источникомъ ссоръ и усобицъ. Ріаговъ было четыре: ріагъ Армага или Ульстера, ріагъ Коннаута съ резиденціей въ Гальвэ, ріагъ Мунстера съ столицей въ Лиммерикъ и ріагъ Лейнстера съ Уотфордомъ въ качествѣ главнаго города. Надъ ними всеми былъ „Ардъ-ріагъ“, владѣтель Мита. Онъ считался представителемъ всей Ирландіи и при выборѣ клялся хранить обычаи и законы всей страны, тогда какъ каждый изъ ріаговъ приносилъ присягу только своему племени. Хотя ардріагъ и считался главою всехъ, но онъ не рѣшалъ дѣла, а только исполнялъ рѣшенія, такъ какъ все дѣла рѣшались на большихъ и малыхъ сходахъ, собиравшихся на холмахъ, окруженныхъ рвомъ. Тамъ создавались законы и рѣшались споры областей, городовъ и частныхъ лицъ. Эта организація была источникомъ усобицъ и слабости страны при столкновеніи съ лучше организованными противниками.

Что касается частнаго права, оно сводилось на нормы владѣнія землей, выраженные въ цѣломъ рядѣ законовъ-обычаевъ, которые въ совокупности носили названіе „габаильцинъ“ (Gabaillcine). Принципъ этихъ обычаевъ тотъ, что земля не составляетъ частной собственности. Она принадлежитъ данному роду и клану и по смерти владѣльца не переходитъ къ его наследникамъ, а возвращается къ общинѣ, причемъ происходитъ передѣлъ земель, бывавшій обыкновенно ежегодно. Хранителями старинныхъ юридическихъ обычаевъ были „брегоны“, судьи, признававшіеся авторитетными знатоками права и толкователями законовъ. Первая редакція послѣднихъ произошла по преданію въ VI вѣкѣ до Р. X. въ царствованіе короля Олама Фолла. Оставляя въ сторонѣ преданіе, слѣдуетъ сказать, что изслѣдователи древняго ирландскаго права, отыскивающіе и издающіе его памятники, опубликовали „Сенхусъ Моръ“ (Senchus Mor) или „Великую Книгу“ и книгу Анцилля. Они устанавливаютъ, что правовыя нормы, изложенныя въ „Великой Книгѣ“, сложились въ первомъ столѣтіи нашей эры, а юридическіе трактаты были составлены въ пятомъ вѣкѣ нашей эры, во время введенія христіанства, и записаны были въ VIII вѣкѣ, послѣ длиннаго періода перелачи ихъ путемъ устнаго преданія. Вначалѣ

они имѣли стихотворную форму. Для изученія исходныхъ основъ и эволюціи древняго индоевропейскаго права, говоритъ г. Яновскій, нѣтъ другого источника, за исключеніемъ развѣ законовъ Ману, который превосходилъ бы своей важностью старинные ирландскіе законы. Сенхусъ Моръ состоитъ изъ пяти книгъ и трактуетъ о судопроизводствѣ, воспитаніи дѣтей, о различныхъ формахъ аренды и объ отношеніяхъ разныхъ лицъ между собою и къ церкви.

Матерьяломъ для книги Анцилля послужили произведенія королей Кормака (III в.) и Ценфеладса, жившаго въ VII вѣкѣ по Р. X. Законы, изложенные въ Сенхусъ Морѣ и въ книгѣ Анцилля, называются также законами брегоновъ, ибо они ихъ редактировали и толковали, прилагая къ жизни. По полнотѣ и точности опредѣленій Законы Брегоновъ стоятъ выше соотвѣтственныхъ памятниковъ другихъ европейскихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Законовъ Варваровъ“ (*Leges Barbarorum*).

Брегоны редактировали также постановленія общихъ собраній, они записывали событія и представляли свои записи общему собранію, которое приказывало занести ихъ въ великую книгу, называвшуюся „Псалтирю Тара“. Этотъ обычай сохранялся до XII вѣка. Судъ совершался или общимъ собраніемъ или третьей-скимъ путемъ. Наказаніемъ служилъ штрафъ, называвшійся „Эрикъ“ и соотвѣтствующій русской вирѣ и германскому вѣргельдъ. Постановленія суда, за отсутствіемъ сильной исполнительной власти, не всегда исполнялись, и принужденіе подсудимаго подчиниться приговору суда влекло за собой борьбу внутри клана.

Еще болѣе продолжительнымъ вліаніемъ, чѣмъ брегоны, пользовались барды, пѣвцы народной старины и миговъ. Съ паденіемъ друидизма они перестали воспѣвать подвиги Тейтата, этого жестокаго бога войны кельтовъ и Бэллона, бога солнца (Бэлъ); но сохранили свое вліаніе и даже, воспринявъ христіанство, содѣйствовали своимъ поэтическимъ толкованіемъ распространенію новой религіи. Народъ съ живымъ воображеніемъ и любитель музыки не могъ не подчиняться вліанію поэта. Барды составляли особую могущественную корпорацію, владѣвшую большими землями. и пользовались

большимъ почетомъ еще въ XV вѣкѣ. Последнее собраніе бардовъ было въ Типперари въ XVII вѣкѣ.

Главнымъ занятіемъ ирландцевъ въ началѣ среднихъ вѣковъ было земледѣліе и скотоводство; но они занимались также и разработкой металловъ и на берегахъ рѣки Барроу существовалъ литейный заводъ, пользовавшійся извѣстностью, а также и мастерскія всякаго оружія, качества котораго славились.

Интересно, что, не смотря на существованіе каменоломень, ирландцы предпочитали деревянные постройки. Церкви были сложены изъ дубовыхъ брусевъ, которые по словамъ Бэды Достопочтеннаго, были искусно обработаны. Жилища же ихъ представляли собою нѣчто, похожее на хлѣвъ. Они дѣлались изъ плетня замазаннаго глиной и покрывались соломой или камышемъ. Пристрастіе ирландцевъ къ легкимъ деревяннымъ постройкамъ было такъ велико, что англійскій король Генрихъ II во время пребыванія своего въ Ирландіи, желая понравиться туземцамъ, приказалъ себѣ выстроить дворецъ тоже изъ плетня и глины и расписалъ его внутри яркими красками.

Первое столкновеніе ирландцевъ съ народами чужой культуры произошло во время проникновенія римлянъ на британскіе острова. Съ римскимъ вліяніемъ проникаетъ туда и христіанство. Эта религія находитъ въ Ирландіи благопріятную для себя почву между прочимъ и потому, что вѣрованіе въ загробную жизнь существовало въ религіи друидовъ и было распространено среди ирландцевъ.

Новая религія, излагавшая это ученіе не въ видѣ переселенія душъ, какъ друидизмъ, а въ болѣе возвышенномъ видѣ и въ поэтическихъ краскахъ, нравилась имъ и привлекала къ себѣ. Просвѣтителемъ Ирландіи былъ св. Патрикъ, и теперь чтимый какъ покровитель Ирландіи. Его уменьшительное имя „падди“ стало употребляться, какъ обозначеніе ирландца. Онъ родился въ началѣ пятаго вѣка въ Шотландіи и мальчикомъ былъ завезенъ пиратами въ Ирландію, гдѣ былъ нѣкоторое время пастухомъ. Ему удалось бѣжать на родину. Тамъ, ставъ священникомъ, онъ рѣшился снова отправиться въ Ирландію для ея религіознаго просвѣщенія. Съ

величайшими трудностями и съ опасностью жизни совершалъ онъ свой подвигъ. Легенда гласить, что „Ирландцы отвѣчали на его увѣщаніи: „мы не обратимся до тѣхъ поръ, пока своими глазами не увидимъ того, что ты говоришь“.

Тогда блаженный Патрикъ сталъ поститься и бодрствовать для блага этого народа и молиться Господу. Ему явился Іисусъ Христосъ, повелъ его въ пустынное мѣсто, показалъ ему пещеру темную внутри и сказалъ: „тотъ, кто войдетъ въ эту пещеру съ сокрушеннымъ сердцемъ и твердой вѣрою, будетъ въ теченіе дня и ночи избавленъ отъ всѣхъ грѣховъ, которыми онъ прогнѣвалъ Бога въ теченіе всей своей жизни, и, пройдя это мѣсто, онъ увидитъ не только мученія злыхъ грѣшниковъ, но, если онъ устоитъ въ вѣрѣ и въ любви къ Богу, онъ увидитъ тамъ радости, предназначенныя для праведниковъ“. „Господь исчезъ тогда, а св. Патрикъ, исполненный радости отъ этого видѣнія и отъ обрѣтенія пещеры, проникся надеждой на обращеніе къ вѣрѣ несчастнаго ирландскаго народа. Онъ построилъ тутъ часовню, построилъ стѣну вокругъ пещеры, которая находится на кладбищѣ, и повѣсилъ замокъ у двери, чтобы никто не смѣлъ входить туда безъ его позволенія“. Хроникеръ рассказываетъ далѣе, какъ во времена Стефана короля англійскаго одинъ ирландскій рыцарь Оенъ посѣтилъ эту пещеру ради отпущенія грѣховъ. „Когда онъ спустился въ подземелье, онъ подошелъ къ дворцу странной архитектуры, гдѣ пятнадцать старцевъ, одѣтыхъ въ бѣлое, встрѣтили его, дали наставленія и сказали ему: „будь твердъ, не бойся, и ты будешь прощенъ“. Тотчасъ толпа демоновъ набросилась на него. Они бросили рыцаря на громадный костеръ, который тотчасъ же потухъ, какъ только онъ призвалъ имя Іисуса Христа. Тогда они влекутъ его и показываютъ ему различныя казни, уготованныя для грѣшниковъ. Здѣсь колесо, снабженное крючьями, вертится въ пламени съ невыразимою скоростью. Множество не раскаявшихся грѣшниковъ нацѣплено на этихъ крючьяхъ, вонзенныхъ въ ихъ тѣло. Тамъ дьяволы съ страшными рожами терзаютъ грѣшниковъ ударами кнута; затѣмъ вдругъ страшный ураганъ захватываетъ ихъ и погружаетъ въ вонючую и холодную воду. Оенъ мужественно проходитъ черезъ

мость, переброшенный через эту рѣку, не смотря на страшные крики, и подходит къ стѣнѣ, въ которой видитъ запертую золотую дверь чуждаго блеска. Процессія монаховъ вышла изъ нея, приняла рыцаря и повела его въ огромное зданіе, въ которомъ собраны были всѣ чудеса природы и искусства и откуда видѣнь входитъ на небеса. Это переходная ступень отъ чистилища къ раю. Небесная пища спускается къ Оену по лучу мягкаго и чистаго пламени, и невѣдомое чувство проникаетъ его и наполняетъ несказанной радостью.

Онъ желалъ бы остаться тутъ, но онъ долженъ вернуться на землю до часа, назначеннаго Господомъ. Онъ возвращается назадъ, проходитъ безпрепятственно мѣста казней, снова встрѣчаетъ пятнадцать старцевъ, выходитъ изъ пещеры, отправляется сражаться во Святую Землю и затѣмъ, возвратившись въ свое отечество, оканчиваетъ свою жизнь въ монастырѣ“.

Святой Патрикъ успѣлъ въ своемъ подвигѣ. Доживъ до глубокой старости (онъ умеръ въ 457 или въ 469 г.), онъ имѣлъ отраду видѣть распространеніе и укрѣпленіе христіанства въ Ирландіи. Въ Армагѣ онъ устроилъ много церквей и монастырей и учредилъ архіепископскую кафедру. Онъ и его преемники заботились не только о религіи; но въ край угла ставили развитіе образованія. Ирландія съ успѣхомъ пошла по этому пути и поднялась такъ высоко, что стала источникомъ христіанскаго просвѣщенія для другихъ странъ. Такъ, Кримтанъ, родившійся въ 521 году и происходившій изъ королевскаго дома О'Нейль, содѣйствовалъ паденію друидизма въ Шотландіи и сталъ основателемъ христіанской церкви въ этой странѣ. Онъ основалъ нѣсколько монастырей и въ Ирландіи. За его голубиную кротость его прозвали Коломба. Онъ былъ страстнымъ любителемъ духовныхъ и свѣтскихъ рукописей. Распространенность вкуса къ чтенію характеризовала ирландскіе монастыри въ то время.

Знаменитый св. Колумбанъ, родившійся въ 541 году въ королевствѣ Лейнстеръ и бывшій монахомъ въ Бангорскомъ монастырѣ, проповѣдывалъ слово Божіе во Франціи въ долинахъ р.р. Соны, Дубеа и Рейна и скончался въ Бобіо въ Италіи. Онъ знаменитъ

какъ литераторъ, писавшій такимъ чистымъ латинскимъ языкомъ, какимъ не владѣли галло-римляне. Св. Галь, его ученикъ остался въ Швейцаріи и основалъ тамъ знаменитый Сенъ-Галленскій монастырь, давшій имя одному изъ Швейцарскихъ кантоновъ. Ирландскіе монастыри стали ядромъ образованія не только для Ирландіи, но и для Англии и уровень ирландской умственной культуры былъ выше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Впослѣдствіи, въ IX вѣкѣ знаменитый ирландскій ученый Іоаннъ Скоттъ Еригенъ былъ руководителемъ придворной школы при королѣ Карлѣ Лысомъ во Франціи. Его прозвали «Скоттъ», ибо Шотландія и Ирландія одинаково назывались Скотіа; но прибавляли къ этому Еригенъ или Еругена, указывая тѣмъ на его ирландское происхожденіе. Онъ былъ авторитетомъ въ наукѣ того времени. Онъ отстаивалъ принципъ свободы воли противъ Готшалка; но онъ шелъ дальше, чѣмъ того желала римская церковь. Онъ относился къ ней какъ равный съ равнымъ. Онъ придавалъ не столько значенія авторитету, сколько разуму. Онъ допускалъ вѣру; но какъ начало знанія и заявлялъ даже, что священное писаніе есть только текстъ, подлежащій толкованію, и что слова религія и философія синонимы. Въ отношеніи своего патрона, короля Франціи, онъ держалъ себя такъ же независимо, какъ и въ отношеніи римскаго первосвященника. Сохранился анекдотъ, характеризующій эти отношенія. Однажды, сидя за столомъ вмѣстѣ съ Еригеномъ. Карлъ Лысый спросилъ его: „*Quid distat inter sotum et scotum?*“ „*Mensa*“, отвѣтилъ находчивый ученый.

Независимость Еригена въ отношеніи римской церкви характеризуетъ отношеніе къ ней всей ирландской церкви. Тамашнее христіанство, происходя изъ Рима, усвоило нѣкоторыя особенности. Такъ, крещеніе производилось посредствомъ троекратнаго погруженія въ воду и въ молоко, пасха праздновалась по греческому обряду. Целибатъ повидимому не соблюдался и впослѣдствіи строго, и даже встрѣчались женатые епископы, которые дѣлались епископами, но бывъ даже священниками, ибо епископы выбирались такъ же какъ и политическіе главари, и даже были семейства, коимъ присвоены были епископскія кафедры. Епископы не обращались въ Римъ за

утвержденіемъ въ должности; кромѣ того они не рассматривали себя какъ начальниковъ духовенства, а лишь какъ надзирателей въ древнехристіанскомъ духѣ, и іерархія въ Ирландіи была слаба. Монастыри ирландскіе не признавали устава св. Бенедикта и были рѣдко многочисленны. Монахи жили общинами по двѣнадцати чело- вѣкъ и сами выбирали себѣ аббата. Съ точки зрѣнія Рима это была анархія, и тамъ косо смотрѣли на независимость ирландской церкви и выражали сомнѣніе въ правовѣрїи ирландскаго христіанства. Это отношеніе Рима, какъ увидимъ ниже, сказалося во время вторженія въ Ирландію норманновъ изъ Англіи при Генрихѣ II.

До сихъ поръ мы говорили о сношеніяхъ ирландцевъ съ внѣшнимъ міромъ въ сферѣ моральной. Нѣсколько позднѣе этихъ отношеній, начались матерьяльныя столкновенія, которыя затѣмъ сопровождаютъ все теченіе ирландской исторіи.

Первое столкновеніе произошло съ датчанами или какъ ихъ называли тогда, остманнами, по сторонѣ ихъ происхожденія. Они являются туда съ береговъ Балтійскаго моря, впервые въ VIII вѣкѣ. Начинается упорная борьба, въ теченіе которой все новыя волны морскихъ воителей наводняютъ берега Ирландіи и проникаютъ внутрь страны. Въ нихъ погибаетъ мало по малу ирландская образованность, и въ долгой борьбѣ дичаетъ народъ.

Не сплоченные, разбѣлиненные жители зеленаго Эрина до начала XI вѣка не могли прогнать датчанъ, пока наконецъ королю Бріану Бейребиму (Brien Beirebim) или какъ его называютъ также, Бріану Бороиме удалось поднять всѣхъ ирландцевъ противъ чужеземцевъ. Сорокъ восемь сраженій онъ далъ врагамъ своей родины.

Въ 1014 году при Клонтарфѣ произошло рѣшительное и кро- вопролитное сраженіе. Какъ рассказываетъ преданіе, восьмидесяти- лѣтній Бріанъ Бейребимъ предъ сраженіемъ обходилъ войско, опи- раясь на плечо младшаго изъ сыновей своихъ. „Пресвятая Троица, говорилъ онъ войнамъ, обратила, кажется, свой милосердный взоръ на наши страданія, ибо она ниспослала вамъ волю и смѣлость искоренить навсегда въ Ирландіи тираннію датчанъ и наказать си- лою мщенія вашего меча ихъ святотатства и безчисленныя пре-

ступленія. „При этихъ словахъ онъ поднялъ лѣвой рукой распятіе, а правой мечъ. Потрясая мечомъ въ воздухъ, онъ воскликнулъ: „не въ такой ли день Иисусъ Христосъ умеръ за васъ. Умрите же и вы за Ирландію. „Давъ приказаніе начинать битву, старикъ, будучи слишкомъ слабъ, чтобы въ ней участвовать, удалился въ палатку и сталъ на молитву. Оттуда онъ видѣлъ перипетіи сраженія. Тамъ онъ и погибъ; но судьба дала ему передъ кончиной видѣть полное пораженіе и бѣгство остманновъ. Норвежскій викингъ Бруадэръ долженъ былъ искать спасенія. Онъ пробѣжалъ въ лѣсъ и спрятался.

Изъ своего убѣжища онъ увидѣлъ палатку, въ которой молились старикъ и мальчикъ. Ни стражи, ни часовыхъ: всѣ воины въ битвѣ. Быстро, какъ тѣнь, проникаетъ онъ въ палатку. Раздался крикъ и слабый стонъ и черезъ нѣсколько минутъ Бруадэръ показывается на порогѣ палатки и кричитъ съ гордостью: „да будетъ всѣмъ вѣдомо и извѣстно, что король Бріанъ былъ убитъ Бруадэромъ“. Эта катастрофа была воспѣта бардомъ Макъ Ліагомъ, секретаремъ Бріана.

Ирландцы освободились отъ датчанъ и многихъ изъ нихъ истребили. Когда нѣсколько лѣтъ спустя король Магнусъ послалъ одному изъ преемниковъ Бріана свои башмаки, чтобы онъ носилъ ихъ на спинѣ въ знакъ подчиненія, онъ былъ разбитъ и убитъ, попавъ въ засаду.

Но не всѣхъ датчанъ истребили ирландцы. Часть ихъ осталась на южномъ и юговосточномъ берегу Ирландіи, и еще во времена англійскаго короля Эдуарда I видны были слѣды существованія тамъ остманновъ. Хотя вообще они поврандизились, но все же многіе изъ нихъ помнили свое происхожденіе и оказали помощь норманнамъ, когда они въ XII вѣкѣ появились въ Ирландіи послѣ того, какъ покорили Англію.

Полтора вѣка почти со времени сраженія при Клонтарфѣ Ирландія не терпѣла насилія отъ иноземцевъ. Но разъ норманны покорили Англію, они естественно должны были обратить свои взоры на сосѣднія Ирландію и Шотландію. Внутреннія распри Ирландіи къ тому же давали довольно поводовъ для вмѣшательства въ ея дѣла.

Едва анжуйская династія вступила на англійскій престолъ, какъ Генрихъ II Плантагенетъ обратился къ папѣ Адріану IV, англичанину по происхожденію (Джонстонъ) съ письмомъ (1155 г.), въ которомъ онъ испрашивалъ его разрѣшенія овладѣть Ирландіей. Сколько можно судить по папскому отвѣту, король мотивировалъ свое стремленіе овладѣть этой страной желаніемъ укоренить тамъ „истинное“ христіанство, искоренить пороки, водворить добродѣтель, подчинить тамошнюю церковь папской власти и заставить ирландцевъ платить папскому престолу динарій св. Петра.

Патріотизмъ Адріана IV не могъ не отозваться сочувственно на желаніе Генриха II, а перспектива полного подчиненія ирландской церкви, до тѣхъ поръ почти независимой, римскому престолу и увеличенія доходовъ послѣдняго конечно гармонировала съ движеніемъ патріотическаго чувства. Папа отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ выразилъ одобреніе предпріятію короля. „Мы находимъ хорошимъ и пріятнымъ, чтобы ты вошелъ въ предѣлы этого острова и осуществилъ тамъ все, что ты найдешь нужнымъ съ цѣлью расширить предѣлы Святой Церкви, остановить потокъ пороковъ, исправить нравы, укрѣпить добродѣтель и распространить христіанскую религію во славу Бога и для спасенія душъ. Пусть народъ этой страны встрѣтитъ тебя и приметъ какъ своего государя и господина, не нарушая конечно правъ церквей, которыя должны остаться неприкосновенными и нерушимыми, и за исключеніемъ ежегодной дани въ одинъ день съ каждаго дома, которая слѣдуетъ блаженному Петру... Поэтому, если ты сочтешь теперь благовременнымъ осуществить то, что ты положилъ въ мысли твоей, направь твои заботы на то, чтобы наставить этотъ народъ въ добрыхъ нравахъ, дабы твоими усиліями и стараніями людей сильныхъ въ вѣрѣ, твердыхъ въ словѣ и въ доброй жизни Церковь въ этой странѣ украсилась новымъ блескомъ и чтобы тамъ насаждена была и возрѣла истинная религія Христова“.

Генрихъ II не воспользовался тотчасъ разрѣшеніемъ папы. Другія заботы отвлекли довольно долго его вниманіе. Первое вторженіе англонорманновъ въ Ирландію произошло безъ его непосредственнаго участія, хотя и съ его вѣдома и согласія.

Поводъ къ нему подали сами ирландцы. Одинъ изъ ихъ королей Дермотъ Макъ Муршадъ похитилъ жену другаго короля О'Рурка. Послѣдній обратился за защитой къ ардъ-риагу О'Коннору и при содѣйствіи его и другихъ королей выгналъ Дермота изъ его владѣній. Съ цѣлью возвращенія ихъ Дермотъ обратился къ Генриху II за помощью и просилъ у него позволенія воспользоваться услугами его вассаловъ для возврата утеряннаго королевства. Получивъ разрѣшеніе короля, онъ обратился къ Ричарду Клэру графу Стригойлю (Strigoil) и Пемброку, прозванному Стронгбоу (Strongbow, великій стрѣлокъ изъ лука), владѣнія котораго находились въ Уэльсѣ и который находился въ это время въ затруднительныхъ матерьяльныхъ обстоятельствахъ. За обѣщаніе хорошаго вознагражденія Стронгбоу снарядилъ изъ своихъ вассаловъ отрядъ въ сто рыцарей и триста стрѣлковъ подъ начальствомъ своего брата Фицъ-Стефена.

Когда норманны высадились на берегахъ Ирландіи, тотчасъ же сказалось ихъ военное превосходство надъ ирландцами. Первые были закованы въ латы, сидѣли на большихъ лошадяхъ и были вооружены длинными копьями и тяжелыми мечами; вторые были на своихъ пони, чуть не въ однѣхъ рубахахъ, были вооружены метательными копьями и топориками. Они называли трусами, тѣхъ, кто, идя въ бой, заковывается въ желѣзо. Но что они могли сдѣлать съ рыцарями съ ихъ длинными копьями и закованными въ латы? Они почти не могли нанести имъ вреда, а сами были беззащитны. Около Уэксфорда они потерпѣли совершенное пораженіе (1170 г.). Англичане овладѣли этимъ городомъ. Хроникеръ, рассказывая объ этомъ дѣлѣ, сообщаетъ характерный фактъ. Послѣ сраженія ирландцы приверженцы Дермота сложили пирамиду изъ двухсотъ головъ павшихъ враговъ его. Увидя этотъ трофей, онъ захопалъ въ ладоши, запрыгалъ отъ радости и зарычалъ молитву благодарности Всевышнему за оказанную милость. Обходя этотъ холмъ человѣческихъ головъ, онъ замѣтилъ между ними голову своего давнишняго врага. Придя въ ярость, онъ схватилъ ее за уши и откусилъ ей носъ.

Побѣда надъ противниками внушила Дермоту мысль объ

овладѣніи всей Ирландіей. Онъ обратился къ своимъ союзникамъ за новой помощью и обѣщалъ вознаградить ихъ теперь не деньгами, а землями. На этотъ призывъ явился еще другой братъ Стронгбоу Фицъ-Джеральдъ, а потомъ и самъ Стронгбоу съ многочисленной флотиліей судовъ, нагруженныхъ лошадьми, людьми и военными припасами. Теперь англичане овладѣли Уотерфордомъ и Дублиномъ. Стронгбоу почувствовалъ свою силу и рѣшилъ образовать себѣ владѣніе въ Ирландіи. Онъ женился на дочери Дермота Евѣ и сталъ распоряжаться отъ своего имени. Онъ мечталъ объ овладѣніи всѣмъ островомъ. Такимъ образомъ распря Дермота и его честолюбіе дали поводъ англичанамъ укрѣпиться на берегу Ирландіи. Еслибы англичане получили деньги, то, быть можетъ, они вернулись бы обратно, а не остались бы здѣсь; но конечно это только отерочило бы ихъ вторженіе въ Ирландію.

Стронгбоу выстроилъ рядъ крѣпостей для защиты занятаго юговосточнаго угла Ирландіи и этимъ укрѣпилъ за собой занятую территорію. Постоянный притокъ изъ Англіи рыцарей авантюристовъ давалъ ему шансъ для осуществленія его замысловъ. Но ирландцы не хотѣли уступать и поднялись всѣ противъ чужеземцевъ. Не имѣя возможности бороться въ открытомъ большомъ сраженіи, они повели партизанскую войну. Они нападали на отряды англичанъ такъ энергично, что заставляли ихъ сидѣть по крѣпостямъ. Самъ Стронгбоу однажды чуть не погибъ, попавъ въ засаду.

Это положеніе осложнилось еще тѣмъ, что Генрихъ II выступилъ противъ замысловъ Стронгбоу. Въ его виды не входило образованіе въ Ирландіи государства одного изъ его вассаловъ, но независимаго отъ него. Онъ издалъ приказъ, чтобы англичане немедленно вернулись изъ Ирландіи подъ угрозой лишенія ихъ леновъ въ Англіи.

Положеніе Стронгбоу стало безвыходно. Съ одной стороны трудная борьба съ ирландцами, а съ другой опасность лишиться всякой помощи изъ Англіи, вслѣдствіе запрещенія Генриха II кому бы то ни было изъ англійскихъ бароновъ отправляться въ Ирландію. Онъ попробовалъ войти въ переговоры съ королемъ; но когда эта попытка кончилась неудачей, онъ покорился и призналъ Ген-

риха II сюзереномъ всѣхъ земель, покоренныхъ въ Ирландіи. Послѣ этого въ 1172 году король явился въ Ирландію съ 240 кораблями, на которыхъ было посажено 400 всадниковъ и 8000 стрѣлковъ. Когда эта сила высадилась въ Уотерфордѣ, ирландцы увидѣли невозможность сопротивленія, и многіе изъ южныхъ предводителей явились принести присягу въ вѣрности и получили свои земли въ качествѣ леновъ отъ короля. Населеніе многихъ земель бѣжало въ горы и въ лѣса, спасаясь отъ завоевателей. Когда оно потомъ вернулось, завоеватели приняли его и допустили на прежнія земли; но уже въ качествѣ крѣпостныхъ, обязанныхъ отбывать повинности съ тѣхъ самыхъ земель, которыя имъ прежде принадлежали.

Покоривъ южную Ирландію, Генрихъ II обратился противъ Дублина и овладѣлъ имъ и его округомъ. Но на западъ власть короля далеко не шла и не переходила за рѣку Шанонъ. Въ общемъ можно опредѣлять предѣлы англійскихъ владѣній въ Ирландіи въ это время такъ: они захватывали пространство по линіи отъ устья р. Бойны и до устья Шанона. Но и въ этомъ пространствѣ только та часть могла считаться безспорно покоренной, которая была окружена рядомъ замковъ и получила названіе Пэля. За предѣлами этой, сравнительно небольшой восточной части Ирландіи власть англійчанъ была весьма сомнительна. Имѣя въ виду привлечь къ себѣ ирландскихъ главарей съ цѣлью противопоставить ихъ своимъ непокорнымъ баронамъ, Генрихъ II устроился въ Дублинѣ согласно ирландскимъ вкусамъ.

Онъ выстроилъ деревянный дворецъ изъ плетня, раскрасилъ его яркими красками и здѣсь давалъ праздники въ честь покорившихся владѣтелей. Отсюда же онъ отправилъ приглашеніе къ ардріагу О'Коннору и ріагу Ульстера О'Нейлю явиться и признать его власть. Ардріагъ отвѣтилъ на это, что онъ не признаетъ въ Ирландіи иной верховной власти, кромѣ своей собственной. О'Нейль тоже отказался послѣдовать приглашенію короля. Предстояло продолженіе борьбы; но король не могъ остаться въ Ирландіи, такъ какъ его потребовали въ Англію осложнившіяся отношенія къ папскому престолу, вслѣдствіе убіенія Өомы Бекета. Оставляя Ирландію, онъ назначилъ главнымъ начальникомъ Гуга Ласи.

Возобновившаяся борьба велась не безъ успѣха. Сфера вліянія Англичанъ распространяется съ одной стороны въ Коннаутъ, а съ другой въ Ульстеръ. Но съ теченіемъ времени мы видимъ, что отношенія англичанъ и ирландцевъ осложняются новымъ явленіемъ. Сначала самъ Гугъ Ласи женился на дочери ардриага Родерика О'Коннора и получилъ отъ него земли въ Коннаутъ, а затѣмъ его примѣру послѣдовали и другіе норманскіе рыцари. Это сближеніе съ ирландцами не осталось безъ вліянія на норманновъ. Они стали принимать ирландскіе обычаи и носить ирландскую одежду. Турнирамъ и боямъ они стали предпочитать пѣсни бардовъ и музыку. Словомъ, они стали подчиняться ирландской культурѣ.

Владѣтели Пэля, оставшіеся чуждыми сближенію съ ирландцами и сохранившіе въ чистотѣ свою національность, косо смотрѣли на своихъ поирландившихся собратій, отрицали за ихъ потомствомъ сословныя права и стали ихъ называть „выродками“. Этотъ антагонизмъ скоро перешелъ во вражду, такъ что на островѣ явилось, вмѣсто двухъ, три враждующихъ элемента. Чтобы умиротворить эту вражду и съ другой стороны повліять на ирландцевъ въ смыслъ покорности ихъ англійскому владычеству, Генрихъ II послалъ въ Ирландію своего младшаго сына Іоанна. Но что могъ сдѣлать этотъ пятнадцатилѣтній юноша въ такихъ запутанныхъ отношеніяхъ? Тотчасъ по пріѣздѣ въ Ирландію онъ попалъ подъ вліяніе бароновъ Пэля, а тѣ вооружили его противъ „выродковъ“ и противъ туземныхъ владѣтелей.

Когда послѣдніе, по призыву принца, явились оказать ему знаки почтенія, они въ своей наивности полагали, что они могутъ относиться къ нему такъ же, какъ они относились къ своему ардриагу. Они просто кланялись ему, подавали руку и даже пробовали цѣловать его. Окружавшіе его бароны смотрѣли на такое поведеніе, какъ на выраженіе непочтенія. Они съ насмѣшкой оглядывали длинныя одежды ирландцевъ, ихъ косы и длинныя бороды, дергали ихъ за волосы и кончили тѣмъ, что вытолкали ихъ въ шею изъ комнаты, въ которой происходила аудіенція.

Такой пріемъ конечно не способствовалъ умиротворенію страны. Онъ только больше обострилъ отношенія между ирландцами и ан-

гличанами. Вожди племенъ въ тотъ же день оставили Дублинъ и присоединились къ тѣмъ, кто еще боролся противъ англичанъ, какъ на примѣръ ріагъ Лимерика и ардріагъ Родерикъ О'Конноръ. Іоаннъ Безземельный не предпринималъ ничего противъ возставшихъ. Его приближенные склонили его къ мысли, что зло не въ ирландцахъ, а въ тѣхъ англійскихъ баронахъ, которые владѣютъ землями въ Ирландіи и нарочно поддерживаютъ сопротивленіе туземцевъ, чтобы изъ войны извлечь выгоду для себя. Эти внушенія имѣли тѣмъ большее вліяніе, что еще передъ отъѣздомъ отецъ обращалъ вниманіе Іоанна на необходимость сократить значеніе англо-ирландскихъ бароновъ. Вслѣдствіе такого настроенія принцъ не помогаль послѣднимъ въ ихъ борьбѣ противъ ирландцевъ. Истративъ на удовольствія и забавы всѣ деньги, данныя ему отцомъ, Іоаннъ оставилъ Ирландію среди полной неурядицы. Ирландцы не могли сдѣлать ничего серьезнаго въ этой новой борьбѣ противъ англичанъ, затворившихся въ крѣпостяхъ, но и послѣдніе не могли ничего предпринять рѣшительнаго тѣмъ болѣе, что полдозрительность Генриха лишала ихъ поддержки изъ метрополіи. Въ такой борьбѣ изсякали силы той и другой стороны и мало по малу сходили со сцены вожаки первыхъ завоевателей страны. Большинство изъ нихъ погибли въ засадахъ, которыя устраивали ирландцы, ведя партизанскую войну. Благодаря тому, что Генрихъ II съ полдозрительной ревнивостью мѣшалъ торжеству своихъ вассаловъ въ Ирландіи, борьба затягивалась. Страна не покорялась, но и не освобождалась отъ своихъ завоевателей, и въ результатъ получалось накопленіе ненависти двухъ расъ, находившихся въ положеніи хронической вражды.

При Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ сыну Родерика О'Коннора Каталю удается объединить ирландцевъ въ борьбѣ противъ англичанъ, и перевѣсъ перешелъ на сторону первыхъ. Въ нѣсколькихъ сраженіяхъ они побѣдили англичанъ, такъ что бароны обратились за помощью къ королю. На поддержку ихъ явился преемникъ Ричарда Іоаннъ Безземельный съ большимъ войскомъ. Ирландцы увидѣли невозможность сопротивленія и явились, по требованію короля, изъяснить свою покорность. Но вскорѣ затѣмъ они отрек-

лись отъ принятаго обязательства, и борьба возобновилась безъ рѣшительнаго перевѣса англичанъ, такъ какъ опять проявилась подозрительность короля къ баронамъ и въ особенности къ такъ называемымъ выродкамъ, во главѣ которыхъ была могущественная семья Ласи. Этотъ порядокъ политическихъ отношеній продолжается и дальше. Такъ напримѣръ, когда могущество одного изъ сыновей Стронгбоу Ричарда показалось опаснымъ Генриху II, преемнику Иоанна Безземельнаго, онъ возбудилъ противъ него другихъ бароновъ, посуливъ имъ земли могущественнаго Ричарда. Когда же они измѣнническимъ образомъ заманили его съ пятнадцатью рыцарями въ засаду и, напавъ на него съ силами во сто разъ большими, погубили въ неравномъ бою, то король не только не исполнилъ своего обѣщанія, но передалъ земли Ричарда его брату Жильберу.

Король не только возбуждалъ бароновъ противъ другъ друга, но даже поддерживалъ иногда туземцевъ противъ нихъ. Такъ, когда семья Де-Буръ, одна изъ тѣхъ, которыя сокрушили могущество Ричарда Стронгбоу, вздумала себя вознаградить въ Коннаутѣ, Генрихъ III оказалъ помощь противъ нея тамошнему рѣагу Феллиму, сыну Каталя. Такая политика, какъ мы сказали, служила только къ увѣковѣченію борьбы.

Не слѣдуетъ однако пройти молчаніемъ факты, которые показываютъ, что въ это время короли Англіи проявляютъ иногда проблески сознанія необходимости объединить Ирландію съ Англіей въ политическомъ отношеніи путемъ введенія тамъ англійскихъ учреждений. Такъ, Иоаннъ Безземельный пытается ввести въ Ирландіи англійское управленіе, путемъ введенія тамъ раздѣленія на графства. Онъ раздѣляетъ территорію Мунстера, Лейнстера и Коннаута на 12 графствъ съ введеніемъ судовъ, на рѣшеніе которыхъ можно было апеллировать въ высшій судъ въ Дублинѣ. Это нововведеніе было, впрочемъ, болѣе номинально, чѣмъ жизненно, ибо встрѣчало сопротивленіе не только со стороны ирландцевъ, но и со стороны самихъ англичанъ, которые не хотѣли становиться на одну доску съ ирландцами.

Генрихъ III въ 1217 году распространяетъ на Ирландію дѣйствіе Великой Хартіи Вольностей, хотя и съ нѣкоторыми измѣ-

неніями. Интересно однако то, что привилегіи ея распространяются только на природныхъ англичанъ и, напротивъ, изъ нихъ исключаются не только ирландцы, но и такъ называемые выродки, т. е. поирландившіеся англичане. Это значило углублять ровъ между расами.

Болѣ рѣшительный шагъ въ политическомъ сліянніи Ирландіи съ Англіею дѣлаеть Эдуардъ I. Онъ яснѣ сознавалъ необходимость сближенія ирландскаго населенія съ англійскимъ путемъ введенія общихъ учрежденій. Въ 1295 году онъ основываетъ ирландскій парламентъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пытается уравниять въ правахъ ирландцевъ съ англичанами; но на этомъ пути онъ встрѣтилъ такоо сопротивление со стороны англійскихъ бароновъ, что онъ не могъ справиться. Благодаря этому, пропасть, ложившаяся между англичанами и ирландцами, становилась шире и глубже.

Ища пути освободиться отъ завоевателей, ирландцы съ интересомъ обращали взоры на борьбу, которую въ это время вели за однородное дѣло шотландцы подъ предводительствомъ Роберта Брюса. Многіе изъ нихъ отправлялись къ нему на помощь противъ общаго врага. Когда въ сраженіи при Банокбурнѣ Робертъ Брюсъ нанесъ англичанамъ рѣшительное пораженіе и обезпечилъ независимость Шотландіи, ирландцы обратились къ нему съ просьбой о помощи. Онъ послалъ туда своего брата Эдуарда съ шеститысячнымъ отрядомъ (1316 г.). Высадившись у сѣверовосточнаго берега Ирландіи, Эдуардъ встрѣтилъ сочувствіе не только со стороны ирландцевъ, но и со стороны выродковъ, къ которымъ англичане относились не лучше, чѣмъ къ первымъ. Вся семья Ласи присоединилась къ нему, равно какъ и вожди запада и юга Ирландіи. Наступая энергично, онъ вытѣснилъ англичанъ изъ Ульстера.

Такъ какъ братъ прислалъ ему помощь, то армія его достигла 20 т. человекъ и, забирая замокъ за замкомъ и разоряя всю страну, достигла Дублина. Упоенные успѣхомъ ирландцы предложили Эдуарду провозгласить его королемъ Ирландіи и важнѣйшій изъ вожаковъ ихъ Дональдъ О'Нейлъ, имѣвшій основаніе претендовать на этотъ санъ, торжественно отказался отъ своихъ правъ въ его пользу. Ирландія была наканунѣ полнаго торжества

Но Дублинъ защищался упорно. Тѣмъ временемъ пришла значительная помощь изъ Англіи подѣ начальствомъ Бирмингама и наступила зима. Эдуардъ счелъ необходимымъ въ виду этихъ обстоятельствъ отступить въ Ульстеръ. Тутъ-то сказались плоды варварскаго способа веденія войны; опустошенная страна не могла прокормить отступавшей арміи. Начался страшный голодъ, погубившій въ теченіе зимы большую часть ея. Не смотря на значительное ослабленіе своихъ силъ, Эдуардъ весной принялъ сраженіе, потерпѣлъ пораженіе и самъ палъ въ бою. Ирландцы разошлись по домамъ, а шотландцы успѣли возвратиться во свояси. Такъ кончилась эта экспедиція, созданная общностью интересовъ Ирландіи и Шотландіи, но представляющая собой однако одинъ изъ немногихъ моментовъ, когда эта общность сознавалась. Обыкновенно же въ теченіе исторіи этихъ двухъ странъ мы не видимъ ни умѣнія, ни стремленія дѣйствовать сообща противъ Англіи, какъ не видимъ единенія и внутри cadaго изъ этихъ народовъ.

Преемникъ Эдуарда I король Эдуардъ II былъ слишкомъ слабъ, чтобы предпринять что либо рѣшительное противъ Ирландіи. Затѣмъ наступаютъ для нея благопріятныя обстоятельства. Они отвлекли отъ нея вниманіе англичанъ, направивъ его въ сторону Франціи. Мы говоримъ о Столѣтней Войнѣ, когда англичанамъ было не до Ирландіи. Эдуардъ III поручаетъ борьбу съ Ирландіей своему сыну Ліонелю. Эта борьба была не столько активной, сколько была направлена на охрану въ Ирландіи англійской національности отъ поглощенія ирландскою.

Въ это время издается въ Килькени статутъ (въ 1367 г.), которымъ устанавливается рядъ запрещеній англичанамъ заимствовать ирландскіе обычаи. Этотъ актъ запрещаетъ англичанамъ жениться на ирландкахъ, не позволяетъ не только усыновлять ирландскихъ дѣтей, но даже и крестить ихъ, — запрещаетъ одѣваться по ирландски, носить длинныя волосы и говорить по-ирландски. Нарушеніе этихъ предписаній преслѣдовалось серьезными наказаніями.

Килькенійскій статутъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ теченіе почти двухсотлѣтней борьбы англичане-завоеватели поддавались влиянію ирландской культуры и

усваивали ирландскую національность. Выше мы отметили это явление с первых же дней вступления англо-норманнов на ирландскую почву. По всей видимости с течением времени оно приняло столь широкие размеры, что потребовало правительственных мероприятий для его ограничения. Этот законодательный акт, как и другие меры в этом роде, принимаемые для устранения последствий превосходства одной культуры над другой, не достиг своей цели. Как увидим дальше, намеченный процесс ирландизации англичан продолжался. Но, стремясь оградить английскую национальность, закон усиливал демаркационную линию между двумя народностями и ставил ирландца в положение презираемого человека и тем самым мешал в известной степени сближению между собой завоевателей и покоряемых.

Дальнейшее время не было благоприятным для преобладания англичан в Ирландии. Ричард второй пытался принять личное участие в ирландской войне; но терпел там серьезные неудачи. В конце концов, тщетно прождав подкреплений из Англии он вынужден был вследствие дурных вестей вернуться туда. Там он потерял свободу и жизнь.

Засим, во время Ланкастерской династии развитие Столетней войны поглощало силы и внимание англичан, а потом, во время Войны Бллой и Алой Роз положение стало таким, что при умении воспользоваться моментом, ирландцы могли и вовсе освободиться от английского владычества. Но отсутствие единства, слабость активной энергии и, главное, отсутствие вождя, все это сделало то, что почти полувековой исторический момент был пропущен ирландцами безвозвратно. Нельзя сказать, чтобы они вовсе не сознавали возможности вмешаться в английскую междоусобицу и извлечь из нея выгоду; но это сознание было слабо, или по меньшей мере слабо было его проявление. Только один раз, когда Ричард Йоркский, наместник Ирландии возстал против Генриха VI, подчинил его своей воле и стал протектором королевства, ирландцы как будто пытаются использовать эту усобицу. Когда Ричарду Йорку пришлось в борьбе против жены Генриха VI Маргариты Анжуйской и против руководимой ею ланкастерской

партіи уйти изъ Англіи, онъ обратился за помощію къ ирландцамъ. Они откликнулись на его зовъ. 5000 послѣдовали за нимъ въ Англію. При Нортемптонѣ они одержали побѣду надъ ланкастерами и взяли въ плѣнъ короля. При Уэкфильдѣ они вмѣстѣ съ Ричардомъ потерпѣли пораженіе и многіе ихъ нихъ пали вмѣстѣ съ нимъ въ этотъ злосчастный для іоркской партіи день (1460 г.).

Это вмѣшательство ирландцевъ въ англійскую усобицу было отчасти слѣдствіемъ симпатій ихъ къ Ричарду Іорку, но въ болѣе значительной степени обуславливалось желаніемъ ихъ помочь ему въ борьбѣ противъ общаго врага. Надо при этомъ имѣть въ виду, что они отличали англичанъ заморскихъ отъ тѣхъ, которые жили въ Ирландіи и успѣли сблизиться съ туземцами („выродки“). Тѣмъ не менѣе однако экспедиція ирландцевъ съ Ричардомъ въ Англію была единственнымъ проблескомъ ихъ сознанія воспользоваться въ своихъ интересахъ Войной Бѣлой и Алой Розъ. Такой благопріятный моментъ больше не возвращался вплоть до XVII вѣка. Съ вступленіемъ на престолъ Тюдоровъ Англія становится еще сильнѣе, чѣмъ прежде и вопросъ о господствѣ ея въ Ирландіи безусловно рѣшается въ ея пользу.

Какъ бы отголоскомъ кончившейся усобицы служить появленіе самозванцевъ Симнея Ламберта и Перкина Уорбека. Въ предпріятіяхъ обоихъ замѣтно участіе ирландцевъ. Первый изъ нихъ выдавался за сына Эдуарда IV, спасагося будто-бы отъ руки Ричарда III. Дѣло его было настолько слабо, что, овладѣвъ имъ самимъ, Генрихъ VII призналъ его достойнымъ лишь презрѣнія: его посадили поваренкомъ на королевскую кухню. Возстаніе Перкина Уорбека было значительнѣе и продолжительнѣе. На сторонѣ претендента стояла могущественная ирландская фамилія Джеральдиновъ или Фицъ-Джеральдовъ. Генриху VII удалось справиться съ этимъ возстаніемъ только послѣ того, какъ онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону главу Джеральдиновъ, графа Кильдэра.

Справившись съ возстаніемъ, Генрихъ VII принимается за восстановленіе вліянія Англіи въ Ирландіи. Въ это время изъ всѣхъ графствъ, на которыя раздѣленъ былъ островъ, только пять-шесть восточныхъ, составлявшихъ Пэль, признавали власть англій-

скаго короля. Далѣе власть Англіи не чувствовалась, и даже англичане, тамъ жившіе, были заодно съ ирландцами, Чтобы поднять авторитетъ своей власти, Генрихъ VII постарался обезпечить миръ въ странѣ и ограничить автономію англоирландскихъ бароновъ. Онъ послалъ туда намѣстникомъ умнаго и энергичнаго человѣка Пойнинга. Последнимъ издано было королевское запрещеніе войнъ между феодалами. Имъ дозволялось иногда рѣшать оружіемъ свои споры, но не иначе, какъ каждый разъ съ разрѣшенія короля. Для ограниченія самостоятельности англійскихъ бароновъ Пэля былъ изданъ въ 1495 году такъ называемый „законъ Пойнинга“, ограничившій самостоятельность ирландскаго парламента. Въ силу этого закона созывъ послѣдняго могъ послѣдовать лишь послѣ того, какъ предметы, подлежащіе обсужденію, будутъ одобрены тайнымъ королевскимъ совѣтомъ въ Лондонѣ. Такимъ образомъ, законъ Пойнинга лишилъ дублинскій парламентъ законодательной инициативы и въ тоже время ограничилъ и самостоятельность намѣстника Ирландіи въ распоряженіи созывомъ парламента и въ составленіи программы его занятій.

Этотъ законъ получилъ практическое значеніе для Ирландіи только впоследствии, когда увеличилось число графствъ и людей, представляемыхъ дублинскимъ парламентомъ. Теперь же для огромной части населенія онъ имѣлъ лишь теоретическое значеніе, ибо въ парламентѣ засѣдали представители обитателей 5—6 восточныхъ и юго-восточныхъ графствъ, да и то лишь чистокровныхъ англичанъ, а не «выродковъ». Дѣятельности Пойнинга Англія обязана была нѣкоторымъ усиленіемъ своего политическаго вліянія въ Пэля. Оно усилилось еще болѣе при новомъ намѣстникѣ Джералдѣ-Фицъ-Томасѣ графѣ Кильдэрѣ, котораго, какъ мы упомянули, Генрихъ VII привлекъ на свою сторону изъ лагеря своихъ противниковъ. Отдаленный потомокъ англійской фамиліи, ставшей совершенно ирландскою, Фицъ-Джералдъ былъ оригинальнѣйшей фигурой, соединявшей въ себѣ дурныя и хорошія стороны ирландскаго характера. Добродушный, откровенный и правдивый, онъ былъ сама буря. Когда вспышка гнѣва увлекала его, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ и не было силы, которая могла бы удержать его. Королю говорили

про него, что вся Ирландія не можетъ управиться съ Кильдэромъ. „Если Ирландія не можетъ съ нимъ управиться, сказалъ король, то пусть онъ управляется съ нею“ и назначилъ его своимъ намѣстникомъ послѣ Пойнинга. Враждуя съ архіепископомъ, онъ сжегъ соборъ въ Кашелъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и архіепископа, находившагося въ немъ. Когда король вызвалъ его на судъ и предъявилъ ему обвиненіе въ святотатствѣ, Фицъ-Джеральдъ отвѣтилъ: «Это правда, что я сжегъ соборъ, но я этого не сдѣлалъ-бы, если-бы не зналъ, что въ соборѣ находится архіепископъ». Король пригласилъ его выбрать адвоката, который-бы сталъ защищать его: „адвоката?, возразилъ обвиняемый,—но я не могъ-бы найти во всей Англіи лучшаго адвоката, чѣмъ ты, и клянусь св. Бригиттой, что не выберу никого другого. Королю понравились эти отвѣты, и онъ простилъ его.

Ставъ правителемъ Ирландіи, Фицъ-Джеральдъ поставилъ своимъ девизомъ: справедливость для всѣхъ, безъ различія національностей. Онъ старался всѣми силами провести въ жизнь уравненіе правъ туземцевъ, англичанъ и „выродковъ“. Но эта попытка не удалась, несмотря на всю энергію Фицъ-Джеральда. Если ему чего и удалось достигнуть, это нѣкотораго спокойствія на островѣ. Уравненіе ирландцевъ съ англичанами въ это время стало еще менѣе возможно, чѣмъ оно было при Эдуардѣ I, когда была сдѣлана первая попытка въ томъ же направленіи. Слишкомъ много прибавилось вражды между двумя народностями. Послѣ Фицъ-Джеральда мысль о сближеніи между ними не появляется вновь до самаго конца XVIII вѣка.

Мы находимся теперь наканунѣ момента, когда съ введеніемъ реформациі въ Англіи отношенія между нею и Ирландіей осложняются еще новымъ элементомъ, религіознымъ. Внутренняя жизнь ирландцевъ къ этому времени потерпѣла мало измѣненій. Распалась въ борьбѣ старая политическая организація, представляемая ардріагомъ и ріагами; но общественное устройство осталось въ общихъ чертахъ тоже, что было въ XII вѣкѣ. Тѣ-же главари племенъ, то-же общинное землевладѣніе. Тѣ-же юридическіе обычаи регулируютъ жизнь ирландца, тѣ же судьи-брегоны являются толко-

вателями народного права и его блюстителями. Въ теченіе почти трехъ съ половиною вѣковъ англичанамъ вовсе не удалось подчинить ирландцевъ своей культурѣ и удалось слѣлать очень мало по пути политическаго обладанія островомъ. Мы видимъ, что въ территориальномъ отношеніи съ начала борьбы и до царствованія Ричарда II можно отмѣтить хотя медленный, но все же поступательный ходъ англійскаго завоеванія. Съ этого же времени начинается обратный ходъ дѣла и положеніе англичанъ въ Ирландіи становится все менѣе прочнымъ. Въ общемъ владѣнія ихъ ограничиваются Пэлемъ (загородью), т. е., тѣмъ пространствомъ, которое они окружили еще въ началѣ завоеванія рядомъ замковъ и палисадовъ. Эта область тянулась по восточному и юго-восточному берегу Ирландіи около городовъ Дублина, Уэксфорда и Уотерфорда. Вся остальная страна оставалась въ рукахъ туземныхъ главарей племенъ. Политическое вліяніе Англій шло нѣсколько дальше этого пространства и было соотвѣтственно могуществу англійскаго короля внутри его королевства. Въ концѣ XV вѣка Генриху VII удалось поднять значеніе королевскаго авторитета среди ирландскихъ владыкъ за предѣлами Пэля; но все-же политическое вліяніе не было прочно уже вслѣдствіе той племенной вражды, которая развилась между англичанами и ирландцами въ теченіе вѣковой борьбы. Въ этой борьбѣ англичане беззащитно попирали все права, божескія и человѣческія, лишь бы только покорить себѣ ирландскій народъ. При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о культурномъ вліяніи на него англичанъ. Если таковое и было, то оно было отрицательнымъ въ томъ смыслѣ, что тѣ успѣхи образованности, которые мы отмѣтили въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ Ирландіи, погибли среди этой непрерывной борьбы съ англичанами и между собой ирландскихъ ріаговъ. Мы видѣли, напротивъ, что не только англичане не оказывали вліянія на ирландцевъ, но что послѣдніе подчиняли ихъ своему вліянію. Замѣтивъ это, англичане принимали мѣры къ огражденію своей національности отъ вліянія ирландцевъ, какъ это видно изъ Килькенійскаго статута. Эти запрещенія сношеній англичанъ съ ирландцами оставались въ силѣ и къ началу XVI вѣка, какъ оставались въ силѣ и запрещенія англичанамъ

одѣваться и причесываться по-ирландски, ѣздить верхомъ безъ сѣдла, какъ это было въ обычаѣ у ирландцевъ, и т. д. Изъ этихъ запрещеній одно только потеряло силу: это запрещеніе говорить по-ирландски, такъ какъ къ этому времени всѣ англичане въ Ирландіи говорили на этомъ языкѣ.

Эти мѣры мало достигали своей цѣли, что видно изъ того, что ихъ приходилось подтверждать; онѣ плохо защищали англичанъ отъ потери ихъ національности въ Ирландіи. Мы видимъ, что въ началѣ XVI вѣка выдающіяся ирландскія семейства, возстававшія противъ англичанъ, были потомки соратниковъ англійскихъ завоевателей. Знаменитыя фамилія графовъ Кильдэръ и О'Десмондъ были потомками Жеро, сотоварища извѣстнаго Стронгбоу. Графы Ормондъ происходили отъ Бутлеровъ, потомковъ Тибо Готье, кравчаго Генриха II. Извѣстная фамилія Боркъ ведетъ свое начало отъ де-Буръ (de Borgo), для которыхъ еще въ XIV вѣкѣ были учреждены графства Майо и Кленрикардъ.

Но запретительныя мѣры, предпринимаемыя съ цѣлью огражденія англійской національности отъ ирландскаго вліянія, вытекающія изъ чувства самосохраненія, обусловливались еще въ большей степени чувствомъ презрѣнія къ ирландской національности и, препятствуя сліянію завоевателей съ покоряемыми, поддерживали между ними отчужденіе и вражду. Это чувство со стороны англичанъ было тѣмъ острѣе, чѣмъ меньше они достигали своей цѣли—покоренія всей Ирландіи. Они относились вслѣдствіе этого чувства къ ирландцамъ такъ, что считали по отношенію къ нимъ все дозволеннымъ. Въ XIV вѣкѣ Ульстерскій король Дональдъ О'Нейлъ обратился съ письмомъ къ папѣ Іоанну XXII, въ которомъ онъ горько жалуется на отношенія англичанъ къ ирландцамъ. «Они ввели у насъ, говоритъ онъ, отвратительныя законы. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Это общее правило въ судахъ англійскаго короля въ Ирландіи, что всякій не ирландецъ можетъ вчинать противъ ирландца всякаго рода судебное преслѣдованіе, а у ирландцевъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, такое право отнято. Если, что бываетъ очень часто, англичанинъ убьетъ ирландца, свѣтскаго или духовнаго, убійца не только не наказывается тѣлесно; но даже не подвергается штрафу.

Напротивъ, чѣмъ знатнѣе между ними убитое лицо, тѣмъ легче оправдывается убійца своими, тѣмъ болѣе почитается и награждается духовными лицами и даже епископами... Иногда они приглашаютъ къ своему столу знатныхъ изъ нашей націи и убиваютъ ихъ измѣнически среди пира или сна. Такимъ образомъ Томасъ де-Клеръ заманилъ къ себѣ Брайена Рыжаго де-Томонъ, своего шурина, и измѣнически убилъ его послѣ того, какъ причастился съ нимъ вмѣстѣ одной остіей, раздѣленной на двѣ половины. „Такія преступленія имъ кажутся почетными и достойными похвалы. Обще распространена между всѣми ихъ свѣтскими людьми и многими духовными увѣренность, что убить ирландца не болѣе грѣшно, чѣмъ убить собаку... Братъ Симонъ изъ ордена миноритовъ, родственникъ епископа Ковентри, публично проповѣдывалъ, что нѣтъ ни малѣйшаго грѣха убить и обокрасть ирландца...“ Этотъ протестъ, можетъ быть, и грѣшившій преувеличеніемъ даннаго явленія, путемъ обобщенія не постоянно совершавшихся фактовъ, признается, однако, историками документомъ, характеризующимъ тоглашнія отношенія англичанъ къ ирландцамъ. Факты подтверждаютъ его правдивость. Въ началѣ XIV вѣка Робертъ Уэлейсъ обвинялся въ убіеніи Іоанна Макгильемори. Когда онъ привелъ въ свое оправданіе то, что послѣдній былъ ирландецъ, онъ былъ оправданъ. Къ концу XV вѣка отношенія не измѣнились къ лучшему. Напротивъ, то, что было обычаемъ, стало закономъ. Во второй половинѣ XV столѣтія законъ Эдуарда IV говоритъ прямо, что дозволяется взять каждаго ирландца и убить его, если у него нѣтъ поручителя, пользующагося хорошею репутациею и носящаго англійскую одежду.

Отвратительнѣе такихъ отношеній трудно себѣ что нибудь представить. Какая уйма вражды должна была накопиться для того, чтобы даже законодательная власть забыла всѣ законы Божескіе и человѣческіе. Нечего и говорить, что ирландцы не могли питать болѣе нѣжныхъ чувствъ къ англичанамъ, чѣмъ тѣ, предметомъ которыхъ были они сами. Къ такому результату привела національная борьба трехъ столѣтій. Она еще не кончилась, какъ къ ней присоединяется при Генрихѣ VIII борьба религіозная.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Религіозныя преслѣдованія и обезземеленіе ирландцевъ.

Послѣ отмѣны католическаго культа и римской церкви въ Англіи рѣшено было введеніе реформаціи и въ Ирландіи. Такъ какъ со стороны представителей мѣстнаго духовенства ожидалось сопротивленіе этому плану, то рѣшено было устранить ихъ изъ дублинскаго парламента. Послѣ передѣлки состава парламента и приведенія къ молчанію мѣстнаго сельскаго духовенства, былъ созванъ въ 1536 году дублинскій парламентъ и ему предложено было провозгласить королевскую супрематію и отмѣну римской церкви. Должностныя лица и въ томъ числѣ духовныя лица, которыя не будутъ признавать королевской супрематіи и будутъ поддерживать сношенія съ папой, должны были быть полвергаемы преслѣдованію въ государственной измѣнѣ и присуждаемы къ лишенію имущества и свободы. Въ слѣдующемъ году былъ изданъ дополнительный актъ, по которому каждый священникъ подѣ угрозой лишенія мѣста и даже жизни обязывался ввести новое богослуженіе и учредить при церкви школу, въ которой преподавать народу молитвы на англійскомъ языкѣ. Значительная часть высшаго ирландскаго духовенства подѣ вліаніемъ страха преслѣдованія и изъ корыстныхъ видовъ подчинилась требованіямъ правительства, но масса нисшаго духовенства съ Кромеромъ, архіепископомъ Армага, оказала сопротивленіе введенію реформаціи, а за нимъ стало все населеніе Ирландіи. Возбужденіе противъ нововведеній было тѣмъ болѣе сильно, что съ ними вмѣстѣ были пущены въ дѣло акты насилія противъ католиковъ и предметовъ ихъ вѣрованій и религіознаго почтенія. Они были свидѣтелями того, какъ по дорогамъ и часовнямъ низвергались статуи св. Патрика, какъ въ церквахъ уничтожались статуи и образа сви-

тыхъ, подь предлогомъ уничтоженія идолопоклонства. Мощи святыхъ выбрасывались, а священные предметы расхищались. Первые акты подобнаго рода произошли еще при Генрихѣ VШ. Въ 1539 году былъ сожженъ соборъ въ Даунѣ, причеиъ погибли въ пламени выдающіеся предметы искусства и древности. Впослѣдствіи, при Эдуардѣ VI, уничтоженіе предметовъ католическаго культа стало всеобщимъ. Тогда между прочимъ было разграблено и разрушено аббатство въ Клонмакнойзѣ, пользовавшееся всеобщимъ уваженіемъ. Тогда же и преслѣдованія сопротивляющихся священниковъ стали учащаться. Ихъ изгоняли и даже подвергали смертной казни. Такъ, одинъ священникъ, защищавшій въ своемъ сочиненіи папскую супрематію, былъ приговоренъ къ лишенію правой руки и сожженію на медленномъ огнѣ. Этотъ разгромъ церквей и уничтоженіе предметовъ католическаго культа не представляетъ собою чего-либо исключительнаго. Мы знаемъ, что въ 1570 году въ Нидерландахъ происходило массовое разграбленіе церквей и уничтоженіе католической святыни. Это было время возбужденія религіознаго чувства до степени фанатизма, охватившаго всю Западную Европу, оросившаго ее потоками крови и освѣтившаго заревомъ пожаровъ.

Мы видѣли, что Ирландія лишь незадолго передъ тѣмъ вступила въ фазисъ нѣкотораго уснооенія. Вражда къ англичанамъ еще не погасла. Поэтому указанныхъ религіозныхъ преслѣдованій было совершенно достаточно, чтобы вызвать возстанія. Первое изъ нихъ произошло въ Ульстерѣ, гдѣ подь начальствомъ О'Нейля въ 1539 году поднялись многіе главари племенъ. Это возстаніе было неудачно.

Недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ, незначительность военной, подготовки возставшихъ дали англичанамъ перевѣсъ надъ ними, и англійскій намѣстникъ лордъ Грэй подавилъ его и беспощадно преслѣдовалъ его участниковъ. Слѣдующее возстаніе произошло при Эдуардѣ VI. Во главѣ его стояли два барона изъ Лейнстера О'Муръ (O'Moore) и О'Конноръ. Это возстаніе интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ національный элементъ отступаетъ на второй планъ, а на первый выступаетъ религіозный. Съ возставшими

за одно былъ архіепископъ Кромеръ, который былъ роломъ англичанинъ, но сочувствовалъ ирландцамъ по мотивамъ религіознымъ. Возставшіе находились въ сношеніяхъ съ католиками Франціи, и глава послѣднихъ Жанъ де Монлюкъ, епископъ Валанса присланъ былъ въ Ирландію и лично велъ переговоры съ возставшими о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ протестантовъ. Эти переговоры прекратились, потому что въ это время заключенъ былъ миръ между Франціей и Англійей. Возстаніе въ Лейнстерѣ было подавлено съ меньшей жестокостію, чѣмъ въ Ульстерѣ. При этомъ предводители возстанія, явившіеся къ намѣстнику на основаніи обѣщанія амнистіи, были измѣнническимъ образомъ захвачены и брошены въ тюрьму. Это вѣроломство вызвало въ Ирландіи всеобщее негодованіе. Земли возставшихъ главарей были конфискованы и переданы англичанамъ. Эта конфискація не была еще осуществлена при Эдуардѣ VI.

Смерть Эдуарда VI измѣнила положеніе вещей и возбудила надежду ирландцевъ на лучшее будущее. На престолъ Англійи взошла дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской Марія. Въ ея воцареніи ирландцы видѣли залогъ прекращенія преслѣдованій и возстановленія католической церкви и потому радовались этому событію. Они имѣли на то основанія. Марія Тюдоръ была рождена католичкой и таковою осталась. Печальная судьба ея матери, за паденіемъ которой послѣдовала реформація въ Англійи, связала въ ея представленіи и въ ея чувствѣ эти событія причинной связью, и чѣмъ тяжеле была ея судьба послѣ развода отца съ ея матерью, тѣмъ рѣзче становилась ея антипатія къ новой религіи и тѣмъ сильнѣе росла привязанность къ католической церкви. Реформація въ Англійи не на столько установилась, чтобы не допускала реакціи при водвореніи католичества у власти. Поэтому съ воцареніемъ Маріи началась католическая реакція. Бракъ ея съ Филиппомъ II, королемъ испанскимъ, какъ бы знаменовалъ присоединеніе Англійи къ католической реакціи въ Европѣ. Начались преслѣдованія протестантовъ, зажглись костры, на которыхъ на медленномъ огнѣ жарили выдающихся представителей новой религіи, не желавшихъ отречься отъ своихъ убѣжденій. Эти преслѣ-

дованія были такъ ужасны, что заслужили Маріи прозвище Маріи Кровавой.

Интересно то отличие, которое существовало въ это мрачное время между положеніемъ протестантизма въ Англіи и въ Ирландіи. Тамъ тоже объявлено было о возстановленіи католической религіи. На парламентѣ 1556 года были отмѣнены всѣ тѣ распоряженія, которыя были сдѣланы въ религіозномъ отношеніи со времени Генриха VIII. Всѣ конфискованныя у католиковъ церкви были имъ возвращены, а также и имущества, отнятыя у католической церкви. Но въ этомъ отношеніи сдѣлано было ограниченіе, достойное упоминанія. Тѣ имущества, которыя были уже переданы третьимъ лицамъ путемъ продажи или дара, не были тронуты и оставлены были въ рукахъ ихъ владѣтелей. Это уже указываетъ на нѣкоторую мягкость реакціи. Далѣе. Законъ о сожженіи еретиковъ (*de comburendo haeretico*) въ это время впервые вводится въ Ирландію; но въ теченіи всего періода католической реакціи онъ тамъ ни разу не былъ примѣненъ, и вообще протестанты тамъ не были преслѣдуемы, и даже въ самомъ Дублинѣ, на глазахъ намѣстника безъ стѣсненій отправлялось протестантское богослуженіе. Рядомъ съ оправданіемъ нѣкоторыхъ надеждъ, возлагавшихся Ирландцами на Марію, ихъ постигло и разочарованіе. Они надѣялись, что востанія, вызванныя при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI преслѣдованіями католиковъ, будутъ покрыты амнистіей. Но этого не случилось. Напротивъ, тѣ конфискаціи, которыя тогда были объявлены, теперь были подтверждены королевой и стали приводиться въ исполненіе. Онѣ вызвали сильное сопротивленіе въ населеніи Лейнстера и отчасти Ульстера. Населеніе конфискованныхъ земель не понимало, на какомъ основаніи за вину главаря племени отнимаютъ землю у жителей, которые не раздѣляютъ этой вины. Съ точки зрѣнія ирландскаго населенія эта земля не составляла собственности главаря племени, а составляла общее достояніе жителей клана и потому не могла быть конфискована за вину главаря. Съ англійской точки зрѣнія дѣло обстояло иначе. Они не понимали общинной собственности и рассматривали земли, какъ собственность главаря, подлежащую конфискаціи въ видѣ наказанія за

его вину. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь столкновение двухъ міровоззрѣній, совершенно чуждыхъ другъ другу.

Всѣ доводы и протесты населенія оставлены были безъ вниманія, и намѣстникъ Ирландіи Фицъ-Вальтеръ силой отбиралъ земли, подлежащія конфискаціи. Въ графствахъ Лейксъ и О'Фалли, въ Лейнстерѣ, онъ устроилъ кровавую баню сопротивлявшимся жителямъ. Къ этому времени нѣкоторые историки относятъ западную, устроенную многимъ ирландцамъ въ Муламастѣ. Англичане ихъ пригласили туда для совѣщанія противъ общаго врага. Всѣ довѣрившіеся этому призыву и являвшіеся въ стѣны города были тамъ измѣннически убиваемы. Преданіе объ этомъ вѣроломномъ избіеніи еще въ началѣ XVIII вѣка жило въ Ирландіи. По этому преданію изъ всѣхъ приглашенныхъ только одинъ О'Муръ спасся. Но не всѣ приглашенные попали въ Муламастѣ. Одна группа ихъ была подъ предводительствомъ нѣкоего Гарри Лоулора. Приблизившись къ крѣпости, онъ заподозрилъ, говоритъ преданіе, что-то неладное, ибо изъ всѣхъ входившихъ въ крѣпость, никто не выходилъ оттуда. Попросивъ своихъ друзей остаться и уйти въ томъ случаѣ, если онъ скоро не вернется, онъ пошелъ къ крѣпостнымъ воротамъ. Но едва онъ вошелъ въ нихъ, какъ онъ увидалъ на плитахъ улицы валявшіеся тѣла своихъ друзей. Онъ обнажилъ шпагу и пробился обратно черезъ толпу напавшихъ на него убійць. Онъ вернулся къ своимъ и отвелъ ихъ благополучно въ Дизартъ. Послѣ кроваваго подавленія сопротивленія конфискація, графства Лейксъ и О'Фалли были переименованы въ Кингсъ-Коунти и въ Квинсъ-Коунти съ главными городами Мэриборо и Филипстоунъ въ честь Маріи и Филиппа; своими названіями они и теперь еще напоминаютъ о мрачномъ времени своего происхожденія. Конфискованныя земли были розданы англійскимъ колонистамъ. Это была первая конфискація, объявленная при Эдуардѣ VI и осуществленная при Маріи Тюдоръ. Это былъ первый провозвѣстникъ тѣхъ большихъ конфискацій, съ которыми мы встрѣтимся еще въ дальнѣйшей исторіи Ирландіи и которыя стали отдаленной причиной аграрныхъ невзгодъ, съ которыми приходится бороться въ Ирландіи въ наше время.

Недолго Ирландія пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ

отъ преслѣдованій. Прошло недолгое царствованіе Маріи Тюдоръ, и наступилъ долгій рядъ годовъ, полныхъ мученій этой злосчастной страны. По этому поводу мнѣ вспоминается одно преданіе. Говорятъ, что въ XII вѣкѣ одинъ изъ норманскихъ рыцарей Жиро Камбриенъ въ разговорѣ съ епископомъ Кашеля сказалъ ему: „у васъ много святыхъ; но я не вижу ни одного мученика“. Епископъ отвѣтилъ на это: „Ирландія по крайней мѣрѣ можетъ похвалиться большимъ числомъ людей, послужившихъ своей ученостью просвѣщенію Европы. Впрочемъ, прибавилъ онъ, можетъ быть теперь, когда король Англій держитъ въ своихъ рукахъ власть въ королевствѣ, мы получимъ возможность присоединить и мучениковъ къ списку нашихъ святыхъ“. Эти слова оказались какъ бы пророческими, въ особенности въ отношеніи къ излагаемому нами теперь періоду ирландской исторіи.

Начиная съ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка для Ирландіи начинается нескончаемый рядъ мученій, который съ небольшими перерывами тянется чуть не до конца XIX вѣка. Отношеніе Елизаветы къ религіозному вопросу было противоположно Маріи Тюдоръ. Будучи дочерью Анны Болейнъ, воспитанная въ началахъ протестантизма, она затѣмъ во время царствованія Маріи Тюдоръ подверглась опасности изъ за своихъ религіозныхъ убѣжденій. Тѣмъ сильнѣе она къ нимъ привязалась. Теперь, ставъ королевой, она естественно возстановила то, что было ниспровергнуто при Маріи и если и не подвергла католиковъ тѣмъ же преслѣдованіямъ, которымъ подвергала протестантовъ ея предшественница, то все же не допускала ихъ открытаго существованія и стѣсняла ихъ по силѣ возможности. Ея отношеніе къ протестантизму и къ католицизму диктовалось не только ея личными чувствами, но и политическимъ положеніемъ Англій. На континентѣ двѣ сильныхъ державы, Франція и Испанія, были оплотомъ католичества и стояли во главѣ католической реакціи. Протестантскія силы, бывшія въ это время въ борьбѣ съ католицизмомъ, представлялись мелкими государствами или же отдѣльными партіями въ большихъ государствахъ, какъ, на примѣръ, государства Германіи или же гугеноты во Франціи и голландцы въ Испаніи. Съ Франціей у Англій былъ давній антагонизмъ, шедшій изъ глубины сред-

нихъ вѣковъ; съ Испаніей развивалась вражда по мѣрѣ развитія коммерческихъ интересовъ Англіи, поперекъ которыхъ стояли морское могущество и колониальная сила Испаніи. Такимъ образомъ, Елизаветѣ представлялось важнымъ стать во главѣ протестантовъ Европы и поддерживать ихъ въ ихъ борьбѣ противъ общаго противника. Въ теченіе всего своего царствованія Елизавета держится неуклонно этой политики, поддерживаемая талантливыми государственными людьми Англіи. При такомъ положеніи дѣла, естественно, она не могла терпѣть существованія католической церкви у себя подъ бокомъ въ Ирландіи. Отсюда вытекають мѣры къ искорененію протестантизма въ этой странѣ. „Актомъ Единообразія“ возстановлены были всѣ прежнія распоряженія противъ католицизма и назначены были наказанія за непризнаніе церковной королевской супрематіи. Въ первый разъ духовное лицо лишалось за это доходовъ, во второй должности и въ третій жизни. Только одна уступка сдѣлана была католикамъ,—это допущеніе латинскаго языка при совершеніи литургіи и при причащеніи. Затѣмъ всѣ епископства и богатые приходы были переданы англичанамъ. Это преслѣдованіе католицизма не встрѣтило энергичнаго сопротивленія со стороны высшаго ирландскаго духовенства. Немногіе епископы не подчинились требованіямъ королевы. Нѣкоторые изъ нихъ предпочли оставить свои должности отреченію отъ повиновенія папѣ. Равнодушіе ренегатовъ къ дѣлу не дѣлало ихъ однако и полезными слугами англиканской церкви. Исключеніе составляютъ такіе люди, какъ епископъ Уэльшь Оссори, которые стараются пропагандировать въ народѣ протестантизмъ. Этотъ епископъ съ этой цѣлью перевелъ на ирландскій языкъ катехизисъ (въ 1571 г.) и взялся также за переводъ Библии. Смерть помѣшала ему привести къ концу это дѣло, и только много позже нашелся продолжатель его дѣла. Всѣ другія мѣры, принимавшіяся въ это время къ водворенію протестантизма въ Ирландіи, оставались безрезультатными. Все низшее духовенство и народъ стояли твердо за свою старую вѣру и тѣмъ враждебнѣе относились къ протестантской пропагандѣ, что послѣдняя исходила отъ исконнаго врага Ирландіи. Къ тому же протестантская пропаганда встрѣчала препятствіе въ незнаніи ирландцами англійскаго языка, на которомъ обращались къ нему англійскія ду-

ховныя лица. Но и таковыхъ было немного. Большинство ихъ, будучи назначено на хорошіе епархіи и приходы въ Ирландію, ограничивалось полученіемъ доходовъ съ нихъ и не жило въ своихъ приходахъ и епархіяхъ, предоставляя заботы о паствѣ своимъ помощникамъ, которымъ они не давали ничего изъ доходовъ. Послѣдніе жили, чѣмъ Богъ послалъ, стараясь получать вознагражденіе за требы, что было запрещено. Наконецъ, существеннымъ препятствіемъ пропаганды протестантизма было то, что она велась съ насиліемъ со стороны власти. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ протестантизмъ не дѣлалъ успѣховъ въ странѣ, а религіозное дѣло приходило въ упадокъ. О положеніи его въ то время мы узнаемъ изъ донесенія намѣстника Ирландіи Сиднея. Онъ говоритъ о епархіи Митъ, т. е. такой, которая расположена была въ наиболѣе культурной части Ирландіи. По его словамъ, изъ 244 приходовъ этой епархіи 105 находятся въ чужихъ рукахъ и церковныя имущества этихъ послѣднихъ приходовъ сланы въ аренду на много лѣтъ впередъ. Настоятели и викаріи не живутъ въ приходахъ, и ими завѣдуютъ несчастные замѣстители, изъ которыхъ только 18 знаютъ англійскій языкъ, а остальные ирландскіе священники безо всякаго образованія, не получающіе никакого опредѣленнаго дохода и живущіе платой за требы, хотя получать таковую запрещено. Въ нѣкоторыхъ приходахъ населеніе до того лишено удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, что тамъ ни разу не было причащенія прихожанъ. Церковныхъ домовъ почти совсѣмъ нѣтъ, у многихъ церквей отвалились стѣны, инныя стоятъ въ развалинахъ, а инныя стоятъ безъ крыши. Если въ графствѣ Митъ положеніе церкви было въ такомъ плачевномъ видѣ, то что же говорить о другихъ уголкахъ Ирландіи которые были подалше и гдѣ населеніе было бѣднѣе.

Возобновившіяся религіозныя преслѣдованія вызвали и новыя возстанія, которыя продолжаются въ теченіе всего царствованія Елизаветы.

Первое возстаніе произошло въ Ульстерѣ подъ предводительствомъ Шана О'Нейля. Скоро однако между нимъ и королевой произошло соглашеніе, въ силу котораго Елизавета предоставила жителямъ его владѣній свободу богослуженія. Чтобы засвидѣтельство-

вать королевѣ покорность, Шанъ О'Нейлъ съ большою свитой прибылъ въ Лондонъ. Жители столицы съ любопытствомъ разсматривали ирландцевъ, двигавшихся въ процессіи по улицамъ. Ихъ непокрытыя головы съ развѣвающимися длинными волосами, ихъ шафраножелтыя рубахи и косматыя верхнія одежды возбуждали удивленіе лондонцевъ. Примиреніе казалось полнымъ. Шанъ О'Нейлъ помогъ даже королевѣ въ борьбѣ противъ жителей гебридскихъ острововъ; но оно не было долговременнымъ. Когда подвластные О'Нейлю главари родовъ, съ которыми онъ обращался очень высокомѣрно, пожаловались Елизаветѣ, и она призвала его къ отвѣту, онъ возсталъ снова и на этотъ разъ (1567 г.) возстаніе было продолжительнѣе. О'Нейлъ попытался использовать для себя антагонизмъ между англійскою и шотландскою королевами и предложилъ Маріи Стюартъ корону Ирландіи. Но эта попытка не имѣла послѣдствій, ибо предложеніе его поспѣло какъ разъ въ тотъ моментъ, когда сторонники Елизаветы въ Шотландіи заставили свою королеву отречься отъ власти и лишили ее свободы. Борьба О'Нейля противъ англичанъ отличалась съ обѣихъ сторонъ большимъ ожесточеніемъ. Доходило до того, что О'Нейлъ казнялъ нѣсколькихъ лицъ за то только, что они пекли хлѣбъ по англійскому способу. Много разъ та и другая сторона терпѣла неудачи, пока англичанамъ удалось побѣдить О'Нейля въ открытомъ полѣ. Онъ бѣжалъ въ лѣса, откуда велъ противъ англичанъ партизанскую войну. Только смерть его прекратила борьбу. Онъ былъ измѣннически убитъ. Земли его объявлены были конфискованными, и въ отношеніи ихъ былъ примененъ тотъ же способъ распоряженія ими, какъ и при Маріи Тюдоръ. Часть ихъ была роздана солдатамъ по 240 морговъ на кавалериста и по 120 на пѣхотинца, остальные земли розданы были англичанамъ на весьма льготныхъ условіяхъ. Желających взять земли, оказалось масса; но немногіе поселились на пріобрѣтенныхъ земляхъ. Огромное большинство только захватывало земли съ цѣлью или продажи ихъ, или же отдачи въ аренду тѣмъ же ирландцамъ, которые въ сущности были собственниками этихъ земель. Такимъ образомъ цѣль правительства колонизировать Ульстеръ не была достигнута, по крайней мѣрѣ, въ значительной части.

Жестокость борьбы, захватъ земель и тѣ же религіозныя пре-

слѣдованія, о которыхъ мы говорили, вызвали возстаніе въ Мюнстерѣ подъ начальствомъ Фицъ-Мориса. Оно отличается тѣмъ отъ возстанія въ Ульстерѣ, что, кромѣ стремленій къ независимости, въ немъ играетъ роль иностранное вмѣшательство.

Мы уже говорили о враждѣ къ Елизаветѣ великихъ силъ католическаго міра. .Вспомнимъ, что мы находимся въ періодѣ сильнаго напряженія религиозно-политической борьбы. Конецъ шестидесятихъ годовъ, это — время дѣятельности Альбы въ Нидерландахъ, канунъ Варфоломеевской ночи. Гугеноты во Франціи и кальвинисты Нидерландовъ находили поддержку со стороны Англии. Католики были въ связи съ Филиппомъ II и папой. На папскомъ престолѣ былъ въ это время энергичный старикъ, проникнутый чувствомъ глубокой ненависти къ протестантизму и къ его болѣе сильному представителю, Елизаветѣ. Никакая мысль не была такъ мила ему, какъ сверженіе этой еретички. Онъ говорилъ, что онъ готовъ продать всѣ церковныя драгоценности и даже чаши, чтобы организовать походъ противъ нея, и самъ готовъ стать во главѣ войска. При такомъ настроеніи нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ обратилъ вниманіе на Ирландію, какъ на поприще борьбы съ Елизаветой, и старался всѣми силами оказать содѣйствіе тамошнимъ врагамъ ея. Онъ съ удовольствіемъ откликнулся на зятю Аллена и другихъ ирландскихъ эмигрантовъ, устроившихъ въ Дуэ, во Франціи коллегію, имѣвшую цѣлю воспитывать ирландскихъ и англійскихъ юношей въ духѣ католицизма, борьбы съ успѣхами протестантизма въ этихъ странахъ и, конечно, вражды къ Елизаветѣ. Испанскій посоль Мендоза въ Лондонѣ было центромъ сношеній съ католиками въ Ирландіи и въ Англии. Когда онъ потомъ, по требованію Елизаветы былъ отозванъ, Филиппъ II назначилъ его въ Парижъ. Тогда испанское посольство въ Парижѣ стало очагомъ заговоровъ противъ жизни Елизаветы. Всѣ ирландскіе и англійскіе бѣглецы находили при папской куріи и испанскомъ дворѣ радушный приѣмъ.

При такомъ настроеніи неудивительно, что всякаго рода авантюристы могли имѣть тамъ успѣхъ, играя на этомъ настроеніи. Такъ, въ 1568 году является къ папѣ Пію V Томасъ Стукли и увѣряетъ папу, что нѣтъ ничего легче, какъ устроить высадку въ

Ирландіи и поднять всю страну противъ Англіи. Онъ встрѣтилъ благосклонный пріемъ, и было рѣшено, что будетъ организованъ отрядъ въ 800 итальянцевъ на счетъ испанскаго короля. Дѣло это не было кончено, когда папа скончался; но его преемникъ Григорій XIII усвоилъ политику своего предшественника и съ тѣмъ бѣльшей энергіей продолжалъ подготовку экспедиціи, что ему подана была надежда, что его сынъ можетъ быть провозглашенъ королемъ Ирландіи. Отрядъ былъ организованъ, самъ Стукли назначенъ былъ его предводителемъ и получилъ титулъ маркиза Лейнстера и графа Уэксфорда (1573 г.). Но организованный отрядъ попалъ не туда, куда предназначался. По дорогѣ Стукли забылъ о цѣли своего путешествія, нанялся къ португальскому королю и отправился въ Африку, гдѣ и сложилъ свою безпокойную голову. Позже Стукли при папскомъ дворѣ появляется упомянутый нами Фицъ-Морисъ, виновникъ возстанія въ Мюнстерѣ. Его возстаніе было скоро подавлено, и самъ онъ попалъ въ тюрьму. Бѣжавъ оттуда, онъ прибылъ въ Римъ, съ предложеніями аналогичными тѣмъ, которыя представлялъ Стукли, но только съ болѣе серьезнымъ намѣреніемъ довести дѣло до конца. И эти предложенія были приняты, и снова на счетъ испанскаго короля и съ благословеніемъ папы была снаряжена экспедиція въ Ирландію. Особой буллою папа призывалъ ирландцевъ присоединиться къ испанскому отряду. Въ 1579 году состоялась высадка Фицъ-Мориса въ Керри. Она встрѣтила сочувствіе въ Мюнстерѣ. Хотя главный владѣтель, графъ Джеральдъ О'Десмондъ, остался въ сторонѣ отъ возстанія, но другіе представители рода Джеральдовъ и между ними наиболѣе видный Джонъ О'Десмондъ пристали къ дѣлу Фицъ-Мориса.

Елизавета была въ курсѣ дѣла Фицъ-Мориса и потому не была застигнута врасплохъ. Средства для борьбы съ возстаніемъ были приготовлены, и потому вскорѣ послѣ его начала произошла битва, въ которой инсургенты были разбиты, и самъ Фицъ-Морисъ былъ убитъ. Въ этомъ же сраженіи палъ и Вильгельмъ Алленъ, инициаторъ устройства коллегіи въ Дуэ, Джонъ О'Десмондъ погибъ нѣсколько позже отъ руки измѣнника. Казалось, возстаніе подавлено; но оно вскорѣ вспыхнуло вновь, и на этотъ разъ во главѣ его сталъ

самъ графъ Джеральдъ О'Десмондъ, стоявшій сначала въ сторонѣ отъ него. Причиной измѣненія его поведенія была подозрительность англійскаго правительства. На трупѣ Аллена были найдены письма, которыя давали поводъ догадываться, что графъ О'Десмондъ находился въ сношеніяхъ съ возставшими; хотя эти письма и не давали достаточныхъ основаній для такого заключенія, а графъ О'Десмондъ послѣ пораженія Фрицъ-Мориса даже обратился съ поздравленіями по поводу побѣды къ англійскому командующему войсками; но тѣмъ не менѣе у него потребовали заложниковъ въ обезпеченіе его вѣрности. Это недовѣріе оскорбило его, и онъ поднялъ знамя возстанія. Последнее приняло болѣе серьезныя размѣры. Вскорѣ О'Десмондъ нанесъ англичанамъ пораженіе при Глендало (Glendalough). Эта побѣда произвела сильное впечатлѣніе и побудила Филиппа II снова снарядить высадку въ Ирландію. Эта экспедиція испанцевъ потерпѣла неудачу. Послѣ высадки въ Смервикъ, въ 1580 году, испанцы были разбиты и окружены англичанами и заперлись въ фортѣ. Голодомъ они были вынуждены сдаться, при чемъ высшіе чины и офицеры были взяты военноплѣнными, а солдаты были просто-на-просто всѣ перебиты. Этой неудачей рѣшена была участь и всего возстанія. Предводители его погибли въ сраженіяхъ, а самъ графъ О'Десмондъ былъ измѣннически убитъ. Возстаніе подавлялось съ страшной жестокостью. Солдаты убивали всѣхъ; ни старики ни дѣти не видѣли пощады. Все, что не могло быть разграблено, то предавалось огню. Посѣвы уничтожались, чтобы лишить жителей пищи. Благодаря этому, то, что не гибло отъ меча, пропадало отъ голода. Считаютъ, что отъ голода погибло въ Мюнстерѣ 30000 человѣкъ. Таково было умиротвореніе страны.

За нимъ слѣдовали большія конфискаціи. Было отобрано 574620 акровъ (акръ 0, 37 дес.). Эти земли въ большихъ количествахъ были розданы людямъ высокопоставленнымъ. Такъ, Вальтеръ Ралей и поэтъ Спенсеръ составили на этой конфискаціи большія состоянія. Кромѣ того, были вызваны колонисты, которымъ за ничтожную плату были розданы остальные земли, но съ условіемъ, чтобы они не брали съемщиковъ земли не англичанъ. Ирландцамъ запрещалось

арендовать землю въ Мюнстерѣ у англичанъ. Разореніе страны, неслыханныя жестокости и, наконецъ, запрещеніе арендовать бывшія свои земли, — все это только усилило озлобленіе населенія.

Послѣ этого погрома судьба какъ-будто хочетъ повернуться лицомъ къ Ирландіи и отнеслись къ ней снисходительно. Намѣстникомъ Ирландіи назначенъ былъ человекъ, стоявшій выше своихъ современниковъ въ пониманіи задачъ англійской политики въ этой странѣ. Это былъ Джонъ Перротъ. Онъ думалъ, что для того, чтобы слить Ирландію съ Англійей, нужно поступить совершенно иначе, чѣмъ поступали до сихъ поръ. Онъ признавалъ, что можно гораздо большаго достигнуть, дѣйствуя по пути культурнаго развитія страны, чѣмъ занимаясь религиозными преслѣдованіями. Задавшись этой цѣлью, онъ всѣми силами старается объ улучшеніи администраціи, суда и многого въ этомъ отношеніи достигаетъ. Въ Коннаутѣ онъ устраиваетъ шесть графствъ, и при немъ впервые тамъ были введены шерифы и мировые судьи. Также въ Ульстерѣ были введены семь графствъ и суды равные для всѣхъ. Перроту привелось и тамъ видѣть плоды своихъ усилій. Главари сѣверныхъ округовъ Ульстера отказались рѣшать свои земельные споры оружіемъ и согласились обращаться съ этой цѣлью къ суду. Въ 1585 году онъ созываетъ парламентъ въ Дублинѣ, на которомъ нѣкоторые изъ ирландскихъ представителей являются впервые въ англійскомъ платьѣ. Этому парламенту онъ предлагалъ отменить законъ пойнтинга, сильно стѣснявшій самостоятельность Ирландіи. Но въ этомъ вопросѣ онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны англичанъ, представителей Пэля. Имъ казалось выгоднѣе выносить опеку англійскаго Тайнаго Совѣта, чѣмъ видѣть усиленіе значенія намѣстника Ирландіи, каковое должно было неминуемо возрасти съ усиленіемъ самостоятельности Ирландіи. Предложеніе Перрота не прошло, и, такимъ образомъ, при Елизаветѣ вторично рушилась попытка сравнять ирландцевъ съ англичанами, — попытка, неудавшаяся когда то при Эдуардѣ I.

Далѣе Перротъ, слѣдуя своей программѣ культурнаго воздѣйствія на ирландцевъ, старается упорядочить земельныя отношенія и для этого устраиваетъ такъ называемое „Коннаутское соглашеніе“

между дворянами Коннаута, по которому они точно опредѣлили свои земельныя владѣнія и согласились принять отъ короны крѣпостныя акты на эти владѣнія съ тѣмъ, что правительство освобождало ихъ отъ всякихъ неизвѣстныхъ дотолѣ податей и сборовъ. Рядомъ съ этимъ Перротъ освобождаетъ въ Коннаутѣ обитателей клановъ отъ всякой зависимости отъ помѣщиковъ. Эта мѣра, хотя и частичная, можетъ быть оцѣниваема, какъ отмѣна крѣпостного права, и, какъ таковая, имѣетъ важное государственное значеніе и характеризуетъ Перрота, какъ выдающагося государственнаго чедовѣка. Она нарушала сильно интересы помѣщиковъ и вызвала отдѣльныя возстанія съ ихъ стороны. Эти возстанія были подавлены, и дворяне Коннаута принуждены были терпѣть рядомъ съ собою существованіе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Цѣня значеніе образованія, Перротъ добился осуществленія проекта учрежденія въ Дублинѣ университета. Стараясь обезпечить университетъ постоянными средствами, онъ пытался обратить въ его пользу доходы нѣкоторыхъ церквей. На этой почвѣ онъ столкнулся съ дублинскимъ архіепископомъ Лофтусомъ, который и добился отозванія Перрота. Мало того, его обвинили въ заговорѣ съ ирландскими главарями съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англіи, въ сношеніяхъ съ Александромъ Пармскимъ, намѣстникомъ Испаніи въ Нидерландахъ и т. д. Эти обвиненія, несмотря на ихъ бездоказательность, привели Перрота подъ топоръ палача.

Съ удаленіемъ Перрота возстановились прежнія отношенія съ тѣмъ ухудшеніемъ ихъ, что теперь англичане стали еще болѣе подозрительно относиться къ ирландскимъ главарямъ, въ виду обнаруженныхъ отношеній къ ирландскимъ дѣламъ Испаніи и папскаго престола. Подъ вліяніемъ подозрительности стали преслѣдовать лицъ, подозрѣваемыхъ во враждѣ къ Англіи. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ вмѣстѣ съ такими лицами, которые были преслѣдуемы вѣрно, хотя и произвольно, попали и такія, которыя не только не были враждебны Англіи и не замышляли противъ нея ничего дурного, но даже были ей преданы. Многихъ изъ нихъ захватилъ новый намѣстникъ Ирландіи и бросилъ въ тюрьмы. Эти преслѣдованія, связанныя съ возобновле-

ніемъ религіозныхъ стѣсненій, вызвали новыя возстанія въ Коннаутѣ и въ Ульстерѣ. Они были незначительны и разрозненны и потому легко подавлялись. Они имѣли не столько практическое значеніе сколько симптоматическое, какъ отраженіе настроенія страны. Картина перемѣнилась, когда знамя возстанія поднялъ Гугъ О'Нейлъ графъ Тирронъ. Этотъ большой и древній родъ ульстерскихъ главарей находился на хорошемъ счету у англійскаго правительства и отъ него представители этого рода получили графскій титулъ. Но начавшіяся теперь преслѣдованія и главнымъ образомъ религіозныя, а также и личныя причины побудили Гуга О'Нейля подняться противъ Англии. Его возстаніе, въ силу его значенія, стало центромъ для всѣхъ недовольныхъ не только въ Ульстерѣ, но и въ Коннаутѣ и въ Мюнстерѣ (1594 г.). Вокругъ графа Тиррона собрались значительныя силы, съ которыми онъ нанесъ англичанамъ рѣшительное пораженіе при Блэкуотерѣ (1598 г.) 14 знаменъ, и много плѣнныхъ стали его добычей. Это сраженіе подняло значительно духъ возставшихъ и дало возможность графу Тиррону съ надеждой на успѣхъ вступить въ переговоры съ Испаніей и папскимъ престоломъ. Папа прислалъ графу Тиррону свое благословеніе и освященный султанъ изъ перьевъ. Испанія обѣщала помощь деньгами и людьми. Но и Елизавета не теряла времени, чтобы поправить положеніе. Она послала въ Ирландію своего любимца графа Эссекса съ значительными военными силами. Послѣдній однако не оправдалъ надеждъ своей коронованной подруги. Онъ разбросалъ свои силы по Лейнстеру и Мюнстеру, и когда по ея рѣшительному приказанію онъ двинулся на сѣверъ противъ Тиррона, то послѣдній и ему нанесъ серьезное пораженіе. Отчасти подъ вліяніемъ этого обстоятельства, а отчасти подъ вліяніемъ опасенія вмѣшательства Испаніи, Эссексъ вступилъ съ Тиррономъ въ переговоры о мирѣ. Послѣдній поставилъ слѣдующія условія для прекращенія военныхъ дѣйствій и подчиненія королевѣ: полная амнистія, свобода религіознаго исповѣданія и культа, возвратъ отобранныхъ земель и назначеніе всѣхъ чиновниковъ въ Ирландіи изъ числа туземцевъ, за исключеніемъ только должности намѣстника. Гр. Эссексъ нашелъ возможнымъ согласиться на эти усло-

вія и представилъ ихъ на утвержденіе королевы. Послѣдняя однако, несмотря на опасность испанской помощи возстанію, не согласилась такой цѣной купить покорность графа Тиррона и отозвала Эссекса. На его мѣсто былъ посланъ въ Ирландію Блунтъ лордъ Моунджой. Это былъ человѣкъ энергичный, настойчивый и безпощадный. Про его способъ веденія войны одинъ историкъ говоритъ, что онъ велъ войну больше лопатой, чѣмъ мечемъ. Каждую господствующую позицію, каждый проходъ онъ укрѣплялъ хотя бы временными укрѣпленіями, стараясь такимъ способомъ стѣснить движеніе непріятеля. Чтобы разорить его, онъ выпустилъ обезцѣненную монету и запретилъ привозъ въ Ирландію хорошей. Эта обезцѣненная монета принималась въ Лондонѣ и обмѣнивалась на хорошую, но только отъ лицъ, которыя могли представить свидѣтельство о благонадежности. Эти мѣры произвели нѣкоторое разлагающее дѣйствіе среди инсургентовъ. Многіе изъ нихъ перешли на сторону англичанъ. Когда, наконецъ, явилась испанская помощь дѣло возстанія было нѣсколько расшатано. Испанскій отрядъ высадился въ Кинзалѣ. Вожакъ возстанія въ Мюнстерѣ О'Десмондъ успѣлъ присоединиться къ нему. Моунджой быстро двинулся навстрѣчу имъ и не далъ имъ проникнуть внутрь страны и предупредилъ соединеніе съ ними графа Тиррона, который шелъ съ сѣвера. Онъ осадилъ испанцевъ и соединившихся съ ними ирландцевъ и черезъ три мѣсяца осады принудилъ ихъ къ сдачѣ. Онъ позволилъ имъ воротиться въ отечество съ условіемъ, что они не будутъ принимать никакого участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Англіи. вмѣстѣ съ испанцами О'Десмондъ покинулъ родину и уѣхалъ въ Испанію. Послѣ этого успѣха началось разореніе возставшихъ областей. Убивались люди безъ различія пола и возраста, сжигались селенія, и убивался скотъ. Хлѣбъ уничтожался на корню. На югѣ дѣйствовалъ генералъ Кэрю, а на сѣверѣ самъ Моунджой. Послѣдствіемъ такого образа и дѣйствій было то, что больше народу погибло отъ голоду и холоду, чѣмъ отъ меча. Въ Мюнстерѣ погибло отъ голода три тысячи человѣкъ. Въ Ульстерѣ смертность была не меньшею. Трупы людей валялись по дорогамъ въ такомъ числѣ, что въ одномъ мѣстѣ, на разстояніи въ 15 миль ихъ на-

считали тысячу. По канавамъ около дорогъ, во рвахъ городовъ можно было видѣть валявшихся мертвецовъ, рты которыхъ были выпачканы зеленью и землею во время ихъ предсмертныхъ усилій утолить голодь травой или кореньями. Опустошеніе страны было такъ велико, что главнокомандующій не преувеличивалъ, пиша Елизаветѣ: „Вашему Величеству не надъ чѣмъ повелѣвать въ странѣ, какъ только надъ трупами людей и кучами пѣпла“. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Графъ Тирронъ вступилъ въ переговоры съ Моунджомъ съ изъявленіемъ готовности покориться. Условія на которыхъ онъ сдался были схожи съ тѣми, на которыхъ онъ мирился съ графомъ Эссексомъ. Ему возвращены были его земли, ему и его подданнымъ предоставлена была свобода религіознаго исповѣданія и культа. Онъ отрекся отъ своего титула О'Нейль и отказался отъ всѣхъ своихъ союзниковъ въ особенности отъ союза съ Испаніей (1603 г.). На эти условія согласилась Елизавета изъ опасенія новаго вмѣшательства Испаніи въ ирландскія дѣла. Но когда договоръ былъ заключенъ и посланъ ей, то онъ уже не засталъ ее въ живыхъ. На престолѣ Англіи былъ уже сынъ Маріи Стюартъ Іаковъ I.

Царствованіе династіи Стюартовъ въ Англіи не внесло измѣненій въ судьбу Ирландіи. Тѣ отношенія, которыя намѣтились аныше, развивались въ эту эпоху; но, благодаря отношеніямъ, установившимся между Стюартами и вѣковыми учрежденіями, охранявшими англійскую политическую свободу, отношенія ирландцевъ и англичанъ приняли еще болѣе рѣзкій характеръ и повели, какъ мы увидимъ, къ полному разоренію ирландскаго народа и лишенію его земли. На англійскомъ престолѣ Стюарты явились представителями идеи трансцендентальнаго происхожденія королевской власти, на подобіе того, какъ эта идея осуществлялась во Франціи. Королевскій абсолютизмъ, какъ необходимое слѣдствіе полного приложенія къ жизни идеи королевской власти Божіею Милостію, не могъ быть согласованъ съ правами парламента, считавшими свою исторію съ XIII вѣка и коренившимися глубоко въ привычкахъ и нравахъ націи. Отсюда неизбежность столкновенія Стюартовъ съ парламентомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ значительной частью націи. Въ этой борьбѣ ирландцы не остались въ сторонѣ и не могли остаться, и

жестоко заплатились послѣ побѣды парламента надъ абсолютизмомъ Стюартовъ.

Но при вступленіи на престолъ Іакова I въ Ирландіи появилась надежда на облегченіе религіозныхъ преслѣдованій. Она основывалась на томъ, что сынъ Маріи Стюартъ не можетъ быть врагомъ католицизма. Но онъ былъ воспитанъ не матерью, а протестантами; а епископальная форма церковнаго устройства понравилась ему тѣмъ болѣе, что она предоставляла въ руки короля церковную супрематію. Онъ быстро усвоилъ идею, что епископаты тѣсно связаны съ монархіей и выразилъ эту мысль во фразѣ: „Нѣтъ епископа, нѣтъ и короля“. Но онъ не былъ сторонникомъ преслѣдованія католиковъ, и въ первый годъ его царствованія надежда ирландцевъ католиковъ на облегченіе ихъ участи какъ будто оправдывалась. Но уже въ 1606 году имъ пришлось разочароваться. Пороховой заговоръ побудилъ короля смотрѣть на католиковъ, какъ на людей опасныхъ, и прервалъ короткій промежутокъ въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ. Такимъ образомъ, послѣ кроваваго подавленія возстанія лордомъ Моунджоомъ не явилось ничего такого, что бы могло внести миръ въ возбужденную душу ирландца. Къ неудовольствию на преслѣдованія присоединилось негодованіе противъ испорченной монеты, которая, какъ мы видѣли, была пущена въ Ирландію съ спеціальной цѣлью разоренія противниковъ Англіи. Эта операція естественно была болѣе чувствительна въ городахъ, гдѣ деньги играютъ большую роль чѣмъ въ деревнѣ, ведущей натуральное хозяйство. Поэтому возстанія начала царствованія Іакова I имѣютъ ту особенность, что они происходятъ въ городахъ.

Намѣстникомъ Ирландіи былъ назначенъ Чичестеръ. Это былъ человекъ талантливый, вродѣ Перрота, и съ широкимъ взглядомъ на государственную задачу Англіи въ Ирландіи. Онъ подавилъ волненія въ городахъ; но сейчасъ же постарался смягчить положеніе широкой амнистіей. Такъ же точно онъ поступилъ и въ религіозномъ вопросѣ. Послѣ пороховаго заговора была издана прокламація, въ силу которой изгонялись изъ Ирландіи всѣ католическіе священники. Далѣе издано было распоряженіе, подтверждавшее „законъ объ уклоняющихся“. По этому закону временъ Елизаветы наказывались

штрафомъ въ одинъ шиллингъ люди, уклоняющіеся отъ посѣщенія установленнаго богослуженія. Очень скоро Чичестеръ увидѣлъ, что эти распоряженія не достигаютъ цѣли и только поддерживаютъ негодованіе народа противъ англичанъ. Поэтому онъ запретилъ примѣненіе „акта противъ уклоняющихся“ и написалъ объ этомъ въ Лондонъ, объясняя свою мѣру тѣмъ, что религіозныя преслѣдованія бесполезны и что онъ большихъ результатовъ ожидаетъ отъ распространенія въ народѣ просвѣщенія. Съ цѣлью религіознаго просвѣщенія онъ устроилъ переводъ на ирландскій языкъ „прайербука“ для распространенія въ средѣ ирландскаго народа знакомства съ основаніями англійскаго протестантизма. Эта мѣра по обстоятельствамъ времени не имѣла практическаго значенія, но она характеризуетъ направленіе мысли Чичестера, которое способно было сблизить Ирландію съ Англіей.

Въ области администраціи онъ возобновляетъ тѣ мѣры, которыя принимались раньше. Онъ старается воздѣйствовать въ благопріятномъ для Англіи смыслѣ на низшіе классы народа. Съ этой цѣлью онъ издалъ прокламацію, которою всѣ жители Ирландіи объявлялись свободными отъ зависимости отъ главарей племенъ и объявлялись подданными исключительно короля. Это былъ болѣе широкій шагъ, сравнительно съ той мѣрой, которая была принята Перротомъ въ Конаутѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ энергичныя мѣры въ защиту простаго народа отъ притѣсненій и въ частности защищаетъ арендаторовъ отъ произвольныхъ изгнаній ихъ помѣщиками. Рядомъ однако съ этими мѣрами, которыя дѣйствительно способны были привлечь на сторону англійскаго намѣстника сердце простаго народа, была принята такая, которая возбудила большое неудовольствіе и нарушала вѣковые устои ирландской общественной жизни, не принося пользы народу. Въ это время было издано рѣшеніе высшаго суда („Королевской Скамьи“), которымъ было признано незаконнымъ наследованіе общины послѣ умершаго сочлена, и право наследства ограничивалось только семьей умершаго, а не всѣмъ родомъ. Этимъ уничтожалось общинное землевладѣніе и вводилось англійское землевладѣніе (право личной собственности) чуждое ирландцамъ. Помимо нарушенія правовыхъ воззрѣній, присущихъ ирландцамъ, эта отмѣна

вносила путаницу въ земельныя отношенія, которая не могла не быть вредной для всѣхъ. Это уничтожало благія слѣдствія тѣхъ заботъ о простомъ народѣ, которыя Чичестеръ поставилъ цѣлью своей администраціи.

Съ тою же цѣлью онъ рѣшается ввести англійскихъ администраторовъ въ Ульстеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судъ присяжныхъ. Эта мѣра возбудила неудовольствіе тамошнихъ главарей, главнымъ образомъ графа Тиррона и Тирконеля. Первый изъ нихъ обратился съ письмомъ къ королю, въ которомъ горько жаловался на введеніе въ его владѣніяхъ шерифовъ, и говорилъ, что онъ скорѣе готовъ кончить свою жизнь въ изгнаніи, чѣмъ подчиняться кому-либо другому, чѣмъ королю и его намѣстнику. Это дѣло еще не кончилось, какъ противъ него и противъ Тирконеля явилось подозрѣніе въ государственной измѣнѣ. Основаніе для подозрѣнія было невелико. Оно заключалось въ томъ, что у дверей Придворнаго суда (Кэстль-Чембръ) въ Дублинѣ найдено было 18 мая 1607 года письмо, въ которомъ названныя лица обвинялись въ сношеніяхъ съ Испаніей съ цѣлью низверженія англійскаго владычества въ Ирландіи. Такъ какъ отношенія между Тиррономъ, Тирконецемъ и намѣстникомъ уже были натянуты, то, узнавъ о подозрѣніи, они оба оставили Ирландію и тѣмъ дали поводъ думать, что обвиненіе, возведенное противъ нихъ, было основательно. По установившемся порядку ихъ земли были конфискованы, и Чичестеръ рѣшилъ ими воспользоваться для выгодъ государственныхъ. Онъ не думалъ ихъ раздавать англичанамъ въ ущербъ ирландцамъ. Напротивъ, онъ составилъ проектъ, по которому предполагалось надѣлать этими землями ирландцевъ, а затѣмъ остатки этихъ земель онъ предполагалъ дать въ надѣль англійскимъ и шотландскимъ земледѣльцамъ, желая этимъ привлечь сюда элементъ, могущій стать цементомъ, укрѣпляющимъ связь Ирландіи съ Англіей. Предлагая свой планъ колонизаціи конфискованныхъ земель, Чичестеръ говоритъ: „Какъ это глупо рыскать по свѣту, чтобы гдѣ-нибудь въ Гвіанѣ или въ Виргиніи, искать колоній, когда Ирландія лежитъ впускъ. Цивилизація и организація этой области принесли бы королю больше чести, чѣмъ походъ черезъ каналъ его арміи и покореніе Франціи“. Попавъ въ Лон-

донъ, проектъ Чичестера не встрѣтилъ тамъ сочувствія. Надѣленіе земель ирландцевъ-враговъ Англіи казалось дѣломъ, ни къ чему не идущимъ. Съ точки зрѣнія даже такихъ людей, какъ Бэконъ Веруламскій, ирландскія земельныя отношенія суть не что иное, какъ анархія, и потому передача земель ирландцамъ была бы только увѣковѣченіемъ ея. Къ этому присоединялось еще желаніе поживиться на счетъ ирландскихъ земель, аппетитъ въ которыхъ былъ возбужденъ уже предыдущими конфискаціями. Вслѣдствіе этихъ причинъ, вмѣстѣ взятыхъ, проектъ Чичестера былъ передѣланъ такъ, что отъ него осталось очень мало. Положено было конфискованныя земли разбить на участки въ 1000, 1500 и въ 2000 акровъ и раздать ихъ англичанамъ и шотландцамъ, а только небольшой остатокъ дать ирландцамъ. Въ результатъ этой операціи произошло то, что 150000 акровъ было роздано англійскимъ и шотландскимъ колонистамъ, притомъ довольно крупнымъ, затѣмъ 45000 акровъ были розданы чиновникамъ и только 70000 акровъ были даны ирландцамъ. Съ раздачей земель было связано условіе, чтобы таковыя не продавались ирландцамъ и чтобы не отдавались имъ въ аренду. Чтобы вполне оцѣнить значеніе этой мѣры, мы должны вспомнить, что земли, конфискованныя въ Ульстерѣ, не были личной собственностью дезертировавшихъ графовъ, а по понятіямъ ирландцевъ составляли собственность клана. Поэтому отнятіе этихъ земель и запрещеніе даже арендовать землю или покупать ее тѣмъ людямъ, которые по своимъ воззрѣніямъ считали себя хозяевами ея, было вопіющею несправедливостью. Съ этой точки зрѣнія проектъ Чичестера, хотя и оставлявшій въ силѣ конфискацію земель, гораздо меньше нарушалъ интересы народа и дѣлалъ нарушеніе того, что онъ считалъ своимъ правомъ, гораздо менѣе чувствительнымъ.

Ульстерскія конфискаціи земель и награжденіе ими англичанъ вызвали среди послѣднихъ большой аппетитъ къ землямъ Ирландіи. Между тѣмъ новыхъ возстаній не было, а потому новыхъ конфискацій не предвидѣлось. Надо было поискать новаго пути для пріобрѣтенія земель, и таковой былъ найденъ въ провѣркѣ частнаго землевладѣнія. При переходѣ отъ общиннаго землевладѣнія, которое англичане объявляли незаконнымъ, къ частному совершенно есте-

ственно было, что документы на владѣніе или вовсе отсутствовали или же были не въ должномъ порядкѣ. Подъ предлогомъ урегулированія землевладѣнія была учреждена королевская комиссія, называвшаяся „распредѣлительной“, формальная задача которой была провѣрять и утверждать крѣпостные акты. На самомъ дѣлѣ было иначе. Какъ только документы оказывались недостаточными, имущество конфисковалось. Такъ какъ лицамъ, которыя открывали незаконныхъ владѣльцевъ, предоставлялась часть конфискованнаго имущества, то образовался цѣлый классъ людей, которые только тѣмъ и занимались, что отыскивали такихъ владѣльцевъ, у которыхъ документы не были въ порядкѣ, и доносили на нихъ комиссіи. Ихъ такъ и называли „открыватели“ (discoverers). Они, какъ саранча, налетѣли на ирландскихъ помѣщиковъ, перерывали всѣ нотаріальные архивы и притягивали къ суду комиссіи лицъ и такихъ, которыхъ документы были въ достаточномъ порядкѣ, но не удовлетворяли какимъ-нибудь ничтожнымъ формальнымъ требованіямъ. Иногда, когда и съ этой стороны владѣніе оказывалось неуязвимымъ, выступала политическая неблагонадежность лица, прикосновенность его къ бывшимъ возстаніямъ, каковыя дефекты тоже считались достаточнымъ основаніемъ для постановленія о конфискаціи. Низкіе инстинкты человѣческаго естества были разнузданы, и доносы и лжесвидѣтельства пошли полнымъ ходомъ. Пока былъ намѣстникомъ Чичестеръ, эта вакханалія жадности нѣсколько сдерживалась, но когда онъ былъ въ 1616 году отозванъ, поприще для открывателей стало совершенно свободнымъ. Насколько значительна была дѣятельность „распредѣлительной комиссіи“ видно изъ того, что, напримеръ, въ Лонгфордѣ 25 помѣщиковъ были лишены ихъ владѣній. Какъ выразился впоследствии Боркъ, „войнѣ съ оружіемъ въ рукахъ наследовала война крючкотворства“.

Самъ король увлекся пріобрѣтеніемъ земель. Основываясь на „коннаутскомъ соглашеніи“, онъ учредилъ въ Коннаутѣ комиссію, которая формально должна была продолжать дѣло урегулированія земельныхъ правъ. На самомъ же дѣлѣ эта комиссія должна была объявлять конфискованными всѣ тѣ земли, на которыя у владѣльцевъ ихъ не было крѣпостныхъ актовъ или же таковыя не были

въ полномъ порядкѣ. Можно легко себѣ представить послѣдствія такого требованія, предъявленнаго землевладѣльцамъ. Все до тѣхъ поръ держалось на обычаѣ, на давности владѣнія, документы были только у немногихъ, которые взяли ихъ во время управленія Перрота, да и тѣ были таковы, что не удовлетворяли многимъ формальнымъ требованіямъ. Выходило такъ, что почти всѣ землевладѣльцы должны были лишиться своихъ земель, хотя права ихъ были несомнѣнны; но только не могли быть доказаны должнымъ образомъ составленной бумагой. Вслѣдствіе этого наступила сильная паника, страхъ овладѣлъ всѣми за завтрашній день. Никто не могъ сказать, будетъ ли онъ продолжать пользоваться своимъ имуществомъ и соединенными съ владѣніемъ имъ благами, или станетъ нищимъ. Тогда джентри Коннаута рѣшились вступить съ королемъ въ переговоры и откупиться отъ начатаго грабежа, называвшагося урегулированіемъ правъ владѣнія. Переговоры привели къ соглашенію, въ силу котораго помѣщики Коннаута обязались внести королю 10000 ф. ст. за то, чтобы ихъ владѣнія признаны были ихъ собственностью, хотя бы на нихъ и не было документовъ, или таковыя были недостаточны. Налаженное такимъ образомъ дѣло не успѣло кончиться, хотя согласіе короля и было дано. Яковъ I умеръ, и ему наследовалъ сынъ его Карлъ I. Онъ не счелъ для себя обязательнымъ обѣщаніе, данное его отцомъ, и потребовалъ отъ коннаутскихъ землевладѣльцевъ уплаты не 10 т. ф., а 120 т. ф. с.; король не только обязался признать всѣ тѣ владѣнія законными, которыя, независимо отъ наличности крѣпостныхъ документовъ, имѣли за собой шестидесятилѣтнюю давность, но еще обязался предоставить католикамъ свободу исповѣданія ихъ религіи. Условленная сумма была уплачена, казалось все улажено; но, какъ увидимъ ниже, и это соглашеніе оказалось не болѣе прочнымъ, чѣмъ предыдущее.

Прежде всего рушилось обѣщаніе религіозной свободы. Обѣщаніе таковой вызвало сильное волненіе въ средѣ англійскихъ протестантовъ въ Ирландіи и въ особенности въ средѣ пресвитеріанъ въ Ульстерѣ. На съѣздѣ духовенства въ Дублинѣ было принято постановленіе, которое объявляло тяжелымъ грѣхомъ предоставленіе

католикамъ вѣротерпимости, но если такая уступка дается за деньги, то это значитъ продавать свою религію, а это ужъ смертный грѣхъ. Въ силу такого настроенія ирландскихъ протестантовъ и высшаго англиканскаго духовенства, обѣщанная католикамъ терпимость не только осталась мертвой буквой; но еще съ большей силой возобновились преслѣдованія. Дѣло доходило даже до вторженія въ католическія церкви во время богослуженія. Такъ, однажды дублинскій архіепископъ вторгся въ католическую церковь и потребовалъ отъ собравшихся тамъ, чтобы они разошлись. Когда они не послушались, онъ прибѣгъ къ силѣ. Но католики не уступили, произошла драка, въ которой приверженцы архіепископа были побиты и позорно бѣжали съ поприща своего столь же позорнаго дѣла. Религіозныя преслѣдованія продолжались до назначенія намѣстникомъ Ирландіи Томаса Уэнтворта, впоследствии графа Страффорда. Этотъ человекъ, сыгравшій видную роль въ столкновеніи короля съ парламентомъ и кончившій свою жизнь на плахѣ, не былъ фанатикомъ, но онъ смотрѣлъ на религію, какъ на одинъ изъ элементовъ политической жизни. Онъ думалъ, что прочность государства зависитъ отъ религіознаго единства и съ этой точки зрѣнія онъ оправдывалъ религіозныя стѣсненія приверженцевъ религій, не признанныхъ господствующими. Эта идея о необходимости религіознаго единства для единства политическаго не была принадлежностью только Уэнтворта. Она составляла достояніе многихъ государственныхъ людей XVII вѣка. Ради нея Людовикъ XIV и его министры допустили драгонады и отмѣнили Нантскій эдиктъ, та же мысль лежала въ основаніи Тридцатилѣтней войны рядомъ съ другими мотивами. Эта мысль аналогична той, которая исповѣдуется многими въ настоящее время относительно національнаго единства, какъ условія единства политическаго. Какъ тогда считали позволительнымъ и во имя государственнаго интереса необходимымъ стѣснять извѣстныя религіозныя исповѣданія, такъ теперь считается нужнымъ и благоразумнымъ стѣснять національности въ проявленіяхъ ихъ индивидуальной жизни. Будущее покажетъ, что націонализмъ столь же мало разуменъ, какъ и религіозная нетерпимость.

Уэнтвортъ не принадлежалъ и къ числу фанатиковъ идеи.

Главнымъ мотивомъ его поступковъ и политики было честолюбіе. Когда-то, въ началѣ царствованія Карла I и раньше, онъ стоялъ въ первыхъ рядахъ парламентской оппозиціи и стоялъ за права парламента противъ королевской прерогативы. Когда парламентъ былъ распущенъ Карломъ I и надолго, Уентвортъ увидѣлъ себя въ положеніи чловѣка, предъ которымъ закрылась далекая перспектива. Онъ не видѣлъ возможности движенія впередъ, и это побудило его перейти на сторону короля и изъ защитника парламентскихъ правъ стать защитникомъ королевской прерогативы и абсолютизма. Путемъ такой метаморфозы онъ сталъ намѣстникомъ Ирландіи. Можно было думать, что тамъ онъ займется преслѣдованіемъ католиковъ, ради укрѣпленія политическаго единства. Сначала это и было такъ, но уже скоро онъ перемѣнилъ тактику и прекратилъ преслѣдованія и сталъ держаться политики религіозной терпимости. Это видимое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что онъ увидѣлъ, что въ Ирландіи католики составляли силу, которой можно было бы воспользоваться въ интересахъ короля. Онъ не могъ съ этой цѣлью опереться на ульстерскихъ колонистовъ пресвитеріанъ, настроенныхъ скорѣе въ республиканскомъ духѣ, да и вообще англичане не составляли самостоятельной силы въ Ирландіи. Громадная же масса туземцевъ состояла изъ католиковъ, и изъ нея можно было создать силу. Вотъ почему Уентвортъ прекратилъ преслѣдованія католиковъ. Вообще своей задачей въ Ирландіи онъ ставилъ созданіе средствъ для борьбы короля съ парламентомъ. Онъ считалъ, что для этого надо создать денежные источники и войско. И то, и другое онъ думалъ добыть въ Ирландіи. Такимъ образомъ теперь Ирландія во второй разъ впутывается во внутреннія дѣла Англіи. Но въ первый разъ, во время Войны Бѣлой и Алой Розъ имѣлись въ виду спеціально ирландскіе интересы, теперь же она играетъ служебную роль; но это вмѣшательство оказывается для нея роковымъ.

Начинавшаяся въ это время открытая борьба между королемъ и парламентомъ имѣла всемірноисторическое значеніе. Отъ ея исхода многое зависѣло въ будущности развитія Европы, а черезъ нее и другихъ странъ міра, пріобщившихся европейской цивилизаціи.

Мы уже говорили, что Стюарты въ Англіи явились предста-

вителями принципа трансцендентальной власти и съ этой стороны находились въ родствѣ съ абсолютистическимъ теченіемъ въ Европѣ, яркимъ представителемъ котораго былъ Людовикъ XIV. Оно оказалось побѣдителемъ почти во всѣхъ государствахъ Европы. Противоположный принципъ, принципъ народоправства и происхожденія государственной власти изъ народа сохранился на практикѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, въ Голландіи, гдѣ онъ защитилъ себя противъ испанскаго абсолютизма отчасти съ помощью Англіи, и въ самой Англіи. Если онъ и не былъ признанъ въ этой послѣдней странѣ въ теоретической сторонѣ своей, то на практикѣ онъ пустилъ глубокіе корни и вырвать его было трудно. Англичане крѣпко держались за свои старыя хартіи, въ которыхъ они записали отвоєванныя границы общественной автономіи. За эту трудную задачу уничтоженія англійскаго парламента взялся Карлъ I, и его главнымъ помощникомъ былъ графъ Страффордъ. Въ петиціи о правахъ англичане напомнили королю о своихъ древнихъ правахъ и принудили признать ихъ законное существованіе; но король не помирился съ этимъ порядкомъ и рѣшился управлять безъ парламента. Для этого, какъ понималъ и Страффордъ, нужны были войска и деньги. Для созданія того и другого нужно было избѣгать всякихъ осложненій; вотъ почему онъ старался не раздражать ирландцевъ религіозными преслѣдованіями. Онъ предпочелъ извлекать изъ нихъ деньги перспективой возможности возстановленія и оживленія старыхъ законовъ, изданныхъ противъ католиковъ. Они давали деньги, а Страффордъ оставлялъ ихъ въ покоѣ. Всѣ средства были пущены въ ходъ лишь бы добыть денегъ. Онъ выжималъ ихъ изъ англичанъ наравнѣ съ ирландцами. Англійская компанія, получившая концессію въ сѣверномъ Ульстерѣ и построившая тамъ городъ Лондондери, давно не вносила слѣдующихъ съ нея платежей. Страффордъ заставилъ ее заплатить всѣ недоимки. Коннаутскіе землевладѣльцы тоже не были оставлены безъ вниманія. Не смотря на уплаченныя суммы королю ихъ права снова были поставлены подъ вопросительный знакъ. Для того, чтобы придать дѣлу видъ законности, вопросъ о правѣ собственности былъ переданъ судебной власти. Подъ давленіемъ угрозъ и насилій большинство судовъ Коннаута приняло

рѣшенія, угодныя намѣстнику; но судъ въ Гальвѣ рѣшительно высказался противъ него. Тогда присяжные этого суда были подвергнуты преслѣдованію. Ихъ засадили въ тюрьму и подвергли каждому 1000 ф. ст. штрафа. Этимъ путемъ удалось сломить сопротивление и этого суда, и дѣло коннаутскихъ землевладѣльцевъ казалось проиграннымъ; но въ послѣдній моментъ Страффордъ остановился и не приступилъ къ конфискаціямъ имѣній. Эта остановка объясняется поворотомъ, который произошелъ въ положеніи короля въ Англіи. Въ это время началось возстаніе противъ Карла I въ Шотландіи, которое въ связи съ раздраженіемъ противъ него въ Англіи сразу получило опасный характеръ. Въ такое время осложнять положеніе въ Ирландіи представлялось Страффорду неблагоприятнымъ, вотъ почему онъ оставилъ коннаутскихъ землевладѣльцевъ въ покоѣ.

Не слѣдуетъ думать, что онъ только путемъ выжиманія денегъ старался осуществить свою политику усиленія королевской власти въ Ирландіи. Съ тою же цѣлью онъ принимаетъ рядъ положительныхъ мѣръ, которыя имѣли большее значеніе, чѣмъ отрицательныя. Онъ обратилъ вниманіе на земледѣліе и скотоводство въ странѣ и непрестанно заботился объ его подъемѣ. И то и другое стояло на очень низкой степени развитія. Принявъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы ввести въ Ирландіи лучшіе способы обработки земли и лучшія породы скота, онъ успѣлъ увидѣть и плоды своихъ усилій: произошелъ нѣкоторый подъемъ сельскаго хозяйства. Интересно, что рядомъ съ этимъ вниманіемъ къ благосостоянію острова, онъ противодействуетъ развитію шерстоткацкой промышленности, дабы послѣдняя не оказала конкуренціи того же рода англійской промышленности, тѣмъ болѣе что Ирландія по мѣстнымъ условіямъ благопріятствовала разведенію овецъ, а слѣдовательно и шерстяной промышленности. Мы не разъ въ теченіе новой исторіи Ирландіи встрѣчаемся съ подобной политикой придавливанія той или другой отрасли промышленности въ интересахъ англійской монополіи. Но, противодействуя развитію шерстяной промышленности, Страффордъ энергично содѣйствовалъ развитію льняной промышленности, для которой въ Ирландіи были также благопріятныя условія. Равнымъ образомъ онъ принималъ мѣры для увеличенія мѣстнаго торговаго флота. Всѣ эти заботы

Страффорда отразились на благосостоянии страны, которое в свою очередь повліяло на увеличеніе доходовъ казны. Доходъ отъ пошлинъ утroyлся безъ повышенія ихъ таксы. Благодаря усиленію дохода, Страффорду стало возможнымъ организовать и содержать постоянную армію въ 9000 человекъ, которая въ его планахъ должна быть вѣрнымъ орудіемъ абсолютизма, а сейчасъ служила ему для быстрого подавленія волненій ирландцевъ и для обузданія оппозиціонныхъ поповозновеній мѣстныхъ шотландскихъ и англійскихъ колонистовъ. Надо сказать, что какъ первыя, такъ и вторыя были ничтожны пока, и въ общемъ страна пользовалась при немъ спокойствіемъ. Его управленіе было популярно на островѣ, и это сказалося въ томъ, что въ 1640 году, какъ разъ наканунѣ революціи въ Англій дублинскій парламентъ вотировалъ въ распоряженіе Страффорда четыре новыхъ субсидій и во введеніи къ биллю выразилъ благодарность королю за то, что онъ далъ Ирландіи такого умнаго и энергичнаго намѣстника. Впослѣдствіи, послѣ отозванія Страффорда и возбужденія противъ него обвиненія въ государственной измѣнѣ парламентъ объяснилъ, что это постановленіе неправильно было внесено въ протоколъ сторонниками намѣстника; но если и допустить такое толкованіе происхожденія этого введенія къ постановленію, то все же надо признать сильную власть, пріобрѣтенную Страффордомъ въ Ирландіи, и можно сказать, что онъ не преувеличивалъ, когда еще въ 1634 году писалъ своему другу архіепископу Лоуду (Laud): „я могу утверждать, что король здѣсь настолько неограниченъ, какъ едвали какой-нибудь другой государь на свѣтѣ“.

Дѣятельность Страффорда могла заслуживать одобренія ирландцевъ и то не безъ ограниченій; но съ точки зрѣнія англичанъ и въ особенности съ точки зрѣнія противниковъ абсолютизма она заслуживала самаго серьезнаго осужденія. Созванный королемъ поневолѣ Долгій Парламентъ не безъ основанія считалъ его опаснымъ для вольностей Англій и для ея основныхъ учрежденій. Поэтому онъ потребовалъ отъ короля отозванія Страффорда и вызова его въ Англію. Напрасно Страффордъ убѣждалъ короля, чтобы онъ его оставилъ въ Ирландіи, что онъ будетъ тамъ ему гораздо полезнѣе, чѣмъ въ Англій, напрасно онъ указывалъ ему, что враги короля

ищутъ гибели его, Страффорда, король былъ настолько слабъ, что согласился на требованіе оппозиціи, не думая однако въ это время, что ему придется пожертвовать ей головой Страффорда. Онъ рѣшительно обѣщалъ ему полную безопасность. Какъ только однако послѣдній прибылъ въ Англію, онъ былъ арестованъ, и противъ него былъ начатъ процессъ въ государственной измѣнѣ. Ирландскій парламентъ прислалъ депутацію для того, чтобы слѣдить за ходомъ этого процесса. Противъ Страффорда выставлено было много обвиненій, большая часть которыхъ была взята изъ его управленія въ Ирландіи. Ему ставилось въ вину расположеніе къ католикамъ, то, что онъ создалъ въ Ирландіи армію съ цѣлью при помощи ея покорить Англію, то, что онъ производилъ насилія надъ присяжными во время процессовъ въ Коннаутѣ противъ землевладѣльцевъ; ему приписывали, что онъ ихъ клеймилъ каленымъ желѣзомъ и протыкалъ имъ языки. Всѣ эти обвиненія, изъ которыхъ многія были фактически обоснованы, были недостаточны для того, чтобы поддерживать предъ палатой лордовъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Тогда палата общинъ рѣшила прибѣгнуть къ такъ называемому биллю объ опалѣ (bill of attainder), т. е. рѣшила осудить Страффорда законодательнымъ актомъ. Это практиковалось въ Англіи, хотя и не часто; но никогда не оправдывалось съ точки зрѣнія справедливости. Билль о признаніи Страффорда виновнымъ въ государственной измѣнѣ и подлежащимъ смертной казни былъ принятъ; но какъ каждый билль онъ могъ войти въ законную силу лишь съ согласія короля. Отъ послѣдняго, значить, зависѣло спасти или нѣтъ Страффорда. Положеніе короля было трудно въ силу значительности оппозиціи; но оно было предвѣщено его предъидущимъ общаніемъ и важностью Страффорда какъ умнаго и энергичнаго чловѣка для короля. Король сильно колебался. Но ему въ его слабости помогъ самъ Страффордъ выйти изъ затруднительнаго положенія. 9-го мая 1641 года онъ написалъ ему письмо. Онъ писалъ ему: „Государь, послѣ долгой и тяжелой борьбы я принялъ единственное приличное въ моихъ обстоятельствахъ рѣшеніе. Всякимъ частнымъ интересомъ надо жертвовать для счастья вашей священной особы и государства. Умоляю васъ принятіемъ этого

билля устранить препятствіе къ благополучному миру между вами и вашими подданными. Мое согласіе, Государь, оправдаетъ васъ предъ Богомъ лучше, чѣмъ всякія человѣческія мѣры.. Моя душа, готовая оставить тѣло, прощаетъ все и всѣмъ съ безконечной радостью ...

На другой день государственный секретарь пришелъ къ Страффорду объявить отъ имени короля, что онъ согласенъ на рокозой билль. Нѣкоторое удивленіе показалось въ глазахъ графа и, вмѣсто всякаго отвѣта онъ, поднявъ руки къ небу, произнесъ: „Nollite confidere principibus et filiis hominum, quia non est salus in illis“.

На другой же день послѣ того, какъ согласіе короля сообщено было парламенту, голова Страффорда скатилась съ плахи въ Тоуэрѣ. На эшафотѣ онъ былъ столь же твердъ, какъ и въ жизни. Передъ тѣмъ какъ положить голову на плаху, онъ сказалъ окружающимъ: „желаю этому королевству всякихъ земныхъ благъ. Счастье отечества было цѣлью моей жизни, оно остается единственнымъ моимъ желаніемъ передъ смертью. Но умоляю каждого, кто услышитъ мои слова, подумать хорошенько, положи руку на сердце, слѣдуетъ-ли писать начало государственной реформы кровавыми буквами; подумайте объ этомъ, воротясь домой. Дай Богъ, чтобы ни одна капля моей крови не пала ни на кого изъ васъ; но я боюсь, что вы находитесь на худой дорогѣ“.

Съ отозваніемъ Страффорда изъ Ирландіи начинается новый фазисъ въ ея отношеніяхъ къ Англіи. Разъ не стало этого энергичнаго и умнаго человѣка, власть правительства ослабѣла. Съ другой стороны, начавшаяся борьба короля съ парламентомъ еще болѣе благопріятствовала этой слабости. Это возбуждало надежду въ странѣ на сверженіе англійскаго ига, а обстоятельства, которыя послѣдовали за отозваніемъ Страффорда благопріятствовали ускоренію возстанія. Къ королю ирландцы относились безразлично, но къ парламенту, въ которомъ все больше брали верхъ пуритане, заклятые враги папистовъ, они не могли не относиться съ большой опаской. Отъ парламента можно было ожидать и новыхъ религіозныхъ притѣсненій и новыхъ посягательствъ на ирландскую землю.

Послѣ Страффорда не былъ назначенъ намѣстникъ, а были посланы въ Ирландію два „лорда юстиціи“. Эти новые правители страны выбраны были крайне неудачно. Одинъ изъ нихъ былъ Пэрсонсъ (Parsons), другой Борлэзъ (Borlaise). Оба они извѣстны были въ Ирландіи и прославились тамъ въ качествѣ „открывателей“ еще при Яковѣ I въ то время, когда производилась охота на ирландскія земли. Особенной безсовѣтностью прославился тогда первый изъ нихъ. Одно назначеніе ихъ оправдывало худшія опасенія среди ирландскихъ землевладѣльцевъ. Они подтвердились тѣмъ, что Пэрсонсъ не опубликовалъ указа короля, которымъ послѣдній подтверждалъ „милости“, предоставленныя имъ раньше коннаутскимъ помѣщикамъ въ началѣ царствованія. Чтобы избѣжать оповѣщенія ирландцевъ объ этомъ распоряженіи короля, Пэрсонсъ успѣшилъ распустить дублинскій парламентъ, которому этотъ указъ долженъ былъ быть сообщенъ предварительно. Въ это время въ Ирландіи говорили, что парламентъ намѣренъ отнять третью часть земель у такъ называемыхъ „уклоняющихся“ для того, чтобы раздать ихъ англійскимъ колонистамъ. Такіе слухи волновали умы, а невѣроятнаго въ нихъ ничего не было. Къ нимъ присоединились опасенія за религію. Составъ англійскаго парламента располагалъ къ наихудшимъ подозрѣніямъ. Ему приписывалось желаніе искоренить католицизмъ. Говорили, что Пеймъ внесъ предложеніе о томъ, чтобы ни одинъ католическій священникъ не оставался въ Ирландіи. Въ то же время пресвитеріане, поселившіеся въ Ирландіи, подавали петиціи парламенту объ искорененіи католицизма.

Со страхомъ за свою собственность и религію соединялась надежда на возможность освободиться отъ англичанъ. Возстаніе шотландцевъ противъ Карла I, начинавшаяся борьба съ нимъ парламента, все это представлялось благопріятнымъ условіемъ для попытки освободиться. Вотъ тѣ обстоятельства, которыя послужили причиной начавшагося возстанія 1641 года. Составился заговоръ противъ англійскаго владычества и во главѣ его стали представители извѣстныхъ фамилій: Фелимъ О'Нейлъ (Phelim O'Neil), Роджеръ О'Муръ (Roger O'Moor) и Макъ Гиръ (Mac Guire). По уговору возстаніе должно было начаться внезапнымъ нападеніемъ

на Дублинскій замокъ, назначеннымъ на 23 октября 1641 года. Это нападеніе должны были произвести О'Муръ и Макъ Гиръ, а О'Нейлъ занялся подготовкой возстанія въ Ульстерѣ. Персонсъ однако узналъ о заговорѣ, и нападеніе на замокъ не удалось. Макъ Гиръ попался въ руки намѣстника, а Роджеру О'Муру удалось бѣжать и присоединиться къ О'Нейлю. Возстаніе въ Ульстерѣ началось, несмотря на неудачу покушенія на дублинскій замокъ. Возставшіе стали изгонять англійскихъ помѣщиковъ съ ихъ земель и грабили ихъ имущество. Интересенъ однако тотъ фактъ, что какого-либо избіенія англійскихъ колонистовъ при этомъ не было, и случаи убійства были исключительнымъ явленіемъ. Другой фактъ, характеризующій начало возстанія 1641 года, это отсутствіе въ немъ религіознаго элемента. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ показаніемъ писателя—Клоджи (Cloghу), который въ качествѣ зятя англиканскаго епископа Бедела, бывшаго нѣсколько мѣсяцевъ въ плѣну у возставшихъ, близко зналъ положеніе дѣлъ и въ симпатіяхъ къ католикамъ не можетъ быть заподозрѣнъ. Онъ категорически утверждаетъ, что инсургенты не стѣсняли плѣнныхъ авгличанъ въ отправленіи ихъ богослуженія и отвели для этого имъ помѣщеніе рядомъ съ тѣмъ, въ которомъ, по словамъ Клоджи, католическій епископъ отправлялъ свою „обѣдню Ваалу“. Онъ же рассказываетъ, что епископъ Беделъ могъ свободно проповѣдовать и что его желаніе быть погребеннымъ на кладбищѣ собора было исполнено. Когда онъ скончался, то не только была уважена просьба его единовѣрцевъ о предоставленіи имъ похоронить его торжественно, но ирландцы устроили почетный караулъ на похоронахъ его и чествовали салютомъ его погребеніе. Эти факты съ очевидностью доказываютъ, что въ этомъ фазисѣ возстанія религіозный элементъ стоялъ на второмъ планѣ и о какомъ-либо проявленіи фанатизма не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ современные событіямъ англійскіе историки, рассказывая про это возстаніе, изображали его движеніемъ фанатиковъ, которые произвели чуть не поголовное истребленіе англичанъ въ Ульстерѣ. Они повѣдали міру, что въ это время было убито 40, 50 и даже 122 тысячи протестантовъ. Эти рассказы о гибели столькихъ англичанъ отъ руки папистовъ вызывали ужасъ среди англичанъ и чувство мщевія.

Отсутствіемъ религіознаго элемента въ этомъ возстаніи объясняется тотъ фактъ, что въ началѣ возстанія инсургенты рѣшили падить колонистовъ шотландцевъ и оставляли ихъ неприкосновенными въ ихъ владѣніяхъ. Они считали ихъ въ силу того факта, что они возстали противъ короля Англіи, своими союзниками, не смотря на то, что шотландцы были завзятыми пуританами и съ отвращеніемъ относились къ папистамъ. Только потомъ, когда ирландцы увидѣли, что возставшіе шотландцы дѣйствуютъ за одно съ англійскимъ парламентомъ, они стали дѣйствовать противъ нихъ также; но въ началѣ возстанія этого не было. Начало возстанія 1641 года носило національный характеръ въ связи съ стремленіемъ къ политической независимости.

Лорды юстиціи посмотрѣли на возстаніе съ своеобразной точки зрѣнія. Они заботились только о томъ, чтобы возможно большее число лицъ было замѣшано въ возстаніе, дабы было больше матеріала для конфискацій. Парламентъ съ своей стороны тоже принялъ рѣшенія, содѣйствовавшія усиленію возстанія. Въ декабрѣ 1641 года онъ постановляетъ искоренить совершенно католическую религію и тѣмъ побуждаетъ всѣхъ католиковъ присоединиться къ возставшимъ. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ католики Пэля, ирландцы и англичане по происхожденію, примыкаютъ къ возстанію, мотивируя свое рѣшеніе необходимостью защищать свою вѣру. Такимъ образомъ возстаніе выходитъ изъ предѣловъ Ульстера и переходитъ въ Лейнстеръ. Затѣмъ въ февралѣ 1642 года парламентъ принимаетъ новое рѣшеніе. Онъ объявляетъ, что 2¹/₂ милліона акровъ въ Ирландіи должны быть конфискованы и переданы въ вознагражденіе тѣмъ предпринимателямъ, которые давали средства парламенту. Эта декларация сдѣлала то, что возстаніе началось и въ Мунстерѣ, и въ Коннаутѣ. Вся Ирландія теперь была охвачена пламенемъ возстанія. вмѣстѣ съ тѣмъ самая война принимаетъ болѣе дикій характеръ съ обѣихъ сторонъ. Англійскіе военачальники объявляютъ, что никто изъ возставшихъ не долженъ быть щадимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе и организуется. Католическое духовенство Ирландіи собралось весной 1642 года въ древнемъ соборѣ въ Килькени. Сюда съѣхалось 29 архіепископовъ и епископовъ и 10 генераловъ монашескихъ

орденовъ. Соборъ объявилъ, что война ирландцевъ вызвана опасностью, грозящей ихъ религіи, и потому призналъ ее законной, но вмѣстѣ съ тѣмъ осудилъ жестокости, которыя допускались инсургентами. Онъ учредилъ комитетъ изъ 24 членовъ, который долженъ былъ взять на себя руководство дѣлами страны; но исполненіе этого рѣшенія отложилъ до того времени, когда соберутся члены парламента. Вскорѣ послѣ съѣзда духовенства тамъ же, въ Килькени, съѣхались 25 свѣтскихъ и духовныхъ пэровъ и 226 членовъ палаты общинъ. Назначенъ былъ постоянный комитетъ для управленія дѣлами возставшихъ и ассигнованы были денежные средства для войны съ парламентомъ. Ирландцы выдѣляли короля изъ своей распри. Напротивъ, они рѣшили послать къ нему депутацію для переговоровъ съ заявленіемъ своей преданности и съ оправданіемъ своихъ самостоятельныхъ дѣйствій. Одновременно было послано посольство къ католическимъ державамъ: Франціи, Испаніи и къ папскому престолу съ просьбой о поддержкѣ. Онѣ откликнулись на это обращеніе и прислали своихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, аккредитовавъ ихъ при временномъ правительствѣ Ирландіи. Такимъ образомъ возставшіе были признаны воюющей стороною.

Таковъ оборотъ, который приняли дѣла въ Ирландіи въ теченіе 1642 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣнился самый характеръ возстанія: будучи въ началѣ чисто національно-политическимъ, оно становится главнымъ образомъ религіознымъ. Мы видимъ, что въ немъ принимаютъ участіе и англичане католики, и съѣзжающіеся представители возставшихъ выставляютъ свои религіозные интересы на первомъ планѣ. Сношенія съ католическими державами Европы только еще болѣе подчеркиваютъ религіозный характеръ движенія. Национальный и политическій мотивы отступаютъ на задній планъ, хотя, понятно, и не сходятъ совсѣмъ со сцены.

Какъ же отнесся Карль I къ возстанію ирландцевъ? Онъ нисколько не интересовался тѣми дѣлами, которыя ихъ волновали; но онъ понялъ значеніе этого движенія для тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился, и рѣшился использовать это возстаніе для своей борьбы съ парламентомъ. Вслѣдствіе этого онъ прика-

заль начальнику войскъ, дѣйствовавшихъ противъ ирландцевъ, Ормонду войти въ переговоры съ килькенійскимъ совѣтомъ и заключить съ нимъ перемиріе. Это приказаніе было исполнено въ сентябрь 1643 года. Перемиріе было заключено на годъ съ тѣмъ, что если бы оказалась нужда, оно можетъ быть продолжено еще на полгода. Въ теченіе этого времени обѣ стороны занимаютъ тѣ мѣстности, въ которыхъ застало ихъ перемиріе. Въ теченіе этого времени католики не должны быть тревожимы въ своихъ религіозныхъ дѣлахъ, а также и въ своей собственности.

Въ благодарности за перемиріе ирландцы дали королю субсидію въ 20 т. ф. с. Онъ съ своей стороны, чтобы показать имъ свое расположеніе и желаніе удовлетворить ихъ желанія, удалилъ Пэрсона и назначилъ намѣстникомъ Ормонда, хотя и враждебно относившагося къ папистамъ, но человѣка разумнаго и умѣреннаго. Отношеніе къ этому перемирію ирландскаго населенія было далеко не одинаково. Англичане католики были ему очень рады, ибо оно избавляло ихъ отъ борьбы, противорѣчившей ихъ лояльнымъ чувствамъ по отношенію къ королю. Ирландцы католики не были ему рады, ибо сомнѣвались въ его полезности; также точно недовольны были имъ и пуритане, которые сочувствовали парламенту и видѣли въ перемирії выгоду для короля и невыгоду для дѣла парламента и своего собственнаго. Одна мысль о мирѣ съ папистами была имъ противна.

Однимъ изъ условій перемирія было разрѣшеніе ирландской депутаціи отправиться къ королю, бывшему въ это время въ Шотландіи, чтобы представить ему желанія націи. Такъ какъ главнымъ изъ нихъ было предоставленіе католической церкви одинаковыхъ правъ съ англиканской церковью въ Ирландіи, то король не рѣшился вести переговоры объ окончательномъ мирѣ чрезъ Ормонда, зная напередъ, что онъ воспротивится такому условію, а назначилъ для этого особаго уполномоченнаго Глэморгала. При его посредствѣ въ 1645 г. наконецъ былъ заключенъ миръ. Въ силу его условій ирландцы обязывались поставить королю армію въ десять тысячъ человѣкъ, а онъ съ своей стороны обязывался предоставить католической церкви въ Ирландіи права, одинаковыя съ

англиканской церковью. Ирландцы исполнили свое обещаніе и послали солдатъ въ Англію. Судьба ихъ была очень печальна. Парламентъ постановилъ, что каждый ирландскій папистъ, оказавшійся въ Англіи съ оружіемъ въ рукахъ, долженъ быть убитъ. Это постановленіе не осталось мертвой буквой, и ирландскіе солдаты, попадавшіе въ плѣнъ, были хладнокровно избиваемы.

Договоръ короля съ ирландцами долженъ былъ оставаться въ тайнѣ. Но такое крупное дѣло не могло оставаться въ секретѣ. Впослѣдствіи въ карманѣ платья убитаго въ сраженіи епископа Туама найдена была копія этого договора. Парламентъ тотчасъ его опубликовалъ. Этотъ документъ вызвалъ такое негодованіе во всей странѣ, что Карлъ I не только не нашелъ въ себѣ мужества признать его, но отрекся отъ него. Онъ завѣрялъ своимъ честнымъ словомъ короля и христіанина, что онъ не давалъ Глэморгану приказанія заключать этотъ или подобный договоръ и въ доказательство приказалъ Ормонду возбудить противъ него преслѣдованіе за государственную измѣну. Но это лживое завѣреніе не пособило ему; скорѣе оно принесло ему вредъ. Англичане его завѣренію не повѣрили и только увидѣли въ немъ новое доказательство его вѣроломства, а это отшатнуло отъ него многихъ. Ирландцы были возмущены его отреченіемъ отъ своего слова и конечно не могли его дальше поддерживать. Такъ рушилась эта попытка короля использовать ирландское возстаніе въ интересахъ королевской власти. Отношенія же парламента къ Ирландіи стали еще болѣе озлобленными.

Двуличная политика Карла вредила не только его дѣлу. Она оказала разлагающее дѣйствіе на ирландское движеніе. Борьба возобновилась; но между роялистами и ирландцами связь ослабѣла. Военныя дѣйствія велись съ переменнымъ счастьемъ. Фелимъ О'Нейлъ видя свою недостаточность для того дѣла, во главѣ котораго онъ сталъ, отказался отъ предводительства и передалъ его талантливому и рѣшительному челоуѣку Овенъ Рой О'Нейлю, который и нанесъ англичанамъ пораженіе при Бенбурбѣ. Годъ спустя онъ самъ потерпѣлъ такое же отъ нихъ при Тримѣ. Но не въ этихъ успѣхахъ и неудачахъ была суть дѣла, а въ тѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ,

которыя ослабляли единство ирландцевъ и въ силу которыхъ они теряли то время, пока велась война между королемъ и парламентомъ и когда, слѣдовательно, были кое какіе шансы успѣха при единствѣ возставшихъ ирландцевъ. Эти внутреннія отношенія были слѣдствіемъ столько же давней розни между англичанами, жившими въ Ирландіи, и туземцами, сколько и той политики, которой сталъ держаться папскій нунцій Ринуччини, присланный въ Ирландію. По прибытіи своемъ въ октябрѣ 1645 года онъ сначала держится хотя и строго католической политики, но все же заявляетъ о своей готовности употреблять свой авторитетъ въ пользу короля и такимъ образомъ не отчуждаетъ отъ себя роялистовъ изъ среды англичанъ и ирландцевъ. Но потомъ онъ становится въ положеніе иное. Онъ старается внушить ирландцамъ мысль, что спасеніе ихъ зависитъ отъ тѣсной связи ихъ съ римскимъ престоломъ и направляетъ свои усилія къ отторженію Ирландіи отъ Англіи и переходу ея въ ленную зависимость отъ папы. По его наущенію католическое духовенство Ирландіи стало проповѣдывать, что съ того момента, какъ король Англіи отказался отъ послушанія католической церкви, онъ тѣмъ самымъ лишился тѣхъ правъ на Ирландію, которыя когда то предоставлены были папой его предку Генриху II, и Ирландія стала снова леномъ папы. Онъ употребилъ свое вліяніе, чтобы килькенійскій совѣтъ былъ измѣненъ въ своемъ составѣ. Въ него были избраны сторонники кардинала. Эта политика не замедлила оказать свои плоды. Сначала отшатнулись все роялисты, какъ протестанты, такъ и католики, и на сторонѣ Ринуччини стали только сторонники независимости Ирландіи. Потомъ, когда вскрылась его цѣль передать Ирландію изъ подданства Англіи въ подданство брата тосканскаго герцога подъ верховнымъ главенствомъ папы, то она возымѣла двоякія послѣдствія. Съ одной стороны Ормондъ понялъ, что если политика Ринуччини одержитъ верхъ, то Ирландія будетъ потеряна для Англіи и протестантизму въ этой странѣ наступитъ конецъ. Его чувство протестанта и англичанина возставало противъ такого исхода. Онъ предпочелъ парламентъ иноземному господству, да еще господству папы, и потому передалъ Дублинъ

парламентскому генералу Джонсу. Это событие и успех, одержанный войсками Джонса надъ ирландцами, повліяли въ свою очередь на отношеніе ирландцевъ къ политикѣ Ринуччини. Они дѣлали его отвѣтственнымъ за паденіе Дублина и за успѣхи англичанъ и стали покидать его. Вслѣдствіе этого къ концу 1648 года кардиналъ увидѣлъ себя совершенно изолированнымъ и, потерявъ всякую почву для дѣйствія въ Ирландіи въпользу папскихъ плановъ, вскорѣ покинулъ островъ. Его трехлѣтнее пребываніе въ Ирландіи оказалось пагубнымъ для національнаго дѣла ирландцевъ. Его политика совершенно разрушила единство среди инсургентовъ, которое было образовалось, а потомъ пошатнулось подъ вліяніемъ нерѣшительной и двуличной политики Карла I и которое было такъ необходимо для успѣха дѣла, если только вообще оно могло рассчитывать на успѣхъ.

Послѣ отъѣзда Ринуччини Ормондъ пытается возстановить единство въ интересахъ короля. Онъ ведетъ отъ имени короля переговоры съ инсургентами и приходитъ къ соглашенію на прежнихъ условіяхъ; но было уже поздно. Король попалъ въ руки парламента и въ январѣ 1649 года сложилъ свою голову на плахѣ. Теперь Ирландія осталась, такъ сказать, одинъ на одинъ съ парламентомъ, не имѣющимъ болѣе соперниковъ въ Англіи и могущимъ направить всѣ свои силы противъ нея. Тяжелое испытаніе обрушивается на «Зеленый Островъ».

Смерть Карла I объединила снова разрозненные элементы сопротивленія парламенту и сблизила между собой роялистовъ-протестантовъ, англичанъ-католиковъ и туземцевъ ирландцевъ, которые составляли старoirландскую партію. Представитель и предводитель ихъ Овенъ Рой О'Нейлъ сдѣлалъ было попытку сговориться съ парламентомъ, прежде чѣмъ присоединиться къ протестанту Ормонду. Ему претили епископалы еще больше, чѣмъ пуритане. Онъ предложилъ полное подчиненіе на условіи, что религіи католиковъ будетъ предоставлена терпимость. Парламентъ отвергъ это условіе. Пуритане не могли его принять, разъ они считали папистовъ исчадіемъ ада и дѣтьми дьявола. Послѣ этого онъ присоединился къ Ормонду. Теперь въ рукахъ послѣдняго была вся Ирландія, за

исключеніемъ Дублина, въ которомъ стояли войска парламента подъ начальствомъ генерала Джонса. Попытки Ормонда овладѣть Дублиномъ не удались. Чтобы покорить снова страну, парламентъ образовалъ армію и командующимъ ея назначилъ Оливера Кромвеля. Постановка этого человѣка во главѣ дѣла была залогомъ успѣха его. Онъ былъ убѣжденъ въ необходимости покоренія Ирландіи для безопасности Англіи; онъ вѣрилъ въ необходимость искорененія тамъ католицизма, по крайней мѣрѣ въ видѣ общественнаго культа, и считалъ нужнымъ заселить Ирландію англичанами. Предъ отправленіемъ въ Ирландію онъ прямо сказалъ въ Лондонской ратушѣ, что католицизмъ и папство не могутъ быть терпимы въ этой странѣ, и привелъ слова Якова I, будто-бы имъ сказанныя: «засели Ирландію пуританами, искорени папистовъ и тогда уже охраняй ее». Въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ на отношенія къ Ирландіи онъ былъ представителемъ воззрѣній, господствовавшихъ въ англійскомъ обществѣ; но въ немъ они пріобрѣтали болѣе рѣзкій и неуклонный характеръ, благодаря его личнымъ качествамъ. Его сильный умъ придавалъ программѣ болѣе широкій видъ, а его желѣзная воля способна была провести ее до послѣдняго вывода, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не смущаясь связанными съ нею бѣдствіями. Съ самаго начала онъ придавалъ походу религіозный характеръ. Служились молебны о дарованіи войску побѣды надъ язычниками для насажденія въ Ирландіи истиннаго слова Божьяго. Въ своихъ рѣчахъ онъ говорилъ, что походъ предпринять ради распространенія Евангелія Христа и чтобы возвратить странѣ, истекающей кровью, ея прежнее благополучіе. Къ августу 1649 года экспедиція была готова, и съ 9000 солдатъ, хорошо дисциплинированныхъ и подобранныхъ, и съ ста кораблями Кромвель отплылъ въ Ирландію и высадился въ Дублинѣ. Здѣсь онъ сначала занялся очисткой тамошней арміи отъ безнравственныхъ элементовъ и мѣрами безпощадной строгости и нравственнаго воздѣйствія ему удалось это слѣлать. Онъ составилъ корпусъ изъ 15000 человѣкъ. Отобравъ изъ него 10000 лучшихъ солдатъ, онъ въ началѣ сентября двинулся на сѣверъ и къ 10 числу подошелъ къ Дрогедѣ, приморскому городу, лежащему на р. Бойнѣ.

Тамъ былъ гарнизонъ въ 3000 человекъ подъ начальствомъ ген. Аштона. Это были лучшія войска роялистовъ; они представляли собою крупную ставку, съ потерей которой терялось очень многое. Первый день прошелъ неудачно для нападающихъ, но на другой день, когда слѣланы были артиллеріей значительныя брѣши, войска Кромвеля ворвались въ городъ. Началась отчаянная бойня, тѣмъ болѣе, что командующимъ приказано было не давать никому пощады. Осажденные отступили къ Мильмонту, представлявшему собою сильную и труднодоступную позицію. Она господствовала надъ всѣмъ городомъ. Сюда удалились Аштонъ и другіе высшіе офицеры. Однако, нападающіе ворвались и сюда, получивъ отъ Кромвеля приказаніе рубить всѣхъ. Остатокъ гарнизона бѣжалъ черезъ мостъ въ сѣверную часть города; но латники горячо преслѣдовали ихъ и загнали въ церковь св. Петра и въ крѣпостныя башни. Церковь, по приказанію Кромвеля, была сожжена. На слѣдующій день рѣзня возобновилась и продолжалась въ теченіе двухъ дней, пока весь гарнизонъ не былъ уничтоженъ и всѣ жители не были избиты. Въ одной церкви св. Петра было погублено, по словамъ Кромвеля, свыше тысячи человекъ. Всего было уничтожено въ Дрогедѣ по счету капелана Гюга Петерса 3652 человекъ. Часть жителей думала спастись на лодкахъ, но онѣ были потоплены. Кромвель говоритъ, что едва-ли изъ всего города осталось тридцать человекъ. Донося спикеру парламента объ этомъ дѣлѣ, онъ говоритъ: «дѣйствительно, въ пылу битвы я запретилъ имъ щадить въ городѣ кого бы то ни было изъ тѣхъ, кто носилъ оружіе, и я думаю, что въ эту ночь (первую) они изрубили около 2000 человекъ». Роялисты, однако, утверждаютъ, что сначала была обѣщана пощада и что въ теченіе нѣсколькихъ дней совершалось хладнокровное избіеніе людей, безъ разбора пола и возраста. Съ этимъ показаніемъ сходится тотъ фактъ, что изъ жителей Дрогеды почти никого не осталось въ живыхъ.

Въ заключеніе этого ужаснаго дѣла Кромвель приходитъ къ неожиданному выводу, что все это было дѣломъ всеблагаго промысла Божія.

«Богу угодно было, — пишетъ онъ, — благословить наши усилія.

Это было дѣломъ дивно великой благости. Я убѣжденъ, что это— справедливый божій судъ надъ этими варварами и негодьями, которые пропитали свои руки невинной кровью столькихъ жертвъ, и что это будетъ содѣйствовать прекращенію кровопролитія въ будущемъ. Въ этомъ и достаточное оправданіе подобнаго образа дѣйствій, который иначе не могъ бы возбудить ничего, кромѣ упрёка и сожалѣнія. Въ сердца нѣкоторыхъ изъ насъ было вложено убѣжденіе, что не силою и могуществомъ должно быть совершено это великое дѣло, но духомъ Божиимъ». Интересно для господствовавшихъ тогда возрѣній то, что такъ же точно это событіе было принято парламентомъ и государственнымъ совѣтомъ и нѣкоторыми изъ благороднѣйшихъ умовъ своего вѣка. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Гаррисонъ, біографъ Кромвеля.

Штурмъ Дрогеды произвелъ сильное впечатлѣніе не только въ округѣ, но и во всей Ирландіи. Чувство ужаса, соединенное съ чувствомъ негодованія, было вызвано этимъ событіемъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія многія мелкія крѣпости въ Ульстерѣ сдались Кромвелю. Онъ дѣйствовалъ очень быстро въ этой области. Обезпечивъ тутъ свое положеніе, онъ двинулся на югъ. 11 сентября былъ штурмъ Дрогеды, а 1-го октября онъ уже былъ подъ стѣнами Уэксфорда. На предложеніе сдачи городъ отвѣтилъ отказомъ. Городъ былъ сильно укрѣпленъ, обнесенъ валомъ въ 15 футовъ толщиной и снабженъ гарнизономъ изъ 2000 человекъ. Въ то время, какъ осаждающіе пробивали бреши, произошло недоразумѣніе: начальникъ внезапно сдалъ крѣпость. Благодаря этой неожиданности, вся армія республики ворвалась въ нее. Горожане принимали участіе въ защитѣ города, и всѣ они были отгнаны на базарную площадь. Здѣсь, какъ и въ Дрогедѣ, послѣдовало общее избіеніе. Перебито было болѣе 2000 человекъ. Оставшіеся въ живыхъ жители были сосланы на о. Барбадосъ и проданы тамъ въ рабство плантаторамъ. Такимъ образомъ, въ Уэксфордѣ повторилось то же самое, что и въ Дрогедѣ, и это не было неожиданностью. Самъ Кромвель, предлагая сдачу, недвусмысленно намекнулъ, что иначе городъ подвергнется участи Дрогеды, и прибавлялъ къ этому: „совершенно ясно, на чьей душѣ будетъ грѣхъ,

если вмѣстѣ съ виновными пострадаютъ и невинные“. Подъ вліяніемъ ужаса мелкіе форты Коркъ, Россъ, Югаль и Килькени сдались на волю побѣдителя, но въ городахъ Гауранѣ, Келленѣ и Клонмелѣ было оказано сильное сопротивленіе. Приморскій городъ Уотерфордъ такъ упорно защищался, что Кромвель вынужденъ былъ снять осаду. Но и тамъ, гдѣ побѣда легко далась, она сопровождалась жестокостями. Въ Гауранѣ слача совершилась на условіи, что офицеры будутъ выданы. Когда они были выданы солдатами, ихъ всѣхъ перерѣзали. Въ Россѣ попался въ руки Кромвеля епископъ. Онъ его повѣсилъ въ полномъ облаченіи передъ воротами замка, который онъ защищалъ.

Весной 1650 года Кромвель былъ отозванъ изъ Ирландіи. Еще въ январѣ этого года парламентъ потребовалъ его возвращенія въ Англію, но онъ послѣдовалъ этому приказанію только въ маѣ. Если мы остановимся на вопросѣ, что имъ сдѣлано въ Ирландіи, то не можемъ не отвѣтить на вопросъ, что онъ разрушилъ силу сопротивленія ирландцевъ. Страна не была покорена, но покореніе ея стало только вопросомъ времени; главные средства борьбы были разрушены. Послѣ отъѣзда его продолжалось уничтоженіе послѣднихъ остатковъ сопротивленія. На сѣверѣ, въ Ульстерѣ, послѣ Овенъ Роя О'Нейля, погибшаго въ битвѣ, велъ войну Макъ Магонъ, епископъ Глогера, на югѣ, въ Коннаутѣ, предводителемъ былъ лордъ Клэнрикардъ. И тамъ и тутъ сопротивленіе быстро уступало почву англичанамъ. Въ 1651 палъ Лиммерикъ центръ Мунстера. Борьба приняла совершенно дикій характеръ. Не только убивались люди, но избивался скотъ, чтобы не дать сопротивляющемуся населенію средства пропитанія. Не только скотъ, — уничтожались посѣвы на корню и для этого отряды англичанъ, вооруженные серпами и косами, снимали траву и зеленый хлѣбъ. Естественно, что затѣмъ насталъ страшный голодъ, отъ котораго населеніе пропало тысячами. По дорогамъ валялись трупы людей, а рядомъ съ ними и умирающіе, старавшіеся тщетно утолить свой голодъ, пожирая траву. Съ голодомъ появилась и чума, кончавшая жизнь тѣхъ, съ которыми еще не справился голодъ. Отъ чумы погибъ и зять Кромвеля Айртонъ, котораго онъ оставилъ вмѣсто себя въ Ирландіи

главнымъ начальникомъ войскъ республики. Мѣсто его занялъ Людлоу, который продолжалъ покореніе страны въ томъ же духѣ. Видя безнадежность положенія и не находя среди ирландцевъ никакой поддержки и даже часто встрѣчая отказъ впустить его отряды въ города, Ормондъ рѣшилъ оставить Ирландію. Онъ распустилъ своихъ солдатъ, большая часть которыхъ эмигрировала изъ страны и поступила на службу въ Испанію. Англичане не мѣшали этой эмиграціи и даже поощряли ее. Они понимали, что оставленіе страны наиболѣе здоровыми и энергичными людьми ослабляетъ силу ея сопротивленія. Въ 1652 году пала Гальва, столица Коннаута. Вслѣдъ затѣмъ пала послѣдняя крѣпость инсургентовъ Россъ, и парламентъ объявилъ оконченнымъ «умиротвореніе страны». Странно звучитъ это слово въ тогдашнемъ положеніи Ирландіи. Сплошное разореніе, уничтоженіе значительной части населенія, превращеніе городовъ и селъ въ развалины, таково было это „умиротвореніе“. Обнищавшее населеніе не видѣло свѣта Божьяго изъ глубины своего несчастья. Часть его пошла въ разбойники, и эти шайки, въ особенности въ Коннаутѣ, нападавъ на англичанъ, не щадили и своихъ. Ихъ называли тори. За ними охотились какъ за дикими волками; но трудно сказать, кого было больше — волковъ или разбойниковъ. И тѣ, и другіе расплодились на почвѣ запустѣнія страны. Но мирное населеніе несомнѣнно сократилось значительно. Въ 1641 г. его считали въ 1466 т. человекъ; изъ нихъ за это время погибли 616 т. чел., почти что половина. Эту потерю можно сопоставить развѣ только съ ужасами тридцатилѣтней войны въ Чехіи. Скотъ почти исчезъ, пришлось ввозить его изъ Англіи. Чтобы сохранить оставшійся, было издано запрещеніе убивать телятъ. Убой ихъ въ исключительныхъ случаяхъ допускался съ особаго каждый разъ разрѣшенія властей. Хлѣбъ въ Ирландіи поднялся въ цѣнѣ болѣе чѣмъ вдвое: съ 20 шил. за шефель до 50 шилинговъ. Цѣна денегъ тоже поднялась. Въмѣсто 6% какъ это было въ Англіи, платили въ Ирландіи 12%. Таковы были послѣдствія умиротворенія страны. За умиротвореніемъ, слѣдовало осуществленіе той программы, которую англичане давно намѣтили по отношенію Ирландіи и которую Кромвель выразилъ словами Якова I: «засели Ирландію

пуританами и искорени папистовъ». Мы видѣли, что уже давно земля ирландцевъ стала предметомъ вождѣнія англичанъ. Конфискаціи ея начались не со вчерашняго дня и чѣмъ дальше, тѣмъ остановились обширнѣе. Благодаря громадности воли Кромвеля, его энергіи и наличности полной придавленности ирландцевъ, осуществленіе программы въ его рукахъ приняло грандіозные размѣры. Вскорѣ послѣ покоренія страны изданы были распоряженія относительно земли и ея владѣтелей. 1 — Всѣ лица, принимавшія участіе въ возстаніи до 1642 года и поименованныя въ особомъ спискѣ въ нѣсколько сотъ человекъ, подлежали смертной казни, а земли ихъ конфисковались. 2 — Принимавшіе участіе позже 1642 года сохраняли жизнь, но подлежали конфискаціи двухъ третей ихъ земли. При этомъ они не могли сохранить остающуюся треть ихъ владѣній въ мѣстѣ своего жительства, внѣ Коннаута, а должны были получить эту треть только въ Коннаутѣ. Лица, не участвовавшія въ возстаніяхъ, но не могущія доказать своей политической благонадежности, лишаются только трети своихъ земель; но и взамѣнъ остающихся у нихъ двухъ третей должны получить землю въ Коннаутѣ. Всѣ упомянутыя категоріи лицъ должны были выселиться въ Коннаутъ не позже 1 мая 1654 года. Исключеніе допускалось только для женщинъ, состоящихъ замужемъ за протестантами, и для рабочихъ, нужныхъ англичанамъ для ихъ хозяйства. Таковы были распоряженія парламента отъ 12 августа 1652 года и 27 сентября 1653 года. Послѣдній актъ опредѣлилъ указанный выше срокъ выселенія ирландцевъ. Онъ былъ затѣмъ продолженъ до мая 1655 года. Послѣ того срока лицамъ, оказавшимся по сю, восточную сторону рѣки Шаннона, грозила смертная казнь. Дѣйствительно тогда многихъ людей казнили, а другихъ сослали на островъ Барбадось. По сю сторону, какъ мы сказали, позволено было остаться рабочимъ, нужнымъ для англичанъ, и крестьянамъ, которые владѣли участками не дороже 10 ф. ст. Имъ даровано было полное прощеніе. Эта мѣра лучше всего характеризуетъ мотивъ конфискаціи. То, что было не цѣнно, не конфисковалось, хотя владѣтели этихъ малыхъ участковъ несомнѣнно дѣйствовали въ возстаніи. Участки же помѣщиковъ болѣе крупныхъ, имѣвшіе большую цѣнность, кон-

фисковались, хотя владѣльцы ихъ и не принимали участія въ возстаніи. Самый Коннаутъ былъ предоставленъ ирландцамъ, потому что онъ не представлялъ ничего привлекательнаго. Это была болотистая и скалистая страна, очень мало годная для земледѣлія. Въ этой чертѣ осѣдлости должны были прозябать ирландцы, окруженные линіей въ четыре мили шириной и со стороны суши, и со стороны моря. Эта линія была составлена изъ поселеній солдатъ, долженствовавшихъ охранять черту осѣдлости и не пускать за нее ирландцевъ. Значительная часть ирландцевъ, преимущественно военныхъ, какъ мы упомянули, эмигрировала. Такими эмигрантами считали 34000 -солдатъ, ушедшихъ на службу въ чужія страны. Но еще было много невольныхъ эмигрантовъ, кромѣ сосланныхъ на Барбадосъ. Правительство позволило разнымъ агентамъ забирать людей немущихъ, — а въ это безвременье такихъ развѣ мало было? — и отправлять ихъ въ колоніи на работы къ плантаторамъ, иначе говоря въ рабство. Эти люди забирала дѣвушекъ, дѣтей, вдовъ, кого только можно было захватить, и партіями отправляли ихъ въ Америку. Сколько было такихъ невольныхъ эмигрантовъ, нельзя сказать.

Что же случилось съ конфискованными землями? Четыре графства парламентъ оставилъ въ свое распоряженіе, чтобы изъ нихъ вознаградить людей за услуги, оказанныя республикѣ; были розданы также земли тѣмъ лондонскимъ купцамъ, которые давали деньги парламенту во время борьбы его съ королемъ, другія земли были розданы солдатамъ Кромвеля, участвовавшимъ въ покореніи страны. Оставшаяся часть земель была пущена въ продажу по дешевой цѣнѣ. Такъ осуществлена была одна часть программы Кромвеля, относительно захвата ирландскихъ земель. Другою частью программы было искорененіе папистовъ. Всѣ церкви католиковъ были отобраны въ казну и переданы протестантамъ. Мѣста для католическаго культа не осталось. Но не должно было оставаться и служителей католической церкви. Съ этой цѣлью было издано распоряженіе, запрещавшее пребываніе въ Ирландіи католическимъ духовнымъ лицамъ. Оказавшійся послѣ изданія этого распоряженія въ Ирландіи католическій священникъ или епископъ подвергался смертной казни че-

резъ повѣшеніе, обезглавленіе или четвертованіе. Укрыватель священника подвергался конфискаціи имущества, а въ извѣстныхъ случаяхъ и смертной казни. Напротивъ, открыватели духовныхъ лицъ получали вознагражденіе за доносъ въ размѣрѣ не менѣе 10 ф. ст. За вліятельныхъ духовныхъ лицъ или же лицъ высшаго ранга платилось и дороже, смотря по важности открытаго духовнаго католика. Когда въ англійскомъ парламентѣ нѣсколько позже обсуждался вопросъ о налогахъ въ Ирландіи, то депутатъ изъ Ирландіи *), возражая противъ новыхъ налоговъ и указывая на разоренность страны, указалъ, что тамъ существуютъ расходы, которыхъ Англія не знаетъ. Онъ указалъ на то, что тамъ за cadaго убитаго волка казна платитъ 5 ф. ст., за волчицу 10 ф. ст., за пойманнаго папистскаго священника тоже 10 ф. ст. и за тори 20 ф. ст. Одно сопоставленіе этихъ цифръ громко вопіетъ противъ того общественнаго порядка, который водворился въ Ирландіи послѣ кромвелевскаго покоренія ея. Если священникъ ставился на одну доску съ волчицей, то глубже этой дикости спуститься было трудно.

Представляя себѣ весь ужасъ этого положенія вещей, невольно склоняешься къ утѣшительной мысли, что оно явилось продуктомъ обстоятельствъ болѣе или менѣе случайныхъ и потому переходящихъ и потому не могло быть долговѣчнымъ. Личная воля Кромвеля создала ужасъ борьбы съ ея крайнимъ ожесточеніемъ, а это уже создало дальнѣйшія послѣдствія побѣды ожесточенныхъ побѣдителей. Другимъ случайнымъ обстоятельствомъ можно было бы признать взрывъ кальвинистскаго фанатизма пуританъ, который въ Кромвелѣ только нашелъ своего сильнаго и талантливаго вожака. Какъ ни желательно было бы признать колоссальное избіеніе ирландскаго народа и ограбленіе его явленіемъ случайнымъ, созданнымъ случайными причинами, сдѣлать этого нельзя. Нѣтъ, этотъ ужасный моментъ въ исторіи Ирландіи не былъ случайнымъ и установившійся за нимъ отвратительный режимъ не былъ явленіемъ кратковременнымъ, а могъ, напротивъ, рассчитывать на долгую жизнь. Доказа-

*) Кромвель уничтожилъ отдѣльный ирландскій парламентъ. Депутаты Ирландіи отправлялись въ лондонскій парламентъ. Возстановленіе дублинскаго парламента произошло во время реставраціи Стюартовъ.

тельства у насъ на глазахъ. Національная ненависть англичанъ къ ирландцамъ была давнимъ, вѣковымъ дѣломъ. Мы это видѣли. Если такіе люди, какъ Бэконъ Веруламскій, признавали ирландскій общественный строй варварскимъ, то удивительно ли, что другіе англичане смотрѣли на ирландцевъ съ еще большимъ предубѣжденіемъ и враждой. Вражда къ католичеству и стремленіе къ искорененію его не съ пуританами начались и не съ паденіемъ ихъ господства кончились. Непрерывной цѣпью идутъ религіозныя преслѣдованія съ XVI вѣка черезъ весь семнадцатый, а страхъ предъ свободою католиковъ проникъ и въ XIX столѣтіе. Захватъ ирландскихъ земель тоже начался давно, еще съ Маріи Тюдоръ, и съ теченіемъ времени все болѣе усиливался, разжигая аппетитъ англичанъ.

Такимъ образомъ, кромвелевская эпоха не внесла ни одного новаго элемента въ отношенія англичанъ къ ирландцамъ. Если тутъ есть что либо спеціально ей принадлежащее, это большіе размѣры, которые были даны этимъ давно существовавшимъ элементамъ. Эти размѣры, приводящіе насъ въ ужасъ, производили поэтому совершенно иное впечатлѣніе на современниковъ. Они приходили отъ нихъ въ изумленіе, но изумленіе пріятное, и одобряли кровавыя бани Дрогеды и Уэксфорда, и вымарываніе голодомъ ирландцевъ, и охоту на католическихъ пастырей, какъ на волковъ. Все это казалось нормальнымъ и необходимымъ для блага Англіи.

Такимъ образомъ, порядокъ вещей, созданный въ Ирландіи кромвелевскимъ погромомъ, принадлежалъ не ему, а тѣмъ стародавнимъ отношеніямъ между Ирландіей и Англіей, которыя мы видѣли раньше. Кромѣ того, сюда принесены были тѣ чувства и взгляды, которые выросли на почвѣ религіозно-политической борьбы, происходившей на всемъ пространствѣ Западной Европы. Чтобы этотъ порядокъ миновалъ, нужно было, чтобы ослабѣла ненависть англичанъ къ ирландцамъ подъ вліяніемъ прекращенія борьбы и болѣе широкаго соприкосновенія съ ними, чтобы ненависть уступила идеѣ справедливости; надо было, чтобы научное просвѣщеніе челоуѣчества пробило своими благотворными лучами мракъ религіознаго фанатизма, развеяло этотъ туманъ, окутавшій и проникшій политическую и

частную жизнь, и поставило на мѣсто насилія надъ человѣческой совѣстью религіозную терпимость и уваженіе къ свободѣ религіознаго чувства; надо было, наконецъ, чтобы и въ области экономическихъ отношеній взяли верхъ идеи, осуждающія грабежъ во всѣхъ его видахъ и запрещающія жать тамъ, гдѣ не сѣялъ. Такія измѣненія въ человѣческихъ чувствахъ и мысляхъ не происходятъ скоро, а поскольку медленно идетъ эта культурная работа, постольку нельзя было надѣяться на скоропреходящестъ того режима, который прочно водворился въ Ирландіи при Кромвелѣ.

III.

Послѣдніе Стюарты и окончательный погромъ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что вмѣстѣ съ подавленіемъ ирландскихъ возстаній все въ большихъ и большихъ размѣрахъ производится конфискаціи земель съ передачей ихъ въ руки англичанъ. Это обезземеливаніе ирландскаго населенія, принявшее грандіозные размѣры во время англійской революціи, и колонизація Ирландіи англичанами, главнымъ образомъ помѣщиками, вноситъ новый элементъ въ отношенія ирландцевъ и англичанъ. Къ національному и религіозному антагонизму присоединяется вражда, вытекающая изъ уродливыхъ экономическихъ отношеній. Такимъ образомъ сложились тѣ три элемента отношеній двухъ враждебныхъ народностей, которыя въ большей или меньшей степени продолжаютъ дѣйствовать и до сего дня.

Разгромъ Ирландіи при Кромвелѣ и массовое истребленіе ея населенія повергли ее въ подавленное состояніе. Съ возвращеніемъ Стюартовъ на престолъ Англіи въ ирландцахъ возрождается надежда на лучшее будущее. Основаніемъ ея могло быть соображеніе, что ирландцы оставались вѣрны Стюартамъ послѣ казни Карла I и отстаивали права его сына на престолъ. Дѣйствительно въ началѣ царствованія Карла II какъ будто происходитъ поворотъ въ пользу ирландцевъ. Въ 1662 году издается актъ о поселеніяхъ, въ силу котораго такъ называемымъ „невиннымъ“ ирландцамъ предоставлено было получить обратно земли, которыя у нихъ были отняты. Подъ понятіе невинныхъ были отнесены тѣ, которые не принимали участія въ возстаніяхъ противъ Англіи до 1643 года. Имъ предоставлялось получить двѣ трети отнятыхъ у нихъ земель и возвратить тѣ, которыя они получили взамятъ въ Коннаутѣ.

Осуществленіе этого закона шло очень медленно, и онъ могъ оказать услугу сравнительно незначительному числу лицъ, такъ какъ очень мало было такихъ, которые бы не принимали участія въ возстаніи 1641 года и въ двухъ послѣдующихъ годахъ. Но, несмотря на это, законъ этотъ вызвалъ сильнѣйшее неудовольствіе среди англичанъ. Такъ какъ они были вліятельнѣе ирландцевъ, которые были слишкомъ бѣдны, чтобы ихъ голосъ былъ очень слышенъ въ правительственныхъ сферахъ, то понятно, что ихъ крикъ о томъ, что ихъ обираютъ въ пользу папистовъ, произвелъ впечатлѣніе, и въ 1665 году былъ изданъ разъяснительный законъ, по которому даже тѣмъ, кто не принималъ участія въ какихъ бы то ни было возстаніяхъ, земли, у нихъ отнятыя, могли бы быть возвращаемы лишь въ томъ случаѣ, если онѣ не были еще переданы въ другія руки. Это разъясненіе сводило всю льготу на нѣтъ, такъ какъ почти не было земель, которыя не были бы переданы англичанамъ. Объясняется такое равнодушное отношеніе короля къ судьбѣ ирландцевъ не только тѣмъ, что ихъ голосъ не былъ ему слышенъ, но и тѣмъ, что онъ, какъ глубокой эгоистъ, не чувствовалъ никакой нравственной обязанности по отношенію къ нимъ, и ему казалось, что они не представляютъ изъ себя силы, которая могла бы быть принимаема въ расчетъ въ его политическихъ комбинаціяхъ.

Не только въ этомъ актѣ онъ поставилъ себя противъ ирландцевъ, но затѣмъ въ его царствованіе принимались и другія мѣры, которыя вредили интересамъ Ирландіи. Такъ, напримѣръ, Кромвель въ своемъ актѣ о мореплаваніи поставилъ ирландскіе корабли въ совершенно одинаковое положеніе съ англійскими, въ отношеніи транспортировки товаровъ въ колоніи. Какъ извѣстно, торговля съ послѣдними могла производиться только на англійскихъ корабляхъ. Такимъ образомъ, ирландскіе арматоры, какъ англійскіе подданные, извлекали выгоды изъ Акта о Мореплаваніи. При Карлѣ II, въ 1663 году, въ новомъ навигаціонномъ актѣ ирландскіе судохозяева въ отношеніи торговли съ колоніями были поставлены на одну доску съ иностранцами. Этотъ законъ убилъ ирландское судостроеніе, для котораго у нея были многія благопріятныя ус-

ловія. Въ теченіе долгаго времени послѣ изданія его на верфяхъ Ирландіи не было построено ни одного корабля. Въ отношеніи ирландскаго скотоводства тоже была принята стѣснительная мѣра. Сначала былъ запрещенъ ввозъ въ Англію откормленнаго скота, начиная съ 1 іюля каждаго года, а затѣмъ, когда эта мѣра показалась англійскимъ землевладѣльцамъ недостаточной, совсѣмъ былъ запрещенъ ввозъ всякаго скота, кормленаго и худого. Всѣ эти распоряженія разочаровали ирландцевъ въ ихъ надеждахъ на Карла II, и съ тѣмъ большей надеждой они обратили взоры на его преемника Якова II, про котораго было извѣстно, что онъ былъ католикомъ.

Тотчасъ послѣ своего вступленія на престолъ онъ приказалъ герцогу Ормонду, бывшему намѣстникомъ Ирландіи въ теченіе всего царствованія Карла II, оставить мѣсто и назначилъ туда двухъ лицъ: полковника Тальбота въ качествѣ начальника военныхъ силъ острова и лорда Генри Кларендона начальникомъ гражданской части. Тальботъ, ставшій скоро графомъ Тирконнедемъ, долженъ былъ направить всѣ усилія къ тому, чтобы увеличить католическій элементъ въ войскахъ, а его сотоварищъ долженъ былъ стремиться къ тому же въ отношеніи гражданскихъ учрежденій. Гр. Тирконнель уволилъ многихъ офицеровъ протестантовъ и освободившіяся мѣста передалъ католикамъ. По мнѣнію короля, такимъ способомъ создавалась въ Ирландіи база для его дѣйствій въ Англіи въ томъ же направленіи. Въ муниципальных учрежденіяхъ Ирландіи протестанты также вытѣснялись и замѣнялись католиками. Ирландцамъ подавалась надежда и на то, что отнятыя у нихъ земли будутъ возвращены имъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, симпатіи населенія были приобрѣтены Яковомъ II.

Его политика въ Англіи сводилась къ тому, чтобы дать католикамъ торжество надъ протестантами въ государственной машинѣ и при помощи ихъ идти къ водворенію абсолютизма. Эта цѣль съ перваго взгляда не казалась недостижимой, такъ какъ королю обезпечена была поддержка такого могущественнаго государя, какъ Людовикъ XIV. Во всей Европѣ абсолютизмъ торжествовалъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, какъ, на примѣръ,

Голландія, гдѣ народоправство прежде отстояло себя противъ Испаніи и отстаивало теперь свое существованіе противъ покушеній Франціи. Но Яковъ II не принималъ во вниманіе того, что для достиженія своей цѣли ему придется опрокинуть недавно еще изданный «test act», искоренить нерасположеніе къ католикамъ, которое такъ сильно было среди огромнаго большинства англійскаго населенія, и вытравить всѣ тѣ взгляды, чувства и привычки, которыя создались со времени Великой Хартии Вольностей и возстаніе противъ которыхъ стоило его отцу головы. Борьба противъ всего этого было почти невозможно, и съ этой стороны идея короля была революціонной химерой, крайне опасной для престола и династіи. Чтобы облегчить свою задачу, онъ рѣшился привлечь на свою сторону диссидентовъ-кальвинистовъ, которые наравнѣ съ католиками не могли пользоваться политическими правами, въ силу того же test act'a. Не думаемъ, что здѣсь слѣдуетъ приводить подробности этой борьбы короля съ стариннымъ и законнымъ порядкомъ. Онѣ всѣмъ извѣстны. Скажемъ только, что не прошло и трехъ лѣтъ послѣ его вступленія на престолъ, какъ ему пришлось бѣжать изъ Англій. Въ рѣшительную минуту англичане призвали на защиту своихъ правъ Вильгельма Оранскаго, женатаго на дочери Якова II, Маріи. Какъ только онъ съ небольшимъ отрядомъ высадился въ Англій, началось всеобщее отложеніе отъ короля, и онъ тогда только увидѣлъ фактическую невозможность борьбы и бѣжалъ во Францію къ своему сильному покровителю, отъ котораго онъ получалъ субсидіи, сидя еще на англійскомъ престолѣ.

Послѣ бѣгства Якова II во Францію королемъ Англій, вмѣстѣ съ Маріей, провозглашенъ былъ Вильгельмъ. У низложеннаго короля оставалась еще одна надежда, это Ирландія. Здѣсь католики были несомнѣнно за него, а вражда къ Англій могла соединить вокругъ него и другихъ ирландцевъ. Побѣда Якова здѣсь ставила въ сомнительное положеніе дѣло Вильгельма и въ Англій, особенно въ виду той помощи, на которую могъ разсчитывать Яковъ со стороны Франціи. Естественно, что обѣ стороны обратили теперь вниманіе на „Зеленый Островъ“. Нельзя не видѣть, что въ эту историческую минуту здѣсь разрѣшалась задача первостепенной важ-

ности. Значеніе ея пореходило далеко за предѣлы не только Ирландіи, но даже и Англіи. Мы видѣли, что Яковъ поставилъ своей задачей испроверженіе конститущіонаго порядка въ Англіи. Защищая свою конституцію, англичане тѣмъ самымъ отстаивали принципъ народоправства противъ принципа абсолютизма „Божіей Милостью“. Послѣдній получилъ въ это время полное торжество во Франціи, онъ же восторжествовалъ въ Испаніи и въ итальянскихъ государствахъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ихъ. Германскіе государи конкурировали въ подражаніи Людовику XIV. Единственными странами, имѣвшими значеніе, въ которыхъ сохранился и развивался принципъ народоправства, были Голландія и Англія. Людовикъ пытался сломить независимость Голландіи, и это стремленіе достигло бы своей цѣли, еслибы теперь Голландія не получила сильнаго союзника въ лицѣ англійскаго короля Вильгельма, бывшаго ея штатгальтера. Если теперь Вильгельмъ восторжествуетъ надъ Яковомъ въ Ирландіи, принципъ народоправства можетъ считать себя обезпеченнымъ какъ въ Англіи, такъ и въ Голландіи отъ посягательствъ французскаго абсолютизма; если же дѣло рѣшится въ обратномъ смыслѣ, принципъ народоправства въ Англіи и въ Голландіи становится въ опасное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей Европѣ, ибо, сохранившись въ этихъ странахъ, онъ отсюда могъ распространиться и распространился въ дѣйствительности во всей Европѣ. Вмѣстѣ съ торжествомъ абсолютизма и протестантизму въ Англіи грозило серьезное испытаніе. Какъ разъ въ это время происходили во Франціи преслѣдованія гугенотовъ послѣ отмены Нантскаго эдикта. Такимъ образомъ, къ опасности политической въ Англіи присоединялась еще и опасность католической реакціи. Изъ сказаннаго видно, какъ велики были тѣ интересы, которые теперь затрогивались предстоявшей борьбой въ Ирландіи. Если на сторонѣ Якова былъ Людовикъ XIV и католики, то на сторонѣ Вильгельма была не только Англія, но и тѣ самые гугеноты, которыхъ преслѣдовалъ Людовикъ во Франціи, которые бѣжали отъ его преслѣдованій и вносили всю силу религіозной страсти, возбужденной угнетеніемъ, въ борьбу съ папистами.

Когда Яковъ прибылъ въ Ирландію, его встрѣтили тамъ съ

энтузіазмомъ. Вскорѣ по своемъ прибытіи туда, онъ созвалъ ирландскій парламентъ въ Дублинѣ, освободивъ его отъ тѣхъ стѣсненій, которыя заключались въ законѣ Пойнинга (см. царствованіе Генриха VII). Этотъ парламентъ (1689 г.) интересенъ тѣми постановленіями, которыя имъ были приняты. Одно изъ нихъ касалось религіи. Парламентъ объявилъ полную вѣротерпимость относительно протестантской религіи и особой декларацией предоставлялъ протестантамъ свободу публичнаго богослуженія и проповѣди. Другой законъ касался земель, конфискованныхъ у ирландцевъ. Этотъ законъ рѣшалъ возвращеніе земель ихъ прежнимъ владѣльцамъ, но онъ вносилъ оговорку въ томъ смыслѣ, что если земли куплены теперешними ихъ владѣльцами у англійскаго правительства или же у третьихъ лицъ, то онѣ не должны быть просто отбираемы, а отчуждаемы отъ теперешнихъ ихъ владѣльцевъ съ возмѣщеніемъ стоимости земли. Этимъ постановленіямъ не суждено было осуществиться, такъ какъ очень скоро восторжествовали англичане, но нельзя за ними не признать симптоматическаго значенія. Они выгодно характеризуютъ настроеніе ирландцевъ. Можно было ожидать, что послѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые имъ пришлось пережить отъ англичанъ; чувство мести заглушитъ чувство справедливости и фанатизмъ возьметъ верхъ надъ терпимостью. И, однако же, мы видимъ, что они провозглашаютъ религіозную терпимость въ тотъ моментъ, когда во Франціи идетъ преслѣдованіе гугенотовъ и во всей Европѣ принципъ терпимости не находитъ мѣста, что они стараются разрѣшить земельный вопросъ болѣе или менѣе справедливо черезъ тридцать семь лѣтъ послѣ того, какъ сами были жестоко и грандіозно ограблены.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Ирландію Якова II туда же послѣшилъ высадиться и Вильгельмъ III. Онъ послалъ туда сначала отрядъ подъ начальствомъ Шомбера, одного изъ лучшихъ французскихъ генераловъ, котораго отмѣна Нантскаго эдикта заставила оставить Францію. Его отрядъ состоялъ изъ гугенотовъ. Съ другой стороны, на помощь Якову явились тоже французы, посланные Людовикомъ XIV. Они были подъ начальствомъ генерала Лозена (Lauzun), къ которому потомъ присоединился новый отрядъ подъ

начальствомъ Сентъ-Рюта (Saint-Ruth). Такимъ образомъ, въ Ирландіи стали другъ противъ друга люди одной и той же національности, но глубоко разъединенные между собою противоположными религіозными принципами. Они вмѣстѣ съ тѣмъ представляли и противоположные принципы въ полетикѣ. Войска Вильгельма вскорѣ послѣ появленія своего одержали нѣкоторые частичные успѣхи. Весной 1690 года къ нимъ прибылъ съ помощью самъ Вильгельмъ III. На берегу рѣки Бойны, недалеко отъ города Дрогеды, произошло сраженіе. Англичане и гугеноты одержали полную побѣду надъ войскомъ Якова II, хотя и купили эту побѣду потерей своего доблестнаго Шомбера. Яковъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ непростительную трусость и вскорѣ затѣмъ оставилъ Ирландію и убѣжалъ во Францію. Убѣжая, онъ оставилъ своимъ намѣстникомъ извѣстнаго намъ Тирконнеля, снабдивъ его подробными инструкціями для продолженія дальнѣйшей борьбы. Послѣдній счелъ болѣе разумнымъ не исполнять ихъ вовсе и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Онъ сосредоточилъ оборону въ Лиммерикѣ и въ его округѣ и добился отъ Людовика XIV новыхъ подкрѣпленій. Штурмъ, которымъ Вильгельмъ пытался покончить съ сопротивленіемъ, потерпѣлъ полную неудачу и стоилъ ему 2000 человекъ. Послѣ этой неудачи онъ долженъ былъ снять осаду, и война затянулась еще на годъ. Послѣ второй осады защитники согласились на сдачу города послѣ того, какъ имъ обѣщано было, что офицеры и солдаты могутъ удалиться, куда имъ угодно, за исключеніемъ Англіи и Шотландіи. Кромѣ того, Вильгельмъ обѣщалъ, что ирландскіе католики не будутъ терпѣть никакихъ притѣсненій въ своей религіи и въ богослуженіи и что жители Лиммерика и его округа не будутъ лишены ихъ земель. Король не могъ исполнить ни одного изъ этихъ обѣщаній. Англичане считали, что они тогда только будутъ безопасны, когда приведутъ ирландцевъ въ такое состояніе, что они не будутъ способны не только къ возстанію, но даже къ выраженію жалобы или протеста. Ирландскій парламентъ, составленный теперь исключительно изъ англичанъ, поселенныхъ въ Ирландіи, ярыхъ враговъ папистовъ и ирландцевъ, сразу конфисковалъ въ округѣ Лиммерика 1.020000 акровъ земли и издалъ постановленіе, въ силу котораго пребываніе въ

Ирландіи запрещено было всѣмъ католическимъ священникамъ. Имъ приказано было удалиться въ теченіе опредѣленнаго срока. Если кто либо изъ нихъ окажется на островѣ послѣ этого срока, повиненъ смерти. Нашедшему католическаго священника полагалась награда въ пять ф. ст. Эти распоряженія были прелюдией новыхъ гоненій и естественнымъ продолженіемъ того порядка, который установился при Кромвелѣ, хотя начался и раньше. Со времени торжества „оранжистовъ“, какъ стали называть съ тѣхъ поръ англичанъ, сторонниковъ порабощенія Ирландіи, надъ нѣкогда благодатнымъ Зеленымъ Островомъ опускается ночь мученій, ночь долга, безконечная, безъ свѣта, безъ лучей. Ограбленный, преслѣдуемый въ своихъ святыхъ чувствахъ національности и религіи, обнищавшій ирландскій народъ спускается на самое дно человѣческаго существованія.

На первомъ планѣ стоитъ гнетъ религіозный. Вся Ирландія подчиняется протестантской церкви. Эта церковь незначительнаго меньшинства населенія навязывается большинству, и послѣднее обязано содержать ее изъ своихъ доходовъ. Налогъ въ пользу протестантской церкви введенъ былъ въ видѣ десятины со всякаго дохода отъ земли и отъ скота. Ничтожные съемщики земель должны были платить его безъ всякаго исключенія. Арендаторъ ничтожнаго картофельнаго огорода долженъ былъ отдавать часть своего продукта безъ всякаго вниманія къ тому, что онъ едва хватаетъ на его собственное пропитаніе. Интересно то, что болѣе крупные арендаторы, на примѣръ арендаторы луговъ, каковыми были обыкновенно только протестанты, были избавлены отъ платежа десятины.

Такъ какъ священникамъ было хлопотно самимъ взыскивать десятину, то они обыкновенно отдавали ее на откупъ. Откупщикъ выплачивалъ впередъ священнику условленную сумму и затѣмъ свободно распоряжался сборомъ десятины. Само собою разумѣется, что онъ не проявлялъ къ несчастному плательщику большей жалости, чѣмъ бессерменскіе купцы во время татарскаго ига. Притѣсненія этихъ откупщиковъ стали причиной той глубокой ненависти, которая развилась въ ирландцахъ противъ англиканскаго духовенства и церкви.

Католическое богослуженіе было запрещено, и всѣ церкви были отобраны отъ католиковъ и имъ запрещено было строить новыя. Католическимъ священникамъ и монахамъ было запрещено пребываніе въ Ирландіи, подъ страхомъ строгихъ наказаній и даже ссылки и смерти. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ мѣръ, которыя направлены къ искорененію папизма, т. е. къ той цѣли, которая поставлена была еще Долгимъ парламентомъ. Католикъ не имѣлъ права завѣщать своего имущества, и его дѣти обязательно должны были раздѣлить поровну доставшееся имъ наслѣдство. Этимъ закономъ, противоположнымъ англійскому майорату, имѣлось въ виду предупредить образованіе болѣе или менѣе значительныхъ помѣстій въ рукахъ католиковъ. Католикъ не имѣлъ права покупать землю или пріобрѣтать ее инымъ путемъ. Католикъ не имѣлъ права арендовать участокъ болѣе или менѣе значительный или даже просто выгодный. Онъ могъ арендовать только такой участокъ земли, доходъ котораго не превышалъ трети суммы, платимой за него въ видѣ аренды. Если въ рукахъ католика оказывался такой участокъ, доходъ съ котораго былъ бы больше трети арендной платы, то каждый протестантъ имѣлъ право отнять у него этотъ участокъ. Католикъ не имѣлъ права владѣть лошадьми дороже пяти фунтовъ ст. Если онъ нарушалъ это запрещеніе, то каждый протестантъ имѣлъ право отнять у него его лошадь, заплативъ ему за нее только пять фунтовъ, сколько бы она ни стоила. И такіе случаи дѣйствительно бывали. Одинъ ирландскій помѣщикъ пріѣхалъ на ярмарку въ Лиммерикъ на парѣ прекрасныхъ лошадей. Протестантъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ ихъ отдалъ ему. Тогда владѣлецъ ихъ застрѣдилъ ихъ тутъ же на глазахъ у всѣхъ, лишь бы не терпѣть этого насилія. Католики не имѣли права занимать въ большихъ городахъ, какъ Лиммерикъ и Гальвэ, квартиръ, стоящихъ дороже сорока фунтовъ въ годъ. Католикъ не имѣлъ права быть опекуномъ сиротъ. Если же сынъ его переходилъ въ протестантство, то не только остальные дѣти лишались своего наслѣдства, и все имущество переходило къ ренегату, но для того, чтобы отецъ не могъ его такъ или иначе растратить, то еще при жизни его опека переходила къ его сыну-отщепенцу или вообще къ протестанту. Трудно себѣ представить

болѣ отвратительный соціальный строй, какъ тотъ, въ которомъ ради цѣлей національно-религіозныхъ родителей подчиняли опеку дѣтей-отступниковъ. Въ Ирландіи это было и держалось довольно долго. Католикъ не имѣлъ права давать своимъ дѣтямъ образованіе въ католической школѣ; онъ не могъ даже учить ихъ дома при посредствѣ католика учителя. Всѣ католическія школы и католическіе учителя преслѣдовались такъ же, какъ и католическіе священники. Иные ирландцы стали отсылать своихъ дѣтей во Францію, чтобы они тамъ могли получить образованіе, согласное съ ихъ религіозными вѣрованіями. Это тоже преслѣдовалось. Шерифъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было ни католическихъ училищъ, ни католическаго преподавателя на-дому. Онъ же слѣдилъ за тѣмъ, чтобы дѣти не отсылались за границу. Отъ времени до времени онъ посѣщалъ дома и освѣдомлялся, всѣ ли дѣти дома, и если какого-нибудь изъ нихъ не оказывалось, то считалось, что онъ отосланъ за границу, если не будетъ доказано противное, и въ такомъ случаѣ родители подвергались штрафу или иному наказанію. Для того, чтобы разыскивать священниковъ и учителей легче было, какъ мы знаемъ, съ самаго начала назначены награды тѣмъ, кто обнаружитъ священника. Платилось за священника 5—10 ф. ст., и даже 50 ф. ст. за стысканнаго епископа. Развился цѣлый классъ людей, которые изъ охоты за папистскими священниками слѣбали себѣ промыселъ и этимъ жили. Изъ официальной переписки первой четверти XVIII вѣка видно, до какого цинизма доходило это преслѣдованіе ни въ чемъ дурномъ неповинныхъ людей. Такъ, нѣкто Вальтеръ Даусонъ пишетъ, что его двоюродный братъ нашелъ и арестовалъ епископа, скрывавшагося неподалеку отъ Дублина. Это былъ глубокій старецъ, уже неспособный ни къ какому труду, почти слѣпой и оглохшій, совершенно слабый. Неудивительно, что онъ вскорѣ послѣ его ареста умеръ въ тюрьмѣ, не дождавшійся судебного приговора. Тѣмъ не менѣе сыщикъ проситъ, чтобы ему заплатили тѣ 50 ф. ст., которые онъ получилъ бы въ томъ случаѣ, еслибы епископъ былъ приговоренъ судомъ, и Вальтеръ Даусонъ, занимавшій какую-то должность въ дублинскомъ замкѣ, пишетъ, что было бы несправедливо лишать сыщика его вознагражденія.

Но чѣмъ энергичнѣе происходило преслѣдованіе духовенства, тѣмъ настойчивѣе духовныя дѣти скрывали своихъ пастырей. Богослуженіе обыкновенно происходило гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ. Строились тайные молитвенные дома, въ которыхъ старались закрыть священника отъ глазъ сыщика. Между престоломъ и молящимися устраивалась занавѣска, такъ что священника не было видно, и только слышны были слова богослуженія. Когда посвящали во священники, то старались, чтобы не видно было, кто именно его рукополагаетъ. Для этого многіе протягивали руки къ головѣ посвящаемаго. Благодаря всѣмъ подобнымъ стараніямъ, несмотря на старанія сыщиковъ, невзирая на соблазнъ наградъ, обѣщанныхъ правительствомъ, духовенство оставалось въ странѣ, и богослуженіе совершалось, хотя, конечно, съ рискомъ и съ трудностями. Такъ, епископъ Макъ-Магонъ въ теченіе 11 лѣтъ жилъ тайно недалеко отъ Дублина, и убѣжище его не было открыто. Когда во второй четверти XVIII вѣка преслѣдованіе ослабѣло и правительство поинтересовалось вопросомъ, сколько есть въ Ирландіи католическихъ религіозныхъ учрежденій, то по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1732 году, оказалось, что молитвенныхъ домовъ есть 892, домовыхъ церквей 9, священниковъ 1445 и мужскихъ и женскихъ монастырей 60. Такой значительный контингентъ священниковъ знаменателенъ. Несмотря на угрозу наказаніемъ и даже смертью, которыя, конечно, не попусту были выставлены, католическое духовенство не покидало своей паствы въ это безвременье и оставалось съ нею, поддерживая ее на пути истины. Этимъ самоотверженнымъ служеніемъ своему долгу и ирландскому народу католическое духовенство завоевало себѣ то положеніе руководителя ирландскаго народа, которое оставалось за нимъ и значительно позже. Въ то время оно пріобрѣло его привязанность, которая дала ему политическое значеніе. Оно осталось единственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ ирландскій народъ видѣлъ символъ своей національности, слившейся въ его представленіи съ религіей.

Мы выше упомянули о преслѣдованіяхъ ирландскихъ католическихъ учителей и школъ. Несмотря на нихъ, школы суще-

ствовали, благодаря сильному стремленію ирландскаго народа къ образованію; къ нимъ стремились не только люди зажиточные, но и бѣдные. Англичане рѣшились воспользоваться стремленіемъ ирландцевъ къ образованію для цѣлей протестантской пропаганды. Они организовали такъ называвшіяся „уставныя школы“, т. е. школы съ программой и системой преподаванія, утвержденными правительствомъ. Образовалось общество распространенія образованія между ирландцами. Оно поставило себѣ цѣлью спасеніе душъ ирландскихъ дѣтей отъ опасности папистской ереси, а ихъ тѣлесъ отъ пороковъ, связанныхъ съ лѣнностью. Правительство признало это общество общепользымымъ, и дублинскій парламентъ назначилъ ему субсидію, для которой созданъ спеціальныи источникъ, а именно: промысловый налогъ на коробейниковъ и разъѣздныхъ торговцевъ. Этотъ налогъ давалъ обществу порядочный доходъ. Такъ, съ 1745 года по 1767 г. оно получило 112 т. ф. ст. Но цѣль, поставленная себѣ обществомъ, вызвала отвращеніе населенія къ его школамъ. Ирландцы видѣли въ школахъ не спасеніе, а гибель для своей души. Тогда общество рѣшило привлекать полуголодное населеніе тѣмъ, что стало выдавать дѣтямъ пищу. Это оказывало свое дѣйствіе, особенно во время голодовокъ. Родители, спасая своихъ дѣтей отъ смерти, скрѣпя сердце, отдавали ихъ въ школы общества, но по минованіи бѣды они снова брали ихъ назадъ оттуда. Такъ было во время голодовки 1729 года и въ послѣдующее время. Администрація общества обратила вниманіе на то, что родители легче отдаютъ дѣтей маленькихъ, чѣмъ болѣе или менѣе взрослыхъ. Поэтому общество устроило при школахъ дѣтскіе пріюты для младенцевъ. Но несчастныя матери, заставленныя безысходной нуждой отдать своихъ дѣтей въ пріюты, старались сохранить связь съ ними. Онѣ навѣщали ихъ, поступали въ няньки или въ кормилицы въ тѣ пріюты, гдѣ были ихъ дѣти, и при первой возможности брали ихъ оттуда. Чтобы прекратить это „злоупотребленіе“, общество стало брать обязательство отъ родителей не требовать обратно своихъ дѣтей. Для того, чтобы совершенно прекратить связь родителей съ ихъ дѣтьми, чтобы они не могли ихъ даже найти, оно стало перевозить дѣтей изъ одной провинціи въ другую, подальше, и скрывало отъ

родителей, куда именно отправлены ихъ дѣти. Такъ, изъ Лейнстера перевозили дѣтей въ Мунстеръ, изъ Коннаута въ Ульстеръ. Нечего и говорить, что дѣти, оторванные отъ родителей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, пропадали сотнями. Смертность между ними достигала громадныхъ размѣровъ. Но и тѣ, которыя переживали возрастъ младенчества, полвергались горькой участи сиротъ, за которыхъ никому вступиться. Питаніе ихъ было самое скудное. Они были всегда впроголодь, одежда въ лохмотьяхъ, жилища были отвратительны, и грязь царяла въ нихъ безраздѣльно. Паразиты покрывали дѣтей и чесотка была тамъ обычнымъ явленіемъ. Ихъ ничему не учили и такимъ образомъ забывали цѣль заключенія ихъ въ пріюты-школы. Чтобы спасти тѣlesa ихъ отъ лѣни, ихъ отдавали въ работу сосѣднимъ крестьянамъ и въ возрастѣ семи-восьми лѣтъ ихъ заставляли работать по восьми часовъ въ день, а то и больше. Для поддержанія бодрости обезсиленнаго организма плеть замѣняла собою и питаніе, и отдыхъ. Эти школы вызывали такое отвращеніе въ туземномъ ирландскомъ населеніи, что ни одинъ ирландецъ не проходилъ мимо нея безъ ругательства по ея адресу. Разоблаченіе этихъ порядковъ въ школахъ субсидируемаго правительствомъ общества принадлежитъ извѣстному филантропу Говарду. Онъ поставилъ себѣ цѣлью исправить тюремные порядки и для этого посѣтилъ тюрьмы не только въ Англіи и Ирландіи, но и континента. Онъ былъ два раза въ Россіи. Во второе свое путешествіе онъ побывалъ въ Херсонѣ во время свирѣпствовавшей тамъ тифозной эпидеміи, въ борьбѣ съ которой онъ принялъ живое участіе въ качествѣ врача, заразился и скончался въ 1790 году. Тамъ противъ тюрьмы поставленъ ему памятникъ, надпись на которомъ знакомитъ прохожаго съ этимъ выдающимся другомъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Во время своего путешествія по Ирландіи Говардъ обратилъ вниманіе на школы-тюрьмы общества, о которыхъ онъ кое-что слышалъ, и познакомился съ царившими тамъ порядками. Въ своей книгѣ, изданной въ 1788 году, онъ обличалъ общество въ томъ, что оно грубо и преднамѣренно преувеличивало въ своихъ отчетахъ число своихъ воспитанниковъ, что дѣти по большей части больны, что они полунаги и заморены постояннымъ

голодомъ. Онъ заявилъ, что „большинство школъ, которыя онъ посѣтилъ, находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что оно должно быть постыднымъ для протестантизма и, напротивъ, должно возбуждать папистовъ къ противодѣйствию имъ“. Эта книга надѣлала много шума и рѣшено было опровергнуть ея выводы. Дублинскій парламентъ назначилъ слѣдственную комиссію. Но изслѣдованіе этой комиссіи только подтвердило мрачную картину, нарисованную Говардомъ, и обнаружило къ тому же наглое и безстыдное расхищеніе общественныхъ денегъ, которыя должны были идти на содержаніе школъ. Обнаружено было, что не только дѣти содержались въ грязи въ холодѣ и въ голодѣ, но что они обучались такъ плохо, что пробывъ въ школъ 10—12 лѣтъ, многіе изъ нихъ оставались совершенно неграмотными; ихъ блѣдныя, печальныя лица,—говорила комиссія,—показывали ясно, какъ тяжело имъ живется и какъ близокъ къ нимъ моментъ, который навсегда освободитъ ихъ отъ этой горькой жизни дѣтей, оторванныхъ отъ родительской любви. Таковы были результаты системы, которая, преслѣдуя одностороннюю цѣль, сочала, что для достиженія послѣдней позволены всѣ средства и въ томъ числѣ опрокидываніе семейныхъ узъ и нарушеніе правъ дѣтей. Эта система пришла къ результатамъ, противоположнымъ той цѣли, которая была поставлена цѣлью уставныхъ школъ общества, и эти результаты были бы необходимо и въ томъ случаѣ, если бы лицемѣріе и корысть и не присосались къ этой дѣятельности. По существу своему она и могла привлекать къ себѣ только худшихъ людей, въ особенности, когда въ концѣ восемнадцатаго вѣка религіозный прозелитизмъ ослабѣлъ.

Несмотря на разоблаченіе вопіющихъ злоупотребленій, общество не лишено было своей субсидіи. Оно со своими школами, просуществовало еще до 1825 года. Въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ своего существованія оно получило 675 т. ф. с. казенной субсидіи, а число его питомцевъ въ это время не превышало въ среднемъ 1470 въ годъ.

Вся система, олицетворенная уставными школами и дѣятельностью общества, имѣла слѣдствіемъ духовное ограбленіе ирландскаго народа. Его хотѣли лишить возможности получать образованіе,

сообразное его стремленіямъ и вѣрованіямъ, хотѣли навязать ему образованіе, которое должно было его лишить его исконной религіи и національности, а достигли того, что ничего ему не привили, а лишили его просвѣщенія и оказали содѣйствіе усиленію его одичанія.

Къ духовному грабежу присоединилась политика экономическаго гнета. Едва ли часто встрѣчаются государства, которыя бы губили экономическую жизнь одной изъ областей своихъ въ интересахъ другихъ. Въ Англіи того времени мы видимъ именно такое отношеніе къ Ирландіи. Цѣль ея политики по отношенію къ послѣдней заключается въ томъ, чтобы погубить тѣ отрасли ея промысла, которыя могли быть конкурентами Англіи. Въ этихъ мѣропріятіяхъ Ирландія третируется какъ иностранное государство, несмотря на то, что Англія употребила столько усилій для ея покоренія. Природныя богатства Ирландіи были довольно значительны. Берега ея были изрѣзаны заливами и своими удобными бухтами манили жителей къ занятію рыболовствомъ и морскою торговлей, и эти промыслы были развиты. Актъ мореплаванія Кромвеля, въ силу свойственной этому государственному человѣку широты взгляда, не третируетъ покоренную Ирландію какъ иностранную державу и не исключалъ ея жителей изъ тѣхъ выгодъ, которыя предоставлялись имъ всѣмъ англійскимъ арматорамъ.

Монополія, созданная Актомъ для англійскихъ подданныхъ въ перевозкѣ товаровъ въ англійскія колоніи и въ Англію, была выгодна для ирландскаго судоходства. Но это право, предоставленное ему наравнѣ съ англійскимъ, сохраняло въ лицѣ ирландскихъ судовладѣльцевъ конкурентовъ для англичанъ. Для устраненія этой конкуренціи было издано въ 1663 году дополненіе къ Навигаціонному Акту, въ силу котораго ирландцамъ запрещено было ввозить на своихъ корабляхъ товары въ Англію и въ ея колоніи. Это запрещеніе погубило ирландское судоходство. Ея верфи мало-помалу закрываются и коммерческій флотъ постепенно исчезаетъ, за исключеніемъ мелкаго каботажа. Въ 1727 году Свифтъ имѣлъ основаніе сказать, что въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ на верфяхъ Ирландіи не построено было ни одного корабля. Почва Ирландіи во многихъ мѣстахъ была плодородна и хорошо орошена.

Недаромъ островъ прозывался „зеленымъ“. Ея дуга въ особенности были удобны для развитія скотоводства, а сосѣдство страны, въ которой развивалась быстро городская жизнь въ слѣдствіе развитія обрабатывающей промышленности, предоставляло ему большой рынокъ. Ирландія вывозила въ Англію много рогатаго скота и мяса. Но этотъ привозъ былъ неудобенъ для англійскихъ землевладѣльцевъ, и вотъ въ 1663 году издается распоряженіе, стѣсняющее привозъ изъ Ирландіи кормленнаго скота, ибо оно ограничивало привозъ его только первымъ полугодіемъ каждаго года. Но уже черезъ два года было издано новое распоряженіе, которое запретило ввозъ изъ Ирландіи въ Англію всякаго скота, живого или мертваго. Этимъ нанесенъ былъ сильный ударъ разведенію крупнаго скота; но развитіе овцеводства продолжалось, такъ какъ шерсть послужила матеріаломъ развивавшейся въ Ирландіи шерстоткацкой промышленности. Это развитіе было неприятно англичанамъ, которые претендовали на міровую монополію въ этой отрасли промышленности. Въ 1698 году палата лордовъ, а вслѣдъ за ней и палата общинъ сдѣлали представленіе правительству противъ развитія ирландской шерстяной промышленности. Въ свою очередь оно побудило ирландскій парламентъ принять противъ нея мѣры, обѣщая оказывать покровительство развитію въ Ирландіи льняной и пеньковой промышленности. Дублинскій парламентъ, бывшій въ это время игрушкой въ рукахъ намѣстника Ирландіи, самъ затянулъ мертвую петлю надъ однимъ изъ источниковъ благосостоянія острова. Въ 1699 году онъ издалъ законъ, по которому вывозъ сукна и другихъ шерстяныхъ матерій обложенъ былъ 20% вывозной пошлиной. Пошлина такой высоты была равна запрету; но англійскій парламентъ дополнилъ ее еще запрещеніемъ, чтобы эти предметы никуда не были вывозимы за исключеніемъ Англіи. Этими распоряженіями шерстяная промышленность Ирландіи была убита, а овцеводство потеряло значительную часть своей выгоды. Въ округахъ, гдѣ процвѣтала шерстяная промышленность, къ 1722 году не осталось ни одного станка. Въ 1701 и въ 1702 годахъ до 30.000 ткачей находились на рукахъ общественной благотворительности.

Что же стало съ льняной и пеньковой промышленностью

которымъ обѣщано было покровительство въ возмѣщеніе убытка отъ потери шерстяной промышленности.

Эта отрасль промышленности стала развиваться, благодаря благоприятнымъ условіямъ для разведенія льна и конопли въ Ирландіи. Ирландскіе паруса, коричневыя и бѣлыя, стали успѣшно конкурировать на англійскомъ рынкѣ съ произведеніями такого же рода Голландіи. Ирландскія полотна, въ особенности тики, клѣтчатыя и цвѣтныя полотна стали извѣстны не только въ Англіи, но и на континентѣ и имѣли хорошій сбытъ. Эта конкуренція Ирландіи наносила ущербъ торговлѣ Голландіи съ Англіей и косвенно вредила послѣдней, такъ какъ, не находя сбыта для своихъ полотенъ въ Англіи, Голландія сокращала свое требованіе на англійскія сукна и прочія произведенія ея промышленности, которыя она получала въ обмѣнъ за свои. Вслѣдствіе этихъ причинъ, Англія, забывъ о соглашеніи 1698 года по поводу уничтоженія шерстоткацкой промышленности, начинаетъ принимать стѣснительныя мѣры и противъ пеньковой и льняной мануфактуры. Сначала она удаляетъ съ англійскаго рынка путемъ высокой пошлины ирландскую парусину, потомъ исключаетъ изъ рынковъ своихъ колоній ирландскія клѣтчатыя, полосатыя и цвѣтныя полотна, а при ввозѣ ихъ въ Англію облагаетъ ихъ 30% пошлиной. Мало того, при вывозѣ ирландскихъ полотенъ въ другія страны она отказывается имъ въ поощрительной вывозной преміи, которая, однако, выдавалась соответственнымъ англійскимъ товарамъ. Такимъ образомъ обѣщанное поощреніе ирландской пеньковой и льняной промышленности осталось пустымъ звукомъ, и, мало того, и эта послѣдняя подверглась стѣсненіямъ во имя неприкосновенности англійскихъ интересовъ. Мало-помалу и она захирѣла. Итакъ, Англія разрушила ирландское судостроеніе и мореходство, она нанесла ударъ ирландскому сельскому хозяйству, съ одной стороны, уничтоживъ выгоды скотоводства, а съ другой стороны, упразднивъ шерстоткацкую промышленность, а вслѣдъ затѣмъ сокращая разведеніе льна и конопли. Уничтожая ирландскую обрабатывающую промышленность, англичане отбрасывали ирландское населеніе искусственно къ воздѣлыванію хлѣба и картофеля и скупивали его на этихъ отрасляхъ труда и понижали тѣмъ

самымъ ихъ производительность. Ирландецъ, которому нечѣмъ было болѣе заниматься, какъ только воздѣлываніемъ тощаго поля, тѣмъ самымъ былъ оброченъ влачить жалкое существованіе полуголоднаго съемщика земли, которому ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиняться волѣ помѣщика.

Положеніе ирландскаго земледѣльца опредѣлялось не только тѣми экономическими мѣропріятіями Англіи, о которыхъ мы только что говорили, но и организаціей землевладѣнія въ Ирландіи. Мы знаемъ, какъ обезземеленъ былъ ирландскій народъ. Земля была отдана англійскимъ помѣщикамъ большими участками. Они сами не жили въ странѣ, а отдавали свои помѣстья въ аренду большимъ арендаторамъ. Эти послѣдніе въ свою очередь отдавали ее меньшими участками слѣдующимъ арендаторамъ; эти передавали ее третьимъ и т. д. Нерѣдко бывало такъ, что такихъ посредствующихъ арендаторовъ было до пяти, прежде чѣмъ земля попадала въ руки земледѣльца-ирландца, бывшаго собственника ея. Онъ долженъ былъ извлечь изъ нея все, что надо для удовлетворенія помѣщиковъ и посредниковъ. Участки, арендуемые ирландцами, были крошечными клочками картофельнаго поля, которое онъ снималъ вмѣстѣ съ хижиной на немъ за такую высокую плату, которая не давала ему никакихъ средствъ къ человѣческому существованію. Послѣ уплаты аренды онъ долженъ былъ еще платить десятину протестантскому духовенству, которое, какъ мы знаемъ, дѣйствовало черезъ безжалостныхъ откупщиковъ. Послѣ сборщика десятины къ нему являлся сборщикъ подымнаго, а за нимъ приходилъ и католическій священникъ съ жупеломъ ада и проклятія и требовалъ на свое содержаніе. Можетъ быть, изъ всѣхъ сборщиковъ бѣдный коттеръ (такъ назывались мелкіе съемщики земли вмѣстѣ съ домомъ) охотнѣе всего удовлетворялъ требованіе своего священника, но во всякомъ случаѣ послѣ всѣхъ этихъ уплатъ ему самому оставалось только такое количество картофеля, чтобы пропитаться впроголодь до слѣдующаго урожая, и это часто не удавалось. Положеніе ирландскаго коттера было въ теченіе всего XVІІІ вѣка полунищенское. Его хижина представляла собой кучу соломы, лежащей на стѣнкахъ, слѣванныхъ изъ плетня, замазаннаго глиной. Трубы обыкновенно никакой не

было, и дымъ выходилъ сквозь крышу, которая такъ же легко пропускала и дождь, какъ дымъ. На двадцать избъ только въ одной бывала труба; остальные были курными. Пола не было, а равно и мебели, и вся семья помѣщалась просто на полу, прикрываясь на ночь какими-нибудь опорками. Одежда коттера представляла собой сплошныя лохмотья, которыя едва прикрывали тѣло. Въ такихъ условіяхъ жило огромное большинство ирландскаго народа, за исключеніемъ Ульстера, въ которомъ было много арендаторовъ средней руки; но то были по большей части протестанты. Ирландскій коттеръ жилъ изо дня въ день и не сводилъ концовъ съ концами. Обычнымъ явленіемъ было то, что собственной пищи ему не хватало, и вотъ, заперевъ свою хату, онъ отправлялся просить Христовымъ Именемъ. Вслѣдствіе этого нищенство въ Ирландіи развилось до крайнихъ предѣловъ. Иначе и быть не могло. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ при малѣйшихъ неблагоприятныхъ сборахъ хлѣба и картофеля наступала голодовка. Ирландія стала классической страной голодовокъ. Въ то время и во Франціи, вслѣдствіе социальныхъ условій и неправильной хлѣботорговой политики, голодовки повторялись часто, но въ Ирландіи онѣ достигали гораздо большихъ размѣровъ, и смерть косила населеніе тысячами. Изъ двадцати лѣтъ на голодъ приходилось не меньше трехъ или четырехъ. Въ 1729 году былъ сильный голодъ; въ 1740 и въ 1741 годахъ снова былъ голодъ, который унесъ массу народа. Нужда и страданіе, — говоритъ одинъ современникъ, — написаны на каждомъ лицѣ. Богатые не въ состояніи помочь бѣднымъ. Дороги покрыты мертвыми и умирающими, лица запачканы зеленою щавелью и крапивы, которыми они питаются. Мертвыхъ таскаютъ по двое и по трое въ одной телѣжкѣ въ могилу, такъ какъ не хватаетъ людей, чтобы ихъ относить, а то и просто хоронятъ на полѣ или во рву при дорогѣ, тамъ, гдѣ ихъ застала смерть. Вслѣдствіе лишеній, наступили болѣзни въ родѣ дизентеріи и тифа, которыя унесли массу людей всѣхъ классовъ. Многія деревни совсѣмъ опустѣли. Современникъ говоритъ, что въ то время погибло до 400.000 человекъ. Это не невѣроятно. Сборщики подымнаго налога показывали, что въ графствѣ Керри въ 1733 году было 14346 плательщиковъ, а въ 1744 году ихъ

осталось только 9372. Епископъ Берклей говоритъ, что смертность въ графствахъ Коркъ, Лиммерикъ и сосѣднихъ достигла невѣроятной величины и что едва-ли въ сто лѣтъ можетъ страна возмѣстить эти потери. Страна и до сихъ поръ не возмѣстила этихъ потерь, такъ какъ не только въ XVIII вѣкѣ но и въ XIX голодовки въ Ирландіи продолжались и уносили новыя жертвы. Черезъ все столѣтіе идетъ красной нитью народное бѣдствіе, о которомъ свидѣлствуютъ намъ современники начала середины и конца столѣтія. Къ началу столѣтія относится показаніе Никольсона, протестантскаго епископа, свидѣтельство котораго поэтому не можетъ быть заподозрено въ пристрастіи въ пользу ирландцевъ. Онъ говоритъ, что побывалъ въ Вестфалии, потомъ въ Пикардіи и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи, но нигдѣ онъ не видѣлъ такой печати полной обездоленности, забитости и голода, какую онъ видѣлъ въ Ирландіи. Онъ рассказываетъ, между прочимъ, о случаѣ, который съ нимъ произошелъ во время одной поѣздки въ Ирландіи. У него пала лошадь въ дорогѣ. Собрались окрестные крестьяне и стали спорить изъ-за останковъ павшей лошади. Каждый изъ нихъ стремился получить кусокъ получше, и, наконецъ, между ними началась драка изъ-за кусковъ дохлой лошади, совершенно такъ, какъ бываетъ между голодными собаками. Ко времени нѣскольکو позднѣйшему относится книга Джонатана Свифта «Бѣглый взглядъ на положеніе Ирландіи» (Short View of the State of Ireland. 1727). Описывая бѣдственное положеніе Ирландіи, Свифтъ говоритъ, что „всѣ дороги и двери домовъ осаждены нищими женщинами, за которыми слѣдуютъ пять-шесть дѣтей, покрытыхъ лохмотьями и умоляющихъ прохожихъ о милостынѣ,—дѣтей, которыя вырастаютъ безъ обученія и воспитанія и, выросши, становятся разбойниками уже потому, что у нихъ нѣтъ никакихъ средствъ существованія; такова отвратительная картина, которая поражаетъ въ Ирландіи каждаго путешественника“. Свифтъ не ограничивался только описаніемъ нужды населенія; онъ проводитъ въ общественное сознаніе и объясненіе главной причины его. Онъ нападаетъ на англичанъ за ихъ политику по отношенію Ирландіи, обличаетъ ихъ эгоизмъ и жестокосердіе и объясняетъ современникамъ значеніе тѣхъ стѣсенній торговыхъ, о которыхъ мы

говорили выше. Мы еще встрѣтимся съ публицистикою Свифта, касающейся экономическихъ мѣропріятій англичанъ по отношенію къ ирландской промышленности и торговлѣ, теперь же упомянемъ о его знаменитой сатирѣ, въ которой онъ подъ видомъ полного хладнокровія и даже со смѣхомъ излилъ свою клопочущую ненависть противъ притѣснителей ирландскаго народа. Этотъ памфлетъ озаглавленъ такъ: „Скромное предложеніе, имѣющее цѣлью помѣшать дѣтямъ ирландскихъ нищихъ быть бременемъ для своихъ родителей и страны, а также указаніе, какимъ способомъ сдѣлать ихъ полезными для общества“ (1729 г.).

„Я думаю,—говоритъ онъ,—все политическія партіи согласятся съ тѣмъ, что такое громадное число дѣтей, при нынѣшнемъ жалкомъ состояніи страны, является однимъ и значительнымъ бременемъ больше; потому тотъ, кто могъ бы превратить этихъ дѣтей въ полезныхъ членовъ общины, оказалъ бы такую важную услугу обществу, что заслужилъ бы монументъ, какъ спаситель отечества. Ниже я пытаюсь почтительнѣйше изложить мою мысль по этому поводу, которая, надѣюсь, не вызоветъ ни малѣйшаго возраженія. Одинъ весьма способный американецъ, котораго я зналъ въ Лондонѣ, говорилъ мнѣ, будто бы блюдо изъ хорошо откормленнаго годовалаго ребенка составляетъ пищу вкусную, питательную и здоровую, въ особенности, если приготовить его, зажаривъ или сваривъ въ паровой или въ духовой печи. Я не сомнѣваюсь, что изъ него можно приготовить вкусное фрикасе или рагу подъ соусомъ.

Осмѣливаюсь покорнѣйше просить принять во вниманіе, что изъ числа ста двадцати тысячъ дѣтей для воспроизведенія породы достаточно было бы оставить до двадцати тысячъ, ‘остальныхъ же затѣмъ сто тысячъ пустить въ продажу для стола знатныхъ и богатыхъ лицъ въ королевствѣ, при чемъ матерей всегда предупреждать, чтобы въ послѣдній мѣсяцъ онѣ кормили грудью дѣтей какъ можно больше, дабы послѣднія выходили мясистыми и жирными, вполне пригодными для приличнаго стола. Изъ одного ребенка можно приготовить два кушанья для стола, къ которому приглашены короткіе пріятели; когда же за обѣдъ садится только семейство, то можно приготовить весьма достаточное блюдо изъ передней или задней

части ребенка. Приправленное перцемъ и солью, оно очень вкусно и можетъ сохраниться около четырехъ дней, въ особенности въ зимнее время. По моему расчету, ребенокъ, имѣющій при рожденіи 12 фунтовъ, можетъ, если кормить его удовлетворительно въ теченіе года, достигать среднимъ числомъ до 28 фунтовъ.

Соображая, что издержки на содержаніе ребенка нищаго (въ числѣ нищихъ надо считать всѣхъ коттеровъ, поденщиковъ и четыре пятыхъ фермеровъ) составляютъ около двухъ шиллинговъ въ годъ, включая зюда же и лохмотья одежды, я полагаю, что ни одинъ джентльмэнъ не пожалѣетъ заплатить 10 шиллинговъ за хорошаго, жирнаго ребенка, изъ котораго выйдетъ отличнаго мяса, по крайней мѣрѣ, на четыре блюда.

Люди болѣе экономные (сознаюсь, что наше время требуетъ этого) могутъ снять кожу съ ребенка и, хорошо выдѣлавъ ее, приготовить превосходныя дамскія перчатки и лѣтніе сапоги для свѣтскихъ джентльмэновъ.

Въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ нашего города Дублина можно бы устроить бойни; относительно рѣзниковъ можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ недостатка не будетъ; я совѣтовалъ бы, однако, лучше покупать дѣтей живыми и готовить мясо ихъ еще теплымъ, изъ-подъ ножа, какъ дѣлается со свининой, покупаемой для жаркого. По моему мнѣнію, многочисленныя и очевидныя выгоды этого проекта могутъ имѣть огромныя послѣдствія. Во-первыхъ, вслѣдствіе этого значительно уменьшится число папистовъ, которые изъ года въ годъ обременяютъ насъ, оставаясь главными производителями страны. Во-вторыхъ, содержаніе ста тысячъ дѣтей двухлѣтняго возраста и свыше потребовало бы расхода не менѣе 10 шиллинговъ въ годъ на каждого, слѣдовательно, богатство страны увеличилось бы на 50000 гиней въ годъ, не считая выигрыша отъ новаго блюда, которое появится на столѣ каждого „зажиточнаго“ джентльмэна, не лишеннаго нѣкоторой утонченности вкуса. И деньги будутъ обращаться въ нашихъ рукахъ, потому что продуктъ этотъ будетъ исключительно произведеніемъ нашей почвы, нашихъ мануфактуръ. Въ-третьихъ, это будетъ большимъ поощреніемъ браковъ, которые у всѣхъ разумныхъ

націй поощрялись вознагражденіями или обезпечивались уголовными законами. Черезъ это увеличилась бы нѣжная заботливость матерей о дѣтяхъ, потому что онѣ были бы убѣждены въ устройствѣ еще заживо ихъ бѣдныхъ малютокъ, получающихъ, такимъ образомъ, приличное назначеніе при участіи, до нѣкоторой степени, самого общества. Можно бы перечислить много другихъ выгодъ, наприкладъ, увеличеніе вывоза солонины на нѣсколько тысячъ бочекъ, усиленный отпускъ за границу свинины, усовершенствованіе въ искусствѣ дѣлать хорошую ветчину; но все это и многое другое я опускаю изъ пристрастія къ краткости“.

Трудно себѣ представить нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ это „Скромное предложеніе“. До какого крайняго положенія дошла несправедливость общественныхъ отношеній, до какой глубины дошло бѣдственное положеніе народа, чтобы такой проектъ, хотя бы въ видѣ сатиры, могъ появиться на свѣтъ Божій. Развѣ авторъ не говоритъ этимъ, что вы, англичане, довели дѣло до такого положенія, что съ вашей стороны было бы гуманнѣе просто рѣзать этихъ лѣтей, которыхъ вы губите въ настоящее время голодной смертью.

Показанія Свифта о положеніи Ирландіи относятся къ первой половинѣ XVIII вѣка. Изъ показаній другого свидѣтеля мы видимъ, что и во второй половинѣ того же столѣтія положеніе ирландскаго земледѣльца мало чѣмъ измѣнилось. Мы имѣемъ въ виду описаніе епископа Бультера, сдѣланное имъ въ 1764 году. Такъ какъ Бультеръ былъ протестантъ, то нѣтъ основанія подозревать, что онъ сгустилъ краски, чтобы возбудить жалость къ папистамъ. Онъ въ такихъ выраженіяхъ отзывается о положеніи Ирландіи. „Никогда не встрѣчалъ я, — пишетъ онъ, — столько сценъ нужды и притѣсненія, сколько представляется ихъ въ этой странѣ. Къ нимъ принадлежитъ требованіе арендной платы даже раньше, чѣмъ хлѣбъ сложенъ, — практика, которая здѣсь слишкомъ часто примѣняется маленькими безчестными господами, которые являются третьими, четвертыми и даже пятыми послѣ настоящаго собственника. Затѣмъ слѣдуютъ требованія приходскаго духовенства, которое не довольствуется десятиной отъ зерна, но еще требуетъ

полной десятины отъ полдюжины или отъ полкопы картофеля, которю цѣлая семья должна питаться, можетъ быть, цѣлый годъ. Наконецъ, является католическій священникъ и подъ страхомъ проклятiя беретъ свою неопредѣленную часть, такъ что въ конецъ выдоенному парню остается кадушка картофеля на все его содержанiе. Проѣзжiя дороги западной и южной Ирландiи осаждаются нищими, которые живутъ въ такихъ плохихъ хижинахъ, что дымъ выходитъ черезъ всю крышу, такъ какъ едва-ли одна изъ двадцати обладаетъ трубой, и дождь протекаетъ сквозь крышу на полунагихъ, дрожащихъ отъ холода и полуголодныхъ обитателей... Участъ маленькихъ съемщиковъ немногимъ лучше участи раба... Хотя страна въ общемъ очень плодородна, но все же она носитъ почти всюду печать бѣдности, такъ какъ нѣтъ хорошей обработки, которю и не въ силахъ дать землѣ ея несчастные жители, да и не знаютъ, какъ взяться за дѣло, если-бы и были въ силахъ. И не можетъ быть иначе, ибо земля отдается тому, кто больше дастъ, не съ открытаго торга, а частнымъ образомъ, на такихъ условiяхъ, при которыхъ вся выгода достается господину, а въ малыхъ участкахъ отъ 20 до 30 фунтовъ годового дохода еще и третьему, четвертому и пятому владѣльцу послѣ перваго. Послѣ внимательныхъ подробныхъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованiй, я убѣдился, что доходъ этого королевства въ хлѣбѣ и скотѣ составляетъ едва двѣ трети того, который земля могла бы давать при лучшей обработкѣ. И, однако, владѣльцы извлекаютъ изъ ихъ земель больше дохода, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ этихъ трехъ королевствъ, тогда какъ ирландская земля при равной цѣнности, приноситъ меньше всего... Землевладѣльцы какъ перваго, такъ и послѣдующихъ разрядовъ получаютъ съ земли все, что она даетъ, а съемщики за свой трудъ получаютъ только бѣдность и картофель... Ирландiя на самомъ дѣлѣ была бы богатой страной, если-бы ея почва была использована какъ слѣдуетъ, еслибы ея промышленная сила и ея торговля не были ограничены извнѣ естественными стѣсненiями вродѣ египетской политики, а ея земледѣлiе не тормозилось бы безсердечной системой господъ *.

*) Лекки. Geschichte England's. t. I, p. 260.

Мы указали выше на бѣдственное положеніе ирландскаго земледѣльца, обреченнаго на полуголодное существованіе для того, чтобы уплатить при сѣмкѣ земли высокою аренду нѣсколькимъ посредникамъ. Во второй половинѣ столѣтія положеніе его осложняется еще измѣненіемъ хозяйственной политики англійскихъ лэндлордовъ. Вслѣдствіе развитія городской жизни въ Англій, послѣдняя представляетъ хорошій рынокъ для мяса. Своего не хватаетъ, нужно привозное. Препятствіе на привозъ мяса изъ Ирландіи падаетъ самъ собой, подъ вліяніемъ этой нужды. Вслѣдствіе этого становится выгоднымъ въ Ирландіи превращать пашни въ пастбища. Для образованія послѣднихъ сѣмщиковъ земли изгоняли съ занимаемыхъ ими участковъ и предоставляли имъ идти на всѣ четыре стороны. Положеніе ихъ стало безысходно. Одна часть населенія, менѣе сильная, наполняла собой ряды нищихъ, и безъ того довольно многочисленныя, другая—болѣе энергичная, шла въ разбойники. Шайки разбойниковъ сильно увеличились во второй половинѣ XVIII столѣтія. Но это не просто разбойники, ищущіе чужой собственности. Въ ихъ нападеніяхъ, кромѣ стремленія къ грабежу, видна идея мщенія. Они нападаютъ на помѣщичьи усадьбы, поджигаютъ дома, стога сѣна и чаще всего калѣчатъ скотъ или убиваютъ его. Въ быкъ, разводимомъ и кормящемся на пастбищахъ, бывшихъ когда то пашнями, на которыхъ жили, хотя и впроголодь, ирландскіе коттеры, они, естественно, видѣли своего врага: этотъ быкъ лишилъ ихъ крова и хлѣба, и они убивали его. Убивая его, они мстили своимъ притѣснителямъ и уничтожали животное, ставшее имъ ненавистнымъ. Эти шайки разбойниковъ, приходящіяся сродни сербскимъ гайдукамъ и итальянскимъ разбойникамъ, приводили въ ужасъ своими неистовствами. Въ сѣверо-восточной Ирландіи, въ Ульстерѣ, они носили названіе „бѣлыхъ ребятъ“ и „рапари“, въ Лейнстерѣ и въ Мюнстерѣ они назывались то „Стальными сердцами“, то „Дубовыми“. Но какъ бы они ни назывались, существованіе ихъ было проявленіемъ глубокаго соціальнаго недуга, порожденнаго обезземеленіемъ англичанами ирландскаго народа.

Другимъ проявленіемъ того же недуга была эмиграція. Начав-

шись, какъ мы видѣли, еще при Кромвелѣ, она въ теченіе всего XVIII вѣка происходитъ въ широкомъ масштабѣ. Она уносила наиболѣе энергичные и дѣятельные элементы общества и тѣмъ, можно сказать, обезглавливала его. Эмигранты направлялись на континентъ Европы и въ Америку. На всѣхъ поляхъ сраженій въ Европѣ ложились ирландскіе солдаты, которыхъ цѣнили, какъ храбрыхъ людей. Французскій аббатъ Макъ Жогеганъ (Mac Geoghegan) утверждалъ, что въ войнахъ Франціи съ ея сосѣдями съ 1691 года по 1745 годъ пало 450000 ирландцевъ. Въ сраженіи при Фонтенуа Ирландцы составляли ядро колонны, которая прорвала англійскія линіи. Ирландскія войска раздѣляли несчастія французовъ при Бленгеймѣ, Рамильи, Уденарде и Мальплаке. Въ Испаніи долго сохранялись въ арміи пять ирландскихъ полковъ.

Упорному сопротивленію ирландцевъ во время нападенія Евгенія Савойскаго на Кремону этотъ городъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Когда нѣмцы въ Сициліи напали на испанцевъ при Мелатцо, ирландцы своей храбростью доставили побѣду испанцамъ. Еще въ 1760 году мы видимъ ирландскій полкъ на службѣ въ Неаполѣ. Со времени революціи 1688 года и до самаго ахенскаго мира не было на континентѣ сколько нибудь значительнаго сраженія или осады крѣпости, въ которыхъ не принимали бы участія ирландцы. И не только солдаты, но и генералы ирландскаго происхожденія не могутъ быть не отмѣчены въ войскахъ континентальныхъ европейскихъ государствъ. Лордъ Клэръ былъ маршаломъ Франціи. Генералъ Лалли Толандалъ, извѣстный своей храбростью, военными дарованіями и трагическимъ концомъ, былъ тоже ирландецъ. Генералъ Броунъ въ Австріи, игравшій видную роль въ началѣ семилѣтней войны, былъ сыномъ ирландскихъ родителей, эмигрировавшихъ изъ Ирландіи. Такую же точно видную роль играли въ Австріи генералы Магиръ, Ласси, Нѣдженъ и О'Доннель. Другой Броунъ, родственникъ предыдущаго, былъ русскимъ генераломъ, при чемъ по русскому обычаю былъ называемъ Юріемъ Юрьевичемъ. Отецъ былъ фельдмаршаломъ и губернаторомъ въ Ригѣ. Другой генералъ, стяжавшій себѣ славу въ Россіи, Ласси, прозванный Петромъ Петровичемъ, тоже былъ ирландецъ.

Онъ почти мальчикомъ, вступилъ въ войско Якова II. Во время капитуляціи въ Лиммерикъ онъ долженъ былъ оставить Ирландію и ушелъ во Францію. Потомъ, когда войска послѣдней были сокращены послѣ Рисвикскаго мира, онъ долженъ былъ оставить службу во Франціи и перешелъ въ Россію, гдѣ нашелъ широкое поле для своего таланта. Легки справедливо говорить, что исторію Ирландіи въ смыслѣ дѣятельности ея энергичныхъ и талантливыхъ сыновъ надо изучать на континентѣ Европы, а не въ Ирландіи, гдѣ осталось только приниженное и обездоленное населеніе, не проявлявшее долго никакихъ признаковъ жизни. Въ Америкѣ тоже дѣйствовали ирландцы. Уйдя туда, они потомъ охотно приняли участіе въ войнѣ за независимость и доставили Вашингтону его лучшія военныя силы. Такъ называемая Пенсильванская линія состояла главнымъ образомъ изъ ирландцевъ. Монгомери, прославившійся при взятіи Квебека и потомъ одинъ изъ первыхъ назначенный начальникомъ во время войны за освобожденіе, былъ родомъ изъ Доннегалы въ Ирландіи.

Такъ по всему свѣту разсѣялись ирландцы, наиболѣе энергичные и талантливые. Они встрѣчаются тамъ не только въ военной сферѣ, но и на другихъ поприщахъ дѣятельности. Медики, дипломаты, администраторы тоже бывали изъ ирландцевъ на чужбинѣ. И чѣмъ больше ихъ было тамъ, тѣмъ большій недочетъ ихъ былъ въ родной странѣ. Народъ, лишившійся столькихъ своихъ сыновъ, могшихъ быть руководителями ему въ его жизни, можетъ быть названъ обезглавленнымъ или, по меньшей мѣрѣ, искалѣченнымъ. Много нужно времени, чтобы онъ снова народилъ изъ себя такихъ же людей, какихъ лишился. Будучи даже болѣе богатъ интеллигентными силами, онъ не могъ бы лишиться ихъ безъ ущерба для себя.

То, что не эмигрировало изъ высшаго ирландскаго общества, то было загнано въ Коннаутъ и тамъ обречено на нищенское существованіе. Нерѣдко можно было встрѣтить между коннаутскими нищими людей съ славными именами, предки которыхъ похоронены были въ Клондайкскомъ аббатствѣ. Надгробныя плиты, сохранившіяся въ полу этого знаменитаго аббатства вмѣстѣ съ именами знаменитыхъ когда то предковъ, молчаливо свидѣтельствовали объ одномъ изъ

способовъ, которыми ирландскій народъ былъ обезглавленъ, лишень всего руководящаго класса.

Другая волна эмиграціи захватила не только ирландцевъ католиковъ, но и обирландившихся протестантовъ. Это была эмиграція промышленниковъ, оставшихся безъ дѣла послѣ того, какъ Англія своею экономической политикой уничтожила ирландскую промышленность, даже и полотняную, которой она обѣщала свое покровительство. Ирландскіе ткачи ушли частью въ Голландію, гдѣ содѣйствовали развитію полотнянаго производства. Часть ихъ переселилась во Францію; но большая часть ихъ отправилась въ Америку. Тамъ они сохранили свою ненависть къ своимъ порабитителямъ и вылили ее въ борьбѣ американцевъ за независимость.

Мы говорили о томъ, какъ плачевно было положеніе населенія, оставшагося въ Ирландіи. Интересны тѣ измѣненія, которыя произошли въ его характерѣ подъ вліяніемъ этихъ условій жизни. Все то, что не стало разбойниками, было до крайности принижено. Эта приниженность была прямымъ результатомъ того безнадежнаго положенія, въ которомъ, какъ мы видѣли находился ирландецъ въ XVIII вѣкѣ. Онъ могъ жить только изо дня въ день, не будучи увѣреннымъ за завтрашній. Онъ постоянно боялся, что вотъ наступитъ моментъ, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ голодной смертью и что, можетъ быть, ему придется умереть гдѣ нибудь въ канавѣ, около дороги или подъ заборомъ, а не то погибнуть отъ голоднаго тифа и передъ смертью видѣть страданія и смерть своихъ дѣтей и жены. Отсутствіе всякой возможности улучшить свое положеніе создало апатію, то состояніе духа когда человѣкъ машетъ рукой на все и живетъ, какъ Богъ пошлетъ, не дѣлая никакихъ усилій. Таковъ сталъ ирландецъ подъ вліяніемъ изложенныхъ условій.

По отношенію къ помѣщику онъ сталъ въ совершенно безправное положеніе. Отдавая весь доходъ земли, онъ не былъ увѣренъ, что его не прогонятъ съ его участка и не лишатъ не только земли, но и жалкаго крова. Онъ понемногу привыкъ къ своему безправію и покорностью старался избѣгнуть несчастья. Мало по малу въ немъ выработывались рабы чувства, терялось человѣческое достоинство.

Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ рабомъ, только съ правомъ не быть проданнымъ; но взамѣнъ этой привилегіи его не кормили, но обращались какъ съ рабомъ. Мордобитіе стало тогда явленіемъ совершенно обычнымъ, и коттеръ привыкъ къ этому. Если же онъ проявлялъ признаки протеста, то къ мордобитію присоединялись сѣченіе и истязаніе. Если бывалъ такой рѣдкій случай, что покалѣченный коттеръ обращался къ защитѣ суда, онъ не находилъ ея, ибо судъ не былъ для него. Оставалось покоряться и гнуть шею. Если онъ на дорогѣ встрѣчался съ экипажемъ помѣщика, онъ торопливо сворачивалъ съ дороги со своимъ возомъ. Онъ опрокидывался въ канаву, но слѣшилъ дать дорогу барину. Эти сцены изъ жизни Ирландіи XVIII вѣка не напоминаютъ-ли намъ наше недавнее прошлое? И у насъ тоже мужикъ, встрѣчаясь съ баринкомъ, ѣдущимъ на тройкѣ, торопился дать дорогу. Его лошаденка грузнетъ въ снѣгу, онъ мучается потомъ, вытаскивая изъ сугроба свой иногда нагруженный возъ, но онъ считаетъ своей обязанностью сворачивать съ дороги; а если онъ недостаточно скоро исполнилъ ее, кнутъ кучера напоминалъ ему о его неаккуратности. Одинаковыя условія общественной жизни въ различное время и въ различныхъ странахъ создаютъ схожія явленія, порождаютъ одинаковыя нравы.

Эти условія не остались безъ вліянія и на характеръ высшего класса въ Ирландіи. Въ то время, какъ въ Англіи помѣстный классъ ставитъ себѣ цѣлью участіе въ общественной жизни, начиная съ парламента и кончая мѣстнымъ управленіемъ, ирландскіе джентри совершенно чужды этого стремленія. Отчасти это происходитъ отъ отсутствія независимой политической жизни, а отчасти подъ вліяніемъ жизни, равной крѣпостнической. Ирландскіе помѣщики чужды всякимъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ и живутъ исключительно грубыми удовольствіями. Таковъ характеръ помѣщиковъ одинаково какъ англичанъ, которые жили въ Ирландіи, такъ и ирландцевъ, поскольку они сохранились въ Коннаутѣ. Небезпечность владѣнія и положенія вскорѣ послѣ конфискацій сдѣлала то, что они не склонны сберегать то, что приобрѣли, а расточительны. Потомъ современемъ этотъ образъ жизни входитъ въ нравы мѣстныхъ помѣщиковъ, и создается взглядъ, что именно

беззаботный и расточительный образъ жизни составляетъ достоинство барина; противоположная жизнь стала казаться неприличной. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и то обстоятельство, что въ ихъ власти оказались коттеры, которые были въ положеніи быдла, изъ котораго выжимали соки и который такимъ образомъ своимъ трудомъ содержалъ помѣщика, освобожденнаго отъ всякаго труда и отъ всякихъ заботъ по отношенію къ своимъ подданнымъ, почти крѣпостнымъ.

Ирландскіе помѣщики пріобрѣли всѣ черты крѣпостника. Они презираютъ коттера какъ низшее существо, за которымъ они не признаютъ человѣческаго достоинства. Мы говорили, что мордобитіе было обычнымъ дѣломъ въ сношеніяхъ помѣщика съ коттеромъ. Съченіе тоже было и считалось дѣломъ вполне дозволеннымъ по отношенію къ этому „скоту“. Ирландскій помѣщикъ считалъ, что онъ оказываетъ ему честь, если беретъ его жену или дочь себѣ въ любовницы.

Господствующими чертами тогдашняго ирландскаго помѣщика были расточительность и пьянство. Потребленіе французскихъ винъ было такъ велико въ Ирландіи, что это считалось даже національнымъ бѣдствіемъ. Берклей замѣчаетъ по этому поводу, что въ то время, какъ въ Англіи многіе джентльмены съ тысячею фунтовъ годового дохода вовсе не употребляютъ вина, въ Ирландіи отказываются отъ него развѣ только помѣщики, получающіе не больше ста фунтовъ. Изъ десяти джентльменовъ Ирландіи, — писалъ Честерфильдъ, — всѣ десять разорились отъ массы кларета, который они изъ ложнаго понятія о гостепрѣимствѣ и собственномъ достоинствѣ, считали необходимымъ держать въ домѣ.

Главной своей заботой они считаютъ то, чтобы кларетъ въ ихъ погребѣ былъ не моложе двухъ или трехъ лѣтъ. У такихъ помѣщиковъ обыкновенно не было при этомъ ни одной книги въ домѣ.

Дуэли, скачки и пѣтушій бой были главнымъ содержаніемъ ихъ жизни рядомъ съ попойками и пирушками. Увлеченіе доходило до того, что правительство считало нужнымъ принимать ограничительныя мѣры; оно старалось, какъ и у насъ, чтобы въ пари на скачкахъ принимали участіе только люди, заплатившіе извѣстную болѣе или менѣе значительную цѣну за билетъ для входа. Пирь

ирландцевъ не походили совершенно на тѣ банкеты, за которыми проводили время современные французы, гдѣ царило веселье и остроуміе цивилизованныхъ людей. Пиръ ирландцевъ носилъ грубый характеръ. Здѣсь ѣли и пили, что называется до отвала, пили до тѣхъ поръ, пока собутыльники не сваливались и не засыпали подъ столомъ. Ёли огромныя количества пищи. Четырнадцать мясныхъ блюдъ не считалось за обѣдомъ излишествомъ, при чемъ еще за ужиномъ полагалось семь блюдъ. Одинъ путешественникъ рассказываетъ про одного коннаутскаго помѣщика, который не покидалъ въ теченіе всего дня своего кресла за столомъ и не переставалъ ѣсть и пить кларетъ и приглашалъ къ столу всѣхъ проѣзжающихъ, стараясь напоить и накормить ихъ до послѣдней возможности. Читая это описаніе, невольно вспоминаешь Пѣтуха Петра Петровчча, обращающагося ко всѣмъ мимо ѣдущимъ со словомъ „обѣдали?“ и Собакевича, уплетающаго въ одинъ присѣсть „огромное произведеніе природы“. Эти кутящіе и пьянствующие помѣщики относились съ равнымъ презрѣніемъ къ порядку, бережливости и къ промышленному труду. Это было полное одичаніе. „Трудно сказать, — замѣчаетъ по поводу этой жизни историкъ Лекки, — на кого болѣе деморализующе дѣйствовалъ этотъ соціальный строй, — на протестантовъ ли, прививая имъ пороки монополистовъ и рабовладѣльцевъ, или на католиковъ, порождая въ нихъ пороки заговорщиковъ и презираемыхъ людей. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не будетъ удивляться, что страна съ такой земельной исторіей, какъ ирландская, стала такъ богата аграрными преступленіями“.

Слѣдуетъ обратить еще вниманіе на одно явленіе, которое мы разъ отмѣчали уже въ средніе вѣка. Я говорю о денационализациі пришельцевъ англичанъ въ Ирландіи. То, что было тогда, то случилось и теперь въ XVI, XVII и въ XVIII вѣкахъ. Многіе изъ колонистовъ Елизаветы обирландились и даже стали католиками. Фанатики протестантизма и лютые враги ирландцевъ — солдаты Кромвелля, по всей вѣроятности, разсердились бы, если бы имъ предсказана была участь колонистовъ Елизаветы. И однако, ко времени прихода въ Ирландію Вильгельма III съ его войсками очень многіе изъ солдатъ Кромвелля потеряли свою національность и религію, и Виль-

гельмъ III встрѣтилъ наиболѣе энергичное сопротивленіе именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были поселены солдаты Кромвелля и гдѣ теперь жили ихъ дѣти, ставшія совершенными ирландцами. Та же участь постигла и солдатъ самого Вильгельма, поселенныхъ въ Ирландію*). Этотъ процессъ замѣтнымъ образомъ происходилъ при посредствѣ браковъ между англичанами и ирландцами. Обыкновенно вліяніе послѣднихъ на своихъ мужей было очень сильно. Но само собою разумѣется, что бракъ былъ только однимъ изъ каналовъ, которымъ происходило вліяніе ирландской національности на англійскую. Но этотъ каналъ былъ виденъ, а потому его старались закрыть съ цѣлю прекращенія заразы. И вотъ мы видимъ рядъ законовъ, запрещающихъ браки между протестантами и католиками и грозящихъ дурными послѣдствіями за нарушеніе запрещенія. Повторяется то же, что дѣлалось въ средніе вѣка, только тогда запрещеніе касалось усвоенія образа жизни и одежды ирландцевъ, а теперь, сообразно измѣнившимся условіямъ, вниманіе сосредоточено на религіозной сторонѣ дѣла.

Въ 1697 году былъ изданъ законъ, по которому бракъ между протестантомъ и католичкой запрещался, а также запрещалось и протестанткамъ выходить замужъ за католиковъ. Въ случаѣ если протестантъ женился на католичкѣ, онъ подвергался всѣмъ тѣмъ ограниченіямъ, которыя сопровождали жизнь католиковъ, и лишался права свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ. Если протестантка выходила замужъ за католика, въ такомъ случаѣ она лишалась своего имущества, если таковое было больше 500 ф. с. Священникъ, совершавшій бракъ, наказывался 20 ф. с. штрафа. Это запрещеніе оказалось, очевидно, недостаточнымъ, такъ какъ мы видимъ, что въ 1725 году издается новый законъ на ту же тему. По этому закону вводятся наказанія не только для священника, но и для свидѣтелей запрещеннаго закономъ смѣшаннаго брака; наказаніе же священнику увеличивается до смертной казни включительно. Прошло еще 20 лѣтъ и понадобилось новое распоряженіе относительно смѣшанныхъ браковъ.

*) Англійскій языкъ уже въ тридцатыхъ годахъ замѣтно распространился между ирландцами, но это не дѣлало ихъ англичанами.

Въ 1745 году издается законъ, который признаетъ бракъ католика съ протестантомъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ со всѣми гражданскими послѣдствіями, такъ что дѣти отъ такихъ браковъ признавались незаконными. И этотъ законъ, какъ и всѣ его предшественники, не привелъ къ желаннымъ результатамъ; но онъ, какъ и они, вносилъ путаницу въ семейныя и въ имущественныя отношенія. Между закономъ и нравственнымъ требованіемъ стояло такое вопіющее противорѣчіе, что о признаніи за нимъ со стороны населенія силы закона не могло быть и рѣчи. Онъ представлялся только актомъ насилія. Отсюда недѣйствительность этихъ распоряженій, которыя именовались законами. Но само собою разумѣется, что родители старались всѣми способами защитить своихъ дѣтей отъ потери имущественныхъ и гражданскихъ правъ и въ этомъ стремленіи не только сталкивались съ властями предрержащими, но и съ родственниками, старавшимися овладѣть „свободнымъ имуществомъ“. Эта путаница отношеній, вредная сама по себѣ, затемняла мало по малу чувство законности, водворяя анархію въ семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ.

Къ числу условій, развивавшихъ анархію въ странѣ, надо присоединить и низкое политическое значеніе главнаго законодательнаго органа страны. Мы видѣли выше, что независимость ирландскаго парламента была ограничена въ 1495 году закономъ Пойнинга, по которому созвать ирландскій парламентъ можно было только послѣ того, какъ билли, подлежащія его обсужденію, были одобрены въ англійскомъ тайномъ совѣтѣ. Этотъ законъ оставался въ силѣ и въ XVI вѣкѣ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, введеннымъ въ 1556 году, въ царствованіе Маріи Тюдоръ, что парламентъ могъ собратся и раньше этого одобренія, но тѣмъ не менѣе не могъ заниматься дѣлами, не внесенными въ одобренную тайнымъ совѣтомъ программу. Такимъ образомъ, у ирландскаго парламента не было законодательной инициативы. Засимъ рѣшенія его шли въ тотъ же тайный совѣтъ, и послѣдній могъ ихъ отвергнуть или измѣнить. Если билль въ измѣненномъ видѣ возвращался въ Дублинъ, то парламентъ могъ только принять либо отвергнуть его, но измѣнять не имѣлъ права. Мало того, въ

царствованіе Георга I англійскій парламентъ издалъ актъ (1727 г.), которымъ объяснилъ, что король съ англійскимъ парламентомъ можетъ издавать законы, обязательные для Ирландіи, помимо дублинскаго парламента. Политическое значеніе ирландскаго парламента ослаблялось еще тѣмъ, что въ то время, какъ англійскій парламентъ избирался на сроки въ три или въ семь лѣтъ, ирландскій созывался на все царствованіе, благодаря чему связь его членовъ съ населеніемъ совершенно ослаблялась. Бывали случаи, что парламентъ не избирался вновь въ теченіе 33 лѣтъ. Такъ было при Георгѣ II. Члены его, находясь внѣ контроля общества и чувствуя себя независимыми отъ избирателей, свободно могли отдаваться преслѣдованію своихъ личныхъ интересовъ. Самый составъ парламента благопріятствовалъ какъ нельзя больше процвѣтанію этихъ послѣднихъ. Верхняя палата состояла изъ лордовъ исключительно англичанъ, которые почти вовсе не жили въ Ирландіи и не бывали въ засѣданіяхъ парламента. Духовные лорды были тоже англичане и притомъ назначенные кородемъ. Это, значитъ, были люди, вполне зависимые отъ англійскаго правительства. Нижняя палата состояла также, главнымъ образомъ, изъ людей чуждыхъ туземному населенію. Такъ какъ католики лишены были не только активнаго избирательнаго права, но и пассивнаго, то они не только не могли посылать туда своихъ представителей, но и случайно не могли попасть туда. Диссентеры тоже не могли быть избираемы въ члены парламента въ силу теста-акта. Такимъ образомъ, $\frac{5}{6}$ населенія острова были устранены отъ вліянія на ирландскій парламентъ. Но этого мало. То самое искаженіе избирательнаго начала, которое было въ Англій въ силу существованія такъ называемыхъ „гнилыхъ мѣстечекъ“ *), существовало еще въ большей степени въ Ирландіи, такъ какъ тамъ этихъ гнилыхъ мѣстечекъ стало больше. Король имѣлъ право даровать право выбирать представителя въ парламентъ тому или иному поселенію. Въ Англій это право пришло въ забвенію, тогда какъ въ Ирландіи короли пользовались имъ.

*) Такъ назывались поселенія, которыя имѣли право выбирать представителей въ парламентъ, но почти лишены были избирателей, а потому были орудіемъ въ рукахъ богатыхъ людей.

Стюарты создали тамъ 76 избирательныхъ мѣстечекъ, Вильгельмъ III одиннадцать. Такія мѣстечки создавались въ угоду землевладельцамъ. Послѣдніе извлекали доходъ изъ избирательной привилегіи, предоставленной принадлежащему имъ мѣстечку, продавая голоса избирателей, вполнѣ отъ нихъ зависѣвшихъ. Изъ 300 членовъ ирландскаго парламента въ „гнилыхъ мѣстечкахъ“ выбиралось 216. Изъ этихъ послѣднихъ 176 членовъ просто назначались владѣльцами мѣстечекъ, съ соблюденіемъ только протокола выборовъ. Иногда богатый лордъ назначалъ нѣсколькихъ членовъ парламента. Такъ, лордъ Шаннонъ назначалъ 16 депутатовъ, лордъ Понсонби — 14 и т. д. Эти владѣтели парламентскихъ мѣсть, конечно, недаромъ предоставляли ихъ кандидатамъ правительства. Они являлись предпринимателями поставки депутатовъ въ парламентъ, и правительство подряжало ихъ, какъ подряжало другихъ лицъ на разныя другія поставки. Само собою разумѣется, что депутаты, попавшіе такимъ путемъ въ парламентъ, если они не были заранѣе куплены, продавали свои голоса. Подкупъ членовъ парламента процвѣталъ въ Дублинѣ еще въ большей степени, чѣмъ въ Лондонѣ. Въ послѣднемъ были депутаты, которые были связаны съ страной и населеніемъ общностью національнаго чувства и общностью интересовъ, тогда какъ въ Дублинѣ такихъ не было.

Вслѣдствіе приниженности ирландскаго парламента, на счетъ бюджета Ирландіи относили такіе расходы, которые съ ея интересами не имѣли ничего общаго. Не только изъ него выдавались пенсіи лицамъ, которыхъ подкупали для пріобрѣтенія ихъ голосовъ правительству, но и тѣмъ, которые не имѣли никакого отношенія къ парламенту. Глубоко укоренился обычай, что лица, которыя въ Англіи недостаточно были обеспечены, или считали себя недостаточно обеспеченными, пристраивались въ Ирландіи на пенсію. Такъ, герцогъ С. Альбансъ, побочный сынъ Карла II, получалъ ирландскую пенсію въ 800 ф. с. ежегодно. Катерина Седлэ, метресса Якова II получала 5.000 ф. с. Вильгельмъ подарилъ своимъ голландскимъ любимцамъ Портланду и Абермалю земли, величина которыхъ превосходила величину англійскаго графства, и своей прежней любовницѣ Вильерсъ тоже большое помѣстье. Герцогиня Кендалъ и графиня

Дарлингтонъ получали вмѣстѣ 5.000 ф. с. пенсіи. Лэди Уольсингемъ, дочь герцогини Кендалъ, получала ирландскую пенсію въ 1.500 ф. с. Лэди Гоу (Howe), дочь графини Дарлингтонъ, получала пенсію въ 500 ф. с. Госпожа Вальмоденъ, одна изъ мотрессъ Георга II получала пенсію въ 3.000 ф. Вдовствующая королева прусская, сестра Георга II, графъ Бернсторфъ, выдающійся ганноверскій государственный человѣкъ при Георгѣ I, и многіе другіе, менѣе извѣстные нѣмецкіе государственные люди, тоже числились въ спискѣ ирландскихъ пенсіонеровъ *). Въ Англіи тоже были въ то время подобныя злоупотребленія при первыхъ двухъ Георгахъ. Упомянутая нами герцогиня Кендалъ (бывшая нѣмецкая графиня Шуленбургъ) захватила себѣ нѣсколько придворныхъ должностей за разъ, и, когда, вслѣдствіе отставки герцога Соммерсета, упразднилось мѣсто командира конной королевской гвардіи, Георгъ нѣсколько лѣтъ не назначалъ ему преемника и жалованье командира предоставилъ получать герцогинѣ Кендалъ. Говоря объ этомъ, одинъ современникъ благодаритъ небо, что въ Англіи существуетъ парламентъ и что власть короля ограничена, а то иначе герцогиня Кендалъ непременно сдѣлалась бы канцлеромъ Великобританіи, а герцогиня Дарлингтонъ — архіепископомъ кентерберійскимъ. Въ Ирландіи эти злоупотребленія народными деньгами были гораздо значительнѣе именно потому, что въ парламентѣ почти не было настоящихъ представителей страны.

Останавливаясь мыслью на положеніи Ирландіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, невольно поддаешься мысли, что тутъ выхода нѣтъ. Нищета и одичаніе народа, деморализація властителей, приниженность туземныхъ государственныхъ учрежденій — такова картина, рисуемая ирландцевъ, опустившихся на дно мрачной пропасти, куда не проникнуть ни одному лучу свѣта. И, однако, въ этой безпросвѣтной тьмѣ уже съ конца XVII вѣка брезжетъ огонекъ, который сначала едва мерцаетъ и не вліяетъ нисколько на общій тонъ картины. Но чѣмъ дальше, тѣмъ онъ разгорается сильнѣе и становится, наконецъ, лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ,

*) Лекки. Исторія Англіи въ XVIII вѣкѣ. Т. II, стр. 245. (Нѣм. пер.)

подающимъ надежду на близкій разсвѣтъ. Этотъ лучъ свѣта созданъ умомъ человѣческимъ, свободнымъ отъ всякой корысти и стремящимся лишь къ одному — къ истинѣ. •

Родоначальникомъ умственного движенія въ Ирландіи, поведшаго въ концѣ концовъ къ возрожденію ирландскаго общества, былъ Молине (Molineux), ученый другъ Локка. Онъ былъ основателемъ „Философскаго общества“ въ Дублинѣ въ 1684 году. Во время погрома 1689 года это общество прекращало свое существованіе, но потомъ дѣятельность его возобновилась снова. Подъ вліяніемъ этого общества былъ устроенъ ботаническій садъ въ Дублинѣ, музей и лабораторія. Эти философскія и научныя занятія какъ будто не имѣли никакого отношенія къ общественной и, въ особенности, къ политической жизни. Но это только такъ кажется. Философія и наука будили мысль, а пробуждающаяся мысль не можетъ останавливаться только на одномъ кругѣ явленій, не касаясь другихъ. На плечахъ философскаго общества образовалось впоследствии „Историко-физическое общество“ (1744 г.), которое издавало свой журналъ, въ которомъ въ цѣломъ рядѣ статей обсуждались торговые, сельскохозяйственные и политическіе вопросы, относящіеся къ Ирландіи. Все это будило общественное самосознаніе.

Но еще въ самомъ началѣ движенія самъ Молине возвысилъ свой голосъ противъ несправедливостей Англіи по отношенію къ Ирландіи. Онъ выпустилъ сочиненіе (The Case of Ireland) „Положеніе Ирландіи“, въ которомъ онъ возсталъ противъ мѣръ Англіи противъ ирландской промышленности и требовалъ независимости ирландскаго парламента отъ англійскаго. Это сочиненіе возбудило негодованіе англійскаго правительства. Оно объявило черезъ судъ эту книгу безстыднымъ пасквилемъ и сожгло ее рукою палача. Смерть избавила Молине отъ преслѣдованій англійскаго правительства.

Это было въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Нѣсколько времени спустя, снова раздался голосъ противъ притѣснителей и на этотъ разъ значительно громче. Это былъ голосъ Джонатана Свифта; подъ впечатлѣніемъ страданій ирландскихъ ремесленниковъ онъ написалъ сочиненіе „Краткій обзоръ положенія Ирландіи“ (Short View of the State of Ireland). Затѣмъ онъ выступилъ съ со-

чиненіемъ подъ названіемъ „Предложеніе объ общемъ употребленіи ирландской мануфактуры“ (A Proposal for the Universal use Irish manufacture). Въ этомъ произведеніи онъ напалъ на Англію за уничтоженіе ирландской ткацкой промышленности. Онъ воспользовался греческой легендой о соперничествѣ между Арахнеей и Палладой Аѳинной въ искусствѣ пряденія, въ которой разсказывается, какъ Арахнея побѣдила Аѳину, но какъ послѣдняя, разгнѣвавшись на это, превратила Арахнею въ паука и осудила ее прядть собственныя внутренности. Англія, — говорилъ Свифтъ, — оказалась гораздо жесточе, чѣмъ Паллада Аѳина. Она вырвала изъ ирландцевъ большую часть ихъ тѣла и запретила имъ самихъ себя прядть и ткать. Поэтому Свифтъ предлагалъ всѣмъ ирландцамъ соединиться и не употреблять никакихъ произведеній англійской мануфактуры. Это сочиненіе поразило ирландское общество своей смѣлостью и произвело сильный переполохъ въ правительственныхъ сферахъ. Въ „Письмахъ суконщика“ Свифтъ рѣзко и безпощадно разоблачаетъ экономическую политику Англіи. Правительство рѣшило привлечь къ отвѣтственности анонимнаго автора, который, однако, всѣмъ былъ извѣстенъ. Оно привлекло къ суду, за отсутствіемъ автора, типографщика. Судья выказалъ крайнее пристрастіе въ процессѣ, напомнившее времена Джефрейза. Когда присяжные вынесли оправдательный вердиктъ, онъ девять разъ возвращалъ ихъ въ совѣщательную комнату, добиваясь обвинительнаго приговора. Одиннадцать часовъ шла эта борьба между судьей и присяжными, пока наконецъ утомленные присяжные признали фактъ изданія книги, предоставивъ судѣ рѣшать вопросъ о виновности. Общественное негодованіе было такъ сильно возбуждено процессомъ, что правительство не рѣшилось вести дальше дѣло и оставило въ покоѣ типографщика (1720 г.).

Нѣсколько лѣтъ спустя Свифту представился новый случай выступить противъ англійскаго правительства въ защиту своей родины. Герцогиня Кендалъ получила концессію на чеканку мѣдной монеты для Ирландіи. Она уступила это право нѣкому Вуду, получивъ отъ него хорошее вознагражденіе за эту выгодную операцію. Эта монета была очень низкаго качества. На фунтъ мѣди съ приходилось 2 ш. 6 п. величиной въ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ пенса, тогда какъ

фунтъ мѣди стоилъ только 12—13 пенсовъ. Всего монеты предложено было выпустить на 108 т. ф. с., тогда какъ для полного удовлетворенія потребности страны въ мелкой монетѣ достаточно было 10—15 т. ф. с. Вслѣдствіе всего этого, эта операція вызвала сильное негодованіе въ Ирландіи. Считаясь съ нимъ до извѣстной степени, правительство сократило выпускъ до 40 т. ф. с., но оставило ту же недоброкачественность монеты. Выразителемъ общеннаго негодованія явился Свифтъ, сдѣлавшій вопросъ объ операціи съ низкопробной монетой содержаніемъ своего четвертаго „Письма суконщика“. Онъ защищалъ въ немъ съ побѣдоносной силой принципъ Молине, выставилъ притязаніе на право для ирландскаго законодательнаго учрежденія на самоуправленіе и твердой рукой провелъ границу между прерогативой короля и свободой народа. Когда онъ разоблачалъ злоупотребленія ирландскаго правительства и высказалъ мысль, что управленіе безъ согласія управляемыхъ есть вѣрное условіе рабства, онъ затронулъ такую струну, звукъ которой впервые отозвался во всѣхъ классахъ ирландскаго общества. Правительство снова начало преслѣдованіе противъ автора памфлета и для открытія его назначило премію въ 300 ф. с. Несмотря на значительность вознагражденія, не нашлось человѣка, который бы взялся довести на автора, который былъ извѣстенъ всѣмъ но только не официально. Видя невозможность привлечь къ суду Свифта, правительство возбудило преслѣдованіе противъ типографщика; но присяжные, несмотря на всѣ старанія главнаго судьи, не только отвергли возможность преданія его суду, но объявили подлежащимъ судебному преслѣдованію всякаго, кто принимаетъ въ платежи монету Вуда. Это заявленіе присяжныхъ обозначало полный провалъ всего дѣла, и концессія Вуда кончилась ничѣмъ. Правительство должно было вознаградить его за убытки и заплатить ему три тысячи фунтовъ стерлинговъ. Общественное мнѣніе Ирландіи еще однимъ путемъ высказалось въ пользу Свифта. Когда онъ пріѣхалъ изъ Англіи въ Дублинъ, все населеніе города вышло ему навстрѣчу. Его проѣздъ по городу былъ шествіемъ триумфатора: во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола, и огромныя толпы народа сопровождали его и привѣтствовали его криками.

Памфлеты Свифта являются вторымъ этапомъ въ развитіи оппозиціи въ Ирландіи противъ англійскаго самовластья. Сравнительно со временемъ Молине, русло общественнаго движенія стало значительно шире. Важно отмѣтить то, что это движеніе проявляется среди протестантскаго населенія и слѣдовательно чуждо религіозныхъ интересовъ и сосредоточено пока только на вопросахъ исключительно политическихъ.

Третьимъ этапомъ по тому же пути было появленіе въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія журнала аптекаря Вуда подъ названіемъ „Журналъ Свободнаго Человѣка“ (Freemans Journal). Издателемъ его былъ аптекаръ Чарльзъ Лукасъ. Онъ проводилъ въ своемъ журналѣ требованіе о сокращеніи срока существованія парламента и велъ кампанію противъ пенсій. Эта дѣятельность показала правительству неудобной и оно возбудило обвиненіе противъ Лукаса. Въ 1749 году парламентъ объявилъ его врагомъ отечества, а присяжные Дублина постановили сжечь его изданія рукою палача. Но это постановленіе только увеличило популярность Лукаса и можетъ быть подняло ее до той высоты, которой она не достигла бы сама собою. Благодаря ей, нѣсколько лѣтъ спустя онъ былъ выбранъ отъ города Дублина въ члены парламента (1760 г.). Въ то-же время въ этомъ новомъ парламентѣ (новое царствованіе) образуется оппозиція болѣе значительная, чѣмъ прежде. Она ставитъ въ свою программу сокращеніе срока существованія парламента и уничтоженіе ограниченій его автономіи. Эта оппозиція была сама по себѣ довольно сильна и при благопріятныхъ обстоятельствахъ могла заставить правительство считаться съ ея требованіями.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теченіе столѣтія происходилъ медленный, сначала едва замѣтный, ростъ общественнаго самосознанія, который чѣмъ дальше, тѣмъ становился сильнѣе и создалъ, наконецъ оппозицію въ самомъ парламентѣ. Эта оппозиція въ Ирландіи при благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ мы сказали, могла выродиться въ такое движеніе, съ которымъ правительство должно будетъ считаться. Такимъ обстоятельствомъ явились столкновенія англичанъ съ американскими колонистами, вылившіяся въ открытую борьбу. Въ этой борьбѣ выиграла не только Америка, но и Ирландія.

IV.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ПОТЕРЯННЫХЪ ПРАВЪ.

Для ясности движенія, начатаго ирландскими политическими дѣятелями, припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ условія, въ которыхъ стоялъ ирландскій парламентъ. По закону Пойнинга, изданному въ 1495 году, ирландскій парламентъ могъ быть созванъ лишь послѣ того, какъ билли, подлежащія его обсужденію, будутъ одобрены королевскимъ совѣтомъ. Въ силу измѣненія въ этомъ законѣ, сдѣланнаго въ 1556 году, билли могли быть представляемы королевскому совѣту и во время сессіи парламента. Это устраняло необходимость представлять предварительно всѣ билли, но это нисколько не расширяло законодательной инициативы ирландскаго парламента и его независимости отъ англійскаго королевскаго совѣта. Всѣ билли, составлялись королевскимъ совѣтомъ въ Дублинѣ, затѣмъ посылались въ лондонскій королевскій совѣтъ, который давалъ этимъ биллямъ окончательный видъ, въ которомъ они и поступали на разсмотрѣніе ирландскаго парламента. Но послѣдній не имѣлъ права измѣнять ихъ редакцію, а только долженъ былъ ихъ принимать или отвергать цѣликомъ. При Георгѣ I, въ 1719 году, по поводу возбужденнаго въ ирландскомъ парламентѣ вопроса о судебной компетенціи его верхней палаты англійскій парламентъ принялъ резолюцію въ которой отрицалъ эту компетенцію и высказалъ по этому поводу мнѣніе, что король купно съ англійскимъ парламентомъ имѣетъ и по праву долженъ имѣть власть „издавать для королевства Ирландіи обязательные законы дѣйствительной силы“. Эта резолюція никогда не примѣнялась на практикѣ, и ирландскіе юристы возражали противъ нея, утверждая, что она не имѣетъ силы закона, а представляетъ собою только мнѣніе англійскаго парламента, не обязательное для

ирландскаго. Но эта резолюція свидѣтельствуетъ о томъ, въ какомъ зависимомъ положеніи считали находящимся ирландскій парламентъ.

Практика нѣсколько измѣнила указанныя нами нормы его дѣятельности. Со времени Карла I явился обычай, который потомъ окрѣпъ и по которому ирландскій парламентъ сталъ представлять ирландскому королевскому совѣту „смиранныя просьбы“ съ напоминаніемъ о томъ, что желательно было бы представить королю такой-то билль. Впослѣдствіи эти „смиранныя просьбы съ напоминаніями“ замѣнились проектами биллей. Послѣдніе отличались отъ настоящихъ биллей лишь по формѣ. Послѣдніе начинались словами: „да повелѣно будетъ“, тогда какъ проекты начинались словами: „парламентъ покорнѣйше проситъ да повелѣно будетъ“. Эти проекты ирландскій королевскій совѣтъ, если находилъ нужнымъ, превращалъ въ билли и посылалъ на утвержденіе въ Лондонъ. Если тамъ считали возможнымъ допустить ихъ до обсужденія въ ирландскомъ парламентѣ, то возвращали обратно; если же нѣтъ, то не отвѣчали вовсе. Такимъ путемъ проявлялась все-таки хоть тѣнь законодательной инициативы ирландскаго парламента.

Существеннымъ недостаткомъ устройства ирландскаго парламента была его долгосрочность, о значеніи которой было говорено выше, и полное устраненіе католиковъ отъ выборовъ. Къ этому присоединялось еще господство такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ, открывавшее дорогу разнымъ злоупотребленіямъ. Несмотря, однако, на эти существенныя конституціонныя недостатки, мало-по-малу, какъ мы говорили, въ странѣ образовалось оппозиціонное движеніе, которое отразилось и въ парламентѣ. Тамъ образовалась такъ называвшаяся земская партія, которая поставила себѣ цѣлью добиться устраненія пенсій за счетъ ирландскаго бюджета, установить независимость постановленій парламента въ дѣлѣ бюджета и укоротить срокъ, на который онъ избирался. Первыя двѣ цѣли были достигнуты при Георгѣ II. Англійское правительство дало обѣщаніе, что безъ крайней необходимости оно не будетъ назначать пенсій англичанамъ за счетъ ирландскаго бюджета. Этотъ вопросъ рѣшился затѣмъ въ окончательномъ видѣ, когда въ концѣ царствованія того же короля ирландскій парламентъ достигъ того, что билли о бюджетѣ не должны

быть предметом предварительнаго одобренія королевскаго совѣта. Въ этомъ вопросѣ ирландцы нашли себѣ помощника въ лицѣ Вилльяма Питта, который, согласно съ ирландскими юристами, рассматривалъ предварительное одобреніе бюджетныхъ биллей какъ актъ, противорѣчащій основѣ конституціи. Основа ея заключается въ правѣ народа давать королю деньги на управленіе или же отказывать въ нихъ. Поэтому билль о налогахъ и расходахъ не можетъ быть предметомъ предварительнаго разсмотрѣнія тайнаго королевскаго совѣта безъ противорѣчія этому праву народа.

Добившись согласія короля на то, чтобы бюджетъ страны всецѣло находился въ рукахъ парламента, ирландцы пошли дальше. Съ вступленіемъ новаго короля Георга III произошли новые выборы. Они отразили въ себѣ теченія ирландской общественной мысли въ большей степени, чѣмъ предыдущіе, и оппозиція въ парламентѣ усилилась. Къ этому присоединилась Семилѣтняя война. Она побуждала англичанъ быть осторожнѣе по отношенію къ Ирландіи, такъ какъ могла явиться, въ случаѣ движенія въ этой странѣ, опасность движенія туда со стороны Франціи, которая теперь была въ числѣ враговъ Англіи. Къ этому присоединилось еще и лойяльное положеніе, которое приняли ирландскіе католики во время этой войны. Ирландскіе католики выступили съ просьбой и предоставленіи имъ выставить свои полки для борьбы съ врагами Англіи. Лордъ Триммельстонъ, представившій этотъ проектъ намѣстнику Галифаксу, выставилъ ему на видъ, что въ ирландскомъ обществѣ совершенно исчезла привязанность къ Стюартамъ и что во всей перепискѣ Муррэ, секретаря молодого претендента, попавшей въ руки англійскаго правительства, нѣтъ ни одного факта, который говорилъ бы противъ ирландской лойяльности. Проектъ ирландскихъ католиковъ былъ принятъ и только окончаніе войны помѣшало его осуществленію.

При такомъ сближеніи католиковъ съ протестантами въ Ирландіи усилія оппозиціи значительно облегчались. Во главѣ ея къ тому же сталъ человекъ выдающихся способностей. Это былъ Флудъ (Flood). Онъ былъ адвокатъ, но сверхъ обыкновенія сила его заключалась не въ краснорѣчіи, Онъ говорилъ вяло, если можно такъ выразиться, тягуче. Слова лѣниво шли одно за другимъ.

Обороты рѣчи были угловаты и грубы. Сила его слова заключалась въ поразительной ясности мысли. Когда онъ излагалъ свои доводы, не было никого изъ слушателей, кто бы не понималъ и не убѣждался его доводами. Послѣдніе были тѣмъ болѣе неотразимы, что онъ обладалъ огромной эрудиціей. Никто не зналъ лучше его исторіи ирландскаго политическаго законодательства. Всѣ акты, когда бы то ни было изданные, крѣпко сидѣли въ его памяти и выдвигались имъ въ доказательство того или иного тезиса. Никто лучше его не могъ комментировать законовъ Ирландіи, и въ этомъ отношеніи онъ считался авторитетомъ. Онъ первый истолковалъ истинное значеніе акта 1719 года, которымъ лондонскій парламентъ заявилъ притязаніе на право изданія обязательныхъ постановленій для Ирландіи, и выяснилъ своимъ соотечественникамъ, что это есть не что иное, какъ мнѣніе лондонской нижней палаты, нисколько необязательное. Эти свойства таланта Флуда дали ему руководящее положеніе въ ирландскомъ парламентѣ. Онъ энергично повелъ кампанію въ пользу сокращенія срока парламента. Нѣсколько разъ правительство отказывалось внести билль по этому предмету, но когда намѣстникомъ Ирландіи сталъ Тоуншендъ, сопротивленіе стало труднымъ, тѣмъ болѣе, что въ это время начались уже недоразумѣнія Англіи съ американскими колонистами изъ-за гербовой пошлины. Ему удалось убѣдить правительство не сопротивляться болѣе. Въ 1768 году билль былъ принятъ въ ирландскомъ парламентѣ и потомъ утвержденъ королемъ. Когда пришелъ корабль съ утвержденнымъ биллемъ, сильный восторгъ охватилъ все населеніе Дублина. Громадныя толпы народа собрались на улицахъ, оглашая воздухъ радостными кликами. Когда Тоуншендъ выѣхалъ изъ дворца намѣстника, чтобы сообщить парламенту объ утвержденіи закона, толпа выпрягала лошадей изъ его коляски и довезла его туда на себѣ.

Ирландскій парламентъ предполагалъ назначить для существованія парламента семилѣтній срокъ. Англійское правительство предложило ввести восьмилѣтній въ виду того, что ирландскій парламентъ созывается въ сессію каждые два года, такъ чтобы всѣ сессіи парламента были одинаковы. Это измѣненіе было принято ирландскимъ парламентомъ, и такимъ образомъ, былъ достигнутъ

весьма важный успѣхъ въ усовершенствованіи его организаціи. Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ по этому пути Флуду не пришлось принимать большого участія. Вскорѣ послѣ принятія восьмилѣтняго билля онъ принялъ высокій постъ въ Англіи, а это лишило его той популярности, которою онъ пользовался, и нѣсколько подорвало довѣріе къ нему. Когда онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, вернулся въ Ирландію, онъ увидѣлъ, что къ нему не относятся попрежнему, и въ самомъ настроеніи общества въ отношеніи политическихъ вопросовъ произошла значительная перемѣна: оно пошло далеко впередъ.

Сокращеніе срока ирландскаго парламента было первымъ шагомъ по пути освобожденія его отъ зависимости отъ англійскаго королевскаго совѣта. Мы впали бы въ односторонность, если бы объяснили это событіе и послѣдовавшія за нимъ событія того же порядка однѣми внѣшними причинами и воздѣйствіемъ людей мысли и слова. Были еще другія, болѣе глубокія причины, крившіяся въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ структурѣ общества и во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ частей ирландскаго населенія. Какъ ни велики были тѣ стѣсненія, при помощи которыхъ Англія разрушила ирландскую промышленность и торговлю, противъ нихъ оказался коррективъ, заключавшійся въ контрабандѣ. Ей особенно благоприятствовали берега Ирландіи, въ западной части своей изрѣзанные множествомъ маленькихъ заливовъ, въ которыхъ легко скрывались маленькія суда того времени отъ любопытныхъ взоровъ таможеннаго надзора. Благодаря контрабандѣ, вывозъ льняныхъ товаровъ Ирландіи происходилъ въ довольно большомъ объемѣ. Сношенія Ирландіи по этой части съ Франціей были оживленны, а равнымъ образомъ и въ другія страны континента шли произведенія ирландской промышленности. Благодаря этому, въ городахъ Лиммерикъ, Гальвэ, Уэксфордъ и въ другихъ снова мало по малу поднялся средній классъ, совершенно разоренный въ началѣ столѣтія. вмѣстѣ съ увеличеніемъ его благосостоянія шло и поднятіе его умственнаго уровня и расширеніе сферы его интересовъ. Все это располагало и побуждало къ исканію политической свободы и независимости. Такимъ образомъ, создавалась сила, существованіе которой отразилось въ парламентѣ ростомъ оппозиціи, сила, которая

не могла не прислушиваться и не могла не отзываться на Филиппики Свифта, на статьи Лукаса и со вниманіем слѣдила за доводами Флуда по государственному праву Ирландіи.

На поприщѣ торговли и промышленности сходились вмѣстѣ и католики и протестанты, и мало по малу въ южныхъ городахъ, гдѣ въ началѣ столѣтія такъ сильна была вражда между ними, ея мѣсто занимаетъ взаимная терпимость. Они привыкли другъ къ другу, у нихъ создались общіе интересы, образовались общія политическія цѣли, достиженіе конихъ могло обезпечить первыя. То же сближеніе между протестантами и католиками происходило и въ другихъ частяхъ острова. Подъ вліяніемъ его ослабѣвалъ страхъ предъ католиками. Если прежде подъ вліяніемъ этого страха протестанты Ирландіи смотрѣли на англійское правительство, какъ на своего естественнаго защитника противъ врага, и ради этой защиты готовы были поступиться своими политическими правами, то теперь естественно, съ паденіемъ страха, слабѣла потребность въ защитѣ, а съ ослабленіемъ ея возрастала потребность независимости. Такимъ образомъ мы приходимъ къ мысли, что начало реформы ирландскаго парламента обусловлено было не только народившимися идеями, но и экономическими причинами, а также и развитіемъ взаимной терпимости между англійской, протестантской и туземной, католической частями населенія. Этотъ процессъ только начался и проявился только въ средѣ городского населенія; но онъ уже далъ себя чувствовать и дальнѣйшее развитіе его должно было имѣть и большія послѣдствія.

Наравнѣ съ мѣстными условіями, располагавшими къ взаимной терпимости, были и общія условія, которыя дѣйствовали въ XVIII в. во всей Западной Европѣ въ томъ же направленіи. Англійскій деизмъ, нашедшій себѣ во Франціи блестящаго представителя въ лицѣ Вольтера, былъ въ области философіи выраженіемъ того настроенія религиозныхъ чувствъ и воззрѣній, которое послѣдовало послѣ прекращенія религиозныхъ войнъ и религиозныхъ преслѣдованій. Совершенно понятно, что въ свою очередь деистическія воззрѣнія, распространяясь въ публикѣ, давали умственное обоснованіе склонности къ терпимости, содѣйствовали ея укрѣпленію. Въ самомъ

дѣлѣ, ученіе, которое признавало только единого творца вселенной и отрицало разумное основаніе для существованія отдѣльныхъ исповѣданій, не могло не быть враждебнымъ фанатизму. Мы должны помнить, что ирландская молодежь отправлялась учиться во Францію. Хотя она и училась тамъ большею частью въ коллегіяхъ іезуитовъ, но это не мѣшало ей подпадать подъ вліяніе господствующихъ идей, какъ не помѣшало воспитаннику іезуитовъ Вольтеру стать вожакомъ движенія къ свободѣ и терпимости.

Это вліяніе на образованныхъ ирландцевъ идей религіозной свободы отразилось ослабленіемъ фанатизма среди ирландскихъ католиковъ и, наравнѣ съ приведенными выше причинами, содѣйствовало сближенію между ними и протестантами. Среди ирландскихъ католиковъ появляются писатели и ученые, которые работаютъ на этомъ поприщѣ. Такъ въ половинѣ XVIII столѣтія имѣлъ вліяніе на публику писатель капуцинъ О'Лири (O'Leary), котораго произведенія и до сихъ поръ пользуются любовью ирландцевъ. Далѣе слѣдуютъ врачъ Керри (Curry) и археологъ О'Конноръ, которые въ 1757 году положили основаніе Католической Лигѣ. Цѣлью этой ассоціаціи было освобожденіе католиковъ отъ тяготѣвшаго надъ ними гнета; но это освобожденіе она преслѣдовала по пути сближенія съ протестантами. Католическая Лига открыто отреклась отъ ученія, по которому церковная власть имѣетъ право на низложеніе свѣтскаго государя. Съ другой, стороны Лига стремилась поставить на видъ англійскому правительству лояльность ирландцевъ и поддерживала ихъ послѣднюю. Мы выше упоминали, что во время Семилѣтней войны и во время якобитскаго возстанія ирландцы не сдѣлали ни одного движенія противъ Англій. Когда французскій адмиралъ Тюръ въ 1759 году попытался сдѣлать высадку въ Ирландію, съ цѣлью поднять тамъ возстаніе, его предпріятіе потерпѣло полную неудачу вслѣдствіе того, что онъ былъ встрѣченъ равнодушнымъ отношеніемъ ирландскихъ католиковъ.

Перемена во взаимныхъ отношеніяхъ была настолько значительна, что она не ускользнула отъ современниковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: на сколько прежде обычно было говорить „папистъ“ и „протестантъ“, настолько теперь (во второй половинѣ столѣтія)

эти выражения какъ-то забылись, и вмѣсто этого обыкновенно говорятъ „дворъ“ и „земщина“ и подъ этимъ послѣднимъ словомъ разумѣютъ сторонниковъ Ирландіи, какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. Политическая партія, которая поставила своей цѣлью освобожденіе католиковъ, называлась земскою партіей. Во главѣ ея въ парламентѣ мы видимъ выдающихся людей, протестантовъ по религіи, но горячихъ защитниковъ правъ католиковъ. Гардинеръ, Боркъ, Граттанъ оставили глубокой слѣдъ въ исторіи Ирландіи на этомъ поприщѣ. Гардинеръ былъ знатокъ всѣхъ тѣхъ мелкихъ и разновременныхъ изданныхъ распоряженій, которыя тяготѣли надъ католиками въ сферѣ экономической и религіозной жизни. Поэтому ему болѣе чѣмъ кому либо другому было по плечу редактировать новыя законопроекты, отменявшіе эти распоряженія. Боркъ своей энергіей, краснорѣчіемъ и патриотизмомъ заслужилъ благодарность своихъ земляковъ и много содѣйствовалъ первымъ шагамъ эмансипаціи католиковъ. Но выше другихъ борцовъ за ирландскую эмансипацію и долѣе ихъ находился на этой общественной службѣ Граттанъ. Если Флудъ стоитъ въ началѣ борьбы ирландскаго парламента за свою независимость и затѣмъ сходитъ со сцены, то Граттана мы видимъ неизмѣнно на стражѣ ирландской свободы и защитникомъ полного уравненія въ правахъ католиковъ съ протестантами въ теченіе послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія и въ первой четверти девятнадцатаго. Если Флудъ могъ быть соблазненъ хорошимъ мѣстомъ съ большимъ жалованьемъ, то Граттанъ совершенно чистъ отъ всякаго даже намека на возможность быть купленнымъ какимъ бы то ни было способомъ. Его нравственная чистота и благородство его характера составляли его силу и были причиной его огромной популярности. По образованію онъ былъ юристъ. Онъ учился въ Дублинскомъ университетѣ, а кончалъ свое образованіе въ Лондонѣ. Ставъ адвокатомъ, онъ скоро выдвинулся среди своихъ коллегъ. Въ 1775 году онъ былъ избранъ въ парламентъ. Его умъ отличался шириной и способностью схватывать во всемъ ихъ объемѣ задачи, поставляемыя жизнью. Ставъ политическимъ дѣятелемъ, онъ неуклонно слѣдуетъ освободительной программѣ, въ которую были включены требованія экономической свободы Ирландіи и ея поли-

тической автономии. Будучи самъ протестантомъ, онъ добивался полного уравненія правъ католиковъ съ правами протестантскаго населенія и въ этомъ отношеніи шелъ впереди многихъ изъ своихъ товарищей, которые готовы были предоставить католикамъ свободу вѣроисповѣданія, уравнять ихъ соціальныя права съ прочимъ населеніемъ, но боялись предоставить имъ права избирателей и избираемыхъ. Въ широтѣ программы и въ его искренности, въ его способности въ своей рѣчи возвышаться до истиннаго пафоса, увлекать слушателей широкими горизонтами будущаго, покоящагося на началахъ свободы и справедливости, крылась разгадка того вліянія, которое онъ получилъ въ ирландской жизни и которое онъ сохранилъ надолго.

Таковъ былъ составъ условій, содѣйствовавшихъ сближенію между протестантами и католиками и создавшихъ теченіе въ пользу освобожденія послѣднихъ и въ пользу освобожденія Ирландіи въ экономическомъ и политическомъ отношеніи отъ гнета Англіи. Хотя изданные когда-то законы противъ католиковъ и не были еще отмѣнены, но примѣненіе ихъ стало значительно рѣже, и на пребываніе въ Ирландіи католическихъ духовныхъ лицъ стали смотрѣть сквозь пальцы. Первымъ шагомъ законодательнаго освобожденія католиковъ было разрѣшеніе имъ поступать въ солдаты.

Это разрѣшеніе сдѣлано было отчасти подъ вліяніемъ нужды въ солдатахъ. Англія видѣла, что ирландцы дерутся подъ знаменами ея противниковъ и всюду поставляютъ храбрыхъ воиновъ. Она рѣшила воспользоваться для себя этимъ хорошимъ элементомъ. Въ особенности стало это для нея важно во время борьбы съ американцами, съ которыми англійскіе диссиденты, религіозные ихъ единомышленники, неохотно шли драться.

Тяжелы были первые шаги освобожденія. Такъ, когда зашла рѣчь объ освобожденіи католиковъ отъ запрещенія пріобрѣтать земельную собственность или, по крайней мѣрѣ, отъ запрещенія арендовать участки земли болѣе или менѣе значительные, то съ трудомъ имъ сначала предоставлено было право арендовать 50 морговъ болота, и только болота, да и то лишь въ томъ случаѣ, если послѣднее

было не мельче 4 футовъ, заключало въ себѣ не больше $\frac{1}{2}$ морга удобренной земли для постройки дома и находилось не ближе мили къ городу или мѣстечку.

Во всякомъ случаѣ это была первая брешь въ законодательствѣ противъ католиковъ. (1771 г.). Затѣмъ слѣдуетъ разрѣшеніе католикамъ давать деньги подъ залогъ земли. Это разрѣшеніе сдѣлано было подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ ирландскихъ помѣщиковъ, которые обыкновенно обращались за деньгами къ купцамъ Лиммерика, Гальвэ, Уотерфорда и другихъ приморскихъ городовъ, нажившимъ себѣ капиталы въ торговлѣ и промыслахъ. Они, естественно, стѣснялись кредитовать землевладѣльцевъ, не имѣя права брать закладныя на ихъ земли. Это былъ второй шагъ къ допущенію католиковъ къ землевладѣнію.

Слѣдующій шагъ былъ сдѣланъ нѣсколько лѣтъ спустя. Католическая ассоціація обратилась къ правительству съ жалобой на стѣсненія, которымъ подвергаются католики. Интересно, что намѣстникъ Ирландіи лордъ Буккингэмъ въ письмѣ къ королю выразился по поводу этой жалобы, что „она обнимаетъ почти все антикатолическое законодательство“, и заявлялъ при этомъ, что онъ считаетъ удовлетвореніе этой жалобы „совсѣмъ недопустимымъ и думаетъ, что и Его Величеству это дѣло представляется въ томъ же свѣтѣ“. Англійское правительство, однако, въ это время нѣсколько иначе смотрѣло на католическій вопросъ. Оно недавно только провело признаніе католической церкви государственной церковью въ Канадѣ. Въ самой Ирландіи общественное мнѣніе протестантовъ сильно склонялось въ пользу католиковъ, благодаря усиліямъ и агитаціи католической ассоціаціи, которая сильно поколебала тѣ предрасудки, которыя существовали между протестантами. Она, между прочимъ, изложила въ его истинномъ свѣтѣ характеръ возстанія 1641 года, которое было въ свое время искажено протестантскими писателями и представлено было такъ, какъ будто католики совершенно обдуманно подвергли избіенію въ Ульстерѣ 40 т., 50 т. и даже 100 т. беззаботно живущихъ тамъ протестантовъ. Ассоціація выяснила, что никакого заговора тогда не было и что только были единичные случаи убійствъ, жертвами которыхъ стали

протестанты, и что въ началѣ это возстаніе вообще не имѣло религіознаго характера. Въ парламентѣ въ это время появляется Граттанъ и скоро пріобрѣтаетъ тамъ преобладающее вліяніе, благодаря своимъ талантамъ и самоотверженному патріотизму. Онъ съ самаго начала своего вступленія въ парламентъ выставилъ тезисъ, что „ирландскій протестантъ до тѣхъ поръ не можетъ быть свободнымъ, пока ирландскій католикъ не перестанетъ быть рабомъ“. Этимъ тезисомъ опредѣлилась вся его политика по отношенію къ католикамъ и, благодаря его краснорѣчію и огромной способности съ кристаллической ясностью излагать свои аргументы, ему удалось произвести въ парламентѣ поворотъ мнѣнія въ пользу католиковъ. По крайней мѣрѣ, современный выдающійся дѣятель Чарльмонтъ писалъ въ 1778 году, что въ значительной степени поворотъ мнѣнія протестантовъ въ пользу католиковъ слѣдуетъ приписать необыкновенному краснорѣчію и вліянію Граттана.

Въ 1777 году Гардинеръ внесъ въ парламентъ предложеніе о предоставленіи католикамъ пріобрѣтать землю въ собственность. Это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе, а потому дѣло кончилось компромиссомъ, по которому католикамъ предоставлялось арендовать земельные участки на 999 лѣтъ съ уплатой чинша, который могъ быть ничтожной величины. Такъ какъ рядомъ съ этимъ предоставлено имъ было право передавать эти участки по наследству, то, въ сущности говоря, это право превращалось въ право собственности. вмѣстѣ съ этимъ католикамъ предоставлялось передавать дѣтямъ свою землю по своему усмотрѣнію, и былъ отмѣненъ законъ, по которому сынъ католика перешедшій въ протестантизмъ, получалъ право исключительнаго наследованія, помимо другихъ дѣтей. Равнымъ образомъ отмѣнено было распоряженіе, предоставлявшее такому отщепенцу становиться опекуномъ надъ имуществомъ своего отца. Всѣ эти законы были проведены черезъ парламентъ усиліями Гардинера и Граттана въ 1778 году и были утверждены лондонскимъ королевскимъ совѣтомъ и королемъ. Сравнительно съ предыдущими робкими мѣрами къ освобожденію католиковъ они имѣютъ болѣе рѣшительный характеръ.

На поведеніе англійскаго правительства въ этомъ случаѣ,

какъ и въ послѣдующихъ, въ значительной степени вліялъ ходъ американскихъ событій. Споръ съ колонистами превратился въ войну. Въ 1777 году произошло сраженіе при Саратогѣ, въ которомъ колонисты разбили англійскаго генерала Бургойна. Эта побѣда побудила Францію сдѣлать рѣшительный шагъ признать объявленную независимость американскихъ колоній и заключить съ ними союзъ противъ Англии. Для веденія этой борьбы Англии понадобились войска изъ Ирландіи. Когда они были отправлены въ Америку, то положеніе Ирландіи стало беззащитнымъ противъ возможныхъ покушеній Франціи. Ирландскіе патріоты стали образовывать дружины добровольцевъ для защиты родного острова, и въ этихъ дружинахъ стали рядомъ протестанты и католики. Одушевленіе, охватившее ирландцевъ, было очень сильно и сказывалось во всемъ поведеніи дружинниковъ. Люди, ведшіе до тѣхъ поръ довольно беспорядочную жизнь, становились иными и старались поддержать честь своего теперешняго положенія тѣмъ, что вели себя образцово. Въ обществѣ дружинники пользовались большимъ уваженіемъ, и даже въ танцахъ имъ дамы отдавали предпочтеніе предъ другими кавалерами. Вскорѣ эти дружины добровольцевъ объединились и составили союзъ подъ общей командой Чарльмонта. Патріоты Ирландіи поняли то политическое значеніе, которое могутъ имѣть вооруженные граждане, объединенные въ одинъ большой союзъ, и они не ошиблись въ своемъ взглядѣ на эту новую силу. Разъ въ странѣ происходило движеніе въ автономномъ направленіи, оно не могло остаться чуждымъ тѣмъ гражданамъ, которые стали въ ряды дружинниковъ; напротивъ, въ нихъ оно должно было найти наиболѣе энергичныхъ сторонниковъ, такъ какъ самый мотивъ образованія дружинъ свидѣтельствовалъ, что среди этихъ людей политическій интересъ былъ особенно силенъ.

Во главѣ движенія стали Граттанъ, Уельвертонъ и знакомый намъ Флудъ. Послѣдній оставилъ службу въ Англии и вернулся къ политической дѣятельности въ Ирландію; но теперь онъ долженъ былъ уступить первое мѣсто Граттану, котораго вліяніе росло съ каждымъ днемъ. Первые усилія патріотовъ направлены были къ устраненію тѣхъ торговыхъ стѣсненій, которыми въ свое время

связала Англія Ирландію и почти уничтожила ея торгово-промышленную дѣятельность. Въ 1780 году собранъ былъ большой митингъ добровольцевъ въ Дублинѣ у памятника Вильгельма III и были выставлены двѣ пушки, на которыхъ были поставлены надписи: „или свобода торговли, или вотъ это“. Эти надписи намекали на *ultima ratio*, къ которому готовы были прибѣгнуть добровольцы, добиваясь своихъ цѣлей. Эти надписи напоминаютъ мнѣ одну австрійскую пушку восемнадцатаго вѣка, которая стоитъ около кіевскаго арсенала. На ней отлита надпись: „*ultima ratio regis*“. Едва ли добровольцы, или по крайней мѣрѣ вожаки ихъ, согласились бы выставить на своемъ знамени тезисъ, что пушки составляютъ *ultima ratio libertatis*. Какъ бы то ни было, манифестація у памятника произвела сильное впечатлѣніе на англійское правительство, и оно рѣшилось не доводить дѣла до крайности. Оно предоставило Ирландіи свободу торговли съ колоніями наравнѣ съ Англіей, разрѣшило ввозъ въ Англію ирландскихъ товаровъ безпошлинно и позволило вывозъ ирландскихъ товаровъ въ другія государства.

Вслѣдъ за этой побѣдой начались агитаціи за независимость ирландскаго парламента Въ 1781 году Граттанъ, Уэльвертонъ и Флудъ дважды вносили соответственные билли. Первое мѣсто въ преніяхъ по этому поводу занялъ Граттанъ. Его рѣчи въ защиту независимости парламента и освобожденія католиковъ произвели сильное впечатлѣніе. Историкъ Гассенкампъ говоритъ, что и теперь еще, сто лѣтъ спустя, читая эти рѣчи, невольно электризуешься ихъ силой. Одинъ изъ современниковъ, слушавшій эти рѣчи, писалъ много лѣтъ спустя, что тотъ, кто слышалъ ихъ, сохранилъ такое неизгладимое впечатлѣніе, какъ будто это было только вчера. Но несмотря на эту силу впечатлѣнія, несмотря на энергію патріотовъ, билли о независимости парламента были отвергнуты правительственной партіей.

Тогда началась агитація въ странѣ между добровольческими дружинами. Офицеры перваго ульстерскаго полка, начальникомъ котораго былъ Чарльмонтъ, постановили созвать съѣздъ представителей дружинъ на февраль 1782 года. Сто сорокъ три дружины

откликнулись на это приглашеніе, и съѣздъ состоялся въ Дунгановѣ. На немъ Граттанъ, Чарльмонтъ, Флудъ и Стюартъ представили слѣдующія резолюціи:

1. Притязаніе какой либо корпорации, кромѣ короля, лордовъ и палаты общинъ Ирландіи, на изданіе для этого королевства законовъ противно конституціи, незаконно и вредно.

2. Гавани этой страны по праву должны быть открыты для всѣхъ странъ, которыя не находятся въ войнѣ съ королемъ. Всякое обремененіе или стѣсненіе торговыхъ сношеній, если оно не исходитъ отъ ирландскаго парламента, противно конституціи, незаконно и вредно.

3. Независимость судей такъ же существенно важна для безпристрастія правосудія въ Ирландіи, какъ и въ Англіи.

4. Власть, практикуемая Королевскимъ Совѣтомъ на основаніи закона Пойнинга или же подъ фирмой его, противна конституціи и вредна.

5. Присутствующіе, какъ землевладѣльцы, сограждане и честные люди, обязываются поддерживать на будущихъ выборахъ лишь тѣхъ кандидатовъ, которые будутъ стремиться къ устраненію всѣхъ этихъ золъ и готовы будутъ употребить всѣ конституціонныя средства, чтобы ускорить ихъ устраненіе.

Граттанъ принялъ энергичное участіе въ дебатахъ съѣзда. Доказывая необходимость добиться независимости ирландскаго парламента, онъ ссылаясь на тѣ уступки, которыя Англія готова была сдѣлать американцамъ, чтобы сохранить ихъ за собою. Она не откажетъ, — говорилъ онъ, — лояльной націи въ томъ, что она готова дать людямъ, стоящимъ противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ. Въ рѣчахъ Граттана интересно одно мѣсто, въ которомъ онъ дѣлаетъ намекъ на будущность Америки. Онъ сказалъ: „Не смотрите на Америку только какъ на могилу и томницу нашихъ войскъ. Развѣ вы не усматриваете въ распространенности ея территоріи, въ дешевизнѣ ея жизни, въ разнообразіи ея климата и въ простотѣ ея жизни отводнаго канала Европы? Все, что смѣло и несчастно.. будетъ стремиться въ это мѣсто, и то, что вы въ Европѣ попираете ногами, будетъ васъ ранить въ Америкѣ“. Граттанъ какъ

будто провидѣлъ ту роль, которую играла Америка въ XIX вѣкѣ и играетъ еще и теперь въ эмиграціонномъ движеніи Европы. Опъ какъ бы угадалъ, что ирландцы, ушедшіе въ Америку, будутъ оттуда наносить удары Англій. Для оцѣнки этого пророческаго замѣчанія надо помнить, что въ то время, когда оно было сдѣлано, Америка представляла собой лишь группу немногихъ колоній съ рѣдкимъ населеніемъ.

Резолюціи, представленныя съѣзду, почти всѣ были приняты единогласно. Эти рѣшенія, конечно, произвели должное впечатлѣніе, такъ какъ съѣхавшіеся люди были представителями 25000 вооруженныхъ гражданъ. Къ нимъ присоединились дружины запада и юга Ирландіи. Съ такимъ единодушіемъ людей, готовыхъ настаивать на своемъ требованіи, нельзя было не считаться, тѣмъ болѣе, что въ это время положеніе Англій было затруднительно. Образованіе вооруженнаго нейтралитета Россіей, высадка французскаго корпуса въ Америкѣ и затѣмъ капитуляція англійскаго генерала Корнвалиса предъ американцами и французами при Йорктоунѣ (1781 г.), — все это располагало къ уступчивости. Поэтому, когда вскорѣ послѣ съѣзда въ Дунганонѣ открылся парламентъ въ Дублинѣ, шансы на побѣду значительно увеличились. Резолюціи съѣзда были превращены въ проектъ адреса королю и внесены въ парламентъ. Граттанъ и здѣсь вынесъ на себѣ главную тяжесть борьбы. Адресъ былъ принятъ. Затѣмъ парламентъ отсроченъ былъ по случаю праздниковъ пасхи. Этими ваканціями воспользовался намѣстникъ Ирландіи Карлейль, чтобы выяснить англійскому министерству положеніе Ирландіи. Онъ указалъ, что если низшіе классы находятся въ сильномъ возбужденіи и состояніи недовольства, то высшіе совершенно сторонятся отъ правительства, и это относится даже къ тѣмъ людямъ, которые не принимаютъ активнаго участія въ агитаціи за независимость парламента. Онъ настаивалъ на томъ, что необходимо уступить. Между тѣмъ въ Англій переѣхалось министерство; во главѣ его сталъ Рокингамъ, а въ Ирландію посланъ былъ намѣстникомъ Портландъ. Это обстоятельство побудило патріотовъ Ирландіи удвоить свои усилія. Предсѣдатель парламента созвалъ его членовъ 16 апрѣля, прибавивъ въ повѣсткѣ, что они должны

непремѣнно явиться въ засѣданіе, „если имъ дороги права парламента“. Этотъ необычный созывъ собралъ всѣхъ. Кромѣ того, массы дружинниковъ стеклись въ Дублинъ. Правительство пыталось отсрочить обсужденіе биллей о независимости парламента въ расчетѣ на переѣзную обстоятельство, но подъ предлогомъ, что ему надо ознакомиться съ дѣломъ. Граттанъ энергично воспротивился этой мысли. Онъ былъ боленъ въ это время послѣ тяжелой операціи. Онъ велѣлъ, однако, принести себя въ парламентъ на постели. Когда онъ и другіе члены парламента направлялись въ засѣданіе, огромныя толпы народа запружали улицы и съ восторгомъ привѣтствовали друзей реформы. Граттану удалось отстоять, чтобы дѣло обсуждалось немедленно. Вслѣдъ затѣмъ дунганонскія резолюціи относительно реформы парламента были приняты, и билль отправленъ былъ въ Англію, откуда скоро вернулся съ королевской санкціей (1782 г.).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что достиженіе независимости ирландскаго парламента отъ англійскаго королевскаго совѣта въ значительной степени было послѣдствіемъ дѣятельности ирландскихъ дружинъ, объединившихся въ одной общей цѣли, и благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ; но въ еще большей степени этотъ успѣхъ находился въ зависимости отъ того единенія, которое произошло въ Ирландіи между различными классами общества и представителями разныхъ вѣроисповѣданій. Когда Граттанъ защищалъ въ парламентѣ резолюціи дунганонскаго съѣзда дружинниковъ, онъ очень мѣтко охарактеризовалъ ту роль, которую играли въ этомъ дѣлѣ разные элементы. „Заслуга добровольцевъ, — говорилъ онъ, — была не въ ихъ мечѣ, не въ ихъ солдатскомъ положеніи, не въ ихъ рѣшительности, не въ быстротѣ вмѣшательства ихъ въ случаяхъ нарушенія порядка или въ случаяхъ открытаго безпорядка и не въ ихъ выдающемся и безупречномъ поведеніи. Это все составляетъ многое, но было еще больше того. Высшія сословія, имущіе и образованные классы присоединились къ нимъ, и они были настолько разумны, что слушались ихъ. Это соединило протестанта съ католикомъ и помѣщика съ народомъ. Но было еще нѣчто бѣльшее. Это было самообладаніе, которое сосредоточило весь союзъ на одной опредѣленной, за-

конной цѣли... Ни одного вульгарнаго крика противъ Англіи, ни одного мистическаго восхищенія передъ Франціей... Добровольцы были тѣмъ, чѣмъ они сами себя выдавали: не чѣмъ инымъ, какъ обществомъ и ни на волосъ меньше, — обществомъ, которое требовало себѣ свободы по образу и подобию англійской конституціи, требовало себѣ своей наслѣдственной части, которою оно хочетъ пользоваться въ общеніи съ британскимъ королевствомъ. Теперь, послѣ того, какъ добровольцы дали народу парламентъ, они, какъ я убѣжденъ, предоставятъ народъ парламенту и увѣнчаютъ свое большое дѣло соотвѣтственнымъ величіемъ... Ихъ союзы, какъ и другія учрежденія, исчезнутъ. Они исчезнутъ вмѣстѣ съ той причиной, которая ихъ вызвала къ жизни, и ихъ эпитафія будетъ начертана общественной благодарностью. Соединенныя свободой и вѣрностью, обѣ націи составляютъ столько же конфедерацію, сколько и королевство. Корона — одно звено этой цѣпи, конституція другое, и, по моему мнѣнію, послѣднее сильнѣе. Вы можете всюду найти короля, но Англія — единственная страна, въ связи съ которой вы можете имѣть свободное устройство“.

Надежда Граттана на прочное единеніе двухъ націй и его увѣренность въ томъ, что въ союзѣ съ Англіей Ирландія будетъ пользоваться свободнымъ устройствомъ, покоились на шаткомъ основаніи. Прошлыя отношенія двухъ націй тяготѣли надъ ними и мѣшали образованію довѣрія между ними. Между двумя парламентами не было образовано посредствующаго учрежденія, которое могло бы съ должной компетентностью рѣшать ихъ общія дѣла.

Король оставался единственнымъ учрежденіемъ, которое связывало обѣ страны. Эта связь была слишкомъ слаба. Въ случаѣ столкновенія интересовъ двухъ странъ, Англія, конечно, не уступила бы и скорѣе подавила бы свободу Ирландіи, чѣмъ поступиться своими интересами.

Въ этомъ была слабая сторона реформы ирландскаго парламента 1782 года. Но тогда никто не замѣчалъ этой слабой стороны, и потому реформа вызывала всеобщій восторгъ и поддерживала рѣшимость идти дальше. Граттанъ говорилъ, что „будетъ стыдно, если мы, завоевавъ политическую свободу, сохранимъ ее для себя

и не передадимъ ея всему народу, будетъ стыдно, если огромная масса народа не будетъ пользоваться тѣми правами, которыя намъ предоставлены“. Отсюда, по мысли Граттана, вытекала необходимость издать новые освободительные законы для католиковъ и предоставить имъ избирательныя права. Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ году онъ и Гардинеръ вносятъ въ парламентъ одинъ за другимъ билли, которыми предлагалось разрѣшить смѣшанные браки между католиками и протестантами, отмѣнить запрещеніе католикамъ ѣздить на дорогихъ лошадяхъ, жить на дорогихъ квартирахъ въ городахъ Лиммерикъ и Гальвэ, отмѣнить запрещеніе католическимъ священникамъ и епископамъ пребыванія въ Ирландіи, запрещеніе заводить католическія школы и держать учителей католиковъ, разрѣшить покупать земли и наследовать ихъ наравнѣ съ протестантами и быть опекунами. Почти всѣ эти билли прошли и получили силу закона. Билль о смѣшанныхъ бракахъ не прошелъ. Къ другимъ были присоединены нѣкоторыя неважныя ограниченія. Такъ, разрѣшеніе католическихъ школъ и пребываніе католическихъ духовныхъ лицъ въ Ирландіи сопровождалось оговоркой, что католики не имѣютъ права совращать въ свою религію протестантовъ, такъ какъ право пропаганды своей вѣры остается исключительнымъ правомъ протестантской церкви. Разрѣшеніе покупать земли дано было съ ограниченіемъ, что покупаемая земля не должна находиться въ предѣлахъ избирательнаго округа.

Эти ограниченія были во всякомъ случаѣ на столько незначительны, что не могли ослабить важности совершившихся этими реформами перемѣнъ. По своему характеру и обширности эти перемѣны равны были революціи, и эта послѣдняя совершилась безъ кровопролитія или какого нибудь насилія, совершенно мирно. Поэтому Боркъ сравнивалъ ее съ англійской революціей 1688 года и находилъ столь же славной. Для всѣхъ было ясно, что главнымъ виновникомъ эмансипаціи католиковъ былъ Граттанъ. Поэтому среди членовъ парламента возникла мысль о вознагражденіи его за слѣланное имъ дѣло: по предложенію одного изъ депутатовъ, парламентъ единодушно вотировалъ ему подарокъ въ 100000 ф. с. Но друзья Граттана, по его порученію, заявили отказъ отъ такого

подарка. Только послѣ настояній парламента и по совѣту друзей онъ согласился принять 50000 ф. с. Правительство пыталось привязать къ себѣ Граттана, и вице-король Портландъ предложилъ ему новый королевскій дворецъ въ Фениксъ-Паркъ, но онъ отклонилъ этотъ подарокъ.

Получивъ національный подарокъ, Граттанъ отказался отъ адвокатской практики, чтобы посвятить себя исключительно политической дѣятельности. По его мнѣнію, многое было сдѣлано, но много еще остается сдѣлать. Католики были избавлены отъ притѣсненій, но они не были еще уравнены съ протестантами въ политическихъ правахъ: они не могли еще быть ни избирателями, ни избираемыми. Граттанъ указывалъ на необходимость этой реформы для завершения начатаго дѣла. „Вопросъ,—сказалъ онъ въ парламентъ,—заключается теперь въ томъ, должны ли мы быть только протестантскимъ поселкомъ въ Ирландіи, или же мы будемъ ирландскою націей.. ибо до тѣхъ поръ, пока мы исключаемъ католиковъ изъ пользованія ихъ естественной свободой и общими человѣческими правами, мы не народъ. Какъ докладчикъ деклараціи правъ, я устыдился бы предоставить свободу только 600000 земляковъ, когда я могъ бы распространить ее на два милліона“. Этими словами опредѣлялась дальнѣйшая политика патріотовъ или, какъ ихъ называли, земской партіи.

Прошло, однако, шесть лѣтъ раньше, чѣмъ вопросъ о политическихъ правахъ католиковъ былъ призванъ къ жизни. Толчокъ этому былъ данъ событіями во Франціи. Наступилъ 1789 годъ. Во Франціи быстро совершилось крушеніе стараго порядка, и, казалось, также быстро торжествовалъ порядокъ новый. Паденіе абсолютизма со взятіемъ Бастиліи, ночь четвертаго августа и паденіе феодальныхъ правъ, переѣздъ короля въ Парижъ, провозглашеніе правъ человѣка и гражданина, — все это событія всемірно-историческаго значенія. Ихъ сопровождала вѣра въ зиждательную силу свободы и вѣра въ силу человѣческаго разума, въ его способность передѣлать жизнь міра и осуществить человѣческое счастье на землѣ. Словомъ, это было время еще не помутившихся надеждъ и не поблекшихъ упованій. Люди вѣрили, что стоитъ только сдѣлать что

либо доступнымъ разуму, чтобы это разумное осуществилось, и наоборотъ: достаточно выяснитъ неразумность существующаго, чтобы оно исчезло. Значеніе чувства, привычекъ и силы преданій не признавалось вовсе или имъ придавалось слишкомъ мало мѣста въ историческомъ развитіи человѣчества. Значеніе національных особенностей въ дѣлѣ вліянія на укладъ общественной жизни оцѣнивалось тоже очень низко. Космополитическая точка зрѣнія брала верхъ, и всѣ политическіе принципы оцѣнивались съ точки зрѣнія человѣка вообще, а не француза, англичанина или нѣмца. Увлеченіе провозглашенными принципами было такъ всеобще, что очень мало было людей, не поддававшихся ихъ обаянію. Одинъ нѣмецъ, который былъ въ Парижѣ въ 1790 году во время праздника федераціи, писалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ праздника, что онъ впервые въ жизни забылъ, что онъ нѣмецъ, и почувствовалъ себя человѣкомъ. Такъ дѣйствовали почти на всѣхъ совершавшіяся событія. Тѣмъ сильнѣе „Объявленіе правъ человѣка и гражданина“ должно было дѣйствовать на ирландцевъ, угнетенныхъ въ теченіе вѣковъ и только что начавшихъ воскресать къ новой жизни. Подъ вліяніемъ этого возбужденія и увлеченія образовалось „Общество соединенныхъ ирландцевъ“. Оно поставило себѣ цѣлью предоставить избирательныя права католикамъ, при чемъ часть его стремилась не только къ праву избирать, но и быть избираему. Въ Обществѣ были протестанты и католики; но противъ послѣдней тенденціи членовъ Общества, т.-е. противъ полного уравниенія политическихъ правъ католиковъ съ правами протестантовъ, началось движеніе между крайними протестантами Ульстера. Оно выразилось въ образованіи Общества „Рыцарей“ или „Молодцовъ разсвѣта“. Они нападаютъ на католиковъ, жгутъ ихъ дома, безчинствуютъ, грабятъ и убиваютъ.

Католики тоже составляютъ шайки подъ названіемъ „Защитниковъ“ и платятъ противникамъ тою же монетой. Готова вспыхнуть гражданская война. Къ счастью, во главѣ англійскаго правительства въ то время стоялъ человѣкъ первокласснаго ума и государственныхъ способностей—Вильямъ Питтъ Младшій. Онъ былъ сыномъ знаменитаго Чатама. Еще совѣтъ юношей онъ удивлялъ всѣхъ своими феноменальными способностями. Будучи четырнадцати.

лѣтъ, онъ поражалъ классиковъ знаніемъ римскихъ и греческихъ авторовъ, а математиковъ знаніемъ математики. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ способности и нѣкоторыя черты его характера. Чудный гармоничный голосъ, способный выразить тончайшія движенія чело-вѣческой души, былъ имъ унаслѣдованъ отъ отца. Такъ же, какъ и отецъ, онъ былъ быстръ, находчивъ и страшенъ своимъ сарказмомъ. Отецъ былъ человѣкомъ страсти и увлеченія, но сынъ былъ сдержанъ и поразительно умѣлъ владѣть собой во время рѣчи. Если отецъ былъ мастеромъ ораторскаго искусства, то сынъ не уступалъ ему въ этомъ. Какъ тотъ, такъ и другой отличались въ своихъ рѣчахъ силой выраженія и красотой построенія. Но между отцомъ и сыномъ была и значительная разница. Питтъ Старшій былъ ораторомъ, всецѣло отдававшимся волнующему его чувству. Его рѣчь лилась бурнымъ потокомъ, увлекавшимъ и его слушателей, и его самого.

Этотъ потокъ выносилъ наружу его сокровенныя мысли и чувства. Когда во время Семилѣтней войны его голова была полна политическихъ тайнъ и военныхъ плановъ, онъ говаривалъ друзьямъ своимъ: „мнѣ сегодня надо сидѣть покойно и не говорить, ибо если разъ я начну говорить, то все, что у меня въ душѣ, выйдетъ наружу“. Сынъ же отличался краснорѣчіемъ спокойнымъ, академическимъ.

Маколей въ своей характеристикѣ Питта замѣчаетъ, что если многихъ государственныхъ людей Англїи можно упрекнуть въ томъ, что они, благодаря слишкомъ одностороннимъ и обильнымъ занятіямъ классическими языками, не вполне владѣютъ своимъ роднымъ языкомъ, то относительно Питта этого сказать нельзя было. Когда ребенкомъ, сидя на колѣняхъ у отца, онъ отвѣчалъ ему уроки, Чатамъ читалъ ему Фукилида или Цицерона и заставлялъ тутъ же вслухъ переводить читаемое и при этомъ требовалъ, чтобы онъ переводилъ не какъ нибудь, а хорошей, обработанной англійской рѣчью. Онъ учился отдѣлывать ее по этимъ великолѣпнымъ образцамъ и достигъ высокой степени совершенства. Съ перваго своего дебюта въ парламентъ силою своего краснорѣчія онъ сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ.

Онъ безъ приготовленія умѣлъ излагать свои мысли въ длин-

номъ потокѣ величественныхъ и закругленныхъ періодовъ, никогда не затрудняясь въ выборѣ слова и никогда не повторяя одного и того-же выраженія. Онъ говорилъ голосомъ звучнымъ и серебристымъ и съ такою чистотою выговора, что у него не пропадало ни одного звука.

Его рѣчь была обильна, обработана и блистательна. Вѣроятно, ни одинъ ораторъ — древній или новый—не превосходилъ его въ силѣ сарказма, и онъ безпощадно пользовался этимъ страшнымъ оружіемъ. Онъ былъ необыкновенно опытенъ въ двухъ отдѣлахъ ораторскаго искусства, которые оба имѣли величайшую важность для перваго министра. Никто лучше его не умѣлъ быть яснымъ, и никто лучше его не умѣлъ быть темнымъ. Когда онъ хотѣлъ, чтобы его поняли, это ему всегда удавалось. Онъ всегда умѣлъ дать своимъ слушателямъ понятіе не очень точное, но всегда ясное, общедоступное и удовлетворительное, о предметахъ самыхъ запутанныхъ и самыхъ обширныхъ. Все было на своемъ мѣстѣ, ничто не было забыто; мелкія подробности, сумма денегъ — все вѣрно сохранялось въ его памяти. Самые запутанные финансовыя вопросы, объясненные имъ, казались ясными наиболѣе простымъ изъ его слушателей. Напротивъ, когда онъ не хотѣлъ, чтобы его поняли, — а какой же государственный человѣкъ, стоящій во главѣ дѣлъ, всегда хочетъ быть понятымъ? — у него оказывался необыкновенный даръ ничего не сказать, но такимъ способомъ, что его слушателямъ казалось, что онъ сказалъ очень много. Словомъ, это былъ единственный человѣкъ, который былъ въ состояніи изложить бюджетъ безъ счетовъ и импровизировать самую туманную и самую уклончивую изъ всѣхъ рѣчей — тронную рѣчь короля.

Съ двадцатилѣтняго возраста онъ выступаетъ на арену общественной дѣятельности въ качествѣ члена парламента, а 24 лѣтъ онъ уже былъ первымъ министромъ. Въ разсматриваемое нами время мы застаемъ Питта еще вигомъ. Какъ человѣкъ быстрого ума, онъ понялъ тотчасъ же важное значеніе начавшейся въ Ирландіи борьбы между католиками и протестантами и рѣшилъ, что удовлетвореніе справедливыхъ требованій католиковъ есть лучшее средство для достиженія спокойствія на островѣ. Онъ отнесся отрицательно къ

протестантскому движенію, вызвавшему такія печальныя столкновенія между „рыцарями разсвѣта“ и „защитниками“. Въ тронной рѣчи, которою былъ 10 января 1793 года открытъ парламентъ, указывалось на необходимость обратить вниманіе на положеніе католиковъ и высказана была надежда на либерализмъ и мудрость парламента. Вслѣдъ затѣмъ былъ внесенъ въ ирландскій парламентъ билль, которымъ устранялись тѣ изъ ограниченій въ отношеніи католическаго богослуженія и школьнаго образованія католиковъ, которыя еще оставались послѣ предыдущихъ освободительныхъ биллей. Кромѣ того, католикамъ предоставлено было занимать военныя и нѣкоторыя гражданскія должности. вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дано было избирательное право въ общинныхъ, городскихъ и государственныхъ выборахъ. Но они получили только право избирать, но не быть избираемыми. Теперь, когда правительство поддержало этотъ билль, онъ былъ принятъ, несмотря на то, что незадолго передъ тѣмъ подобныя билли были отклоняемы парламентомъ. Это былъ послѣдній шагъ въ XVIII столѣтіи на пути улучшенія положенія Ирландіи.

Нетрудно замѣтить, что если подъ вліяніемъ ослабленія религіознаго фанатизма и въ значительной степени подъ вліяніемъ опасности, которая грозила англичанамъ во время борьбы съ Америкой, произошло освобожденіе ирландцевъ отъ гнета довольно легко, то вопросъ о предоставленіи имъ политическаго положенія встрѣтилъ гораздо больше затрудненій. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что причина этихъ затрудненій находится въ томъ недоброуміи англичанъ къ ирландцамъ, и наоборотъ, которое воспиталось вѣками и, конечно, не могло сразу пройти подъ вліяніемъ начавшагося сближенія между протестантскимъ и католическимъ населеніемъ въ Ирландіи, тѣмъ болѣе, что сближеніе это еще далеко не окрѣпло. Какъ только ирландцы-туземцы заявили притязаніе на уравненіе въ политическихъ правахъ съ ирландцами пришельцами, такъ послѣдніе увидѣли опасность для себя, такъ какъ они составляли незначительное меньшинство и боялись быть подавленными туземцами. Подъ вліяніемъ этого сопротивленія послѣдніе раздражались, и въ нихъ воскресала прежняя ненависть къ покорителямъ.

Дальнѣйшія событія въ Ирландіи происходятъ въ значитель-

ной степени подъ влияніемъ этого настроенія а также и подъ влияніемъ тѣхъ событій, которыя совершались во Франціи. Радужныя Надежды, возбужденныя созывомъ Генеральныхъ Штатовъ, сильно померкли къ этому времени. Франція пережила уже паденіе королевской власти и вступила на путь полной анархіи. Паденіе Тюльери 10 августа 1792 года, сентябрьскіе дни, казнь Людовика XVI, казни и конфискаціи имущества людей „подозрительныхъ“, торжество нивелляторской политики террористовъ, которая была тою же политикой Людовика XVI, только наизнанку, таковы были выпуклыя явленія французской жизни, которыя производили сильное впечатлѣніе на европейское общество и въ особенности на правительство. Не имѣя возможности разобраться въ этихъ явленіяхъ, многіе современники приписывали ихъ тѣмъ идеямъ свободы и равенства, которыя были выдвинуты общественнымъ движеніемъ XVIII вѣка и легли въ основу „правъ человѣка и гражданина“. Отсюда отрицательное отношеніе къ этимъ идеямъ и вражда къ нимъ. Не только консервативные элементы европейскаго общества, но и либеральные, если только они не принадлежали къ крайнимъ отбѣнкамъ, стали не только противъ террора, но и противъ всякаго прогрессивнаго движенія. То же было и въ Англіи, съ тѣмъ еще осложненіемъ, что въ началѣ 1793 года, послѣ казни Людовика XVI, Англія объявила войну Франціи. Подъ влияніемъ враждебныхъ чувствъ къ странѣ, все французское стало ненавистнымъ, въ томъ числѣ и либеральныя политическія идеи. Реакціонное настроеніе началось и современемъ стало преобладающимъ. Отношеніе Англіи къ Ирландіи стало подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что стало извѣстно, что французы стараются найти въ Ирландіи базисъ для дѣйствій противъ Англіи. Агенты Франціи, между ними главнымъ образомъ Джаксонъ, зондируютъ почву Ирландіи. Когда Джаксона арестовали, у него нашли бумаги, указывавшія на то, что нѣкоторые члены „Общества соединенныхъ ирландцевъ“ находились въ сношеніяхъ съ Джаксономъ. Одному изъ вожаковъ Общества, Вольфъ-Тону, пришлось спастись въ Америку отъ преслѣдованія властей.

Въ „Обществѣ соединенныхъ ирландцевъ“, отчасти подъ вліяніемъ событій во Франціи, происходитъ разложеніе. Съ одной стороны, люди крайнихъ оттѣнковъ образуютъ радикальную партію, тяготящую къ Франціи и стремящуюся къ полной независимости Ирландіи отъ Англіи. Съ другой стороны, образуется противоположная партія, которая не только враждебна политической эмансипаціи католиковъ, но недовольна и тѣми уступками, которыя были сдѣланы католикамъ въ соціальной сферѣ. Къ ней примыкаютъ теперь многіе изъ тѣхъ, которые были прежде за реформы законодательства противъ католиковъ. Умѣренная партія ослабѣла, и прежніе умѣренные борцы за освобожденіе Ирландіи оказались теперь въ тяжеломъ положеніи. На нихъ нападаютъ съ двухъ сторонъ. Радикальная партія смотритъ на нихъ, какъ на консерваторовъ, окоченѣвшихъ на одномъ пунктѣ и неспособныхъ двинуться впередъ. Реакціонеры ультрапротестантской партіи считаютъ ихъ за опасныхъ новаторовъ. Но, къ чести этихъ бойцовъ за свободу, надо сказать, что они твердо держались своихъ убѣжденій и не смущались недовольствомъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Ирландскій парламентъ вступаетъ между тѣмъ на путь реакціи. Онъ принимаетъ билль правительства, которымъ запрещался ввозъ всякаго оружія въ Ирландію и запрещались всякаго рода собранія. Последнее распоряженіе было направлено противъ „Общества соединенныхъ ирландцевъ“. Защитники стѣсненія общественной свободы ссылались на примѣръ Франціи въ доказательство того, что побѣда свободы доводитъ до печальныхъ послѣдствій. Они указывали, до какихъ ужасовъ довела уступчивость французскаго правительства. Граттанъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, является противникомъ стѣснительныхъ мѣръ и предостерегаетъ правительство противъ той наклонной плоскости, на которую оно хочетъ вступить по пути реакціи. По поводу ссылки на примѣръ Франціи онъ сказалъ въ парламентѣ слѣдующее: „Остерегитесь примѣра Франціи, говорятъ намъ; да, но если Франція должна служить назиданіемъ, то берите примѣръ цѣликомъ. Если ея конвентъ служить предостереженіемъ противъ пороковъ республики, то причины, вызвавшія этотъ самый конвентъ, должны служить предостереженіемъ противъ

злоупотребленій монархіи. Франція не хотѣла ничего исправлять, пока злоупотребленія не накопились, и тогда вооруженныя массы опрокинули государство“. Но эта рѣчь Граттана, какъ и другіе его совѣты, осталась гласомъ вопіющаго въ пустынь. Борьба между тѣмъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Законъ о воспрещеніи собраній не уничтожилъ „Общества соединенныхъ ирландцевъ“, но превратилъ его въ тайное общество, изъ котораго, понятно, устранились умѣренные элементы, и оно принимаетъ все болѣе и болѣе революціонный характеръ. Оно организуется: во всѣхъ округахъ и графствахъ образовались кружки изъ членовъ общества, въ Дублинѣ же — національный конвентъ изъ делегатовъ этихъ кружковъ. Во главѣ общества стали О'Конноръ и Фицджеральдъ. Особенно цѣнно было для „Общества соединенныхъ ирландцевъ“ привлеченіе на свою сторону послѣдняго.

Предки Фицджеральда были флорентійскіе итальянцы, переселившіеся въ Ирландію. По матери Фицджеральдъ былъ родственникомъ Стюартовъ, по отцу же потомковъ тѣхъ Джеральдовъ, которые боролись уже нѣкогда за свободу Ирландіи. Все въ этомъ молодомъ человѣкѣ располагало къ нему: красивый, умный, откровенный и прямодушный, пріятнаго нрава — онъ скоро становился общимъ любимцемъ. Въ качествѣ англійскаго офицера онъ принималъ участіе въ американской войнѣ и тамъ выдвинулся. По окончаніи войны онъ жилъ въ Лондонѣ и вращался въ высшихъ кругахъ англійскаго общества. Жизнь его была полна приключеній. Между прочимъ большого шума надѣлала его связь съ женою извѣстнаго парламентскаго дѣятеля Шеридана. Она влюбилась въ него со всей силой увядающей молодости; но она не выдержала ложности своего положенія и вскорѣ умерла отъ стыда, искренно оплакиваемая и мужемъ, и любовникомъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхала въ Лондонъ гувернантка семьи герцога Орлеанскаго г-жа Жанлисъ и съ нею прибыла дѣвушка, которую звали Памелой. Она была усыновлена госпожей Жанлисъ; говорили что она ея дочь отъ герцога Орлеанскаго. Она очень заинтересовала высшіе круги Лондона и своею красотой, и загадочностью своего происхожденія. Ко всему этому прибавлялось еще то, что Нанси-Симсъ (Nancy Sims), та-

ково было настоящее имя Памелы, была какъ двѣ капли воды похожа на покойницу г-жу Шериданъ. Еще большаго шума надѣлало то, что и почтенный Шериданъ и молодой Фицджеральдъ, оба влюблись до безумія въ загадочную иностранку. Последняя, понятно, отдала предпочтеніе молодому Фицджеральду.

Когда Памела съ госпожею Жанлисъ поѣхала во Францію, онъ тоже поѣхалъ за ними туда и попалъ въ Парижъ въ то время, когда тамъ создавалась конституція, когда надежды на будущее были въ полномъ расцвѣтѣ, а разочарованіе и ужасъ не коснулись еще никого, или почти никого. Пребываніе въ Парижѣ было рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Фицджеральда. Со всѣмъ пыломъ своей природы онъ увлекся господствующимъ движеніемъ и былъ отъ него въ восторгѣ. „Во всѣхъ кафе, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, пишетъ онъ, обращаются другъ съ другомъ какъ съ товарищами, и когда появляется иностранецъ, ему говорятъ: о! мы всѣ братья, ~~наши побѣды~~ одержаны для васъ для всего ~~міра~~“.

Фицджеральдъ, сошелся съ англійскимъ демократомъ Томасомъ Пенномъ, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ; обѣдали они всегда вмѣстѣ. Оба друга, вмѣстѣ съ другими англичанами, устроили ширъ, торжествуя республиканскія побѣды Франціи и отступленіе иностранныхъ армій (1792 г.). На этомъ пиру между другими здравицами пили за уничтоженіе наследственныхъ титуловъ, и Фицджеральдъ тутъ же отрекся отъ своего титула лорда. Онъ писалъ домой и просилъ, чтобы ему адресовали письма такъ: „гражданину Эдуарду Фицджеральду, гостиница Уайтъ, пассажъ Pétits Pères, около Палерояля“. За такое поведеніе онъ былъ исключенъ изъ военной службы.

Любовь шла рука объ руку съ политикой. Послѣ продолжительнаго ухаживанія онъ женился на Памелѣ. Этотъ бракъ вызвалъ неодобреніе въ высшихъ кругахъ Лондона, какъ бракъ неприличный для герцога, и докончилъ тотъ разрывъ, который начался между Фицджеральдомъ и этими кругами, благодаря его политическому поведенію. Въ 1793 году онъ возвращается съ молодой женой въ Лондонъ. И прежде, когда онъ засѣдалъ въ ирландскомъ парламентѣ, въ палатѣ лордовъ, онъ былъ ревностнымъ сто-

ронникомъ Граттана. Теперь онъ еще съ большей энергіей принялся за политическую дѣятельность, стараясь примѣнить къ дѣлу овладѣвшія имъ идеи. Когда оказалось невозможнымъ осуществить легальнымъ путемъ политическія требованія католиковъ и когда Общество соединенныхъ ирландцевъ было закрыто, Фицджеральдъ принялъ участіе въ революціонной работѣ того же общества. Съ самаго начала, какъ военный человѣкъ, принимавшій участіе въ американской войнѣ, и какъ человѣкъ занимавшій такое видное положеніе въ обществѣ въ силу своего происхожденія, Фицджеральдъ получилъ преобладающее вліяніе у соединенныхъ ирландцевъ.“

Вмѣстѣ съ О'Конноромъ онъ былъ членомъ исполнительнаго комитета. Послѣдній рѣшился искать помощи у Франціи. Въ 1896 г. Фицджеральда и О'Коннора послали туда для переговоровъ о совмѣстномъ дѣйствіи. Для избѣжанія подозрѣній они отправились на Гамбургъ, оттуда проѣхали въ Базель. Здѣсь Фицджеральдъ долженъ былъ остаться, ибо его предупредили, что его родство съ герц. Орлеанскимъ можетъ стоить ему головы. О'Конноръ отправился дальше одинъ. Онъ видѣлся съ генераломъ Гошемъ и расположилъ его въ пользу экспедиціи въ Ирландію. Директорія тоже согласилась на это предпріятіе. Экспедиція была снаряжена довольно скоро, благодаря энергіи и способностямъ Гоша. Она вышла 14 декабря 1796 изъ Бреста въ составѣ 13 фрегатовъ, 7 корветовъ и 17 линейныхъ кораблей съ 15000 десантнаго войска. Всю эту внушительную силу Гошъ успѣлъ снарядить въ шесть мѣсяцевъ, при чемъ ему пришлось бороться съ безпорядкомъ въ дѣлѣ и съ возстаніями какъ среди матросовъ, такъ и солдатъ.

Едва эскадра вышла въ открытое море, какъ она была окутана густымъ туманомъ. Онъ, казалось, покровительствовалъ экспедиціи, ибо скрывалъ ее отъ англійскихъ эскадръ, крейсировавшихъ въ морѣ. Но за этимъ туманомъ шелъ ураганъ. Онъ захватилъ флотъ Гоша около бухты Бэнтри, у юго-западной оконечности Ирландіи, и разсѣялъ его. Гошъ понялъ невозможность думать о десантѣ и постарался только о томъ, чтобы по возможности большее число кораблей провести обратно во Францію; Ему удалось это сдѣлать только отчасти. Эта катастрофа застала „соединенныхъ

ирландцевъ“ среди серьезныхъ надеждъ: Англія не могла въ это время оказать большого сопротивленія. Освобожденіе Ирландіи казалось близкимъ и вѣроятнымъ. Неудача Гоша не остановила ирландскихъ патриотовъ. Они снова завязываютъ сношенія съ Франціей и, въ ожиданіи обѣщанной помощи, готовятъ возстаніе одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ острова. На этотъ разъ Франція собиралась сдѣлать новую высадку очень долго. Между тѣмъ возстаніе было назначено на май 1798 года; но раньше еще оно было открыто правительству купцомъ Рейнольдомъ, въ квартирѣ котораго собирались главари заговора. Почти всѣхъ ихъ арестовали. Фицджеральду удалось бѣжать. Правительство, впрочемъ, и не хотѣло его арестовывать. Намѣстникъ приказалъ даже оказать ему содѣйствіе, если бы онъ попытался бѣжать за границу. Но онъ не воспользовался этимъ положеніемъ. Ему казалось неловкимъ оставлять затѣянное дѣло, къ тому же не хотѣлось надолго расставаться съ женой. Онъ удовольствовался тѣмъ, что перемѣнилъ мѣсто жительства. Это оказалось роковымъ. Его убѣжище было открыто. Правительство увидѣло, что онъ не хочетъ бѣжать, а желаетъ продолжать подготовку возстанія; оно приказало взять его. Когда агенты проникли къ нему ночью, то, несмотря на то, что они захватили его въ постели, онъ успѣлъ вырваться и вступить въ борьбу съ ними. Израненный и обезсиленный онъ наконецъ былъ взятъ и препровожденъ въ тюрьму. Смерть отъ ранъ избавила его отъ позорной казни.

Послѣ ареста членовъ главнаго исполнительнаго комитета и смерти Фицджеральда подготовка возстанія не остановилась. Оно только потеряло единство. Надо прибавить къ этому, что англійское правительство ничего не сдѣлало, чтобы предупредить возстаніе, а, напротивъ, сдѣлало очень многое, чтобы оно произошло. Оно желало его именно теперь, чтобы раздавить всю революціонную оппозицію и имѣть возможность покончить съ независимостью ирландскаго парламента. Въ май 1798 года возстаніе началось беспорядочно и нестройно, отдѣльными вспышками, которыя безъ труда были подавлены. Слабость сопротивленія возстанія нисколько не уменьшила жестокости его подавленія. Убіиства, насилія надъ жен-

пинами, пожары и разореніе сопровождали всюду появленіе отрядовъ англійской арміи. Возставшіе платили притѣснителямъ тою же монетой. Съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ жгли живьемъ. Англичане сожгли своихъ плѣнныхъ въ Эннискортѣ, ирландцы—въ Скуллабогѣ. Небезынтересно то, что большинство вожаковъ, возставшихъ въ Ульстерѣ, Мунстерѣ и Лейнстерѣ, были протестанты, такъ что лордъ Клэръ (впослѣдствіи Кэстльри) считалъ возможнымъ писать правительству: „это якобинскій заговоръ, пользующійся папистами, какъ орудіемъ“. Только въ одномъ мѣстѣ возстаніе имѣло успѣхъ болѣе продолжительный—это въ Уэксфордѣ. Возставшимъ подъ начальствомъ священника Морфіа удалось овладѣть городомъ. Не вида возможности хорошо утвердиться въ немъ, они укрѣпили сосѣдній Винигаръ Гилль (Vinegar Hill, Уксусный Холмъ) и сдѣлали его базисомъ своихъ дѣйствій. Когда прибылъ съ войсками генералъ Лэкъ, здѣсь произошла отчаянная битва между войсками и инсургентами. Лордъ Клэръ писалъ про возставшихъ: „священники ведутъ въ бой ихъ отряды; на ходу они становятся на колѣни, молятся и потомъ дѣлаютъ нападеніе съ отчаянною рѣшимостью“. Англичане одержали полную побѣду. Уэксфордъ сдался, возстаніе было подавлено, но расправа и разореніе продолжались еще долго. Назначенный въ то время намѣстникомъ Ирландіи и главнокомандующимъ войсками, лордъ Корнуэльсъ не былъ расположенъ къ жестокости. Несмотря на сопротивленіе лорда Клэра, который въ званіи лорда канцлера пользовался большой силой, онъ даже добился отъ ирландскаго парламента довольно широкой амнистіи; но Корнуэльсъ ничего не могъ сдѣлать съ разнузданными войсками. Долгая практика грабежа, убійствъ и насилій разрушила въ нихъ дисциплину. Корнуэльсъ писалъ, что только однимъ резономъ ему удавалось иногда останавливать разореніе мѣстностей: онъ говорилъ грабителямъ, что они разоряютъ то, что впослѣдствіи должно принадлежать имъ же.

Когда возстаніе уже было окончательно подавлено, явилась запоздалая помощь Франціи. Небольшая эскадра высадила небольшой отрядъ подъ начальствомъ генерала Умбера (Humbert) въ Килалѣ, на сѣверо-западномъ берегу Ирландіи. Сначала французы имѣли успѣхъ. Генералъ Лэкъ съ его разнузданными бандами потерпѣлъ

отъ французскаго генерала поражение, несмотря на то, что численное превосходство англичанъ надъ французами было очень значительно. Когда затѣмъ прибылъ Корнуэльсъ съ свѣжими и сохранившими порядокъ войсками, французы не могли удержаться въ Ирландіи. Они должны были возвратиться во-свояси. Эта экспедиція не возбудила вновь возстанія. Оно было уже мертво.

Возстаніе 1798 года поставило передъ англійскими государственными людьми задачу опредѣленія будущихъ взаимныхъ отношеній двухъ королевствъ.

Съ точки зрѣнія англійскихъ государственныхъ людей казалось несомнѣннымъ, что возстаніе доказало отсутствіе единенія между Ирландіей и Англійей. Хотя положеніе Ирландіи во время американской войны какъ будто говорило, что такое мнѣніе едва-ли можетъ быть признано доказаннымъ вполне, но англійскіе государственные люди не считались съ этимъ крупнымъ фактомъ и признавали враждебное отношеніе Ирландіи къ Англии фактомъ, изъ котораго слѣдуетъ отправляться, разсуждая о политикѣ, которой слѣдуетъ держаться относительно Ирландіи. При этой враждебности существованіе отдѣльнаго и независимаго ирландскаго парламента представлялось опаснымъ. Будучи органомъ власти страны, враждебной Англии, онъ могъ тормозить дѣйствія англійскаго парламента и направлять свои дѣйствія противъ Англии. Способъ рѣшенія дѣлъ, которыя были общими для обѣихъ странъ, не былъ придуманъ, а потому возможно было, что два равноправныхъ учрежденія придуть по одному и тому же общему вопросу къ рѣшеніямъ противоположнымъ. А такое положеніе было чревато большими затрудненіями и даже опасностями, особенно при наличности войны съ Франціей. Экспедиціи Гоша и Умбера иллюстрировали эту возможную опасность. Неудача первой изъ этихъ экспедицій никоимъ образомъ не зависѣла отъ преданности Ирландіи Англии, а отъ обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ настроенія первой. Экспедиція Умбера не удалась, потому что возстаніе ирландцевъ было уже подавлено. Таковы были соображенія, которыя приводили англійскихъ государственныхъ людей къ мысли объ уничтоженіи отдѣльнаго ирландскаго парламента и о слияніи его съ лондонскимъ. То обстоятельство, что въ свое время

произошло слияние шотландского парламента съ английскимъ и это слияние привело къ вѣщшему сближенію двухъ странъ, располагало къ выводу, что и слияние ирландскаго парламента съ английскимъ тоже приведетъ къ благимъ послѣдствіямъ. Но во всякомъ случаѣ оно должно было устранить опасность, которая казалась очевидной.

Такимъ образомъ, исторія отношеній двухъ странъ въ XVIII вѣкѣ привела къ попыткѣ уніи, исторію которой мы изложимъ въ слѣдующей главѣ. Теперь укажемъ только, что если съ английской точки зрѣнія такое рѣшеніе поставленной политической задачи должно было привести къ благимъ послѣдствіямъ, то съ ирландской точки зрѣнія вопросъ стоялъ иначе. Недавнія событія показали, что мѣстный парламентъ былъ способенъ содѣйствовать рѣшенію внутреннихъ вопросовъ ирландской жизни. Нельзя было сказать того же самаго объ английскомъ парламентѣ. При полномъ безпристрастіи онъ не могъ относиться къ этимъ вопросамъ съ тою же внимательностью и знаніемъ дѣла, какъ ирландскій парламентъ. Напротивъ, исторія того же XVIII вѣка показала, что онъ часто способенъ былъ разсматривать ирландскія дѣла съ узкой английской точки зрѣнія и приносить въ жертву интересамъ даже не всѣхъ англичанъ, а лишь нѣкоторыхъ группъ населенія Англіи, интересы Ирландіи.

Между тѣмъ нѣсколько крупныхъ вопросовъ ирландской жизни не были еще рѣшены. Вопросъ объ избираемости католиковъ, т. е. огромной массы населенія острова, былъ пока оставленъ открытымъ. Вопросъ объ отношеніи католиковъ къ содержанію англиканской церкви даже еще не поднимался, хотя, съ освобожденіемъ католиковъ отъ религіознаго преслѣдованія и предоставленія имъ права открыто совершать свое богослуженіе, вопросъ объ обязательности участія ихъ въ содержаніи англиканскаго духовенства становился неизбѣжнымъ.

Аграрный вопросъ оставался въ полной силѣ. Разрѣшеніемъ католикамъ пріобрѣтать въ собственность земли онъ былъ только затронутъ. Право покупать землю сводилось къ такому рѣшенію: землю отобрали у населенія, туземцевъ свели къ положенію нищаго, а теперь говорятъ этому нищему: можешь покупать свою землю обратно. Такое разрѣшеніе вопроса звучало для огромнаго большин-

ства населенія насмѣшкой. Средства у него для покупки земли не было. Поэтому естественно, что оно осуждалось и впредь оставаться въ томъ же бѣдственномъ экономическомъ положеніи, въ которомъ было и доселѣ.

Всѣ эти трудные вопросы гораздо медленнѣе могли быть рѣшены чужимъ парламентомъ, чѣмъ своимъ, мѣстнымъ, а потому задуманная унія сулила не ускореніе, а замедленіе улучшенія положенія ирландскаго народа.

Унія. Эмансипація католиковъ.

Выше мы видѣли, какъ въ силу благопріятнаго стеченія обстоятельствъ ирландцамъ удалось вынудить у англичанъ согласіе на независимость ирландскаго парламента. Само собою разумѣется, что англичане не могли быть довольны сдѣланными уступками, тѣмъ болѣе, что онѣ были подневольны. Существованіе двухъ совершенно равноправныхъ и самостоятельныхъ отдѣльныхъ парламентовъ представляло собой значительное неудобство. По однимъ и тѣмъ же вопросамъ внѣшней или внутренней политики они могли прійти къ противоположнымъ рѣшеніямъ, для согласованія которыхъ не было никакихъ средствъ. Сама жизнь показала, что это неудобство не только теоретическаго свойства. Такъ, въ 1784 году англійскій парламентъ по почину Питта поднялъ вопросъ объ общей таможенной политикѣ съ Ирландіей. Эта попытка объединить двѣ страны въ экономическомъ отношеніи потерпѣла неудачу вслѣдствіе сопротивленія ирландскаго парламента. Въ 1789 году возникъ вопросъ о регентствѣ. Георгъ III подвергся припадку сумасшествія. Явился вопросъ о регентствѣ на время болѣзни короля. Англійскій парламентъ рѣшилъ передать регентство принцу Уэльскому, но съ тѣмъ, чтобы детали регентства были регулированы парламентомъ. Напротивъ, ирландскій парламентъ рѣшилъ, что регентство принадлежитъ тому же принцу Уэльскому, но безъ всякихъ ограниченій, т. е., чтобы наслѣдный принцъ вступилъ въ исполненіе королевской власти во всей ея полнотѣ. Такимъ образомъ, по такому важному вопросу, какъ регентство, получились два рѣшенія. Къ счастью, король скоро выздоровѣлъ и оказавшееся разногласіе не имѣло практическихъ послѣдствій; но для го-

сударственныхъ людей тогдашняго времени это былъ урокъ, изъ котораго они сдѣлали выводъ объ опасности существованія независимаго ирландскаго парламента для внутренней политики государства. Возстаніе 1798 года, какъ мы говорили выше, указало на существованіе опасности и для внѣшней политики Англій въ независимомъ существованіи Ирландіи. Съ тѣмъ большей жестокостью они подавляли это возстаніе. Насилія, повальные убійства, пожары, изнасилованіе женщинъ обозначали путь англійскихъ войскъ. Людей, замѣшанныхъ въ возстаніи, вѣшали безъ всякаго разбирательства. Людей, провинившихся въ аграрныхъ преступленіяхъ, наказывали такъ-же; тѣхъ, кого подозрѣвали въ укрывательствѣ или въ соучастіи, подвергали пыткамъ. Ихъ вѣшали обыкновенно на деревьяхъ и оставляли висѣть до тѣхъ поръ, пока они не изъявляли готовности дать показаніе. Историкъ Фрулъ, говоря объ этихъ неистовствахъ, замѣчаетъ, что эти жестокости можно поставить въ параллель съ тѣми, которыя были совершены якобинцами во Франціи и которыя вызвали тогда въ Европѣ крикъ негодованія. Жестокости эти были велики,—говоритъ онъ,—но можетъ быть, по числу жертвъ онѣ были меньше тѣхъ, которыя совершены англичанами при подавленіи возстанія въ Ирландіи, и однако послѣднія не вызвали того ужаса и негодованія, которые были вызваны жестокостями якобинцевъ. Очень можетъ быть,—говоритъ онъ,—что крикъ ужаса, вызванный жестокостями якобинцевъ, обусловливается тѣмъ, что жертвами ихъ были люди высшихъ классовъ. Вслѣдствіе чувства солидарности ихъ несчастія находили сильный отзвукъ въ высшихъ классахъ другихъ государствъ, а они составляли тогда все европейское общество. Напротивъ, жестокости еще большія, но совершенныя надъ незначительными, простыми, людьми, не возмущали никого.

Если жестокость подавленія возстанія 1798 года была слѣдствіемъ отчасти распушенности войскъ, то нельзя не признать, что большая часть ея должна быть отнесена на счетъ той стародавней вражды, которая теперь проснулась въ англичанахъ противъ ирландцевъ. Эта же вражда и подозрительность лежали въ основаніи политики англійскихъ государственныхъ людей по отношенію къ

ирландскому парламенту. Если Питтъ имѣлъ въ виду сближеніе двухъ народностей и слияніе двухъ государствъ въ одно цѣлое, то большинство другихъ государственныхъ людей дѣйствовало подѣ влияніемъ опасенія за интересы Британіи при существованіи самостоятельности ирландскаго парламента.

Какъ бы то ни было, вопросъ объ Уніи былъ поставленъ въ тронной рѣчи къ ирландскому парламенту въ январѣ 1799 года, хотя и не въ определенной формѣ. Для того, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ, были пущены въ дѣло деньги, хотя и не въ большомъ количествѣ. Лордъ Кэстльри, первый секретарь Ирландіи, писалъ въ это время министру: „Мы уже чувствуемъ нужду или, вѣрнѣе говоря, необходимость въ „главномъ двигателѣ“ (*primum mobile*). Я знаю ваши затрудненія и буду съ ними считаться; но несмотря на это я не могу не просить васъ выслать съ первой почтой 5000 ф. банковыми билетами“. Однихъ подкупали, на другихъ дѣйствовали страхомъ. Такъ, сэра Джона Парнеля, лорда-канцлера Ирландіи, дѣда знаменитаго впоследствии Чарльза Стюарта Парнеля, борца за независимость Ирландіи, отставили отъ службы послѣ того, какъ его не могли уговорить высказаться въ пользу Уніи. Съ нѣкоторыми другими высшими чиновниками поступлено было точно такъ же.

Послѣ всѣхъ принятыхъ мѣръ открылась 22 января 1799 года сессія парламента и лордъ Корнуэльсъ въ тронной рѣчи неопредѣленно коснулся уніи, обративъ вниманіе палаты „на наиболее дѣйствительное средство укрѣпить въ могущественномъ и стойкомъ зданіи силу и ресурсы Британской имперіи“. Въ палатѣ общинъ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь вызвалъ продолжительныя и оживленныя пренія. Понсонби внесъ поправку къ адресу, подтверждающую „несомнѣнное право ирландскаго народа имѣть свое свободное независимое законодательное учрежденіе, находящееся въ королевствѣ, согласно окончательному уговору 1782 года“. Эта поправка была отвергнута; но послѣ двадцатичасовыхъ непрерывныхъ преній большинствомъ 111 голосовъ противъ 106 былъ принятъ адресъ, отвергавшій мысль объ упраздненіи ирландскаго парламента.

Тогда намѣстникъ Ирландіи лордъ Корнуэльсъ рѣшился воз-

будить общественное движеніе въ Ирландіи въ пользу уніи. Незначительность большинства голосовъ противъ нея въ парламентѣ не исключала, казалось, надежды на успѣхъ этого средства. Онъ самъ предпринималъ объѣздъ острова и посѣщалъ самыя захолустныя деревни, собирая подписи на адресахъ въ пользу уніи. Онъ получилъ множество адресовъ и по своемъ возвращеніи въ Дублинъ такъ резюмировалъ свои впечатлѣнія, полученныя во время поѣздки: „чувство сердечнаго одобренія политики уніи не ограничено какимъ нибудь классомъ; я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что, зародившись въ высшихъ классахъ, оно сильно распространено въ массѣ народа“.

Одинъ антиунионистъ, самый лойяльнѣйшій и краснорѣчивый представитель этой партіи, нѣсколько лѣтъ спустя въ палатѣ общинъ рисовалъ такую картину путешествія намѣстника Ирландіи и возбужденія общественнаго движенія въ пользу уніи: „Представитель его величества пустился въ путь, чтобы любезничать съ верховнымъ народомъ. Для него самое захолустное мѣстечко было достойно посѣщенія; не было такого лица самаго низменнаго ранга, которое бы не заслуживало лести, не было такой угрозы, самой подлой (vile), которая не была бы употреблена. Онъ не созываетъ законнымъ образомъ собраній графствъ, черезъ посредство шерифовъ; онъ не старается собрать голоса интеллигентной и независимой части общества. Онъ кланчить якобы публичные адреса въ маленькихъ деревняхъ; онъ производитъ по графствамъ контрабанду подписей. И какъ онъ ихъ собираетъ? Посредствомъ вліянія земельныхъ собственниковъ на ихъ арендаторовъ не въ силу привязанности, а въ силу страха, внушаемаго послѣднимъ жадными агентами и сборщиками податей. И послѣ всей этой комедіи, послѣ того, какъ онъ омрачилъ блескъ королевской власти призывомъ къ низкимъ страстямъ, обращеніемъ къ подонкамъ черни, послѣ того, какъ онъ оказалъ честь своимъ присутствіемъ самому ничтожному мѣстечку, гдѣ только можно было рассчитывать получить какой нибудь несчастный адресъ, и избѣгалъ всякаго мѣста, гдѣ онъ могъ встрѣтиться съ мужественнымъ чувствомъ, послѣ того, какъ онъ злоупотребилъ именами мертвыхъ и поддѣльными подписями живыхъ и поставилъ въ счетъ подписи

арестантовъ, послѣ того, какъ онъ пустилъ въ дѣло сборщика податей, чтобы угрожать кабатчику, и агента помѣщика, чтобы запугать трепещущаго арендатора, послѣ того, какъ онъ употребилъ и вашихъ военныхъ начальниковъ, чтобы направить чернь въ атаку противъ общественныхъ властей, и исчерпалъ подонки населенія въ пять милліоновъ душъ, что вы получили? Около пяти тысячъ подписей, изъ которыхъ три четверти были даны врасплохъ подъ вліяніемъ страха или по невѣдѣнію!»

По всей вѣроятности, эта картина слишкомъ односторонняя; но что касается самаго серьезнаго изъ обвиненій, а именно — пользованія подписями уголовныхъ преступниковъ, то оно подтверждается однимъ современникомъ, лордомъ Корри (Corry), который въ адресѣ, поданномъ въ палату общинъ, упрекаетъ министровъ въ томъ, что они воспользовались подписями преступниковъ, арестованныхъ въ тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ, если Корнуэльсъ и былъ въ восторгѣ отъ своего путешествія, подписей онъ собралъ слишкомъ мало для того, чтобы имѣть возможность опереться на такое общественное движеніе. Напротивъ, патріоты были въ этомъ отношеніи счастливыѣе, несмотря на то, что власти чинили всяческія препятствія ихъ агитаціи. Если какой нибудь шерифъ законно собиралъ собраніе протеста противъ затѣвавшейся уніи, какъ, напримѣръ, въ Мэриборо, въ графствѣ Королевы, полки пѣхоты, эскадроны кавалеріи и артиллерія немедленно направлялись туда, чтобы разогнать такое собраніе. И при такихъ неравныхъ условіяхъ патріоты успѣли собрать 700000 голосовъ противъ уніи, когда правительство собрало ихъ 5—7 тысячъ. При такомъ соотношеніи силъ, казалось, трудно было рассчитывать на согласіе ирландскаго парламента на унію. Самъ намѣстникъ тоже сомнѣвался въ успѣхѣ, но онъ высказывалъ увѣренность, что населеніе за унію и что „если бы палата общинъ ирландіи была такъ-же тѣсно связана съ народомъ, какъ въ Англіи, и такъ-же подчинялась его внушеніямъ, то я считалъ бы, — писалъ онъ — судя по симптомамъ, проявляющимся внѣ (палаты), вопросъ рѣшеннымъ“. Но этой связи онъ не признавалъ, а потому правительство рѣшило обратиться къ старому, но испытанному средству — къ подкупу. Лордъ Кэстльри составилъ смѣту потребной суммы и по

его расчету выходило, что надо ассигновать 1.500 т. ф. с., которые пойдут на вознагражденіе тѣхъ владѣтелей бурговъ, которые теряли отъ перенесенія парламента въ Лондонъ, и на другіе расходы. Правительство ужаснулось такой цифры, но, поторговавшись, согласилось дать 1.260 т. ф. с. Граттанъ говорилъ впоследствии, что изъ числа членовъ парламента, вотировавшихъ за унію, было только семеро, которые не были подкуплены тѣмъ или инымъ способомъ. Само правительство въ своей официальной перепискѣ признается въ существованіи подкуповъ. Когда билль уніи былъ уже вотированъ, правительство думало отложить возведеніе въ пэры и разныя другія награды, обѣщанныя лордамъ за голосованіе въ пользу билля. Тогда Корнуэльсъ писалъ: „Кажется, что кабинетъ, проведя мѣру (унію) посредствомъ воздѣйствій, о примѣненіи которыхъ онъ былъ осведомливаемъ въ каждой депешѣ въ теченіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ, хочетъ все это предать забвенію и сдѣлать налѣво кругомъ на каблучкахъ и объявить, что было бы „жалко омрачать такой актъ нанесеніемъ такого удара общественной совѣсти“. Если кабинетъ думаетъ, что онъ можетъ создать себѣ популярность, разочаровывая своихъ сторонниковъ и обезчещивая ирландское правительство, онъ не замедлитъ выйти изъ этого заблужденія. Ни для кого не останутся тайной тѣ обѣщанія, которыя были сдѣланы, и мѣры, которыя были приняты, чтобы провести унію. Разочарованіе, вмѣсто того, чтобы остановить, усилитъ разоблаченія.

Единственнымъ результатомъ такой мѣры министровъ будетъ то, что ихъ собственное свидѣтельство присоединится къ показаніямъ оппозиціи, чтобы объявить позорными тѣ мѣры, путемъ которыхъ была осуществлена унія“. Вся эта операція была настолько грязна, что многіе потомки творцовъ уніи уничтожили бумага, относившіяся къ этому дѣлу, которыя имъ достались въ наслѣдство.

Не одними только подкупами дѣйствовало правительство Англіи. Питтъ предоставилъ возможность правителямъ Ирландіи дать понять противникамъ уніи, что съ нею тѣсно связана политическая эмансипація католиковъ и что мѣра эта легче можетъ быть осуществлена соединеннымъ парламентомъ. Это не было формальнымъ обѣ-

шаніемъ; но эти полуобѣщанія представителей правительства подѣйствовали на многихъ въ пользу уніи.

Когда всѣми принятыми мѣрами почва была подготовлена, въ началѣ 1800 года билль объ уніи былъ внесенъ въ ирландскій парламентъ. 14 февраля палата общинъ вотировала большинствомъ 161 голоса противъ 115 введеніе къ законопроекту, а въ концѣ марта, несмотря на всѣ усилія оппозиціи съ Гратаномъ, Боркомъ и Понсонби во главѣ, весь билль былъ принятъ большинствомъ голосовъ и тотчасъ же 27-го марта былъ принятъ палатой лордовъ и 7-го іюня былъ окончательно утвержденъ палатой общинъ. Когда вопросъ былъ рѣшенъ, Гратанъ обратился къ палатѣ со словами, которыми онъ какъ бы заключилъ свою борьбу за независимость своей родины: „Конституція можетъ быть на нѣкоторое время потеряна, но цѣлый народъ не можетъ затеряться. Министры короны должны будутъ въ концѣ концовъ сознаться, что вовсе не такъ легко достойную уваженія націю держать въ униженіи искусственными мѣрами и большими подкупами. Свобода снова возвратитъ себѣ свои золотые лучи и съ сугубой теплотой согрѣетъ ими землю... Я не считаю свою отчизну погибшею. Я вижу,—она въ забытіи, но она не умерла. Хотя она и лежитъ въ могилѣ безпомощно и неподвижно, но на ея устахъ еще играетъ духъ жизни, блескъ красоты... Пока цѣла хоть одна доска корабля, я буду за нее держаться... вѣрный судьбѣ моей родины, вѣрный свободѣ, вѣрный ей даже до гибели“.

Проведенная унія ирландскаго парламента съ англійскимъ, очевидно, была въ сущности упраздненіемъ ирландскаго парламента. Этотъ фактъ былъ для Ирландіи роковымъ. Нерѣдко утверждали, что существованіе отдѣльнаго парламента не имѣло для ирландскаго народа большого значенія, такъ какъ этотъ парламентъ не представлялъ собою всего ирландскаго народа, а только ничтожную часть его, да и изъ этой ничтожной части значительная часть избирателей была игрушкой въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые продавали принадлежащіе имъ голоса правительству. Это были, конечно, недостатки ирландскаго парламента, которые ослабляли его значеніе для ирландскаго народа, но многіе изъ этихъ недостатковъ принадлежали и англійскому парламенту, а потому ирландцы, вводя

своихъ депутатовъ въ англійскій парламентъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, ничего ровно не выигрывали. Между тѣмъ отъ потери своего мѣтнаго автономнаго парламента они очень много проиграли. Каковъ ни былъ этотъ парламентъ, онъ былъ; однако, своимъ, ирландскимъ парламентомъ; избирательная база его была шире, чѣмъ база англійскаго. Католики не могли быть избираемы, но множество ихъ были избирателями. Поэтому парламенту оказывались близкими интересы страны и народа. Вся дѣятельность его во второй половинѣ XVIII вѣка служитъ фактическимъ доказательствомъ того, что онъ способенъ былъ принести значительную пользу Ирландіи. Всѣ данныя были за то, что при дальнѣйшемъ развитіи этого учрежденія тутъ на мѣстѣ оно оказалось бы способнымъ разрѣшить главные вопросы мѣстной жизни и тѣмъ содѣйствовать прогрессу страны. Будучи введены въ англійскій парламентъ, депутаты Ирландіи входили въ другія связи и отношенія, отдалявшія ихъ отъ чисто ирландскихъ интересовъ. Но самымъ главнымъ было то, что теперь рѣшеніе ирландскихъ вопросовъ зависѣло уже не отъ нихъ, а отъ англійскихъ и шотландскихъ депутатовъ, которымъ эти вопросы были чужды и мало знакомы и которые не только находились внѣ вліянія ирландцевъ, но скорѣе находились подъ вліяніемъ чувствъ и воззрѣній, враждебныхъ Ирландіи. Поэтому можно рѣшительно утверждать, что ирландская жизнь была заторможена унией и что, благодаря этому акту, Ирландія стала снова въ то положеніе, въ которомъ она находилась при дѣйствіи закона Пойнинга, и даже, пожалуй, въ худшее, ибо она лишилась того учрежденія, которое въ свое время оказывало сопротивленіе пагубному вліянію этого закона.

Въ числѣ средствъ проведенія уніи была надежда, поданная ирландцамъ, на эмансипацію католиковъ въ смыслѣ предоставленія имъ не только правъ выбирать депутатовъ въ парламентъ, но и правъ быть въ него избираемыми. Питтъ рѣшилъ исполнить тѣ по-луобѣщанія, которыя по его порученію давали ирландцамъ лордъ Корнуэльсъ и Кэстлри. Къ тому же онъ считалъ эмансипацію католиковъ необходимымъ дополненіемъ уніи. Лордъ Корнуэльсъ выразилъ эту мысль словами: Ирландія не можетъ быть спасена безъ уніи, но неизвѣстно еще, можетъ ли она быть спасена только одной уніей. Вслѣдствіе этого Питтъ занялся лѣтомъ 1800 года разработкой законопроекта и осенью познакомилъ съ его основаніями своихъ коллегъ министровъ, прося ихъ сохранить пока это дѣло въ полной тайнѣ. Онъ боялся сопротивленія короля предполагаемой мѣрѣ и потому хотѣлъ его сначала подготовить. Но одинъ изъ участниковъ совѣщанія лордъ канцлеръ Лавборо (Loughborough) носпѣшилъ посвятить въ секретъ короля. Послѣдній рѣшительно возсталъ противъ затѣи Питта и заявилъ, что онъ ни за что не согласится на эмансипацію католиковъ. Разошедшійся слухъ о проектѣ послѣдней вызвалъ сильное движеніе противъ него со стороны духовенства, во главѣ котораго сталъ архіепископъ Кэнтербрійскій. Наконецъ, король обратился къ президенту парламента Аддингтону съ порученіемъ отговорить Питта отъ затѣяннаго дѣла. Тогда 1 февраля 1801 года Питтъ адресовалъ королю длинное письмо, въ которомъ обстоятельно изложилъ мотивы мѣры, представлявшей ему необходимой и связалъ существованіе кабинета съ отказомъ короля дать на нее согласіе. Когда король отказалъ въ согласіи на внесеніе билля, Питтъ подалъ въ отставку. Это событіе произвело на короля такое сильное впечатлѣніе, что онъ снова лишился разсудка. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ продолжалась его болѣзнь. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ обвинилъ Питта въ своей болѣзни. Это обвиненіе такъ сильно подѣйствовало на послѣдняго, что онъ въ письмѣ королю отказался отъ всякой мысли настаивать на эмансипаціи католиковъ, и это дѣло было похоронено на долго.

Въ такомъ видѣ политика такого выдающагося государственнаго чловѣка представляется нѣсколько странной и сантиментальной. Онъ

не могъ не предвидѣть сопротивленія короля эмансипаціи католиковъ, а потому или не долженъ былъ предпринимать ея вовсе, не рассчитывая провести, или же долженъ былъ обезпечить ея успѣхъ, а не отрекатся отъ нея такъ скоро. Разъясненіе его поведенія историкъ Пресансе видитъ въ томъ, что онъ не придавалъ вопросу объ эмансипаціи католиковъ такого первенствующаго значенія, чтобы связать съ нимъ всю свою политическую карьеру. Рядомъ съ этимъ стоялъ другой вопросъ, который въ его глазахъ былъ важнѣе,— это война съ Франціей. Онъ считалъ ее необходимой, а въ то же время видѣлъ, что общество идетъ къ миру. Онъ не хотѣлъ быть его авторомъ и предпочиталъ выйти въ отставку. Такимъ образомъ вопросъ о католикахъ былъ для него удобнымъ выходомъ изъ затрудненія по вопросу о мирѣ съ Франціей. Но, уйдя въ отставку, онъ ужаснулся лишенія дѣятельности, онъ не могъ вынести своего устраненія отъ работы на пользу государства и подъ вліяніемъ этого чувства не нашелъ въ себѣ силы настаивать на мѣрѣ, которую считалъ нужной, но которая не представлялась ему такой важной, чтобы изъ-за нея пожертвовать другими интересами государства, которые были ему ближе. Какъ бы то ни было, рѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ, казавшееся такимъ близкимъ, отложено было на неопредѣленное время, и унія Ирландіи съ Англіей началась обманомъ. Это обстоятельство наложило свою печать на послѣдующія отношенія двухъ странъ въ теченіе XIX вѣка.

Послѣдующіе годы были безнадежны для эмансипаціи католиковъ. Настроеніе правящихъ классовъ было реакціонное. Таковымъ оно было во всей Европѣ, за исключеніемъ недолгаго періода либеральныхъ вѣяній въ Россіи и въ Пруссіи послѣ Иены и Ауерштедта. Это настроеніе обуславливалось чувствомъ страха передъ свободой. Этотъ страхъ порожденъ былъ созерцаніемъ событій французской революціи. Мы уже упоминали объ этомъ выше. Теперь наступила пора наполеоновскаго величія и гегемоніи Франціи въ Европѣ. Съ нею соединено было крушеніе престоловъ и феодальнаго общественнаго строя. За какихъ нибудь десять лѣтъ сколько государствъ стерто было съ карты Европы, сколько новыхъ появилось, то въ формѣ республикъ, то въ формѣ монархій—вассаловъ

Наполеона! Всѣ эти перемѣны были къ невыгодѣ правителей и правящихъ классовъ, а такъ какъ Наполеонъ считался исчадіемъ революціи, а основной принципъ послѣдней былъ въ свободѣ и равенствѣ, то въ этихъ идеяхъ видѣли корень зла, постигшаго Европу, и тѣмъ сильнѣе ихъ опасались. Даже въ поварскихъ книгахъ русская цензура не допускала „вольнаго духа“, а императоръ австрійскій Францъ I выходилъ изъ себя при употребленіи слова конституція въ медицинскомъ смыслѣ. Многие люди, увлекавшіеся прежде идеей свободы, ужаснулись ея потомъ и перешли въ лагерь реакціи. Примѣромъ служатъ Меттернихъ въ Австріи, Боркъ и Кэстльри въ Англіи. Чѣмъ напряженнѣе была борьба Англіи съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе благопріятной становилась почва для политической реакціи. Хотя, въ сущности говоря, борьба Наполеона съ Англіей была продолженіемъ той, которая велась въ XVIII вѣкѣ при старой монархіи и въ основаніи ея лежали тѣ же традиціи и интересы, но дѣло представлялось такъ, какъ будто ведется борьба съ революціей, олицетворенной въ Наполеонѣ.

Кэстльри когда то былъ ирландскимъ патриотомъ. Въ 1790 году, когда онъ начиналъ свое поприще въ ирландскомъ парламентѣ, его считали среди ярыхъ патриотовъ. Въ 1793 году лордъ Кэмпленъ совѣтовалъ ему не давать увлекать себя слишкомъ далеко живостью національнаго чувства. Все это прошло въ концѣ девятидесятихъ годовъ, и во время возстанія 1798 года онъ былъ уже однимъ изъ беспощадныхъ палачей патриотовъ. Со времени уніи ирландцы не только не могли въ немъ видѣть друга эмансипаціи католиковъ, но одного изъ рѣшительныхъ ея противниковъ. Въ качествѣ военнаго министра, направляя силы Англіи въ борьбѣ противъ Наполеона, Кэстльри все болѣе и болѣе склоняется въ сторону самаго непримиримаго торизма и становится символомъ застоя политической жизни.

Но мысль объ эмансипаціи католиковъ не умерла. Въ 1806 году образовался католическій комитетъ изъ 28 членовъ съ цѣлью добиться предоставленія правъ католикамъ. Въ числѣ его членовъ мы видимъ Гратача и будущаго вожака всего движенія О'Коннеда. Но упорство палаты и нерасположеніе ея къ католикамъ

были такъ велики, что когда нѣсколько ирландскихъ полковъ были переведены въ Англію и въ палатѣ возникъ вопросъ о предоставленіи этимъ солдатамъ устроить у себя католическое богослуженіе, въ этомъ имъ было отказано. Въ 1812 году члены комитета пытаются провести въ палатѣ билль объ освобожденіи католиковъ. Это предложеніе встрѣтило нѣкоторое сочувствіе; но провалилось въ палатѣ. Въ 1815 году въ сознаніи своей силы вслѣдствіе побѣдоноснаго окончанія борьбы съ Наполеономъ правительство выступило въ походъ противъ католическаго комитета. По предложенію Пия парламентъ закрылъ его и кромѣ того принялъ исключительные законы для водворенія порядка въ Ирландіи, при чемъ было до нельзя облегчено изгнаніе фермеровъ изъ ихъ жилищъ отъ всѣхъ всякихъ формальностей, которыя до того требовались. Послѣ этого движеніе въ пользу католиковъ на нѣсколько лѣтъ замираетъ, чтобы потомъ вспыхнуть съ новой силой при измѣнившихся условіяхъ.

Эмансипація католиковъ находилась въ связи съ тѣмъ измѣненіемъ въ общественномъ настроеніи, которое послѣдовало за реакціей наполеоновскому и революціонному времени. Осуществленіе застоя въ жизни выдвинуло впередъ слабыя стороны подобной политики. Очень скоро она стала тягостна для жизни и взоры общества невольно поворачивались къ тому времени, которое предшествовало реакціи, и мало-по-малу отношеніе къ наполеоновскому времени и къ нему самому начинаетъ измѣняться въ общественномъ сознаніи. Чѣмъ мельче были дѣятели реакціи, тѣмъ выше поднималась фигура Наполеона. Чѣмъ дальше онъ удалялся въ прошлое, тѣмъ безпристрастнѣе становилась оцѣнка его дѣятельности и тѣхъ принциповъ революціи, которые лежали въ основѣ его законодательства. Забывался его деспотизмъ, а въ памяти оставалось величіе дѣятельности и отъбна средневѣковыхъ соціальныхъ учреждений. Это измѣненіе отношенія къ Наполеону на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ ясно видно и въ западно-европейской и въ нашей литературѣ. Стоитъ сравнить два произведенія Пушкина — „Наполеонъ на Эльбѣ“, написанное въ 1815 году, и „Наполеонъ“, написанное въ 1821 году, чтобы замѣтить происшедшую разницу

въ отношеніи къ этому человѣку. То же было и во Франціи и въ Германіи. Это были моральныя признаки ослабленія реакціи, за которыми послѣдовали потомъ и матеріальныя проявленія этого ослабленія. Въ Англіи ослабленіе реакціи наступило раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Еще въ то время, когда Кэстльри господствовалъ во внутренней политикѣ страны и въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ направлялъ въ реакціонномъ смыслѣ ея вѣдѣнія политику, примыкая всецѣло къ Священному Союзу, его рѣшительнымъ противникомъ является Каннингъ, представитель умѣреннаго консерватизма. Когда Кэстльри въ 1822 году покончилъ жизнь самоубійствомъ, Каннингъ сталъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и отмѣтилъ поворотъ выходомъ Англіи изъ Священнаго Союза и провозглашеніемъ принципа невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ. И въ отношеніи къ вопросу объ эмансипаціи католиковъ тоже появился признакъ поворота къ лучшему. Въ 1821 году билль о предоставленіи правъ католикамъ прошелъ въ нижней палатѣ; но провалился въ верхней.

Въ то же время въ Ирландіи разливается агитація въ пользу эмансипаціи, которая вскорѣ затѣмъ приняла большіе размѣры. Въ 1823 году тамъ образована была католическая ассоціація, во главѣ которой сталъ Даніель О'Коннель.

Онъ родился въ 1774 году въ небогатой ирландской семьѣ. Заботы его воспитанія взялъ на себя его дядя. Сначала онъ учился въ тайной католической школѣ въ Ирландіи, а потомъ отправленъ былъ во Францію въ С. Омеръ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ иезуитскую коллегію. Время ученія его во Франціи совпало съ французской революціей; она же и прервала его, такъ какъ церковныя школы были закрыты. Въ 1792 году онъ побывалъ въ Парижѣ, и тамошнія событія произвели на него сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ ихъ онъ, какъ и Наполеонъ въ то же самое время, получилъ отвращеніе къ анархіи, хотя навсегда остался приверженцемъ свободы. Возвратившись на родину, О'Коннель сталъ адвокатомъ. Первые успѣхи не удовлетворили его и не побудили довольствоваться обеспеченнымъ и покойнымъ положеніемъ. Адвокатская дѣятельность казалась ему тѣсною, какъ тѣсною была са-

мая большая зала для его громаднаго голоса. Его горячій патріотизмъ тоже толкалъ его на политическое поприще. Онъ самъ вспоминалъ впоследствии то впечатлѣніе, которое произвела на него уніа. „Я былъ какъ сумасшедшій, когда я услышалъ, какъ колокола св. Патрика весело трезвонили въ честь униженія Ирландіи, какъ будто то былъ славный національный праздникъ. Кровь кипѣла въ моихъ жилахъ и я далъ клятву, что это безчестіе не будетъ длиться, если только отъ меня будетъ зависѣть положить ему конецъ“. Его, славлюбиваго отъ природы, манило поприще народнаго трибуна. Онъ посѣщаетъ многочисленные въ то время народные митинги и все болѣе уходитъ на политическое поприще. Но впечатлѣнія, вынесенныя изъ Франціи, тяготѣютъ надъ нимъ и отвлекаютъ его отъ партій, имѣющихъ революціонный характеръ. Онъ является сторонникомъ той теоріи свободы, представителемъ которой былъ Вольтеръ, который говорилъ, что „свобода заключается въ подчиненіи только законамъ“. (*La liberté consiste á ne dependre que des lois*). Онъ примыкаетъ поэтому къ тому католическому комитету, который хотѣлъ добиться мирными средствами признанія политическихъ правъ католиковъ. По взгляду О'Коннеля національная независимость Ирландіи находилась въ тѣсной связи съ религіозной свободой. Впоследствии въ одной изъ своихъ рѣчей по вопросу объ эмансипаціи католиковъ онъ говорилъ: „Ирландія оставалась въ оцѣпенѣніи до тѣхъ поръ, пока ея не разбудилъ крикъ религіозной свободы. Я боюсь, чтобы она снова не впала въ свою апатію, если свобода совѣсти будетъ ей уступлена слишкомъ рано“. Положеніе его родины въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, т. е. въ началѣ двадцатыхъ годовъ, было очень тяжело. Со времени возстанія „соединенныхъ ирландцевъ“ не было больше возстаній; но революціонный духъ не угасъ совсѣмъ, онъ принялъ только новое направленіе. Люди, которые въ другое время вступили бы въ ряды „соединенныхъ ирландцевъ“, теперь принимали участіе въ тайномъ обществѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „бѣлыхъ ребятокъ“. Ихъ называли такъ потому, что они во время своихъ экспедицій надѣвали на лица бѣлыя тряпки, а иногда надѣвали на головы свои рубахи. Въ ихъ дѣятельности

политическая борьба уступила мѣсто борьбѣ соціальной. Они не пытались овладѣть Дублиномъ или какими либо крѣпостями, или арсеналами, чтобы учредить въ Ирландіи республиканское правительство. На это у нихъ и средствъ не было, если бы и явилась у нихъ такая идея. Все ихъ честолюбіе ограничивалось тѣмъ, чтобы вести войну противъ протестантскихъ помѣщиковъ, въ особенности противъ тѣхъ, которые пользовались, заслуженно или нѣтъ, репутаціей жестокихъ въ отношеніи фермеровъ или крестьянъ. Если какой нибудь помѣщикъ становился извѣстенъ тѣмъ, что злоупотребилъ своей властью или сдѣлалъ негуманный поступокъ, то, выйдя въ одно прекрасное утро изъ дому, онъ находилъ у воротъ своихъ гробъ. Это было повѣсткой, возвѣщавшей ему, что онъ приговоренъ къ смерти „бѣлыми ребятами“. Черезъ нѣсколько времени онъ погибалъ подъ ударами какой нибудь шайки. Населеніе находилось въ соучастіи съ убійцами. Иногда преступленіе совершалось среди бѣла дня, на глазахъ сотенъ людей, и однако юстиція не могла найти хотя бы одного свидѣтеля, чтобы установить личность преступника. Недалеко отъ Лиммерика нѣкто Торренсъ былъ атакованъ съ своей семьей на большой дорогѣ „бѣлыми ребятами“. Жена его была убита на мѣстѣ палками и камнями; онъ былъ сильно израненъ, но остался живъ. Въ самомъ Лиммерикѣ полицмейстеръ былъ убитъ среди бѣла дня на улицѣ, и его смерть тотчасъ была возвѣщена потѣшными огнями по деревнямъ на двадцать миль кругомъ. Одна деревня за другой зажигала иллюминацію въ честь этого событія. Совершались преступленія еще болѣе ужасныя. Недалеко отъ Типперари была усадьба помѣщика Ши. Однажды ночью она была окружена шайкой, которая подошла къ ней. Помѣщикъ, его жена, семеро дѣтей, три служанки и пятеро рабочихъ были внутри дома. Несчастные кинулись вонъ, чтобы спастись отъ пожара. Ихъ бросали обратно въ пламя. Они сгорѣли живьемъ всѣ до послѣдняго, а ихъ палачи наслаждались ихъ послѣдними судорогами. Убійства, насилія надъ женщинами и дѣвчушками стали частыми явленіями. Подъ вліяніемъ этихъ событій въ 1821 году парламентъ объявилъ отмѣну „хабеасъ корпусъ“ (habeas corpus) въ Ирландіи, принявъ предложенный правитель-

ствомъ актъ о возстаніи, которымъ намѣстнику предоставлялось объявлять данную мѣстность на положеніи усиленной охраны и предавать суду безъ присяжныхъ засѣдателей нарушителей общественнаго спокойствія. Этотъ законъ былъ сначала вотированъ на шесть мѣсяцевъ, но потомъ пришлось его продлить еще на годъ. Около четырехъ сотъ человѣкъ было арестовано и предано суду, произнесено 25 смертныхъ приговоровъ, изъ которыхъ нѣсколько приведено было въ исполненіе. Порядокъ немного былъ возстановленъ, но далеко не вполнѣ, и бѣдствія страны не кончились.

Въ слѣдующемъ году надъ страной стряслось несчастье въ видѣ голода, которое было такъ велико, что заставило англичанъ забыть о „бѣлыхъ ребятахъ“ и думать только о помощи несчастнымъ голодающимъ. Свыше двухъ съ половиной милліоновъ рублей было истрачено только парламентомъ на продовольствіе ихъ, не считая частныхъ пожертвованій, которыя были тоже немалы.

Таково было положеніе страны, когда О'Коннель уже вошелъ въ политическую дѣятельность. Въ 1821 году онъ возлагалъ большія надежды на путешествіе по Ирландіи короля Георга IV, но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что надежды его были напрасны. Байронъ въ одной изъ своихъ сатиръ ѣдко осмѣиваетъ эту поѣздку Георга IV. Убѣдившись, что на короля рассчитывать нечего, О'Коннель рѣшился образовать католическую ассоціацію, чтобы добиваться политической эмансипаціи для своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ. Эта ассоціація должна была воскресить въ большемъ масштабѣ тотъ католическій комитетъ, который былъ закрытъ правительствомъ и въ которомъ самъ О'Коннель принималъ участіе. Однажды въ 1823 году, гуляя въ горахъ, въ окрестностяхъ Виклоу, съ своимъ пріятелемъ, ораторомъ Шелемъ (Sheil), онъ предлагаетъ ему образовать съ этой цѣлью общество. Это было почти безнадежное въ то время предложеніе. Представимъ себѣ двухъ гуляющихъ друзей, рѣшающихся образовать общество для борьбы противъ лондонскаго парламента. Изъ кого же создастся та сила, которая должна была быть опорой проектируемаго общества? Изъ забытыхъ и разоренныхъ земледѣльцевъ и отчасти горожанъ? Нужна была особенная вѣра въ свои силы, чтобы при такихъ надичныхъ обстоятельствахъ де-

читать объ образованіи сильнаго общества. Эта вѣра не обманула О'Коннеля. Въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ движеніе въ Ирландіи, благодаря ему, разрастается въ большихъ размѣрахъ, и „католическая ассоціація“ стала замѣтной силой. Дѣствительные члены ея платили одинъ шиллингъ въ годъ, а почетные — гинею (фунтъ стерлинговъ). О'Коннель учредилъ, кромѣ того, „національную ренту“, т. е. подписку на ежемѣсячное пожертвованіе въ одинъ пенни въ мѣсяцъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ учрежденія этого сбора рента стала давать по 500 ф. с. въ недѣлю доходу. Католическая ассоціація стала пользоваться такимъ авторитетомъ въ народѣ, что къ ея суду и посредничеству стали обращаться фермеры въ своихъ недоразумѣніяхъ съ помѣщиками, и нерѣдко послѣдніе вынуждены были признавать ея юрисдикцію. Значительная часть этого успѣха должна быть отнесена на долю О'Коннеля, обладавшаго особенной способностью подчинять людей своему вліянію. Краснорѣчіе этого человѣка было поистинѣ какимъ то исключительнымъ даромъ.

Обладалъ О'Коннель громаднымъ голосомъ, который раскатывался, какъ громъ небесный, надъ головами нѣсколькихъ тысячъ слушателей. Онъ достигалъ всюду, всѣмъ одинаково были слышны эти увлекательныя слова, выходившія изъ наболѣвшаго сердца человѣка, горячо любившаго свою родину и преданнаго ей душой и тѣломъ. Онъ начиналъ обыкновенно съ шутки надъ кѣмъ нибудь, особенно если таковой былъ оранжистъ, или съ какого нибудь анекдота. При помощи такого приѣма онъ овладѣвалъ вниманіемъ своихъ слушателей и мало-по-малу переводилъ ихъ къ сути дѣла. Благодаря его собственному увлеченію и искренности, вся аудиторія, какъ бы ни была она велика, увлекалась и электризовалась, какъ одинъ человѣкъ. Рѣчь его была шероховата, неправильна и несистематична; въ ней встрѣчались частыя повторенія одного и того же предмета. Но въ томъ то и дѣло, что массѣ, которой трудно слѣдить за ораторомъ, если онъ строго логично и систематично проводитъ свою мысль, и необходима такая живая, увлекательная рѣчь, а повторенія и лишнія разъясненія увеличивали ея вразумительность. Иногда повтореніе одной и той же мысли производитъ въ умѣ

слушателя малоразвитаго такое впечатлѣніе, какъ будто онъ убѣждается ею и понимаетъ ясно ея содержаніе. Но еще болѣе, чѣмъ убѣждалъ, О'Коннель заражалъ слушателей силою своего чувства. Мы не знаемъ, какъ происходитъ это зараженіе, но отрицать его невозможно, и оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе чувство самого оратора. Въ этомъ умѣніи передавать свои чувства, которыя сводились къ одному—любви къ отечеству и желанію ему блага, и заключается главный секретъ и вся сила ораторскаго таланта О'Коннеля. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, онъ достигъ скоро небывалыхъ успѣховъ. Правительство устало отъ успѣховъ католической ассоціаціи и въ 1825 году предложило парламенту закрыть ее. Однимъ изъ мотивовъ этой мѣры оно приводило слова О'Коннеля и его товарищей, въ которыхъ они заклинали ирландскій народъ во имя здраваго смысла, во имя его ненависти къ оранжистамъ, его естественнымъ врагамъ, во имя его любви къ католической церкви и духовенству, во имя почтенія къ королю, во имя религіи и Бога живого, воздержаться отъ всякаго тайнаго и незаконнаго сообщества, отъ всякаго аграрнаго преступленія или проступка“. Цитируя эти слова, секретарь по дѣламъ Ирландіи назвалъ ихъ „въ высшей степени противохристіанскими“. Несмотря на сопротивленіе виговъ, парламентъ согласился на предлагаемую мѣру большинствомъ 253 противъ 107 голосовъ,

О'Коннель не смутился. Онъ похвалялся, что онъ проведетъ карету въ шесть лошадей между самыми узкими рамками парламентскаго акта. По его совѣту, католическая ассоціація сама объявила себя распущенной и вновь открылась подъ именемъ „новой католической ассоціаціи“. Въ самомъ парламентѣ дѣло эмансипаціи католиковъ выигрывало подъ вліяніемъ успѣховъ движенія въ Ирландіи; внесенный въ палату билль былъ принятъ въ нижней палатѣ большинствомъ 268 голосовъ противъ 241. Съ нимъ вмѣстѣ были палатой приняты билли о возвышеніи избирательнаго ценза Ирландіи, для того, чтобы предотвратить вліяніе католиковъ на дѣла страны, и о назначеніи жалованья ксендзамъ. Палата лордовъ провалила билли. Агитація въ высшихъ классахъ англійскаго общества противъ законопроекта была очень сильна. Лордъ Эльдонъ писалъ съ удоволь-

ствіемъ своей дочери: „Лэди Брайброкъ и лэди Варвикъ не пустили изъ дому своихъ мужей, желавшихъ идти вотировать въ пользу католиковъ. Наслѣдный принцъ Йоркскій открыто заявилъ, что онъ ни за что не согласился бы удовлетворить претензіи католиковъ. Въ странѣ слова принца вызвали сильный энтузіазмъ. Его рѣчь напечатала на пергаментѣ золотыми буквами и распространяли массами. Никогда не было такой сенсаціи, какая произведена рѣчью герца Йоркскаго. Всюду выставлены надписи: да здравствуетъ герц. Йоркскій“. Въ слѣдующемъ году О'Коннель рѣшился нанести правительству ударъ, чтобы заставить его понять необходимость эмансипаціи католиковъ. Въ графствахъ Ватерфордъ и Лутъ должны были произойти выборы въ парламентъ. До тѣхъ поръ въ этихъ мѣстахъ лэндлорды пользовались безспорнымъ вліяніемъ и противостать имъ казалось безуміемъ. Избирателемъ по закону могъ быть всякій, кто владѣлъ пожизненнымъ доходомъ въ 40 шиллинговъ. Дабы сдѣлать своихъ арендаторовъ избирателями, лэндлорды дробили участки на соответствующей величины куски, сдавали ихъ въ аренду мелкимъ фермерамъ и заключали съ ними пожизненные контракты. Предполагалось, что арендаторъ, могущій за уплатой ренты содержать свою семью, получаетъ болѣе 40 шиллинговъ дохода, а такъ какъ его контрактъ пожизненный, то, значить, онъ получаетъ 40 шиллинговъ пожизненнаго дохода. Но чтобы такой пожизненный арендаторъ не былъ независимъ, противъ него съ перваго же года аренды готовъ былъ исполнительный листъ о выселеніи по поводу просрочки или нарушенія какого нибудь изъ условій аренднаго договора. Онъ могъ быть поэтому во всякое время прогнанъ съ своего участка при малѣйшей строптивости.

Въ силу такого положенія вещей арендаторы подавали голоса всегда по приказу лэндлордовъ. Понятно, что одержать побѣду при такихъ условіяхъ было почти невозможно, и это невозможное сдѣлалъ О'Коннель. Въ графствѣ Уотерфордъ католическая ассоціація выставила кандидатомъ крупнаго землевладѣльца Вильерса, сторонника дѣла эмансипаціи, противъ маркиза Уотерфорда, а въ Лутъ — тоже сторонника эмансипаціи, адвоката Даусона, противъ графа Родена. Священники и масса народа высказались за новыхъ кандидатовъ и доставили имъ побѣду.

Этотъ результатъ выяснилъ во всемъ объемѣ силу движенія, поднятаго О'Коннелемъ въ Ирландіи, и далъ понять, что настала пора уступить. Во главѣ правительства стоялъ Каннингъ. Уже прежде онъ заявилъ себя сторонникомъ прогресса, хотя и оченъ осторожнымъ.

Въ 1825 году онъ поддерживалъ предложеніе Бердета, которое, какъ мы сказали, провалилось въ верхней палатѣ. Теперь онъ принялъ къ руководству урокъ, даваемый жизнью. Онъ рѣшился сдѣлать изъ эмансипаціи католиковъ дѣло кабинета и принудить короля Георга IV согласиться на эту мѣру. Когда онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи своимъ товарищамъ, они были очень смущены смѣлостью министра, и нѣкоторые изъ нихъ не пошли за нимъ и предпочли оставить министерство. Между ними вышелъ въ отставку Робертъ Пилль, таланты и характеръ котораго Каннингъ очень цѣнилъ. Онъ не останавливался, однако, передъ разрывомъ съ частью тори и пошелъ впередъ. Онъ отерочилъ засѣданія парламента, реорганизовалъ министерство и воспользовался парламентскими ваканціями для разработки законопроекта о католикахъ. За этой работой застала его смерть. Онъ скончался 8 августа 1827 года, на 58 году жизни. Его товарищи не могли удержаться безъ него и во власть снова вступили чистые тори съ герц. Веллингтономъ во главѣ и съ Робертомъ Пиллемъ въ качествѣ лидера палаты общинъ. Казалось, что Каннингъ унесъ съ собой въ могилу будущее либерализма и, въ частности, будущее ирландскаго дѣла. Событія вскорѣ опровергли такое предположеніе.

О'Коннель не далъ надолго забыть ирландскій вопросъ. Новымъ, еще болѣе смѣлымъ шагомъ онъ хочетъ заставить торійское правительство взяться за рѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ. Въ 1828 году новый министръ Фицджеральдъ долженъ былъ, по случаю своего назначенія на должность предсѣдателя комитета торговли (министра торговли), подвергнуться переизбранію въ графствѣ Клэръ. Католическая ассоціація рѣшила выставить противъ него самого О'Коннеля. Избраніе это не могло имѣть юридическаго значенія. Какъ католикъ, онъ не могъ стать членомъ парламента.

Но постановка кандидатуры дѣлалась ради манифестаціи на-

родной воли, ради того, чтобы произвести впечатлѣніе на правительство и англійское общество. Попытка могла показаться слишкомъ смѣлой. Фицджеральдъ имѣлъ за себя свое положеніе, симпатіи своего сословія, вліяніе крупнаго землевладѣльца и привычку избирателей повиноваться. Онъ былъ даже популяренъ между своими арендаторами. О'Коннель имѣлъ за себя духовенство, тайныя симпатіи фермеровъ, свое краснорѣчіе и громадную популярность, и краснорѣчіе эмиссаровъ ассоціаціи. При наличныхъ условіяхъ борьба между двумя соперниками была не личной борьбой и даже не борьбой между представителями двухъ партій; это была борьба англійскаго правительства въ лицѣ его представителя съ ирландскимъ народомъ, представленнымъ католической ассоціаціей и ея главой О'Коннелемъ. Съ всѣхъ концовъ графства стекались избиратели въ гор. Эвниель, гдѣ должны были происходить выборы. Сорокашестидесятидневные избиратели шли отрядами подъ предводительствомъ своихъ священниковъ и расположились лагеремъ въ городѣ и въ полѣ. Ихъ собралось до тридцати тысячъ человѣкъ. Баллотировка была открытая, голоса избирателей записывались въ реестръ (поллбукъ). Шесть дней шла подача голосовъ, и все длиннѣе и длиннѣ становились въ поллбукъ столбцы именъ избирателей, подавшихъ свои голоса за О'Коннеля. Подъ конецъ Фицджеральдъ оставилъ борьбу, увидя ея бесполезность. По провозглашеніи результата подачи голосовъ оказалось, что за О'Коннеля было подано 2054 голоса, а за его противника только 1075. Этотъ результатъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Для правительства стало ясно, что еслибы О'Коннель захотѣлъ быть избраннымъ въ нѣсколькихъ округахъ Ирландіи, онъ былъ бы избранъ. Оно увидѣло, что за него голосовали люди, которые рисковали кускомъ хлѣба, голосуя противъ могущественнаго лэндлорда. Предъ правительствомъ стала дилемма: или кассировать выборы О'Коннеля и дальнѣйшимъ сопротивленіемъ желанію народа вызвать гражданскую войну, или же уступить и предоставить политическія права католикамъ. Во главѣ министерства стоялъ герц. Веллингтонъ, человѣкъ, котораго нельзя было упрекнуть въ трусости; недаромъ его называли желѣзнымъ герцогомъ; на поляхъ Ватерло онъ получилъ дипломъ

храбрости; но для него, какъ государственнаго человѣка, при такой постановкѣ дѣла выборъ между междуособной войной и благоразумной уступкой не подлежалъ сомнѣнію. Тѣмъ менѣе было мѣста для колебаній главному вдохновителю министерства Роберту Пиллю, который еще такъ недавно закрылъ католическую ассоціацію. Когда онъ узналъ результатъ состязанія въ Эннисѣ, то сейчасъ же понялъ значеніе этого событія, и рѣшеніе его было принято. Хотя на многихъ митингахъ, на которыхъ Пилль говорилъ, — онъ ни разу не выразилъ колебанія по вопросу о католикахъ, но уже 11 августа въ отвѣтъ на ноту перваго министра онъ адресовалъ Веллингтону меморандумъ, въ которомъ заявилъ, что хотя теоретически его мнѣніе осталось безъ измѣненій, что онъ продолжаетъ опасаться гибельныхъ послѣдствій освобожденія католиковъ, но, какъ государственный человѣкъ, онъ долженъ изъ двухъ золъ выбирать меньшее, а онъ предпочитаетъ все гражданской войнѣ.

Осень 1828 года пошла въ министерствѣ на то, чтобы обдумать подробности реформы. Затѣмъ рѣшено было просить у короля разрѣшенія внести проектъ въ парламентъ и возвѣстить объ немъ въ тронной рѣчи. Король оказалъ неожиданно слабое сопротивленіе. Онъ сдался на доводы своихъ совѣтниковъ и согласился на тѣ выраженія, въ которыхъ дѣло должно было быть представлено въ тронной рѣчи. Министры настолько не довѣряли монарху, что сочли необходимымъ взять отъ него письменное подтвержденіе его согласія.

Пилль былъ представителемъ въ парламентъ отъ Оксфордскаго университета. Онъ не считалъ себя въ правѣ удерживать данныя ему полномочія, разъ онъ перемѣнилъ свою политику по столь важному вопросу. Поэтому онъ счелъ своей нравственной обязанностью возвратить своимъ избирателямъ данныя ими ему полномочія, дабы они могли высказаться по этому вопросу.* Университетъ выказалъ ему свое неодобреніе тѣмъ, что вмѣсто него выбралъ ничтожнаго представителя крайнихъ протестантскихъ мнѣній. Тѣ оскорбленія, которыми осыпали Пилля во время выборовъ, показали, какъ живо онъ задѣлъ духъ нетерпимости своимъ поворотомъ въ противоположную сторону. Ему удалось стать снова членомъ парламента лишь

благодаря тому, что одинъ спекулянтъ, Манасей Лопецъ, устроилъ его выборъ въ своемъ бургѣ Вестбери.

Возвѣщеніе реформы положенія католиковъ возбудило страсти крайнихъ протестантовъ, а также и крайнихъ консерваторовъ въ политикѣ. Множество митинговъ собиралось въ разныхъ концахъ страны, съ цѣлью протеста противъ министерской затѣи. Ихъ лозунгомъ былъ крикъ: „долой папство“. Въ высшемъ обществѣ тоже были слышны отголоски этого крика. Однажды палата лордовъ стала сценой рѣзкой ссоры между наслѣдникомъ престола и его братьями—герцогомъ Кларенскимъ и Суссексомъ, которые одни въ королевскомъ семействѣ исповѣдывали либеральныя убѣжденія. Герцогъ Кларенсъ назвалъ безчестнымъ поведеніе противниковъ Веллингтона. Когда герц. Суссексъ поддержалъ его выраженіе, герц. Кумбеландъ вышелъ изъ себя, и дѣло дошло-бы до драки, если бы вмѣшательство нѣсколькихъ лордовъ не предупредило скандала.

Король не могъ не поддаваться вліянію лицъ, его окружающихъ, и потому рѣшился на попытку отказаться отъ своего согласія на внесеніе билля объ эмансипаціи католиковъ. Для прикрытія своего отступленія онъ придумалъ предлогъ, заключавшійся въ томъ, что будто бы онъ согласился только на принципъ, но совершенно незнакомъ съ подробностями билля и на нихъ своего согласія не давалъ. 5-го марта Пилль долженъ былъ развивать подробности акта въ парламентѣ, а 3-го марта король потребовалъ къ себѣ въ Виндзорѣ Веллингтона, Пилля и Линдгерста подъ предлогомъ объяснить ему подробности предлагаемой мѣры.

Когда дѣло дошло до измѣненій, которыя надо было сдѣлать въ присягѣ королевской супрематіи, король, показывая видъ крайняго удивленія, воскликнулъ: „Вы, конечно, серьезно не думаете касаться королевской супрематіи!“ Министры отвѣтили почтительно, но твердо, что это составляетъ существенную часть ихъ плана. На это король отвѣтилъ, что тутъ недоразумѣніе, что онъ никогда не думалъ соглашаться на подобную вещь, что онъ былъ убѣжденъ что его министры слишкомъ честны, чтобы воспользоваться нечаяннымъ заблужденіемъ совѣсти ихъ государя, и что онъ видитъ себя

вынужденнымъ взять назадъ свою санкцію. Въ виду такого артистическаго двослушія, министры поняли, что ихъ единственное спасеніе заключается въ твердости. Склониться на какую нибудь уступку значило дать королю неодолимое преимущество въ его недобросовѣстности. Возвратить ему договоръ, прижать его къ стѣнкѣ необходимою или въ точности соблюсти условія соглашенія, или принять отставку кабинета—таковъ былъ единственный путь, которому надо было слѣдовать. Не давая себѣ времени на колебаніе, они настойчиво поставили на видъ королю, что имъ ничего не остается дѣлать, какъ уйти, что они просятъ его величество принять ихъ отставки и озаботиться ихъ замѣщеніемъ въ самый короткій срокъ. Послѣ пяти часовъ переговоровъ король заявилъ, что онъ вынужденъ принять ихъ отставку, при чемъ выразилъ живѣйшее сожалѣніе. Чтобы доказать имъ свою искренность, онъ не отпустилъ ихъ, не расцѣловавъ ихъ крѣпко. Возвратившись въ Лондонъ, министры застали своихъ товарищей собравшимися на кабинетскій обѣдъ у лорда Батгерста. Они объявили имъ, что все кончено.

Они ошибались. Дѣло вовсе не было кончено. Утро вечера мудренѣе. На другой день король сообразилъ всю трудность составить кабинетъ, болѣе или менѣе жизнеспособный съ элементами, которые могла предоставить въ его распоряженіе ультрапротестантская партія. Поэтому 4-го марта вечеромъ король далъ знать Веллингтону, что онъ не можетъ себя лишить его услугъ и потому даетъ ему полную свободу дѣйствій по вопросу, бывшему предметомъ спора. Между тѣмъ поѣздки туда и сюда министровъ возбудили безпокойство въ публикѣ. 5-го марта, въ день, назначенный для возвѣщенія билля, парламентъ былъ осажденъ громадною волнующею толпой. Трибуны зала и всѣ мѣста членовъ парламента были переполнены. Вставъ со своего мѣста, Пилль сразу положилъ конецъ надеждамъ незначительнаго меньшинства парламента и безпокойству публики. „Я поднимаюсь,—сказалъ онъ,—въ качествѣ министра короля и съ полнымъ авторитетомъ, который принадлежитъ этому званію, чтобы изложить передъ вами совѣтъ, данный его величеству единодушнымъ кабинетомъ“. Послѣ этого приступа, встрѣченнаго громозносными рукоплесканіями, онъ въ четырехчасовой рѣчи изложилъ министерскій проектъ.

Выяснивъ невозможность оставлять дѣло католиковъ въ Ирландіи въ его настоящемъ положеніи, онъ предложилъ отиѣнить всѣ законы, которые ставили католиковъ въ политическомъ отношеніи ниже, чѣмъ протестантовъ; допустить католиковъ въ парламентъ, ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, ко всѣмъ должностямъ судебнымъ и административнымъ, ко всѣмъ высшимъ государственнымъ должностямъ, за исключеніемъ регента, лорда канцлера Великобританіи или Ирландіи и вице-короля Ирландіи. Отиѣнялись запрещенія католикамъ участвовать въ учрежденіи университетовъ, школъ и другихъ установленій; отиѣнялось требованіе присяги, заключавшей въ себѣ нарочитое отрицаніе духовной и свѣтской власти папы, прямой или косвенной, въ соединенномъ королевствѣ, и торжественное отреченіе отъ намѣренія уничтожить или ослабить установленную церковь и протестантскую конституцію. Таковы были главныя черты предложеннаго законопроекта.

Предоставляя католикамъ право быть избранными въ парламентъ, законопроектъ счелъ необходимымъ повысить высоту ценза для избирателей. Съ сорока шиллинговъ онъ повышалъ его до 10 ф. с., т. е. повышалъ впятеро. Мотивомъ этой мѣры было то, что ирландскіе землевладѣльцы искусственно фабриковали мелкихъ арендаторовъ, чтобы имѣть избирателей, услуги которыхъ они считали обезпеченными за собой навсегда. Такъ какъ теперь они обратились противъ нихъ и на возвратъ ихъ въ сферу вліянія лэндлордовъ надежды было мало, то надо было уничтожить этихъ избирателей, какъ силу, враждебную англійскому господству.

Послѣ упорныхъ преній, благодаря тому, что виги въ большинствѣ подали голоса за министерство, билль прошелъ въ палатѣ общинъ большинствомъ 320 голосовъ противъ 142. Въ палатѣ лордовъ онъ долженъ былъ встрѣтить гораздо болѣе сильное сопротивленіе. Наиболѣе опасно было то, что король могъ тамъ оказать большую поддержку оппозиціи,—а онъ не скрывалъ своего нерасположенія къ законопроекту. Какъ онъ говорилъ, онъ никакъ не могъ забыть своего старика-отца, непоколебимо противившагося предоставленію правъ католикамъ, ни своего брата герц. Йоркскаго, который на смертномъ одрѣ, при одобреніи всей націи, протестовалъ противъ

эмансипаціи. Это настроеніе короля представляется страннымъ, а выставившіеся имъ мотивы — фальшивыми. Трудно было повѣрить въ искренность сомнѣній совѣсти у сибарита, вполне равнодушнаго ко всѣмъ принципамъ, совершенно лишеннаго религіознаго чувства и притомъ находившагося въ молодости въ общеніи съ наиболѣе передовыми идеями терпимости.

Какъ бы то ни было, онъ не рѣшался выступить открыто противъ законопроекта, внесеннаго отъ его имени, но пустился на интригу. Два раза онъ приглашалъ къ себѣ лорда Эльдона и старался ему дать понять, какъ тяжело ему соглашаться съ представленіемъ правъ католикамъ. Разсказъ объ этихъ свиданіяхъ сохранился въ бумагахъ лорда Эльдона. Онъ, очевидно, былъ записанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Съ полнымъ презрѣніемъ къ правдѣ, которое характеризовало Георга IV, онъ нарисовалъ своему собесѣднику совершенно фантастическую картину поведенія его правительства. Онъ представлялъ дѣло такъ, какъ будто министры преступнымъ образомъ скрыли отъ него дѣйствительный смыслъ и значеніе мѣры, на представленіе коей парламенту они получили его санкцію. Онъ представлялъ себя человекомъ, у котораго съ ножомъ къ горлу, путемъ угрозы немедленной и коллективной отставки, при отсутствіи возможности составить новый кабинетъ, вынудили согласіе на представленіе законопроекта. Изъ этихъ разговоровъ лордъ Эльдонъ вынесъ впечатлѣніе, что король откажетъ въ своей санкціи закону объ эмансипаціи. Цѣль короля, однако, была не такова. Онъ желалъ произвести вліяніе на палату лордовъ въ томъ направленіи, чтобы она отвергла законъ и опрокинула министерство хотя бы незначительнымъ большинствомъ. Онъ думалъ свалить на лордовъ отвѣтственность за событія, а лорды, вслѣдствіе сообщеній Эльдона, приобрѣли увѣренность, что король наложитъ свое „вето“ на билль объ эмансипаціи, и склонны были свалить на него отвѣтственность за эту мѣру. Результатомъ этой маленькой интриги короля было то, что билль прошелъ въ палатѣ лордовъ значительнымъ большинствомъ въ 105 голосовъ. Эта цифра сама по себѣ опрокидывала всѣ расчеты короля. Теперь приходилось стать противъ кабинета, не ослабленнаго враждебнымъ голосованіемъ парламента, а напротивъ,

сильнаго поддержкой не только своихъ сторонниковъ, но и противниковъ. Онъ пришелъ въ ужасъ отъ мысли, что Веллингтонъ узнаеть объ его интригѣ, и потому особенно поторопился утвердить законъ. 12 апрѣля 1829 года, въ субботу, законопроектъ былъ отправленъ въ Виндзоръ, а въ понедѣльникъ, 14-го, онъ былъ возвращенъ оттуда съ королевской санкціей. Такой быстроты никто не могъ требовать, ни даже желать со стороны противника проведенной реформы.

Двадцать девять лѣтъ прошло со времени акта уніи. Сдѣлавъ эмансипацію католиковъ если не однимъ изъ условій этого договора, то по крайней мѣрѣ давъ понять, что она будетъ однимъ изъ его послѣдствій, Англія слишкомъ долго заставила ждать этого послѣдствія и тѣмъ самымъ пропустила моментъ для примиренія съ Ирландіей. Ирландскіе католики выучились разсчитывать только на самихъ себя, они поняли могущество ассоціаціи и политической агитаціи. Благодаря ошибкамъ правительства, нравы систематической оппозиціи укоренились въ Ирландіи. Англія не сумѣла даже и принятую такъ поздно мѣру сдѣлать средствомъ примиренія. Законодатель какъ будто хотѣлъ сорвать зло за вынужденную уступку тѣмъ, что устранилъ освободителя отъ непосредственнаго пользованія актомъ эмансипаціи. Выборъ О'Коннеля былъ кассированъ; но, несмотря на сдѣланную теперь Пиллемъ передѣлку списка избирателей, онъ былъ снова избранъ 30 іюля 1829 года. Кромѣ того, Пилль распустилъ насильно Католическую Ассоціацію въ тотъ моментъ, когда она при нѣкоторой снисходительности и предупредительности сама бы распустила себя. О'Коннель сейчасъ же возстановилъ Католическую Ассоціацію подъ видомъ новой; но которая открыто поставила своей цѣлью автономію Ирландіи. Нѣсколько разъ она была распускаема вице-королями Ирландіи и являлась снова. Столько неловкостей отняли отъ необходимой мѣры, которую Англія приняла такъ поздно, силу успокоенія и примиренія. Мельбурнъ характеризовалъ въ нѣсколькихъ словахъ, немного рѣзкихъ, характеръ этой мѣры. „Очень глупо было то, говорилъ онъ, что оказывая наконецъ справедливость, ее осуществили такъ поздно и такъ неискренно, что всѣ разумныя предвидѣнія рушились, а всѣ

дурныя предсказанія осуществились. Все то, на что надѣялись умные люди, не осуществилось, а то что предсказывали безнадежные дураки, оправдалось“.

Рѣшеніемъ вопроса объ эмансипаціи католиковъ не затронуть былъ вопросъ церковный въ Ирландіи, а между тѣмъ онъ имѣлъ весьма важное значеніе для массы народа. Какъ извѣстно, англиканская церковь была поставлена тамъ въ привилегированное положеніе и лежала тяжелымъ бременемъ на плечахъ католическаго населенія. Она содержалась на счетъ всего населенія Ирландіи и главнымъ образомъ католиковъ, такъ какъ многія земли протестантовъ были освобождены отъ налога въ пользу церкви. Католиковъ числилось въ странѣ до восьми милліоновъ, а протестантовъ было только 600.000. Для удовлетворенія религіозныхъ интересовъ этого меньшинства въ Ирландіи числилось 4 архіепископа, 18 епископовъ, 22 каноника (вродѣ кафедральнаго протоіерея) и 1400 священниковъ. Если принять во вниманіе, что все населеніе Ирландіи равно приблизительно населенію Кіевской и Подольской губерній, то станетъ ясно, насколько излишня была численность англиканскаго духовенства. Но надо помнить, что собственно оно обслуживало только духовные интересы 600.000 человѣкъ. За эту службу оно получало болѣе 800.000 ф. ст. или около 7½ милл. р. Въ этомъ доходѣ англиканскаго духовенства десятина составляла 650.000 ф. ст., доходы церковныхъ земель 150.000 ф. ст. и, кромѣ того, еще спеціальнѣй церковный налогъ давалъ 60.000 ф. ст. Какъ мы сказали, главная часть этого дохода—десятина ложилась почти исключительно на католическое земледѣльческое населеніе и давила его очень сильно. Еще какъ указывалъ Граттанъ, земледѣлецъ, получающій 6 пенсовъ въ день долженъ былъ платить отъ 18 до 20 шиллинговъ въ годъ десятины. Это все равно, что если бы человѣкъ получалъ въ годъ 75 р. и долженъ былъ бы отдавать изъ нихъ семь съ половиной рублей только на содержаніе духовенства. Тяжесть налога увеличивалась еще способомъ его взиманія. Онъ отдавался на откупъ. Обыкновенно въ

пользу откупщиков оставалась $\frac{1}{3}$ валового сбора. Это значило что если духовенство получало на свою долю 650.000 ф. ст., то народъ платилъ около милліона фунтовъ. Нечего и говорить, что налогъ этотъ былъ несправедливъ и вызывалъ въ ирландцахъ постоянное раздраженіе. Они считали обиднымъ содержать духовенство, которое было враждебнымъ ихъ религіознымъ убъжденіямъ. Послѣ эмансипаціи католиковъ десятина еще болѣе раздражала католиковъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ тяжесть ея осложнилась тѣмъ, что Ирландія въ 1831 году была постигнута неурожаемъ картофеля, при которомъ тяжесть десятины была еще болѣе чувствительна. Въ странѣ началась сильная агитація противъ несправедливаго налога. Подъ вліяніемъ нужды и сознанія несправедливости налога образуются общества, называвшіяся „Черныя ноги“ и „Бѣлыя ноги“, ставившія своей задачей препятствовать взиманію и платежу десятины. Отряды этихъ обществъ бѣгаютъ по странѣ, уговаривая крестьянъ не платить десятины. Ихъ совѣты охотно выслушиваются и платежъ десятины пріостанавливается всюду. Духовенству или откупщикамъ приходится прибѣгать къ экзекуціи. Происходитъ обычная картина. Является приставъ (дѣло происходитъ въ деревнѣ Кноктоферъ въ графствѣ Килькенни) арестовать скотъ должника, но скота не оказывается. Еще наканунѣ онъ спрятанъ. Послѣ трудныхъ поисковъ его находятъ; тогда собирается народъ и прогоняетъ пристава и его помощниковъ. Послѣдніе обращаются къ помощи жандармовъ. Только послѣдніе двинулись въ путь, какъ на горахъ раздались условленные сигналы, звуки рожковъ, знакомые горнымъ пастухамъ, особенные крики, которыми окрестное населеніе предупреждалось о приближеніи вооруженной силы. Всѣ деревни пришли въ движеніе. Сборное мѣсто всѣмъ извѣстно: это мѣсто предположеннаго секвестра скота. Туда сбѣгаютъ отовсюду; набатъ звонитъ; люди совѣщаются, ободряютъ и возбуждаютъ другъ друга. Жандармы приближаются: они пришли. Всеобщій крикъ, послѣдовавшій за гробовымъ молчаніемъ, встрѣтилъ ихъ. Поддержанные вооруженной силой, пристава снова взяли за работу и овладѣли наконецъ своей добычей. Но въ то время какъ они производили опись, народныя страсти разгорѣлись, возбужденныя жа-

лостью къ тѣмъ, кого касается опись: видъ семей въ слезахъ, женщинъ и дѣтѣй, хватающихся безнадежно за предметы, которые у нихъ отнимаютъ. Все это горе—дѣло протестантскаго священника, роскошь жизни котораго долженъ поддерживать бѣдный католическій народъ. Возбужденная толпа вдругъ кидается на агентовъ полиціи и окружаетъ ихъ. Тогда мировой судья читаетъ статью закона о возмущеніяхъ и приказываетъ жандармамъ открыть огонь. Но толпа не разбѣгается; завязывается борьба въ рукопашную, и энергія отчаянія восполняетъ недостатокъ оружія. Половина констеблей скоро была убита, а другая отступила, оставивъ на мѣстѣ своихъ товарищей и толпу, опьяненную успѣхомъ. Конечно, далеко не вездѣ финалъ столкновенія былъ таковъ, чаще всего секвестръ удавался; но этимъ не кончались затрудненія представителей власти. Никто не хотѣлъ въ округѣ покупать конфискованную скотину. Приходится отводить ее для продажи въ Дублинъ и даже въ Ливерпуль. Между тѣмъ по дорогѣ никто не хочетъ давать сѣна для корма конфискованнаго скота, хотя бы на вѣсь золота. Скотина падаетъ дорогой, и десятину взыскать все-таки не удается. Даже въ Ливерпуль случалось наткаться на бойкотъ конфискованнаго за десятину скота. „Черныя ноги“ не ограничиваются пропагандой пассивнаго сопротивленія. Они нападаютъ на откупщиковъ десятины, грабятъ ихъ, иногда убиваютъ, очень часто поджигаютъ ихъ жилища. При такихъ обстоятельствахъ положеніе низшаго духовенства стало очень затруднительно. Оно лишилось своихъ доходовъ, которые по своимъ размѣрамъ лишь обеспечивали его существованіе, не давая излишка, какъ это было въ отношеніи высшаго духовенства.

При этихъ трудныхъ обстоятельствахъ въ Ирландіи произошла реформа парламента 1832 года, которая значительно изменила избирательный законъ. Какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи было множество мѣстечекъ, которыя почти не имѣли избирателей, а между тѣмъ посылали представителей въ парламентъ. Такъ на примѣръ 12 мѣстечекъ посылали 22 депутата въ парламентъ, а между тѣмъ два изъ нихъ вовсе не имѣли жителей и существовали только на бумагѣ. Благодаря этому, владѣльцы ихъ располагали по своему личному произволу этими кандидатурами. Реформа

парламента устранила многія изъ этихъ вопіющихъ злоупотребленій и предоставила выбирать членовъ парламента городамъ, которые по своей населенности давно имѣли на то право. Выборы, которые произошли въ Ирландіи по новому закону, показали на настроеніе страны. Въмѣсто прежняго консервативнаго большинства теперь было выбрано только 23 тори на 82 либерала, которые были посланы въ то же время ирландцами въ лондонскій парламентъ. Но вигистское правительство не могло понимать положенія Ирландіи. Въ то время, какъ народъ умиралъ съ голоду и съ отчаянія дѣлалъ преступленія противъ десятичниковъ, оно скупой рукой назначило 50 т. ф. ст. на пособіе голодающимъ, большую сумму назначило въ видѣ аванса духовенству, которое лишилось своего дохода, беря на себя обязательство собрать съ народа недоимки въ десятинѣ и покрыть такимъ образомъ этотъ авансъ, а для борьбы со зломъ оно издало такъ называемый „принудительный законъ“, которымъ запрещалось всякія манифестаціи и отмѣнялась личная неприкосновенность жителей. Напрасно О'Коннель въ парламентѣ доказывалъ, что репрессіи ни къ чему не ведутъ, такъ какъ онѣ не устраняютъ причины неурядиць; напрасно извѣстный романистъ Бульверъ доказывалъ, что политика репрессій, чередуемыхъ съ уступками, только раздражаетъ народъ и дѣлаетъ его жестокимъ, и дѣлаетъ безплодными самыя уступки, — министерство стояло на своемъ и большинство парламента приняло исключительный законъ. Статсъ-секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ состоялъ тогда Стэнли, аристократъ по натурѣ, враждебно относившійся къ демократу и демагору О'Коннелю и ко всему ирландскому народу. На указаніе, что надо приобрѣсти симпатіи ирландцевъ, онъ отвѣчалъ, что для того, чтобы быть любимымъ, надо внушать страхъ. Въ борьбѣ противъ министерскаго проекта О'Коннель выдвинулъ впередъ задачи, рѣшеніе которыхъ по его мнѣнію могло успокоить страну: 1) измѣненіе состава полиціи и суда, которые пополнялись почти исключительно изъ протестантовъ, 2) устраненіе произвола администраціи въ отводѣ присяжныхъ при составленіи списковъ ихъ, 3) измѣненіе состава податныхъ комитетовъ, набираемыхъ исключительно изъ крупныхъ собственниковъ-протестантовъ, 4) реформа городскихъ думъ и вообще общественныхъ

управлений, 5) отмена десятины и привилегированного положения англиканской церкви и 6) отмена права правительства запрещать общественныя собранія. Отрицательное отношеніе парламента къ этимъ задачамъ и склонность его къ политикѣ репрессій по отношенію къ Ирландіи вызвали мысль, что вообще лондонскій парламентъ не способенъ относиться справедливо къ ея нуждамъ. Отсюда появленіе и развитіе движенія въ пользу отозванія уніи. Самъ О'Коннель сталъ во главѣ этого движенія и убѣждалъ своихъ земляковъ отказаться отъ пути преступленій и дѣйствовать исключительно путемъ агитаціи. Правительство какъ бы старалось доказать, что этотъ путь невозможенъ. Оно нѣсколько разъ закрывало тѣ ассоціаціи, которыя образовывались О'Коннелемъ для агитаціи противъ десятины и уніи и наконецъ самого его привлекло къ суду. Изъ этого однако ничего не вышло. О'Коннель былъ слишкомъ хорошимъ юристомъ, чтобы его можно было законно осудить. Поэтому разбирательство дѣла о немъ было отложено на неопредѣленное время.

Наконецъ въ 1834 году происходитъ сближеніе между О'Коннелемъ и вигами въ парламентѣ. Это сближеніе произошло потому, что выборы въ этомъ году дали большинство вигамъ; но ясно было, что безъ поддержки О'Коннеля имъ обойтись было трудно. Въ основаніе соглашенія положены были слѣдующія условія: исправленіе избирательнаго закона, отмена десятины и назначеніе излишка дохода надъ расходомъ по содержанію англиканской церкви въ Ирландіи на общія нужды страны, реформа муниципальнаго устройства на демократическомъ началѣ. Въ придворныхъ сферахъ и въ аристократическихъ кругахъ это сближеніе вызвало сильное раздраженіе. Лордъ Лэндсдоунъ рассказывалъ впоследствии, что когда стало известно о томъ, что О'Коннель перешелъ на сторону министерской партіи, лордъ Гренвилль, съ которымъ, говоритъ Лэндсдоунъ, „мы были дружны нѣсколько лѣтъ, написалъ мнѣ письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что очень жалѣетъ, что не можетъ бывать у меня болѣе, такъ какъ онъ не можетъ идти туда, гдѣ рискуетъ встрѣтиться съ О'Коннелемъ. И это онъ писалъ мнѣ въ то время, когда О'Коннель никогда не бывалъ у меня“. То же отношеніе къ О'Коннелю высшихъ сферъ сказалось и въ двукратной попыткѣ министер-

ства назначить его генераль-атторнеемъ Ирландіи ¹⁾). Во второй разъ дѣло было уже почти сложено и назначеніе уже состоялось, но оно встрѣтило такое рѣзкое сопротивленіе со стороны короля, что министерство попросило О'Коннеля самого отказаться отъ сдѣланнаго ему предложенія.

Эти факты показываютъ, какія трудности должны были встрѣтить реформаторскія попытки въ ирландской жизни, шедшія противъ аристократовъ. Билль объ отбѣнѣ десятины былъ предложенъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ въ 1834 году. Десятина должна была быть замѣнена рентой по размѣру своему меньшей на 25% того дохода, который получало духовенство отъ десятины; получающійся отсюда излишекъ долженъ былъ быть употребляемъ на общія нужды населенія Ирландіи. Нижняя палата приняла его; но палата лордовъ сначала искалѣчила его, а потомъ отвергла. Въ 1836 году билль о десятинѣ былъ внесенъ снова въ парламентъ и вмѣстѣ съ нимъ былъ билль о реформѣ муниципалитетовъ. Нижняя палата снова приняла оба билля значительнымъ большинствомъ; но палата лордовъ снова отвергла билль. Въ 1837 году они были внесены снова и снова прошли въ нижней палатѣ. Палата лордовъ задержала ихъ, а тѣмъ временемъ умеръ король Вильгельмъ IV, и по обычаю парламентъ былъ распущенъ и произошли новые выборы. Поэтому внесенный билль остался безъ послѣдствій. Это упорное сопротивленіе палаты лордовъ заставило министерство пойти на компромиссъ. Въ 1838 году билль о десятинѣ внесенъ былъ лордомъ Росселемъ въ измѣненномъ видѣ, а именно—къ нему прибавлена была оговорка, что излишекъ надъ суммой, потребной на содержаніе церкви, не можетъ быть употребляемъ на что нибудь иное, какъ только на удовлетвореніе ея потребностей. Съ этой оговоркой билль прошелъ черезъ палату лордовъ; но по справедливому замѣчанію О'Коннеля, эта прибавка уничтожала смыслъ реформы.

¹⁾ Генераль-атторней значить казенный адвокатъ, но онъ равнозначителенъ прокурору, ибо онъ обязанъ защищать интересы казны въ гражданскихъ процессахъ и выступаетъ въ качествѣ обвинителя въ дѣлахъ уголовныхъ. За эти дѣла онъ получаетъ вознагражденіе за каждое дѣло въ отдѣльности.

Въ промежуткѣ между этими биллями проведена была еще отиѣна спеціальнаго налога въ 70 т. ф. с. на содержаніе церковныхъ зданій англиканской церкви, было сокращено число епископскихъ кафедръ на 12, и упразднены были священническія мѣста въ тѣхъ приходяхъ, которые насчитывали менѣе 50 прихожанъ.

Такимъ образомъ, результаты четырехлѣтней дѣятельности ирландскихъ депутатовъ рука объ руку съ англійскими либералами были очень незначительны. Реформа муниципалитетовъ и нѣкоторое исправленіе въ способѣ взиманія десятины. Она, очевидно, не была упразднена, а только превратилась въ государственный налогъ, взимаемый съ меньшими тягостями и менѣе неравномѣрно. Вотъ и все. Сущность дѣла осталась. Привилегированное положеніе англиканской церкви въ Ирландіи осталось, и огромная масса католиковъ должна была попрежнему содержать, кромѣ своего духовенства, еще и протестантское, которое нисколько не служило духовнымъ интересамъ католиковъ и съ ихъ точки зрѣнія было духовенствомъ оретическимъ.

Эта незначительность результатовъ сближенія О'Коннеля съ вигами въ парламентѣ породила неудовольствіе среди ирландцевъ. Они могли простить ему это сближеніе лишь на условіи болѣе или менѣе серьезныхъ выгодъ; разъ ихъ не было, самый союзъ представлялся имъ большой ошибкой, если не преступленіемъ. Пока у власти были виги, можно было надѣяться на что нибудь въ будущемъ; но когда въ 1841 году министерство Мельбурна пало и у власти снова водворились тори, этой надеждѣ былъ положенъ конецъ. У самого О'Коннеля явилось разочарованіе. Онъ устранился отъ политической дѣятельности и всецѣло посвятилъ себя отпращиванію обязанностей лорда-мэра Дублина, афишируя свое пренебреженіе къ политической жизни.

Но послѣдняя не могла надолго оставить его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что онъ такъ привыкъ къ ней, такъ долго стоялъ во главѣ движенія, что не могъ уже безъ борьбы сойти въ неизвѣстность. Если онъ готовъ былъ замкнуться или только показать, что онъ замыкается въ дѣятельности городского головы Дублина, то другіе не желали слѣдовать за нимъ. Напротивъ, безрезультатность

дѣятельности англійскаго парламента въ отношеніи Ирландіи давала почву мысли о возстановленіи отдѣльнаго ирландскаго парламента или даже объ отдѣленіи Ирландіи отъ Англіи. На этой почвѣ создалась партія „Молодой Ирландіи“. Въ глазахъ ея О'Коннель отсталъ отъ требованій жизни. По мнѣнію ея, не только надо требовать отдѣльнаго парламента для Ирландіи, но и добиваться его или даже полного отдѣленія отъ Англіи не только законными путями, но и революціонными. Во главѣ этой партіи, которая нѣкоторое время шла за О'Коннелемъ, стояли Томасъ Дэвисъ, Гаванъ Дуффи (Duffi) и Дженъ Диллонъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились: Митчель, Мигиръ (Meagher), д'Арси Макъ Ги (d'Arcy Mac Ghee) и Смисъ о'Брайенъ. Вліяніе этой партіи сказалося на выборахъ въ 1841 году. Число приверженцевъ вожака Ирландіи сократилось, и его политика стала мишенью неслыханныхъ дотолѣ нападокъ. О'Коннель почувствовалъ колебаніе почвы подъ ногами и вышелъ изъ своего аффектированнаго равнодушія къ политикѣ. Онъ рѣшился не выпускать изъ рукъ руководства общественнымъ движеніемъ Ирландіи и для этого счелъ нужнымъ взять часть программы „Молодой Ирландіи“ и сильнымъ движеніемъ опередить ее. Эта часть была отозваніе уніи-Рениль.

Не въ первый разъ онъ обращается къ этому вопросу. Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ О'Коннель образовалъ ассоціацію Рениля, которая была скоро распущена. Потому въ 1834 году, когда министерство Грея ковало свой исключительный законъ для Ирландіи, О'Коннель снова поднималъ этотъ вопросъ, хотя отчасти подъ давленіемъ своихъ болѣе радикальныхъ сотоварищей въ парламентѣ, чѣмъ по собственному влеченію. Свое предложеніе онъ мотивировалъ тѣмъ, что онъ не хочетъ отдѣленія Ирландіи отъ Англіи, такъ какъ таковое было бы губительно для обѣихъ странъ, а желаетъ федеративной связи между ними, дабы въ минуту опасности онѣ могли бы оказать взаимную помощь. Между тѣмъ при тѣхъ порядкахъ, которые существуютъ, все стремится въ Ирландіи къ отдѣленію отъ Англіи. „Возвратите Ирландіи ея парламентъ,—говорилъ онъ въ своемъ предложеніи,—британскій парламентъ ни разу не выказалъ компетентности въ законодательствѣ для Ирландіи.

нія была создана рядомъ преступленій, которымъ нѣтъ равныхъ. Ея финансовыя и законодательныя условія были несправедливы. Ирландія была лишена своей конституціи и средствъ къ существованію. Результатомъ болѣе долгаго упорства со стороны Англіи можетъ стать окончательное отдѣленіе Ирландіи... Моя страна была управляема до сихъ поръ не конституціей, а деспотизмомъ,—вотъ почему я требую отъ Англіи возврата Ирландіи ея парламента“. На его требованіе возражалъ Робертъ Пилль. Онъ даже не старался доказать, что Ирландія извлекла сама какую нибудь пользу изъ уніи. Вопросъ заключался, по его мнѣнію, исключительно въ безопасности государства. Послѣдняя требуетъ сохраненія уніи, безъ которой Англія была бы сведена на положеніе четвертостепенной державы, а Ирландія стала бы разоренной пустыней. Подавляющее большинство въ 525 голосовъ противъ 40 высказалось противъ предложенія О'Коннеля, при чемъ за него проголосовало только одинъ англичанинъ. Это былъ первый и послѣдній разъ, что О'Коннель ставилъ въ парламентѣ вопросъ объ отозваніи уніи.

Теперь онъ снова поставилъ его на аренѣ агитаціи. Съ лихорадочной энергіей онъ сталъ организовывать митинги по всей странѣ и съ тономъ увѣренности, которая ослѣпляла массы, заявлялъ, что 1843 годъ будетъ свидѣтелемъ отозванія уніи. Для начала дѣла онъ обратился къ дублинской городской думѣ и предложилъ ей обсудить вопросъ объ уніи. Сдѣлавъ невѣроятное ораторское усиліе, онъ говорилъ въ теченіе цѣлаго дня съ такимъ богатствомъ аргументовъ, съ такимъ обиліемъ деталей и съ такой силой разсужденія, которыя никогда никѣмъ не были превзойдены и рѣдко достигаемы даже имъ самимъ. Большинство въ 45 голосовъ противъ 15 дума приняла резолюцію, предложенную О'Коннелемъ. Движеніе не замедлило распространиться по всей странѣ. Для успѣха дѣла О'Коннель устроилъ добровольный сборъ въ нѣсколько пенсовъ въ недѣлю, который онъ назвалъ рентой. Этотъ сборъ сначала давалъ 60 ф. ст. въ недѣлю, а потомъ сталъ достигать 2000 фунтовъ. Самъ О'Коннель говорилъ на 31 митингѣ. На первомъ митингѣ въ Тримѣ было 30000 человекъ, черезъ мѣсяцъ послѣ того въ Муллингарѣ (Mullingar) присутствовало 100000, а на послѣднемъ,

который состоялся въ Тарѣ, на холмѣ, на которомъ, по преданію, короновались первые короли Ирландіи, явилось 250000. Резолюціи въ пользу отозванія уніи постановлялись единогласно.

Въ нихъ говорилось, что присутствующіе торжественно объявляютъ, что унія не можетъ имѣть силу закона, такъ какъ она не основана ни на правѣ, ни на конституціи, и что она поэтому не можетъ связывать ихъ совѣсть.

Насколько было сильно въ это время вліяніе О'Коннея и какъ велико было подчиненіе ему ирландцевъ, видно изъ слѣдующаго факта. Чтобы сдѣлать демонстрацію общественнаго мнѣнія болѣе внушительной, онъ посовѣтовалъ вовсе не обращаться къ судебнымъ учрежденіямъ, а обращаться къ суду ассоціаціи Репила (теперь вновь возстановленной) съ тѣми спорами, которые могли бы возникнуть. Этому совѣту послѣдовали такъ дружно, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ судебныя учрежденія Ирландіи почти совсѣмъ бездѣйствовали.

Несмотря на то, что во время митинговъ О'Коннель держался строго легальности и даже своей осторожностью навлекъ на себя упреки со стороны „Молодой Ирландіи,“ правительство не могло оставить безъ вниманія размѣровъ поднятаго имъ движенія и рѣшило принять мѣры. Оно вчинило процессъ противъ О'Коннея и его ближайшихъ сотрудниковъ и арестовало всѣхъ ихъ. Этотъ процессъ волновалъ все общество въ Ирландіи и въ Англіи въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Чтобы добиться обвиненія, правительство очистило путемъ разныхъ ухищреній составъ присяжныхъ такъ, что въ немъ не осталось ни одного католика. Широкой рукой были отведены всѣ присяжные, на которыхъ нельзя было положиться. Предсѣдатель суда велъ дѣло крайне пристрастно. При такихъ особенныхъ условіяхъ вердиктъ присяжныхъ не подлежалъ сомнѣнію. 30 мая 1843 года онъ состоялся противъ О'Коннея и его товарищей и онъ былъ приговоренъ къ двѣнадцатимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и къ штрафу въ 2000 ф. ст. и еще къ представленію поручительства въ хорошемъ поведеніи въ теченіе семи лѣтъ.

Тотчасъ же они были заключены въ Ричмондскую тюрьму. Но ихъ заключеніе скорѣе было похоже на содержаніе въ хорошей

гостиницѣ, чѣмъ въ тюрьмѣ. Жестокость не входила въ виды правительства. Они были устроены довольно комфортабельно, имѣли право принимать гостей и даже приглашать къ обѣду 20 человекъ. Ихъ семьи могли съ ними видѣться безпрепятственно.

На этотъ приговоръ принесена была апелляція въ палату лордовъ, какъ высшій судъ государства. Еще раньше того, какъ этотъ процессъ сталъ предметомъ ея сужденія, вопросъ о немъ былъ поднятъ въ палатѣ общинъ, и въ теченіе девяти дней дебаты о немъ наполняли ея засѣданія. Виги нападали на этотъ приговоръ, какъ на вопіющее нарушеніе права и справедливости. Особенно рѣзки и сильны были нападки Дизраэли, который тогда еще не перешелъ въ консервативный лагерь, хотя и не былъ уже тѣмъ радикаломъ, какъ прежде. Онъ характеризовалъ ирландское населеніе, какъ слишкомъ плотное, живущее на островѣ, гдѣ есть установленная церковь, но не его церковь, гдѣ господствуетъ аристократія, живущая въ столицѣ другого королевства. „Голодное населеніе, аристократія, не сидящая дома, иностранная церковь, исполнительная власть, слабѣйшая въ мірѣ—вотъ,—воскликнулъ онъ,—весъ ирландскій вопросъ. Что бы мы сказали, если бы намъ говорили про другую страну въ такомъ положеніи? Мы бы сказали, что одинъ выходъ—это революція. Но въ Ирландіи не можетъ быть революціи, потому что Англія могущественнѣе ея. Какое отсюда слѣдствіе? Что унія съ Англіей—проклятіе Ирландіи. Какова же въ такомъ случаѣ обязанность англійскаго министра?—Произвести своей политикой всѣ тѣ измѣненія, которыя революціей были бы сдѣланы силой. Вотъ ирландскій вопросъ вкратцѣ, но во всей его полнотѣ“.

Настойчивость преній въ палатѣ общинъ свидѣтельствовала объ интересѣ произнесеннаго приговора, но рѣшеніе дѣла принадлежало палатѣ лордовъ или, вѣрнѣе говоря, комиссіи изъ ея официальныхъ юристовъ. Таковъ былъ обычай. Она состояла изъ пяти человекъ подъ предсѣдательствомъ главнаго судьи Денмана. Такъ какъ два члена комиссіи были сторонниками осужденія, то рѣшающее значеніе принадлежало Денману, помимо его огромнаго юридическаго авторитета. Въ своемъ заключеніи онъ высказался за кассачію приговора. „Обвинительный актъ, составъ присяжныхъ,—

говорилъ онъ, — резюме судьи, все это было однимъ сплошнымъ скандаломъ. Приговоръ, состоявшійся при такихъ условіяхъ, не можетъ имѣть никакого значенія. Онъ доказалъ, что составленіе списка присяжныхъ было неправильно и даже сопряжено съ мошенничествомъ и что весь процессъ опороченъ этимъ злоупотребленіемъ. Если допустить такую практику укорениться въ Ирландіи, то судъ присяжныхъ тамъ станетъ насмѣшкой, ложью и ловушкой. Хотя противники О'Коннеля и ярые сторонники правительства были внѣ себя отъ этого заключенія и даже нѣкоторые изъ нихъ требовали, чтобы отступить отъ установившагося обычая и предоставить всей палатѣ лордовъ вотировать вопросъ о кассациі приговора, но большинство, хотя и нерасположенное къ ирландскому агитатору, не согласилось измѣнять мудраго обычая предоставлять рѣшеніе юридическаго вопроса высшимъ юристамъ страны, и приговоръ противъ О'Коннеля былъ отмѣненъ во всей его полнотѣ. Впечатлѣніе этого рѣшенія было громадно въ Ирландіи. Вновь воскресла вѣра въ справедливость и безпристрастіе англійской юстиціи. О'Коннель и его товарищи были освобождены. Освобожденіе ихъ было громаднымъ триумфомъ. Огромная толпа собралась къ тюрьмѣ и привезла съ собой высокую колесницу, на которую и посажены были освобожденные узники. Они поѣхали, сопровождаемые толпой, растянувшейся на шесть верстъ по дорогѣ. Въ ней было болѣе 200 т. человекъ. Едва ли кто либо другой получалъ такой триумфъ.

Послѣ этого О'Коннель не возобновилъ борьбы. Громадныя усилія, сдѣланныя имъ въ агитаціи 1843 года, волненія процесса, вліяніе тюремнаго заключенія, какъ оно ни было мягко, — все это подорвало его силы. Къ тому же, вопросъ не былъ ему слишкомъ дорогъ, а годы взяли свое. Ему было уже подъ семьдесятъ лѣтъ. Да и болѣзнь уже захватила его. Съ этого времени онъ уже не выступаетъ въ качествѣ вожака.

Въ оправданіи О'Коннеля Робертъ Пилль увидѣлъ урокъ для себя и рѣшилъ имъ воспользоваться. Онъ рѣшилъ привлечь ирландцевъ на сторону англичанъ уступками. Поэтому онъ внесъ въ свою программу три пункта: улучшеніе Майнотской школы, урегу-

лированіе отношеній между арендаторами и землевладельцами и расширение сѣти образованія въ Ирландіи. Оставляя въ сторонѣ вопросъ аграрный, о которомъ удобнѣе говорить впоследствии въ связи съ описаніемъ земельныхъ отношеній и ихъ послѣдствій, мы остановимся теперь на вопросѣ объ образованіи. Майнотская семинарія была учреждена для католиковъ въ 1795 году, для приготовленія католическихъ священниковъ, и тогда же ей была назначена субсидія въ 6 т. ф. ст. Съ теченіемъ времени эта субсидія стала совершенно недостаточной, и зданія семинаріи пришли въ полный упадокъ. Пилль рѣшился быть щедрымъ. Онъ предложилъ парламенту ассигновать 30 т. ф. с. на перестройку зданій и увеличить ежегодную субсидію до 21 т. ф. Это предложеніе встрѣтило сопротивленіе какъ со стороны правовѣрныхъ протестантовъ, что и понятно, такъ со стороны радикаловъ, вродѣ Брайта, которые возражали противъ нея, потому что были противниками государственной церкви вообще. Гладстонъ и Россель поддерживали правительство, и мѣра его прошла.

Въ цѣляхъ расширенія образованія въ Ирландіи Робертъ Пилль предложилъ открыть на государственныя средства три коллегіи, — въ Коркѣ, Гальвѣ и въ Бельфастѣ. Онъ не считалъ себя въ правѣ открыть католикамъ двери университета св. Троицы; съ другой стороны, онъ не рѣшался предложить на государственныя средства открывать католическіе университеты, а потому онъ предложилъ, чтобы проектируемыя коллегіи были внѣисповѣдными, преподаваніе религіи не устанавливалось въ нихъ и не субсидировалось государствомъ, но частнымъ лицамъ и обществамъ предоставлялось учреждать и содержать на свой счетъ соотвѣтственныя каѳедры съ согласія университетскаго начальства. Этотъ проектъ былъ принятъ различно ирландскими епископами. Одни изъ нихъ склонялись къ его принятію, тогда какъ другіе яростно напали на него. Они говорили, что это проектъ атеистическаго образованія, и спрашивали, отчего Ирландіи отказываютъ въ томъ, что предоставлено Англіи, т. е. въ привилегіи имѣть высшее конфессіональное образованіе, сообразное съ религіей большинства населенія? Взяли верхъ умѣренныя, требованіе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы при университетахъ былъ

организованъ изъ епископовъ наблюдательный совѣтъ, которому предоставлено было отрѣзать профессоровъ, преподаваніе которыхъ было бы признано не соответствующимъ религіи и доброй нравственности. Еще большій раздоръ произвелъ законопроектъ среди свѣтской автономистской партіи въ Ирландіи. Въ то время, какъ „Молодая Ирландія“ привѣтствовала его, видя въ немъ шагъ впередъ въ сліяніи сектъ и расъ, О’Коннель, напротивъ, болѣе католикъ, чѣмъ нѣкоторые изъ епископовъ, громилъ затѣю министерства и „Молодую Ирландію“. Скрывавшійся до сихъ поръ антагонизмъ теперь вскрылся совершенно. „Партія политикановъ, — гремѣлъ старый ветеранъ, — именующая себя „Молодой Ирландіей“, въ своемъ нетерпѣніи направлять судьбы своей страны, кинулась на поддержку этого проекта. Такой партіи нѣтъ, которая именовалась бы „Молодой Ирландіей“. Есть, можетъ быть, нѣсколько лицъ, которыя присвоили себѣ такое названіе. Что касается меня, то я за старую Ирландію. Пора уже разсѣять эту иллюзію. Отнынѣ „Молодая Ирландія“ можетъ дѣлать какіе угодно фокусы. Я не завидую ей имени, которое составляетъ ее отраду. Я остаюсь вѣрнымъ старой Ирландіи, и я думаю, что и она тоже останется мнѣ вѣрна“. Онъ самъ поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы представить тамъ протестъ ирландскихъ епископовъ. „Я увѣренъ, — говорилъ онъ въ парламентъ, — что религія должна быть основаніемъ воспитанія и не только составлять часть его, но и главную часть“.

Несмотря на то, что билль Роберта Пилля былъ принятъ, реформа образованія не осуществилась. Въ 1851 году коллегія епископовъ осудила эти коллегіи, а въ 1854 году ими была основана чисто католическая коллегія на свой счетъ. Въ такомъ положеніи было дѣло до тѣхъ поръ, пока Гладстонъ не открылъ католикамъ доступъ въ Дублинскій университетъ наравнѣ съ протестантами. Вскорѣ, однако, всѣ эти вопросы, волновавшіе ирландскихъ патріотовъ и ихъ противниковъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, были отодвинуты на задній планъ громаднымъ бѣдствіемъ, — голодомъ 1846—1847 года, которое не только положило неизгладимую печать на будущее страны, но и дало взглядамъ государственныхъ людей иное направленіе. Упомянутый голодъ, какъ и его предше-

створники, не былъ бѣдствіемъ только стихійнымъ, но былъ почти всецѣло результатомъ стародавнихъ общественныхъ отношеній въ Ирландіи, сложившихся еще въ XVII столѣтіи послѣ ограбленія ирландскаго народа англичанами и о которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Теперь, поэтому, намъ придется нѣсколько вернуться назадъ, чтобы остановить наше вниманіе на земельныхъ отношеніяхъ и на реформахъ, въ нимъ относящихся.

VI.

Земельныя отношенія. Феніанство. Реформы Гладстона.

Выше мы видѣли, какъ ирландцы, послѣ того, какъ они послѣ дружныхъ усилій и въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ добились независимости своего парламента отъ лондонскаго, совершенно потеряли свой парламентъ и лишились, такимъ образомъ, и тѣни автономіи. Какъ ни былъ несовершененъ этотъ парламентъ какъ представительное учрежденіе, онъ былъ органомъ мѣстной жизни, состоявшимъ преимущественно изъ мѣстныхъ жителей, и потому, какъ показалъ опытъ, былъ способенъ удовлетворять мѣстныя нужды. То же самое нельзя сказать про англійскій парламентъ, такъ какъ ирландскіе депутаты составляли только шестую часть его, да и въ этой части многіе изъ депутатовъ были англійскіе лэндлорды, не знавшіе интересовъ Ирландіи. Ихъ выбирали либо избиратели по приказу, либо они сами себя выбирали. И послѣ реформы парламента въ 1832 году положеніе вещей немного измѣнилось къ лучшему: число дѣйствительныхъ представителей увеличилось; но они не могли ни побѣдить предрасудковъ англичанъ противъ ирландцевъ, ни просвѣтить ихъ по части интересовъ Ирландіи. Вслѣдствіе этого, послѣ уніи прогрессъ ирландской жизни замедлился въ своемъ ходѣ. Мы видимъ, что въ XIX вѣкѣ больше времени требовалось для достиженія тѣхъ или иныхъ политическихъ результатовъ, чѣмъ это было во второй половинѣ XVIII вѣка. Такъ, вопросъ, соединенный съ уніей, — эмансипація католиковъ, — вопросъ уже намѣченный, потребовалъ для своего разрѣшенія тридцать лѣтъ. Связанный затѣмъ съ нимъ вопросъ о десятинѣ не былъ разрѣшенъ въ первой половинѣ XIX вѣка, несмотря на усилія такихъ крупныхъ дѣятелей,

какъ О'Коннелъ. Язва, мучившая страну, за это время только получила вѣкоторое облегченіе, но не была излѣчена. Нечего и говорить о судьбѣ ирландскаго земледѣльца. Его интересы были въ слишкомъ большомъ противорѣчій съ интересами и понятіями англійскихъ помѣщиковъ, чтобы получить скорое удовлетвореніе отъ англійскаго парламента. Мы помнимъ, въ какомъ печальномъ положеніи мы оставили большинство ирландскаго народа въ половинѣ XVIII вѣка. Можно сказать, что дальнѣйшее движеніе исторіи или вовсе не внесло улучшенія въ его судьбу, или очень мало. Попрощенію большинство ирландскихъ земледѣльцевъ находилось въ положеніи нищенскомъ.

Въ настоящей главѣ мы снова обратимся къ изложенію этого положенія. Мы не касались его, чтобы не путать изложенія дѣлъ другого порядка, но, дойдя до половины сороковыхъ годовъ, дальше уже идти въ изложеніи исторіи рѣшительно нельзя, не трогая земельныхъ отношеній, такъ какъ дальнѣйшіе шаги ирландскаго народа такъ тѣсно и явно связаны съ этими отношеніями, что никакія явленія жизни безъ нихъ не могутъ быть поняты.

Когда попытаешься сравнить положеніе ирландскаго земледѣльца въ XIX вѣкѣ съ положеніемъ его въ предыдущемъ столѣтіи, то оказывается, что разницы почти никакой нѣтъ въ его матеріальномъ положеніи, а въ степени зависимости его отъ помѣщика можно указать на прогрессъ этой зависимости. Разница можетъ быть отмѣчена развѣ въ томъ, что по отношенію къ положенію земледѣльца въ XIX вѣкѣ мы располагаемъ большими подробностями. Свидѣтели этого положенія, дававшіе свои показанія передъ парламентскими комиссіями или же инымъ путемъ дѣлившіеся съ обществомъ своими свѣдѣніями, единогласно говорятъ о тяжеломъ положеніи ирландскаго крестьянина. Они нерѣдко дѣлятъ крестьянское населеніе на три группы, къ первой они относятъ арендаторовъ, снимающихъ до 160 акровъ т.-е. около 75 десятинъ¹⁾. Это — группа счастливѣйшихъ земледѣльцевъ. Они, однако, едва сводятъ концы съ концами. Заплативъ аренду помѣщику или посреднику, они не могутъ доставить себѣ

¹⁾ Ирландскій акръ составляетъ почти полдесятины.

какогонибудь комфорта. Ихъ жизненныя потребности удовлетворяются въ ограниченномъ размѣрѣ. Мясо они ѣдятъ только разъ въ недѣлю, чай и сахаръ не составляютъ тоже предмета ихъ ежедневнаго потребленія, а допускаются только по большимъ праздникамъ. Главную пищу ихъ составляютъ молоко, масло и картофель. За ними слѣдуетъ вторая группа крестьянъ, арендовавшихъ до 100 акровъ. Сравнительно они тоже благодумствовали, но только сравнительно съ другими крестьянами Ирландіи, стоявшими еще ниже ихъ. Если же ихъ сопоставить съ англійскимъ фермеромъ, то, конечно, ихъ благодумство показалось бы нищенствомъ. Они считали счастьемъ то, что могутъ уплатить аренду помѣщику, не будучи въ недоимкѣ, и заработать себѣ чтонибудь на пропитаніе. Исключительной пищей ихъ былъ картофель. Масло и яйца они видѣли на своемъ столѣ только по большимъ праздникамъ, а бакалейныя товары и мясо на Рождество и на Пасху. Эти двѣ группы были очень немногочисленны. Огромную массу арендаторовъ составляли крестьяне, снимавшіе до 20 акровъ. Они занимались молочнымъ хозяйствомъ и птицеводствомъ, кормили свиней; но они не позволяли себѣ ни пить молоко, ни ѣсть птицу или яйца, либо свинину. Все, что они производили, въ томъ числѣ и пшеницу, они не ѣли, а отправляли на рынокъ. Они не могли поступать иначе, такъ какъ главной цѣлью ихъ было уплатить аренду за свой клочекъ земли. Они памятовали твердо, что безъ этого ихъ семьи будутъ изгнаны изъ хижины и останутся безъ крова и безъ пищи. Объ этомъ разрядѣ арендаторовъ одинъ свидѣтель въ началѣ XIX вѣка говоритъ, что надо удивляться, какъ они могутъ устраиваться, такъ какъ они платятъ очень высокую арендную плату. Дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, эта плата была очень высока. Они и ихъ болѣе счастливые товарищи улаживались съ арендой отчасти тѣмъ, что понижали до минимума уровень удовлетворенія потребностей жизни, а отчасти тѣмъ, что ниже ихъ былъ еще болѣе несчастный классъ людей—коттеры. Въ участкѣ каждаго арендатора были такіе клочки земли, которые ему были не подходящи въ хозяйствѣ или которые онъ готовъ былъ отдать отъ себя за работу. На нихъ часто была какаянибудь хижина или лачуга (коттеджъ), которую фермеръ

отдавалъ коттеру вмѣстѣ съ клочкомъ земли. Если постройки не было, онъ строилъ самъ себѣ, не скажу жилище, а логовище. Коттеры работали безъ денежнаго вознагражденія, за клочекъ земли, и вотъ ихняя-то работа давала возможность крестьянамъ-арендаторамъ кое-какъ справиться съ арендой, причѣмъ послѣдняя группа ихъ была въ постоянной недоимкѣ. При такихъ условіяхъ обыченъ былъ тотъ фактъ, который заявленъ показаніями свидѣтелей тридцатыхъ годовъ и позднѣйшаго времени, что въ то время, какъ въ портахъ Ирландіи были сложены партіи хлѣба для отправки въ Англію, когда всякая живность шла на рынокъ, огромное большинство ирландскихъ крестьянъ голодало и жидо въ условіяхъ шотландской жизни. Профессоръ Балдуинъ, который гораздо позднѣе ознакомился съ житьемъ ирландскаго крестьянина при помощи непрерывныхъ разъѣздовъ, рисуетъ намъ ту же мрачную картину жизни, которую встрѣчали мы и въ XVIII вѣкѣ. Жилище земледѣльца за немногими исключеніями представляетъ собою избушку, стѣны которой сдѣланы изъ земли и нерѣдко превращаются въ грязь, особенно въ сырую погоду. Полъ земляной, окна крошечныя, двери также. Мебель почти отсутствуетъ, а иногда ея и признаковъ нѣтъ. Вся семья валяется на полу, еле-еле прикрытомъ тонкимъ слоемъ соломы. Въ графствѣ Кэрри,—свидѣтельствуетъ профессоръ,—существуютъ цѣлыя поселенія на болотѣ. Каждый домъ состоитъ изъ торфяныхъ стѣнъ около двухъ футовъ толщины; высота стѣнъ не превышаетъ трехъ футовъ, такъ что, войдя въ хижину, онъ долженъ былъ нагнуться. Вышина двери была ниже его роста, по крайней мѣрѣ, на два фута; полъ хижины колебался подъ ногами; они жили на живомъ болотѣ. Въ прошлую ночь была буря и вся крыша одной изъ хижинъ провалилась внутрь. Въ хижинѣ не было ни стола, ни стула, ни кухонной посуды, кромѣ стараго горшка; не соблюдена ни одна пристойность жизни. Всѣ хижины были одного типа. „Невозможно для цивилизаціи стоять ниже этого“,—заявилъ профессоръ передъ парламентской комиссіей (1881 г.). Платье находится въ соответствіи со всѣмъ остальнымъ,—это какія то жалкіе лохмотья. Малѣйшее колебаніе въ урожаѣ лишаетъ арендатора и этого жалкаго существованія. Но д

каждый годъ съ конца зимы и до того времени, какъ поспѣетъ картофель, семья ирландскаго арендатора живетъ впроголодь.

Въ Ирландіи даже различаются два рода голоданія: голоданіе медленное и голоданіе скорое. Первое происходитъ при нормальныхъ условіяхъ, второе при неурожаѣ.

И все-таки это еще не дно человѣческаго благосостоянія. Былъ и вѣроятно еще есть до сихъ поръ классъ людей, который долженъ былъ довольствоваться еще меньшимъ, чѣмъ арендаторы и коттеры; это земледѣльческіе рабочіе. Они не составляютъ въ Ирландіи такого многочисленнаго класса, какъ въ Англіи, но положеніе ихъ поистиннѣ ужасно. Въ вознагражденіе за свой трудъ они получаютъ около трехъ шиллинговъ въ недѣлю (около полтора рубля) на хозяйскихъ харчахъ. Пища, которую они получаютъ отъ хозяина, состоитъ изъ кукурузной похлебки, даваемой имъ два раза въ день. Живутъ они обыкновенно въ какихъ нибудь заброшенныхъ строеніяхъ, платя за нихъ три фунта ст. въ годъ наемной платы. На вопросъ парламентской комиссіи, строятъ ли рабочіе себѣ коттеджи и гдѣ они помѣщаются, свидѣтель отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, чтобы рабочіе строили себѣ коттеджи, и что они помѣщаются, иногда по нѣсколько семействъ вмѣстѣ, въ старомъ коровникѣ, который сталъ уже негоднымъ для коровъ.

Невольно является вопросъ: откуда такое положеніе? Гдѣ причины, его создавшія и поддерживающія? Прежде всего оно было наслѣдіемъ того колоссальнаго грабежа ирландскаго народа, который былъ совершенъ въ XVII вѣкѣ и который поставилъ ирландскаго земледѣльца въ полную зависимость отъ чужестраннаго и враждебнаго ему помѣщика. Ближайшей же причиной была непомерно высокая арендная плата, которая ставила земледѣльца въ безысходно зависимое положеніе отъ помѣщика.

Арендная плата равнялась обычно 40 шиллингамъ за акръ, что приблизительно составитъ 37—38 р. за десятину. Ирландцы платили эту плату въ половинѣ XIX вѣка, они платили ее и въ тридцатыхъ годахъ. Эта аренда была настолько высока, что когда о ней сказали въ парламентѣ, членъ его шотландецъ Лайель отозвался, что шотландскіе фермеры расхотались бы въ глаза

лэндлорду, еслибы онъ съ нихъ потребовалъ такую ренту, которую назначаютъ въ Ирландіи.

Можетъ быть эта рента, сравнительно съ тѣмъ, что платилъ англійскій фермеръ, была не слишкомъ высока; но условія хозяйства и сбыта тамъ и тутъ не идутъ въ сравненіе. Эта аренда была настолько выше того, что можно было считать справедливымъ, что когда при Гладстонѣ комиссія стали опредѣлять высоту ренты, то имъ пришлось понижать ту, которую они застали, съ 80 ф. ст. за данный участокъ до 37 ф., съ 42 до 19, а въ одномъ случаѣ съ 232 ф. ст. до 73 ф. ст. По уплатѣ аренды при напряженномъ трудѣ фермеръ могъ рассчитывать, что ему останется около 8—9 ф. ст. на содержаніе семьи въ теченіе года. Это составитъ около 73—81 р. Сама по себѣ незначительная, эта сумма была еще меньше для коттера, который своимъ трудомъ косвенно участвовалъ въ уплатѣ той же аренды.

Если такая арендная плата въ Англіи не казалась непомерной и не разорила земледѣльца, то на то имѣлось налицо много постороннихъ условій и между прочимъ интензивность самаго хозяйства, примѣненіе агрономическихъ улучшеній.

Отчего же ирландцы не улучшали своего земельного хозяйства? Главной причиной надо считать тотъ фактъ, что большинство ирландскихъ помѣщиковъ были англичане, которые не жили въ своихъ помѣстьяхъ и интересовались ими только въ смыслѣ полученія дохода. Послѣдній же былъ настолько великъ, что не располагалъ ихъ хлопотать объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ. Они о послѣднемъ мало заботились. Въ контрактахъ съ арендаторами никогда не встрѣчается статья о томъ, какъ онъ долженъ вести обработку земли, и если говорится, что онъ долженъ сдѣлать изгороди и поддерживать строенія, то это только для того, чтобы упомянуть, что все это онъ долженъ дѣлать на свой счетъ безъ всякаго вознагражденія. Правительство Англіи въ своей вѣрѣ въ могущество агрономіи пыталось заставить ирландскихъ помѣщиковъ прибѣгать къ улучшенію хозяйства. Съ этой цѣлью даже предписывалось очень задолженнымъ помѣщикамъ продавать свои имѣнія, въ томъ расчетѣ, что эти земли будутъ куплены лицами, пріѣхавшими изъ Англіи, которыя пове-

дуть хозяйство на рациональных началах. Назначались капиталы для выдачи в Ирландии меліоративныхъ ссудъ; но изъ этого ничего не выходило. Покупателями являлись тѣ же ирландскіе помѣщики, а ссуды не брались. Положеніе дѣлъ было съ этой стороны настолько серьезно, что изъ 20 милл. акровъ земли въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія 4.700 т. акровъ лежало впустѣ и притомъ земли не неудобной, а способной къ обработкѣ.

Если помѣщики не имѣли интереса производить улучшения своего хозяйства, находя, что доходность его и безъ того достаточна, то арендаторы, конечно, по противоположной причинѣ имѣли явный интересъ къ улучшениямъ въ видахъ усиленія производительности своихъ участковъ. Но они не дѣлали этихъ улучшеній отчасти въ силу бѣдности и невѣжества; но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что они не могли разсчитывать воспользоваться результатами своихъ трудовъ. Какъ только арендаторъ путемъ улучшения поднималъ производительность, а слѣдовательно и доходность своего участка, такъ помѣщикъ поднималъ арендную плату. Этимъ путемъ арендаторъ не только лишался того продукта, который онъ получалъ сейчасъ отъ своего улучшения, но и того, который онъ разсчитывалъ получить въ будущемъ. Онъ могъ, кромѣ того, лишиться и своей аренды, такъ какъ участокъ его, ставъ болѣе соблазнительнымъ, могъ быть переданъ другому сѣмщику, который, не затративъ на него ничего, могъ предложить болѣе высокую плату и притомъ дать взятку управляющему, что было дѣломъ обыкновеннымъ во время найма земли. Въ книгѣ Перро ¹⁾ мы находимъ таблицу такихъ взятокъ въ графствѣ Кэрри, въ имѣніи лорда Друммонда. Изъ нея оказывается, что взятки посредникамъ при сдачѣ земли при арендѣ въ 9 и 14 ф. с. доходятъ до 7 ф. с. Примѣровъ того, какъ иногда неосторожные арендаторы платились за сдѣланныя ими улучшения, очень много. Приведемъ нѣсколько. Въ сѣверномъ Ульстерѣ, въ графствѣ Доннегалъ, въ городкѣ Мильфордѣ арендаторъ Джонъ Левенсъ выстроилъ на арендуемомъ участкѣ прекрасный двухъ-этажный домъ

¹⁾ Ad. Perraud. Le bill des tenanciers. 1859. Paris.

(1859 г.), стоявшій ему 1000 ф. с. Такъ какъ онъ не выговорилъ себѣ права на вознагражденіе за возводимыя постройки, то какъ только онъ выстроилъ этотъ домъ, лордъ Лейтримъ прогналъ его съ земли безъ всякаго вознагражденія и всѣ его домогательства въ этомъ направленіи остались безъ послѣдствій. Лэндлорды строго держались римской формулы: *Quid quid solo plantatur, solo acquiritur*. Другой случай. Въ западной Ирландіи арендаторы владѣли часть морского берега, до того лежавшаго впустѣ, построили цѣлое мѣстечко Кильки, ставшее благодаря ихъ труду и затратамъ любимымъ мѣстомъ морскихъ купаній. Когда съемщикъ земель, заключившій съ ними контрактъ, умеръ, то землевладѣлецъ маркизъ Коннингэмъ тотчасъ же установилъ арендную плату, равную полной стоимости всѣхъ улучшеній, что составило повышеніе аренды около 700%. Не удовольствовавшись этимъ, онъ разрушилъ часть мѣстечка и уменьшилъ его населеніе съ 1879 до 950 душъ, предоставивъ остальнымъ идти, куда глаза глядятъ. По этому поводу Джонъ Стюартъ Милль замѣчаетъ: „чего нельзя ждать отъ людей, которые имѣли энергію и предприимчивость создать цвѣтущій городъ подъ опасеніемъ быть ограбленными? Но зато могутъ ли ожидать сочувствія и уваженія люди, пользующіеся дурнымъ закономъ для совершенія того, что нравственностью признается за грабежъ“. То же самое происходитъ и со всѣми улучшеніями, сдѣланными арендаторами въ почвѣ. Такъ, напримѣръ, болотные округа Типперари были превращены въ пашни арендаторами и до того не имѣли никакой цѣны и не возбуждали никакого интереса въ ихъ владѣльцахъ. Но какъ только была получена на нихъ первая жатва, какъ была назначена аренда въ 2½ шиллинга съ акра.

Священникъ Браунъ показывалъ въ 1881 году предъ парламентской комиссіей, что онъ не знаетъ въ Коннаутѣ и тысячи акровъ, которые были бы улучшены самими лэндлордами. Напротивъ того, онъ знаетъ очень много фермеровъ, улучшившихъ свои участки и поплатившихся возвышеніемъ арендной платы за слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ чувству справедливости землевладѣльцевъ. Показанія на этотъ счетъ, данныя въ комиссіи, такъ многочисленны и единодушны, что не оставляютъ сомнѣнія въ вѣрности конста-

тируемаго ими факта. Членъ парламента Эллисъ заявилъ, что онъ видѣлъ выгнанныхъ фермеровъ, которые въ два поколѣнія сдѣлали на своей землѣ улучшения, цѣнность которыхъ не менѣе 700 ф. с. Всѣ приведенные факты, будучи общимъ явленіемъ, дѣлаютъ вполне понятнымъ явленіе, что арендаторы земель, будучи вполне заинтересованными въ усиленіи ихъ производительности, не видѣли для себя никакого интереса дѣлать улучшения на поверхности или въ почвѣ земли.

Приведенныя отношенія какъ будто находятся въ вопіющемъ противорѣчій съ сущностью договорныхъ отношеній. Для разъясненія этого вопроса слѣдуетъ остановить вниманіе на томъ, во что превратился арендный договоръ въ Ирландіи и почему. Договоръ долженъ былъ бы, въ самомъ дѣлѣ, защищать интересы арендатора, и чѣмъ онъ долгосрочнѣе, тѣмъ больше гарантированы его права на тѣ улучшения, которыя онъ введетъ въ хозяйство. Въ началѣ XIX вѣка мы видимъ еще существованіе въ Ирландіи арендныхъ договоровъ со сроками въ 31 годъ. Но эта долгосрочность договора не должна насъ вводить въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ эти договоры не давали арендатору гарантіи, такъ какъ, вслѣдствіе чрезмерной высоты арендной платы, онъ, при малѣйшемъ колебаніи неурожая, попадалъ въ недоимщики и тѣмъ самымъ лишался права претендовать на право долгосрочнаго арендатора. Его могли удалить изъ арендуемаго участка по желанію землевладѣльца. Последнему даже выгодно было, чтобы арендаторъ находился въ недоимкѣ не за одно полугодіе, а за два, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ могъ его удалить немедленно, безъ требуемаго предваренія за полгода. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ долгосрочный контрактъ терялъ всякую привлекательность для съемщика, и мало-по-малу онъ сокращается и перерождается къ половинѣ XIX вѣка въ годичный контрактъ. При этомъ вошло въ обычай, что при заключеніи контракта одновременно давалось арендатору предвареніе объ удаленіи его отъ аренды. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы обезпечить за собой возможность наложить, въ случаѣ неуплаты денегъ за землю, арестъ на жатву до ея уборки съ поля. Но ясно, что контрактъ при такомъ условіи становился только формой, ни къ чему

землевладельца не обязывающей. Выбора у съемщика земли въ огромномъ большинствѣ случаевъ не было. Онъ долженъ былъ принимать какія бы то ни было условія, хотя бы и понималъ, что онъ ихъ выполнить не можетъ или что онъ надѣваетъ себѣ мертвую петлю на шею. Когда-то онъ былъ разоренъ англичанами, лишенъ своей земли и ограбленъ до-чиста. Съ тѣхъ поръ крестьяне въ Ирландіи стали въ зависимость отъ тѣхъ помѣщиковъ, которымъ были отданы ихъ земли. Теперь ирландскій съемщикъ ищетъ земли не для примѣненія своего капитала, какъ это дѣлаютъ шотландскій или англійскій фермеры, а для того, чтобы приложеніемъ своего труда къ землѣ предохранить себя и семью свою отъ голода. Другого выхода у него нѣтъ, такъ какъ торговля и промышленность острова убиты политикой англичанъ или, по крайней мѣрѣ, сведены къ очень скромнымъ размѣрамъ, не могущимъ предоставить серьезнаго рынка для труда промышленнаго. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ положеніи ирландскаго фермера есть много общаго съ положеніемъ фабричнаго рабочаго, каковымъ оно оказалось послѣ сосредоточенія капитала въ крупныхъ предпріятіяхъ. Каково отношеніе между капиталистомъ и рабочими? Первый обладаетъ капиталомъ, изъ котораго извлекаетъ прибыль, независимо отъ своего собственнаго содержанія и вознагражденія своего личнаго труда, вторые ищутъ только хлѣба, и у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ ихъ трудовой способности. Въ случаѣ конфликта, первый можетъ ждать; тогда какъ рабочіе находятся подъ давленіемъ настойчивыхъ требованій своего желудка. Капиталистъ одинъ или во всякомъ случаѣ въ небольшомъ числѣ, тогда какъ, по существу дѣла, рабочихъ много; поэтому, когда въ средѣ послѣднихъ господствуетъ настойчивая конкуренція, въ сторонѣ капитала дѣло клонится въ большей части случаевъ къ монополіи. Вслѣдствіе такого взаимоотношенія силъ очень скоро стало очевиднымъ, что о свободѣ договора тутъ рѣчи быть не можетъ, что тутъ явится монополія, а потому явился вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ отношенія капиталистовъ къ рабочимъ.

Въ такомъ же положеніи находились и арендаторы земель въ Ирландіи. Разоренные и обездоленные, они были поставлены лицомъ къ лицу съ монополистами-помѣщиками, которые въ видѣ земли

обладали капиталомъ, къ которому, по своей волѣ, могли или нѣтъ припустить рабочаго земледѣльца. И они были монополистами. Статистика ирландскаго землевладѣнія свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ 1876 году 20 милл. акровъ ирландской земли находилось во владѣніи 68716 лицъ. Изъ нихъ 14 милл. акровъ было въ рукахъ 3745 лицъ, а 6 милл. акровъ въ рукахъ 292 помѣщиковъ. Такое развитіе латифундій дѣлало то, что крестьяне значительной округи не могли никуда уйти отъ требованій даннаго лэндлорда, такъ какъ на многія версты все шло его владѣнія. Въ томъ же направленіи, т. е. монополизациі положенія землевладѣльцевъ, дѣйствовало и развитіе пастбищъ. Чѣмъ больше становилось послѣднихъ, тѣмъ болѣе сокращалось количество земель, предлагаемыхъ для сѣмки подъ пашню. Мало того, чѣмъ больше обращалось пахотныхъ земель подъ пастбища, тѣмъ болѣе увеличивалась конкуренція между сѣмщиками, ибо къ прежнимъ прибавлялись тѣ, кои прежде работали на земляхъ, обращенныхъ въ пастбища. Послѣдствіемъ изложенныхъ условій было то, что условія аренднаго договора сводятся, какъ и условія найма на фабрикахъ, къ тому, что арендаторъ долженъ отдать землевладѣльцу весь продуктъ своего труда, за исключеніемъ той его части только, которая ему безусловно необходима для жизни впроголодь; во-вторыхъ, долгосрочный договоръ постепенно сходитъ къ годичному, который, однако, только по формѣ былъ таковымъ, а на самомъ дѣлѣ сталъ договоромъ по предъявленію, при чемъ отмѣна его могла быть произведена только по волѣ землевладѣльца. Этотъ фактъ былъ констатированъ въ 1844 году изслѣдованіемъ, произведеннымъ парламентскою комиссіей Девона. Она засвидѣтельствовала передъ парламентомъ, что больше половины всей земли въ Ирландіи сдавалось по годичнымъ условіямъ, отмѣняемымъ по волѣ землевладѣльца.

Мы выше упомянули о томъ вліяніи, которое оказали на положеніе арендатора пастбища. Развитіе ихъ, какъ и вообще тѣ измѣненія, которыя происходили въ положеніи землепользованія въ Ирландіи въ теченіе, конца XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, находились въ зависимости отъ цѣлаго сочетанія причинъ общихъ и частныхъ, перечень которыхъ покажетъ намъ, что то или иное

явленіе въ ирландской исторіи не было случайнымъ. Конецъ XVIII вѣка и начало XIX были временемъ благопріятнымъ для земледѣлія. Революціонныя войны, а потомъ войны съ Наполеономъ затрудняли доставку въ Англію иностраннаго хлѣба. Въ особенности сильно въ этомъ направленіи дѣйствовала континентальная система, когда къ ней присоединилась Россія, бывшая монопольнымъ поставщикомъ хлѣба для Западной Европы. Хлѣбные законы, изданные въ Англіи, тоже содѣйствовали подъему цѣнъ на хлѣбъ. Благодаря этому и мелкіе клочки земли стали выгодными единицами хозяйства. Поэтому мы видимъ, что арендные участки въ Ирландіи дробятся, мельчаютъ. Политическіе интересы тоже располагали лэндлордовъ предпочитать мелкихъ арендаторовъ. Вспомнимъ, что каждый обладатель 40 шил. годового дохода могъ становиться избирателемъ. Такъ какъ предполагалось, что арендаторъ, платящій 40 шил. въ годъ за свой участокъ земли, получаетъ больше, чѣмъ 40 шил. въ годъ доходу, то всѣ таковыя арендаторы были избирателями. А такъ какъ они всецѣло зависѣли отъ помѣщиковъ, то послѣднимъ выгодно было имѣть такихъ арендаторовъ побольше, чтобы располагать большимъ числомъ голосовъ. Вотъ причины, содѣйствовавшія увеличенію числа арендаторовъ и, такъ сказать, размельченію ихъ. Такъ было до конца первой четверти XIX столѣтія. Потомъ картина постоянно измѣняется. Съ прекращеніемъ наполеоновскихъ войнъ условія доставки хлѣба измѣняются къ лучшему. Съ другой стороны съ освобожденіемъ Чернаго моря и плаванія по проливамъ этотъ резервуаръ хлѣба, который еще во времена классической древности былъ поставщикомъ хлѣба, сталъ доступнѣе для торговли. Но кромѣ того, онъ сталъ и обширнѣе. Когда побережье Чернаго моря, Таврія и Новороссія стали подъ владѣчество Россіи, населеніе этихъ странъ стало быстро расти, а съ тѣмъ вмѣстѣ стало развиваться и производство пшеницы. Это повлекло за собой удешевленіе хлѣба, сказавшееся послѣ прекращенія наполеоновскихъ войнъ. Одесса становится непріятнымъ конкурентомъ для французскихъ и англійскихъ помѣщиковъ. Какъ ни препятствовали пониженію цѣнъ хлѣбные законы въ Англіи и подвижныя пошлины во Франціи, все же хлѣбъ не могъ оставаться на

прежней высотѣ. Вотъ причина которая стала дѣйствовать обратно тѣмъ, которая содѣйствовала развитію земледѣлія въ Ирландіи и дробленію арендныхъ участковъ. Рядомъ съ этимъ подѣ влияніемъ приложенія пара происходитъ сильное развитіе англійской обрабатывающей промышленности и въ зависимости отъ этого и торговли. Съ этимъ процессомъ связано развитіе городской жизни, а развитіе послѣдней съ увеличеніемъ потребленія мяса. При несовершенствѣ тогдашнихъ способовъ перевозки мяса, издалека его привозить нельзя было въ свѣжемъ видѣ. Отсюда увеличеніе выгоды скотоводства въ ближайшихъ странахъ. Чего же ближе, какъ не Ирландія. Черезъ проливъ св. Георгія можно было доставлять скотъ живьемъ. Природныя условія благоприятны для скотоводства. Вслѣдствіе этихъ причинъ, т. е. пониженія стоимости хлѣба и повышенія стоимости мяса, выгодно становится заняться скотоводствомъ, иначе говоря, замѣнять пашню пастбищами и, слѣдовательно, мелкихъ арендаторовъ болѣе крупными. Вотъ почему пастбище начинаетъ вытѣснять пашню въ Ирландіи, и быкъ вытѣсняетъ пахаря. Съ другой стороны подѣ влияніемъ той же причины и безъ обращенія пашни въ пастбище слишкомъ мелкій арендаторъ становился невыгоднымъ для помѣщика. При пониженіи цѣны хлѣба приложеніе труда къ маленькому участку не давало достаточно продукта, чтобы оплатить, хотя бы и очень бѣдно, трудъ пахаря и дать рента помѣщику.

И политическія причины, которые располагали помѣщика къ малому арендатору, исчезли. Когда помѣщики увидѣли, что сорокашillingовые избиратели, подѣ влияніемъ подъема національнаго чувства, вотировали противъ нихъ за О'Коннеля, ихъ симпатія къ нимъ охладѣла. Новый избирательный законъ для Ирландіи замѣнилъ ихъ десятифунтовыми избирателями. Но избирательный цѣнзъ, обусловленный доходомъ въ 10 ф. с., предполагалъ арендатора, снимающаго 100 акровъ, а не 20. Такимъ образомъ политическая причина дѣйствовала въ согласіи съ хозяйственнымъ расчетомъ.

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ выводу, что сочетаніе нѣсколькихъ причинъ дѣйствовало въ одномъ и томъ же направленіи а именно: измѣненія на міровомъ рынкѣ, развитіе англій-

ской промышленности и торговли и измененія политическихъ интересовъ ирландскихъ лэндлордовъ. Всѣ они вмѣстѣ вытѣсняли мелкую аренду и мелкаго арендатора, замѣняя ихъ болѣе крупными и пашню пастбищемъ. Если-бы мы хотѣли утрировать дѣло, то сказали бы, что новороссійскій крестьянинъ и англійскій рабочій вытѣсняли ирландскаго пахаря и лишали его куска хлѣба.

Но какъ же удалить земледѣльца и выбросить его на всѣ четыре стороны? Этотъ вопросъ по социальнымъ условіямъ того времени и по тогдашнимъ воззрѣніямъ, основаннымъ на принципѣ безусловной частной собственности, рѣшался просто: изгнать.

Такимъ образомъ, мы подошли къ этой выпуклой страницѣ ирландской исторіи XIX вѣка—обезлюденію страны путемъ изгнаній и умерщвленія голодомъ. Изгнанія приняты въ Ирландіи такое развитіе, что они стали одной изъ такихъ же необходимостей жизни, какъ охрана общественной безопасности, пути сообщенія, школы и т. п. принадлежности цивилизованнаго общества. Создалась особая общественная организація, которая предназначена была для выполненія этой общественной функціи. На первомъ планѣ стоитъ такъ называемый процессъ-серверъ (process-server) — судебный чинъ, который оповѣщалъ арендаторовъ о рѣшеніи лорда ихъ выселить. Если они немедленно не приводили въ исполненіе это приказаніе, являлся драйверъ (driver), вродѣ судебного пристава, который долженъ былъ привести въ исполненіе приказаніе, заявленное процессъ-серверомъ. Если арендаторы, что происходило почти постоянно, не исполняли его требованія, онъ призывалъ къ себѣ на помощь такъ называемыхъ кроубаровъ (croubar-brigade), въ точномъ переводѣ — ломовиковъ. Это были люди, вооруженные ломами. Они составляли отдѣльныя бригады. Общая численность ихъ въ Ирландіи въ пятидесятыхъ годахъ равна была 12000 человекъ. Назначеніе ихъ заключалось только въ томъ, чтобы выселять арендаторовъ и разрушать при этомъ ихъ жилища. Можно себѣ представить такой общественный порядокъ, при которомъ не только считается вполне нормальнымъ разрушать человѣческія жилища, но еще и содержать для этого 12000 человекъ спеціальнаго рода стражниковъ. Работы этимъ ломовикамъ было довольно. Въ теченіе только десяти лѣтъ

съ 1841 по 1851 годъ ими было разрушено 269253 дома. Пусть цѣнность этихъ лачугъ была невелика; но во всякомъ случаѣ это были человѣческія жилища. Разрушивъ ихъ и прогнавъ на всѣ четыре стороны жителей, кроубары сравнивали землю, а помѣщикъ разводилъ дуга и кормилъ скотъ тамъ, гдѣ жили впроголодь люди.

Мотивы изгнаній арендаторовъ были не одинаковы, хотя въ большинствѣ случаевъ они были хозяйственнаго характера. Но были мотивы религіознаго свойства. Такъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ надѣлалъ много шума поступокъ лорда Плонкета, епископа Туама. Его дочери Луиза и Катерина въ своемъ рвеніи о спасеніи душъ папистовъ перешли границу разумнаго. Онѣ надѣдали арендаторамъ земель ихъ отца своими посѣщеніями съ цѣлью проповѣдывать и навязывали имъ душеспасительныя книжки. Одинъ изъ арендаторовъ, выйдя изъ себя, прогналъ ихъ изъ хаты. Не долго заставило себя ждать возмездіе. Черезъ нѣсколько дней явился процессъ-серверъ съ приказомъ выселиться, а затѣмъ драйверъ фактически изгналъ этихъ непреклонныхъ и дерзкихъ папистовъ. 60 семействъ въ 250 душъ были прогнаны.

Гораздо болѣе частыми были изгнанія, происходившія на политической подкладкѣ. Разъ избиратели позволяли себѣ вотировать противъ своего помѣщика, очень часто ихъ постигало изгнаніе. Какъ напримѣръ подобнаго рода изгнаній Перро указываетъ на случай во владѣніяхъ лорда Вайна. Этотъ лордъ и членъ парламента былъ обиженъ тѣмъ, что его арендаторы позволили себѣ вотировать противъ его приказа. Онъ приказалъ ихъ выселить, и этотъ приказъ былъ исполненъ зимой съ непоколебимой жестокостью. У одного изъ арендаторовъ, нѣкоего Флина, была больна жена, и онъ обратился съ просьбой объ отсрочкѣ изгнанія до того, какъ минетъ опасность въ ея положеніи, но получилъ отказъ. Тогда онъ обратился къ доктору и взялъ у него свидѣтельство о томъ, что его женѣ грозитъ смерть, если ее теперь вынести изъ дому. Онъ думалъ, что это можетъ остановить исполненіе приказа лэндлорда. Ничуть не бывало. Въ стужу кроубары вынесли его жену на дворъ и выгнали его самого и всю его семью. Несчастливая женщина умерла

очень скоро послѣ того, какъ ее вынесли на улицу. Другой случай политическаго изгнанія былъ во владѣнiяхъ того же лорда Вайна. На этотъ разъ одинъ изъ его арендаторѣвъ провинился въ томъ, что подалъ голосъ несогласно съ видами своего патрона. Его приказано было выселить. Жена его, зная, что ея мужъ вотировалъ подъ давленiемъ другихъ, и не чувствуя въ себѣ мужества встрѣтить лицомъ къ лицу грозившую имъ участь, тѣмъ болѣе, что мужъ ея былъ въ это время боленъ, обратилась съ мольбой о прощенiи. Эта мольба встрѣчена была презрительной насмѣшкой. „Пошла вонъ, — сказали ей, — ступай, проси прощенiя у своихъ поповъ; они считаютъ, что обладаютъ правомъ прощать. У насъ такого права нѣтъ“. ¹⁾ Въ декабрьскую стужу глава семьи былъ вынесенъ вмѣстѣ съ постелью на дворъ, а домъ былъ разрушенъ. Катастрофа произошла, и семья осталась безъ кормильца. Что случилось съ нею? Иллюстраціей отвѣта на такой вопросъ можетъ послужить рассказъ извѣстнаго члена парламента Брадлоу, который въ свое время надѣлалъ такъ много шуму своимъ отказомъ принести присягу въ качествѣ члена парламента. „Въ 1851 году, — говорилъ онъ, — въ очень холодный зимній день мнѣ пришлось, какъ рядовому, участвовать въ командѣ, назначенной выгнать жителей изъ мѣстечка въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Беллинколинга. Дома были сравнены съ землей, а не сожжены. Немного усилiй понадобилось, чтобы сравнять ихъ съ землей; никакой джентльменъ Ирландiи, имѣющiй собакъ, не помѣстилъ бы ихъ въ такихъ хлѣвахъ. Одна женщина бросилась на колѣни передъ капитаномъ, умоляя остановить выселенiе, такъ какъ въ одномъ изъ домовъ лежалъ ея больной мужъ. Капитанъ не имѣлъ права дать отерочку, не смѣлъ противиться инструкціямъ, а драйверъ торопился въ Дублинъ. Больного вынесли изъ дому, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Двѣ ночи спустя, я стоялъ на часахъ у воротъ казармы, и при смѣнѣ я и нѣкоторые мои товарищи драгуны слышали невдалекѣ стоны. Мы пошли туда и нашли ту самую женщину, лежа-

¹⁾ Данныя объ изгнанiяхъ арендаторѣвъ мною взяты изъ статьи проф. Зибера, занимавшаго кафедру въ университетѣ св. Владимiра, помѣщенной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1882 г. № 9, а также въ брошюрѣ свящ. Перро, отдѣльномъ оттискѣ изъ журнала «Correspondant.» Pergaud. Le Bill des Tenanciers. Paris. 1859.

вщю съ мертвымъ ребенкомъ, прижатымъ къ груди“. Сообщая о фактахъ выселеній арендаторовъ у лорда Вайна, Перро замѣчаетъ: „Мы не думаемъ выдавать почтеннаго депутата Слиго (Вайнъ) за представителя политической нетерпимости, поддерживаемой жестокимъ правомъ изгнанія. Этотъ членъ парламента можетъ сослаться въ оправданіе своего поведенія на многіе примѣры и весьма внушительные авторитеты. Но, ставъ обычнымъ, преступленіе перестаетъ ли быть возмутительнымъ?“ Да, потому-то эти факты и ужасны, что они не исключительны.

Столь же часты случаи изгнанія за несоблюденіе тѣхъ правилъ, которыя установлены землевладѣльцемъ въ его владѣніяхъ; но наибольшее число ихъ обусловлено соображеніями экономическаго характера, а именно: предпочтеніемъ пастбищъ пашнѣ. Этотъ процессъ уничтоженія полей и замѣны ихъ пастбищами шелъ настолько интенсивно, что по даннымъ, заключающимся въ упомянутой статьѣ проф. Зибера, съ 1830-го по 1880 годъ пашни сократились на 28%, а пастбища увеличились на 40%. Въ зависимости отъ этого, населеніе страны упало на 40%, а количество крупнаго скота увеличилось на 34% и мелкаго на 40%. Перро констатируетъ тотъ же фактъ уменьшенія населенія и увеличенія взаимнъ того количества скота. Онъ говоритъ, что въ 1841 году населеніе Ирландіи составляло 8.200.000 человекъ, въ 1851 году оно сократилось до 6.500.000 душъ, а въ 1860 году до 6.000.000. Такимъ образомъ, за двадцать лѣтъ оно сократилось на 2.200.000 человекъ, т. е. на цѣлую четверть своего состава. Едва-ли другая страна, не подвергшаяся какимъ либо особымъ катастрофамъ, вродѣ тридцатилѣтней войны, дала такое разительное сокращеніе населенія. Правда, на эти годы приходится знаменитый голодъ 1846 года; но въ Ирландіи голодъ былъ именно результатомъ социальныхъ условій, которыя мы описываемъ, и былъ явленіемъ хроническимъ. Въ то же время, по показанію Перро, вывозъ быковъ изъ Ирландіи шелъ, все прогрессируя. Въ 1826 году вывозилось быковъ въ Англію 57 т. головъ, въ 1842 году уже 180.000, а въ 1859 году вывозъ ихъ дошелъ до 300.000 головъ. Изъ этихъ цифръ очевидно, что все то, что теряли люди, выигрывали быки и бараны.

Куда же дѣвалось это убывшее населеніе? Часть его погибала отъ постоянного и экстраординарнаго голоданія, а другая эмигрировала въ Англію и въ Америку, гдѣ въ свое время ирландскіе выходцы составили замѣтную силу, вліявшую и на дѣла въ Европѣ.

Какъ ни тяжело бываетъ положеніе человѣка, оно выносится легче, когда съ нимъ не соединено сознаніе нарушеннаго права. Но если человѣкъ терпитъ бѣдствіе и притѣсненіе, сознавая при этомъ, что право не только не находится на сторонѣ притѣснителей, но, напротивъ, находится на его сторонѣ, то запасъ терпѣнія истощается гораздо скорѣе, и протестъ проявляется съ большей силой. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не о писанномъ правѣ, а о томъ обычномъ правѣ, которое вытекаетъ изъ совокупности традицій и понятій народа. Ирландцы находились именно въ такомъ положеніи. Они имѣли свои понятія о земельной собственности, правѣ наслѣдства, правѣ пользованія землею и т. д. Протоколы парламентской комиссіи 1881 года свидѣтельствуютъ лучше всего о томъ, что ирландцы имѣютъ и до сихъ поръ воззрѣнія на землю и на отношенія къ ней совершенно инныя, чѣмъ тѣ, которыя признаются англійскими лэндлордами. Такъ, одинъ изъ фермеровъ говорилъ: „Я смотрю на землю, какъ на собственность государства или общества въ цѣломъ, совмѣщающую многіе интересы и различныя свойства, высшія и низшія, соотвѣтственно нынѣшней системѣ земледѣлія“. Священникъ Браунъ говоритъ въ своемъ показаніи, что ирландцы до сихъ поръ помнятъ законы Брегоновъ и что онъ самъ видѣлъ арендаторовъ, которые, умирая, дѣлили завѣщаніе, въ которомъ раздѣляли свои участки между своими дѣтьми такъ, какъ будто они составляли ихъ собственность и какъ будто англійскаго законодательства вовсе не существовало. Не ходя въ разборъ частныхъ, скажемъ, что ирландцы всегда признавали и признаютъ за арендаторомъ ПРАВО владѣть участкомъ, пока онъ аккуратно платитъ справедливую ренту, и никакъ не могутъ взять въ толкъ право лэндлорда прогнать его по произволу. Равнымъ образомъ всѣ они признаютъ право арендатора на сдѣланныя улучшенія и возведенныя постройки, а потому конфискацію ихъ лэндлордами считаютъ вопіющимъ нарушеніемъ своего права. На-

конецъ, всё они признають, что рента не должна быть повышаема по произволу и чрезмѣрно. При такой противоположности возрѣній ирландскаго народа и практики англійскихъ помѣщиковъ всё мѣропріятія послѣднихъ по эксплуатаціи арендаторовъ и изгнанію ихъ вызвали тройную ненависть и создавали рѣзкія проявленія ея въ разныхъ формахъ аграрныхъ преступленій. Мы прежде говорили о такихъ проявленіяхъ въ XVIII вѣкѣ; теперь, въ XIX, въ особенности во второй его четверти, они происходятъ опять и съ новой силой. Образуются различныя разбойничьи шайки, которыя носятъ разныя названія, напримѣръ: „бѣлыя ноги“, „черныя ноги“, которыя нападаютъ на помѣщичьи усадьбы, жгутъ ихъ, убиваютъ или калѣчатъ скотъ и уничтожаютъ запасы хлѣба. Бываютъ случаи и убійствъ, въ особенности посредниковъ по сдачѣ земель. Правительство съ своей стороны при каждой такой вспышкѣ ненависти къ помѣщикамъ принимаетъ мѣры и подчиняетъ Ирландію силѣ исключительныхъ законовъ, во время дѣйствія которыхъ парламентъ разрѣшаетъ министерству не стѣсняться законами, ограждающими свободу гражданъ. Въ теченіе первыхъ шестидесяти лѣтъ XIX вѣка такихъ исключительныхъ законовъ было издано 33, такъ что выходитъ, что большую часть времени Ирландія находилась подъ дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ, чѣмъ подъ дѣйствіемъ нормальныхъ. Эти законы издавались и тори, и вигами. И тѣ и другіе считали, что къ ирландцу нельзя иначе относиться. Еще въ 1833 году, во время министерства Грея, введены были въ „принудительный законъ“ тѣ основные пункты, которые потомъ составляли неотъемлемую часть каждаго изъ нихъ, а именно: отмѣна закона habeas corpus, гарантирующаго въ Англійи еще съ XVII вѣка личность гражданъ отъ произвольнаго ареста; законъ о тушеніи огня, которымъ запрещалось кому бы то ни было выходить изъ дому съ заката солнца и до восхода его, предоставленіе, при извѣстныхъ условіяхъ, правительству права объявлять страну на военномъ положеніи; предоставленіе намѣстнику права напередъ запрещать всякія собранія и общества. Эти исключительные законы; очевидно, были не цѣлесообразны. Если бы было не такъ, то ихъ не приходилось бы примѣнять такъ часто, какъ это дѣлалось въ

Ирландіи, при чемъ тѣ преступленія, противъ которыхъ они принимались, нисколько не ослабѣвали, по крайней мѣрѣ на болѣе или менѣе продолжительное время. Они и не могли достигать своей цѣли, такъ какъ оставляли въ полной неприкосновенности ту причину, — жестокою эксплуатацію крестьянъ лэндлордами, — которая создавала все зло, не говоря о прежнихъ причинахъ, на ослабленіе послѣдствій которыхъ только и можно было рассчитывать при осуществленіи началъ справедливости въ соціальныхъ и полигическихъ отношеніяхъ. Мало того, принудительные законы давали возможность пользоваться ими для совершенія преступленій. Перро утверждаетъ, что иные лэндлорды или ихъ управляющіе пользовались исключительнымъ закономъ для того, чтобы отправить въ ссылку тѣхъ арендаторовъ, отъ которыхъ имъ хотѣлось отдѣлаться и удалить которыхъ они не могли законнымъ способомъ.

Но такъ какъ нѣтъ такой глупости, для которой люди не постарались бы подыскать разумныя основанія, то и въ отношеніи положенія дѣлъ въ Ирландіи господствовала теорія, по которой выходило, что тотъ порядокъ вещей, который тамъ господствовалъ, ого голодовками, эмиграціями, установленъ самой природой, а потому воздѣйствовать на него нѣтъ человѣческихъ силъ. Эта теорія высказана была профессоромъ политической экономіи Кэрнсомъ, который къ тому-же, прежде чѣмъ перейти на кафедру въ Лондонъ, былъ преподавателемъ въ Ирландіи, въ Гальвѣ, а потому былъ освѣдомленъ о тамошнихъ обстоятельствахъ. По его мнѣнію, все зло Ирландіи заключается въ томъ, что ея населеніе перерасло тѣ средства, которыя можетъ дать страна для пропитанія его. Ирландія не годится для земледѣльческой культуры, а только можетъ съ успѣхомъ поддерживать скотоводство. Такъ какъ страны, населеніе которыхъ занимается скотоводствомъ, могутъ прокормить гораздо менѣе плотное населеніе, чѣмъ страны земледѣльскія, то — если бы оказался излишекъ населенія, послѣднее должно вымереть. Пока въ XVIII вѣкѣ ирландцы занимались скотоводствомъ, ихъ населеніе не перерастало тѣхъ средствъ, которыя могутъ быть доставляемы населенію этой культурой, и голодовокъ не бывало, но когда въ концѣ восемнадцатаго вѣка сдѣлана была ошибка

перехода къ земледѣлю, то населеніе стало быстро расти, а между тѣмъ земледѣліе не могло дать удовлетворительныхъ результатовъ и потому пришлось снова перейти къ той культурѣ, къ которой единственно и способна страна по своимъ природнымъ свойствамъ. Населеніе, переросшее средства, которыя можетъ дать страна по своимъ природнымъ свойствамъ, должно исчезнуть, и этимъ объясняются голодовки и прочія несчастія. Таковъ законъ природы; противъ него ничего не подѣлаешь.

Съ перваго взгляда видно, что это объясненіе навѣяно теоріей Мальтуса и составлено на основаніи господствовавшаго тогда метода экономическихъ разсужденій, въ которомъ преобладала дедукція, а не изслѣдованіе фактовъ. Отсюда и дефекты этого объясненія Кэрнса. Положеніе, что Ирландія страна, коей свойственно только скотоводство и неспособна къ земледѣльческой культурѣ, произвольно и невѣрно. При осуществленіи агрономическихъ требованій она такъ же хорошо производитъ хлѣбъ, какъ и всякая другая. Что населеніе перерасло средства страны, тоже не доказано. Напротивъ, существованіе въ то время, какъ писалъ Кэрнсъ, 4,7 милл. акровъ плодородной земли, лежащей впустъ, говорило противъ такого тезиса. Утвержденіе, что въ XVIII вѣкѣ при господствѣ (что не доказано) скотоводства населеніе не расло и голодовокъ не бывало, тоже совершенно произвольно. Извѣстно, что эмиграція ирландцевъ въ другія страны Европы была тогда настолько сильна, что только въ сраженіяхъ Франціи съ ея противниками, по показанію аб. Жогегана, пало до 450 т. ирландцевъ. Что касается голодовокъ, то отсутствіе ихъ опровергается показаніями современниковъ, о которыхъ мы говорили выше, когда характеризовали положеніе ирландскаго народа въ первой половинѣ XVIII вѣка. Несмотря на свою несостоятельность, взгляды, выразителемъ которыхъ былъ Кэрнсъ, принимались легко, такъ какъ они были пріятны. Они оправдывали тотъ образъ дѣйствій, который былъ выгоденъ господствующему классу; они успокаивали общественную совѣсть и давали возможность идти по старому пути. Только немногія лица смотрѣли на преступленія, совершавшіяся въ Ирландіи, какъ на патологическій симптомъ состоянія общества. Пріобрѣвшій себѣ общее распо-

ложеіе въ Ирландіи, намѣстникъ конца тридцатыхъ годовъ Томасъ Друммондъ былъ изъ такихъ немногихъ государственныхъ дѣятелей. Свое отношеніе къ аграрнымъ преступленіямъ онъ выводилъ изъ убѣжденія, что собственность не только имѣетъ права, но и обязанности. Этотъ тезисъ, ставшій теперь общимъ мѣстомъ, тогда считался чуть ли не богохульствомъ въ Ирландіи. Когда въ Типперари произошло аграрное убійство, тридцать судей этого графства съ лордомъ Глэнгалемъ и лордомъ Лисморомъ во главѣ обратились къ нему съ ходатайствомъ о введеніи исключительныхъ законовъ. Друммондъ отказалъ имъ и указалъ на несправедливое отношеніе къ арендаторамъ, господствующее въ графствѣ. „Эти изгнанія массами арендаторовъ, такъ называемыхъ коттеровъ, сдѣлали то, что инстинктъ самосохраненія въ большей части населенія настроился въ сторону преступленія, которое въ большинствѣ случаевъ крестьяне ошибочно считаютъ гарантіей своихъ правъ. Собственность имѣетъ какъ свои права, такъ и свои обязанности. Пренебреженію, съ которымъ она относилась къ своимъ обязанностямъ къ прошедшему, надо приписать это болѣзненное состояніе общества, изъ котораго произтекаетъ столько преступленій. Не столько, поэтому, въ примѣненіи или въ изданіи экстренныхъ законовъ чрезвычайной строгости надо искать средство противъ этого зла, сколько въ добросовѣстномъ и вѣрномъ исполненіи обязанностей и въ болѣе гуманномъ и просвѣщенномъ пользованіи своими правами“.

Когда немного позже того, во время министерства Роберта Пилля, Стэнли вносилъ свой земельный законопроектъ для Ирландіи, который можетъ считаться предшественникомъ реформъ Глэдстона 1870 и 1881 годовъ, онъ тоже высказался въ своей рѣчи въ парламентѣ въ томъ же духѣ. „Знаете ли вы режимъ на югѣ Ирландіи? говорилъ онъ. Тамъ арендаторъ обладаетъ только одной гарантіей, гарантіей очень опасной; я говорю о страхѣ, внушаемомъ имъ землевладѣльцу“. Этимъ словомъ онъ очертилъ всю глубину вопроса. Но его голосъ остался одинокимъ, и его проектъ реформы земельныхъ отношеній долженъ былъ быть взятъ обратно, за отсутствіемъ какихъ либо шансовъ быть принятымъ палатой. Огромное большинство англійскаго правящаго общества не могло еще сойти

съ принципа священной неприкосновенности частной собственности, а потому и не могло допустить какой либо возможности ограничить власть лэндлордовъ надъ ихъ арендаторами въ Ирландіи. Нужны были большія событія и извѣстное общественное движеніе, чтобы дать мыслямъ другое направленіе и открыть глаза на дѣйствительныя средства уврачеванія зла, помимо исключительныхъ законовъ, которые въ дѣлѣ уврачеванія общественныхъ недуговъ играютъ такую же роль, какъ колдовство въ медицинѣ. Однимъ изъ такихъ огромныхъ событій былъ голодъ 1846—47 годовъ.

Голодовки въ Ирландіи были не рѣдкостью. Онѣ повторялись въ XIX вѣкѣ такъ же періодично, какъ и въ XVIII. Въ тридцатыхъ годахъ онѣ были довольно значительны; но такого неурожая, какой постигъ Ирландію въ 1845 году и затѣмъ повторился еще въ большемъ размѣрѣ въ 1846 году, еще не бывало. Лѣтомъ 1845 года нельзя было предвидѣть несчастья, постигшаго затѣмъ страну. Урожай картофеля, главнаго кормового средства населенія, обѣщаль быть хорошимъ. Но вотъ въ концѣ лѣта на немъ появилась какая-то болѣзнь: листья начинали чернѣть и превращаться въ гниль, издающую непріятный запахъ. Весь урожай пропалъ, и голодъ предсталъ во всемъ своемъ ужасѣ. Такъ какъ населеніе не могло, понятно, платить аренды, то изгнанія усилились, что еще ухудшило положеніе. Вместе съ тѣмъ усилились и преступленія.

Въ то время, когда это несчастье развертывалось въ Ирландіи, вниманіе англичанъ было отвлечено въ другую сторону. Тамъ наступалъ послѣдній фазисъ борьбы, длившейся уже нѣсколько лѣтъ изъ-за хлѣбныхъ законовъ. Отчасти подъ впечатлѣніемъ неурожая, который постигъ и Англію, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, лордъ Джонъ Россель въ ноябрѣ публикуетъ свое знаменитое письмо къ избирателямъ, въ которомъ онъ высказывается за необходимость отмены хлѣбныхъ законовъ и которое предрѣшило исходъ дѣла въ предстоявшей парламентской сессіи. Робертъ Пилль въ глубинѣ души тоже рѣшилъ, что хлѣбные законы больше не могутъ существовать. Съ открытіемъ парламента въ январѣ 1846 года, завязалась борьба; она обѣщала паденіе хлѣбныхъ законовъ въ буду-

щомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ паденіе всей протекціонной системы. Но въ этомъ великомъ вопросѣ насущная нужда Ирландіи, которой нуженъ былъ хлѣбъ сейчасъ, чтобы спасти жизнь сотенъ тысячъ людей, ея нужда какъ бы была забыта. Тщетно дублинская дума и другія выборныя учрежденія молили о помощи и о немедленномъ созывѣ парламента, и объ ассигнованіи въ видѣ ссуды необходимыхъ средствъ для содержанія общественныхъ работъ, гдѣ населеніе нашло бы себѣ пропитаніе; напрасно ассоціація Рениля, О'Коннелъ и Смисъ О'Брайенъ заявляли о непростительной медленности министерства и просили въ качествѣ непосредственной помощи назначенія большихъ работъ по дренажу и въ качествѣ средства постоянно дѣйствующаго изданія аграрнаго закона на подобіе того, который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ представленъ Стэнли. Ихъ молебны оставались недѣйствительными. Министерство не понимало всей глубины несчастья, парламентъ тоже, и этимъ какъ бы доказывали весь вредъ, причиняемый Ирландіи уніей. Если бы Ирландія сохраняла свой парламентъ, онъ не могъ бы не знать положенія вещей, и она помогла бы себѣ безотлагательно своими средствами. Теперь она не могла ими распорядиться и должна была ждать, пока англійскому парламенту покажется нужнымъ распорядиться. Когда послѣдній собрался, министерство внесло вопросъ объ отменѣ хлѣбныхъ законовъ, а о нуждахъ Ирландіи не заявило. Другими словами, оно поставило непосредственныя нужды Ирландіи, ставшей жертвой голода, во вторую очередь послѣ рѣшенія принципиальнаго вопроса, который не могъ не вызвать долгихъ дебатовъ. Единственный проектъ, который министерство предназначило для Ирландіи, былъ проектъ осаднаго положенія. Оно предложило парламенту новый принудительный законъ, который повторялъ прежнія правила, только усиливалъ наказанія, полагавшіяся за ихъ нарушеніе. Статья 15 этого закона гласила: кто окажется внѣ своего жилища черезъ часъ послѣ захода солнца, тотъ можетъ быть арестованъ и содержимъ въ тюрьмѣ впредь до суда.

Ст. 16: кто будетъ арестованъ въ подобномъ случаѣ, можетъ быть наказанъ пятнадцатью годами ссылки, если онъ не докажетъ, что онъ вышелъ по дѣлу, дозволенному закономъ. Такимъ образомъ,

не обвинителю ставилось въ обязанность доказать преступность отсутствія изъ дому обывателя, а послѣдній долженъ былъ доказывать свою невиновность. Другія статьи говорили (7, 9, 10 и 13), что, въ случаѣ убійства, родственникамъ убитаго должно быть выплачено денежное вознагражденіе за счетъ штрафа, который взыскивается со всѣхъ арендаторовъ той мѣстности, гдѣ совершено преступленіе. Полицейскіе секвеструютъ имущество тѣхъ арендаторовъ, которые отказываются платить. Перро говоритъ по поводу этого закона, что всѣ статьи его напоминаютъ древніе саксонскіе законы королей Этельреда и Ина; и все таки, — замѣчаетъ онъ, — въ этихъ варварскихъ законахъ шестого и седьмого столѣтія мы видимъ, что убійца обязанъ платить виру; но нигдѣ мы не читаемъ, чтобы жители того села, въ которомъ совершено убійство, обязаны были платить деньги. Мы сказали бы отъ себя, что надо вернуться къ постановленіямъ о дикой вирѣ Русской Правды, чтобы найти что нибудь подобное, если-бы только начальники карательныхъ экспедицій нашего злосчастнаго времени не познакомили насъ съ раскладкой на всѣхъ сельчанъ вины неотысканныхъ преступниковъ...

Кромѣ того была сдѣлана прибавка, въ силу которой фермеры облагались особымъ дополнительнымъ сборомъ на содержаніе сельской полиціи для огражденія землевладѣльцевъ. Въ палатѣ лордовъ билль этотъ былъ встрѣченъ сочувственно даже со стороны либераловъ. Лордъ Грей протестовалъ противъ примѣчанія, что экстраординарный сборъ не ложится на землевладѣльцевъ, а только на арендаторовъ. „Это распоряженіе несправедливо, говорилъ онъ; положимъ, что землевладѣльцы не единственная причина этихъ преступленій и этихъ золъ, но Ирландія не упала бы до такой степени, ея общественное положеніе никогда не было бы тѣмъ, что оно есть теперь, если-бы землевладѣльцы, какъ классъ, исполняли бы свои обязанности въ отношеніи населенія. Если мы взглянемъ на исторію Ирландіи, мы увидимъ, что ужасное теперешнее положеніе ея есть естественное послѣдствіе забвенія высшими классами этой страны своихъ обязанностей. Это историческій фактъ, извѣстный не только всей Англіи, но и всей Европѣ“. Онъ предлагалъ, кромѣ того, понизить наказаніе за нарушеніе правила относительно отсут-

ствія изъ дому послѣ заката солнца, замѣнивъ ссылку годомъ тюремнаго заключенія. Только семь лордовъ поддержали его. Въ палатѣ общинъ законъ тоже прошелъ безъ затрудненій. Что касается матеріальной помощи голодающему населенію, то парламентъ назначилъ такую ограниченную сумму на общественныя работы, что только 90 т. человекъ могли быть заняты на эту сумму, тогда какъ нуждающихся было нѣсколько сотъ тысячъ. Ходатайство О'Коннеля и О'Брайена о раздачѣ хлѣба даромъ или по крайней мѣрѣ по дешевой цѣнѣ нуждающимся встрѣтило возраженіе министерства и было отклонено, такъ какъ это парализовало бы дѣйствіе свободной торговли. Такимъ образомъ, правительство оказалось очень щедро на наказанія и очень скупо на помощь несчастнымъ. Какъ выразился одинъ изъ членовъ парламента, употребляя библейское выраженіе, ирландцы просили хлѣба, а имъ дали камень.

Зима 1845/46 года была пережита съ большими потерями. Наступившее лѣто возбудило надежды. Урожай картофеля казался прекраснымъ; но въ концѣ іюля всѣ надежды пропали. Повторилось то же самое, что было и въ 1845 году: въ теченіе нѣсколькихъ дней весь картофель сгнилъ.

Священникъ Матью такъ рассказываетъ объ этомъ бѣдствіи „27 іюля я ѣхалъ изъ Корка въ Дублинъ и видѣлъ картофель во всемъ блескѣ пышной зелени. 3-го августа я ѣхалъ тѣмъ же путемъ и видѣлъ грустную картину земли, покрытой гниющей растительностью. Во многихъ мѣстахъ крестьяне сидѣли на межахъ, ломая руки и громко стоная при видѣ уничтоженія ихъ единственной пищи“. Теперь наступила смерть и стала косить людей. Они хватали все, чѣмъ только можно было пропитаться, — трупы лошадей, ословъ, собакъ и даже бывали случаи, что родители съѣдали едва остывшіе трупы собственныхъ дѣтей. Ъли траву, и трупы, валялись выпачканные въ землѣ и съ ртомъ набитымъ травой. Цикорій, дикая горчица и исландскій мохъ достигли невѣроятной цѣны. Люди умирали всюду, гдѣ заставала ихъ смерть и трупы ихъ по большей части тамъ и оставались, хотя бы это было на большой дорогѣ. „Въ это время, пишетъ Тукъ, исполнявшій благотворительную миссію по порученію англійскихъ квакеровъ, дороги стали какъ бы костниками. Многие

кучера говорили мнѣ, что нельзя проѣхать, не встрѣтивъ трупа на дорогѣ, и что ночью они переѣзжали черезъ нихъ часто“. Дома умирали цѣлыми семьями и „нерѣдко, говоритъ тотъ же свидѣтель, послѣдній оставшій въ живыхъ въ семьѣ, передъ смертью загораживалъ дверь кучей земли, чтобы помѣшать собакамъ и свиньямъ ворваться въ избу, и потомъ ложился умирать въ этомъ ужасномъ фамильномъ склепѣ. Иногда, вскрывъ двери, находили рядомъ полуголыхъ людей, прикрытыхъ однимъ рядомъ, умершихъ и умирающихъ“. Извѣстный общественный дѣятель Ирландіи Сулливанъ рассказывалъ впоследствии, что ему доводилось иногда отворивъ утромъ дверь дома, видѣть прислонившійся къ стѣнѣ трупъ человѣка, умершаго съ голоду. Однимъ изъ ужасныхъ симптомовъ положенія было почти полное исчезновеніе похоронъ. Не было ни силъ, ни времени хоронить трупы. Ихъ оставляли гнить на поляхъ, на дорогахъ, гдѣ они падали. Если и хоронили нѣкоторыхъ, то при погребеніи употребляли гробъ съ выдвижнымъ дномъ. Покойника подвозили къ ямѣ, едва вырытой, выдвигали дно; трупъ падалъ въ яму, а гробъ служилъ для другихъ. Едва прикрывали тоненькимъ слоемъ земли тѣхъ, кому хотѣли сдѣлать христіанскія похороны. Одинъ священникъ видѣлъ на кладбищѣ въ своемъ приходѣ стаю голодныхъ собакъ, отрывавшую себѣ тамъ это ужасное угощеніе.

Правительство въ это время лихорадочно поспѣшно открывало общественныя работы, на которыхъ люди, могшіе придти на нихъ, безъ всякой пользы переворачивали землю. Въ ноябрѣ 1846 года 280 тыс. человѣкъ были тамъ заняты, въ декабрѣ — 490 тысячъ и весной 1847 года 730 тысячъ. Населеніе въ три съ половиной милліона зависѣло въ своемъ существованіи отъ этихъ работъ. Мѣстныя власти не умѣли ни наблюдать за ними, ни руководить ими. Всѣ говорили, что рабочіе тамъ получали слишкомъ мало вознагражденіе за трудъ очень плохой. Истрачено было около 15 милл. ф. ст. безъ замѣтной пользы. Вторая половина зимы 1846—47 года, естественно, была еще ужаснѣе, чѣмъ первая. Къ голоду присоединился тифъ. Вотъ официальное свидѣтельство объ этомъ періодѣ. Одинъ изъ агентовъ правительства, посланный для по-

моши голодающимъ, сообщалъ объ округѣ Скибберина: „Отчаянная апатія гнететъ населеніе. Голодъ уничтожилъ всякую великодушную симпатію. Отчаяніе очерстило жителей, сдѣлало ихъ нечувствительными. Съ полнымъ безразличіемъ они ожидаютъ своей участи. Смерть въ каждой лачугѣ. Волѣны и голодъ, эти страшные ея предвѣстники, обрушились на молодыхъ и старыхъ, сильныхъ и слабыхъ, на матерей и дѣтей. Цѣлыя семьи лежатъ на сыромъ полу, пожираемая лихорадкой, и нѣтъ живого существа, которое омочило бы ихъ изсохшія губы или приподняло ихъ отяжелѣвшія головы. Мужъ, умираетъ рядомъ со своей женой, и она даже не знаетъ, что онъ уже больше не дышитъ. Крысы являются пожирать трупы, и у живыхъ нѣтъ силъ, чтобы прогнать ихъ съ ихъ ужаснаго пиршества... Безъ пищи, безъ топлива, безъ постели цѣлыя семьи заперты въ ихъ лачугахъ и падаютъ одни за другими въ объятія смерти“.

Правительство наконецъ увидѣло безрезультатность своихъ общественныхъ работъ и, какъ оно ни было заковано въ броню принциповъ политической экономіи, оно рѣшилось къ той мѣрѣ, о которой еще въ 1845 году просили его О'Коннель и О'Брайенъ, т.-е. приступить къ безвозмездной раздачѣ хлѣба. О'Коннель рѣшился отправиться въ парламентъ для участія въ преніяхъ по этому вопросу. Онъ видѣлъ, какъ почти погибала на его глазахъ страна, которую онъ такъ любилъ. Онъ видѣлъ крушеніе дѣла, которому онъ посвятилъ почти всю свою жизнь. На него сыпались теперь упреки „Молодой Ирландіи“ которая не прощала ему ни былыхъ заслугъ его, ни недомоганій его старости. Въ Ирландіи стало распространяться убѣжденіе, что правительство не хочетъ придти на помощь и на почвѣ этой увѣренности стали создаваться разные слухи: Такъ, напримѣръ, говорили про одного принца королевскаго дома, что онъ говорилъ про голодъ въ Ирландіи такимъ образомъ: „Ирландія не въ такомъ ужъ плохомъ положеніи, какъ говорятъ. Меня увѣряли, что гнилой картофель, морской мохъ и трава, смѣшанныя въ извѣстной пропорціи, составляютъ довольно здоровую пищу. Мы всѣ знаемъ къ тому же, что ирландецъ можетъ питаться всѣмъ; ну, а въ полѣ нѣтъ недостатка въ травѣ, если даже картофель и не уродился“.

Услышавъ рассказъ объ этомъ, О'Коннель вспыхнулъ и

вскричалъ: „Я поѣду, да я поѣду въ Англію, чтобы увидѣть, насколько распространены тамъ подобныя чувства. Если,—чего Боже избави,—это такъ... о, тогда я не поколеблюсь сказать, что обязанность каждаго ирландца умереть съ оружіемъ въ рукахъ“.

Когда онъ явился въ парламентъ, всѣ почувствовали, что онъ близокъ къ могилѣ. Его лицо было блѣдно, худо, измождено. выраженіемъ тоски. Его сильная фигура какъ бы осѣла; его голосъ, этотъ чудный органъ, который когда то раскатывался изъ конца въ конецъ по самымъ обширнымъ заламъ и который далеко раздавался на открытомъ воздухѣ, теперь былъ такъ слабъ и разбитъ, что его едва было слышно. Этому ветерана слушали съ уваженіемъ и съ волненіемъ. Съ дрожью въ голосѣ онъ восклицалъ: „Ирландія въ вашихъ рукахъ. Если вы ея не спасете, она сама не спасется. Я вамъ предсказываю съ глубокимъ убѣжденіемъ, что четверть ея населенія погибнетъ, если парламентъ не придетъ къ ней на помощь“. Это была послѣдняя публичная рѣчь этого человѣка, который въ теченіе полулѣткія воплощалъ въ себѣ желанія, обиды и страданія Ирландіи. Вскорѣ онъ оставилъ Англію, чтобы отправиться въ Римъ, получить предъ смертью благословеніе св. отца. Ему не дано было получить эту послѣднюю отраду. По дорогѣ, въ Генуѣ онъ скончался 15 мая 1847 года.

Личность О'Коннеля оставила глубокой слѣдъ въ исторіи Ирландіи. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ вожаковъ общественнаго мнѣнія, имя котораго всегда будетъ находить сочувственный откликъ въ душѣ не только ирландскихъ патріотовъ, но и всѣхъ друзей права, свободы и независимости націй. Его дѣятельность можетъ вызывать упрекъ въ томъ, что онъ недостаточно внимательно отнесся къ экономическимъ задачамъ ирландской жизни, что онъ слишкомъ тѣсно ограничилъ свою дѣятельность областью церковныхъ и политическихъ вопросовъ. Но сила этихъ упрековъ значительно ослабѣваетъ, когда приходитъ на умъ, что вѣдь національное сознаніе ирландскаго народа сливалось съ его религіознымъ чувствомъ и сознаніемъ. Ирландецъ постольку былъ ирландцемъ, по скольку онъ былъ католикомъ. Поэтому освободить его въ сферѣ религіи и церкви—значило проложить дорогу къ его на-

ціональной самобытности. Привязанность О'Коннеля къ католической религіи и къ церкви роднила его съ его народомъ и составляла его силу. Если онъ, какъ и огромное большинство его современниковъ, не разобрался въ экономическихъ проблемахъ современной жизни, то нельзя сказать, что онъ былъ къ нимъ равнодушенъ. Мы знаемъ, что онъ въ концѣ жизни требовалъ и земельной реформы. Каковы бы ни были однако недочеты въ его работѣ, послѣдняя сдѣлала огромное дѣло. О'Коннелю принадлежитъ та слава, что онъ пробудилъ цѣлый народъ, вдохнувъ въ него неукротимую рѣшимость, отвоевалъ, — болѣе того, — заслужилъ для него свободу, освободилъ его церковь и положилъ основы его самостоятельности. Онъ провелъ въ общественное сознаніе ирландцевъ убѣжденіе въ преимуществѣ широкой агитаціи и единодушія предъ, путемъ заговоровъ и возстаній. Поднявъ, можно сказать, создавъ въ Ирландіи общественное движеніе, онъ выдвинулъ такую силу, которая заставила съ собою считаться государственныхъ людей Англіи. Тѣмъ самымъ онъ доказалъ право Ирландіи на существованіе и возвратилъ ей самоуваженіе и уваженіе другихъ... На его могильномъ памятникѣ нельзя было написать лучшей эпитафіи, какъ тѣ слова, которыя онъ самъ произнесъ: „Граттанъ бодрствовалъ надъ колыбелью независимости страны; онъ же и слѣдовалъ за ея похоронами. Мнѣ дано было возгласить въ трубу ея воскресеніе и объявить міру, что она не умерла, а только спитъ“.

Голодовка 1847 года кончилась послѣ смерти О'Коннеля. Онъ уже не видѣлъ ея конечныхъ результатовъ, а они были ужасны: 250000 человекъ погибло въ эти два года; эта цифра на населеніе въ восемь милліоновъ человекъ ужасна. Но этимъ не исчерпывались потери населенія; даже и при благоприятныхъ условіяхъ оно не могло бы скоро оправиться отъ такого удара, а тутъ его стали преслѣдовать новыя бѣды. Эпилогомъ кризиса 1846/47 года были массовыя изгнанія арендаторовъ изъ ихъ обиталищъ. Всѣ правительственные агенты, посланные въ Ирландію для оказанія помощи пострадавшимъ отъ голода, въ одинъ голосъ говорятъ о такъ называемыхъ очищеніяхъ, которыя стали дѣлать ирландскіе помѣщики въ своихъ имѣніяхъ. Паулетъ Скрупъ (Poulett Scrope)

крупный англійскій землевладѣлецъ, занимавшійся усердно ирландскими дѣлами, сдѣлалъ объ этомъ заявленіе въ парламентъ: „Вспомните, что въ Ирландіи убиваютъ не только пули убійцъ. Въ Ирландіи убиваютъ длинной агоніей нужды и болѣзней, которыя порождаются всюду, гдѣ человѣческія существа лишаются единственнаго средства къ существованію, какъ бы ни были законны способы, которые для этого пускаются въ ходъ. Каждый разъ, какъ помѣщикъ очищаетъ свое помѣстье, изгоняя изъ ихъ жилищъ сотни бѣдныхъ фермеровъ, не имѣющихъ другихъ средствъ существованія, развѣ онъ ихъ не убиваетъ, по крайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ, такъ же вѣрно, какъ если бы онъ ихъ разстрѣлялъ сразу. Пожалуй даже, разстрѣлять ихъ было бы милосерднѣе. Будете ли вы отрицать, что крестьяне лишены покровительства закона, будете ли вы отрицать, что они въ нѣкоторомъ родѣ обязаны защищать себя путемъ преступленія“. Самъ Робертъ Пилль, приведя изъ одного донесенія специфическій фактъ въ этомъ родѣ, продолжалъ въ такихъ выраженіяхъ: „Я знаю, что законъ безсиленъ предъ такими фактами; но я не думаю, что было бы бесполезно доводить объ нихъ до свѣдѣнія палаты общинъ, сопровождая эти рассказы выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыхъ они заслуживаютъ“. Съ такимъ же негодованіемъ отзывался объ этихъ изгнаніяхъ фермеровъ лордъ Пальмерстонъ, котораго, какъ ирландскаго крупнаго землевладѣльца, нельзя заподозрить во враждебныхъ отношеніяхъ къ своему классу.

Послѣ такихъ цитатъ не будемъ удивляться, что въ Ирландіи господствовало въ это время сильное возбужденіе умовъ. Со смертью О'Коннеля умѣренная партія лишилась своего вожака, и это давало большое преимущество радикальнымъ элементамъ „Молодой Ирландіи.“ Къ этому прибавляется еще и февральская революція, вызвавшая всеобщее возбужденіе въ Европѣ. Все, что было молодого и пылкаго въ Ирландіи, подумало, что часъ новой эры пробилъ, что революціонная волна захватитъ народы и опрокинетъ престолы. Революціонные журналы, вродѣ „Соединеннаго Ирландца“ основывались и проповѣдывали возстаніе. Правительство не могло остаться равнодушнымъ. Оно преслѣдовало О'Брайена, Мигира и Митчеля

за бунтовщическія рѣчи и предложило парламенту принять репрессивныя мѣры и главнымъ образомъ усилить законъ о государственной измѣнѣ. Смысль О'Брайенъ имѣлъ смѣлость или неосторожность пріѣхать изъ Франціи какъ разъ въ то время, какъ этотъ билль обсуждался въ парламентѣ, хотя и зналъ, что онъ спеціально его имѣетъ въ виду. Нападая на него въ парламентѣ, онъ сказалъ: „Меня называютъ измѣнникомъ. Я не вѣроломъ по отношенію къ королевѣ. Но если измѣной называютъ вѣроломство по отношенію къ этой палатѣ и къ управленію Ирландіей черезъ посредство парламента Великобританіи..., о, тогда я признаю мою измѣну. Болѣе того, я отдамъ свою жизнь за то, чтобы свергнуть власть, которую этотъ парламентъ присвоилъ себѣ надъ Ирландіей“.

Вскорѣ правительство предало суду главъ „Молодой Ирландіи“ О'Брайена, Мигира и Митчеля. Составъ присяжныхъ былъ тщательно подобранъ. Тѣмъ не менѣе въ число присяжныхъ, судившихъ Брайена и Мигира, попалъ одинъ католикъ, а потому не могло состояться единогласія, которое необходимо для обвинительнаго приговора. Зато, когда судили Митчеля, то составъ присяжныхъ состоялъ изъ протестантовъ самаго темнаго оранжеваго цвѣта. Его приговорили къ ссылке на 14 лѣтъ. Черезъ два часа послѣ произнесенія приговора военный пароходъ повезъ его на мѣсто ссылки. Ободренное этимъ успѣхомъ, правительство получило отъ парламента новыя полномочія, равнозначительныя осадному положенію. На основаніи ихъ оно издало распоряженіе объ арестѣ 118 лицъ, членовъ партіи Молодой Ирландіи. Многіе изъ нихъ были тотчасъ же арестованы. Смысль О'Брайенъ находился въ графствѣ Уэксфордъ, когда до него дошли эти вѣсти. Къ нему присоединились вскорѣ Мигиръ и Диллонъ. Въ отчаяніи они потеряли голову и начали возстаніе безъ оружія, безъ амуниціи, безъ припасовъ и почти безъ солдатъ. О'Брайенъ бродилъ изъ одного мѣста въ другое безъ опредѣленнаго плана въ сопровожденіи сотни людей. Банды крестьянъ, которые было присоединились къ нему, вскорѣ оставили его по совѣту священниковъ. Въ концѣ концовъ О'Брайенъ и его товарищи сдѣлали нападеніе на хижину, занятую постомъ жандармовъ. Ихъ отразили и послѣ короткой схватки на сосѣднемъ полѣ

Баллингари они положили оружіе. Этимъ кончилось движеніе „Молодой Ирландіи.“ О’Брайенъ и его товарищи были приговорены къ смерти. Ихъ наказаніе было замѣнено ссылкой на Вандименову Землю. Ихъ дѣло было похоронено не столько подъ тяжестью изданныхъ противъ нихъ постановленій, сколько подъ впечатлѣніемъ комизма этого сраженія на картофельномъ полѣ Баллингари. Движеніе 1848 года, плачевно закончившееся при Баллингари, было послѣдними судорогами Ирландіи послѣ страшнаго несчастья 1846—7 года, нанесшаго ей тяжелую рану. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того мы видимъ ее въ состояніи омертвѣнія. Общество Ирландіи не показываетъ никакихъ признаковъ жизни. Только дѣятельность лэндлордовъ по изгнанію арендаторовъ идетъ усиленнымъ ходомъ. Изгоняемые арендаторы попрежнему уходятъ въ Англію, гдѣ находятъ работу въ городахъ на фабрикахъ; но главный токъ эмиграціи направляется въ Америку.

Населеніе Ирландіи, какъ мы видѣли, быстро таетъ. Съ точки зрѣнія профессора Кернса благосостояніе народа должно было бы подниматься, такъ какъ равновѣсіе между средствами, предоставляемыми страной, и величиною населенія возстановляется; но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было ни теперь, ни послѣ того. Нищета, смертность и голодовки продолжались. Особенно тяжелы были въ этомъ послѣднемъ отношеніи первые годы шестидесятыхъ годовъ.

Въ Америкѣ число ирландцевъ было такъ значительно, что въ Нью-Йоркѣ образовались цѣлые ирландскіе кварталы. Нечего объяснять, что жители ихъ не могли относиться съ симпатіей къ Англіи и не могли не мечтать объ освобожденіи своей родины отъ ея владычества. Одинъ изъ нихъ О’Магони, любитель ирландской старины, образовалъ общество съ цѣлью работать для освобожденія Ирландіи. Занимаясь ирландской стариной, онъ между прочимъ изучалъ циклъ ирландскихъ пѣсенъ XIII вѣка, въ которыхъ воспѣвались подвиги воиновъ короля Эйра, называвшихся фіанами или фейнедами. Онъ рѣшилъ дать это названіе своимъ сотоварищамъ, и такъ явилось названіе феніи. Въ 1858 году Митчель и Мигиръ бѣжали изъ ссылки и, пріѣхавъ въ Америку, присоединились

къ феніямъ. Къ нимъ же присталъ Стефенсъ, молодой человекъ, участвовавшій въ сраженіи при Баллингари. Онъ отправился въ Ирландію, чтобы завязать сношенія съ тамошними патріотами. Тамъ онъ сошелся съ кружкомъ литераторовъ, образовавшихъ въ Скибберенѣ полулитературное, полуполитическое общество. Во главѣ его стоялъ поэтъ О'Донованъ Росса, ставшій потомъ однимъ изъ видныхъ вожаковъ феніевъ. Въ этомъ обществѣ образовалось первое ядро феніанства въ Ирландіи. Въ 1861 году былъ данъ сильный толчокъ пропагандѣ феніевъ похоронами одного изъ ирландскихъ патріотовъ Белью-Макъ Мануса умершаго въ Санъ-Франциско и привезеннаго на родину. Несмотря на запрещеніе дублинскаго архіепископа, пятьдесятъ тысячъ человекъ слѣдовали за его гробомъ.

На развитіе феніанства какъ въ Америкѣ, такъ и въ Ирландіи оказало сильное вліяніе война за освобожденіе негровъ. Ирландскіе эмигранты принимали въ ней большое участіе. Въ сраженіяхъ Гранта и Шермана они отличались своей храбростью и приобрѣли себѣ славу. Тутъ повторяется то же самое, что было въ XVIII вѣкѣ, когда эмигранты-ирландцы сражались на всѣхъ поляхъ сраженій Европы и поставляли не только солдатъ, но и генераловъ въ европейскія арміи. Въ теченіе войны Англія держала себя весьма двусмысленно и чуть не открыто поддерживала южные штаты. Вслѣдствіе этого въ Америкѣ развивалось англофобство, дошедшее до крайнихъ предѣловъ. Наоборотъ все то, что было враждебно англичанамъ или что было преслѣдуемо ими, стало пользоваться расположеніемъ американцевъ и союзнаго правительства. На этой почвѣ развилась популярность ирландцевъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и сочувствіе ихъ дѣлу. Съ этого времени обыкновенно они могли собирать большія пожертвованія для борьбы съ англійскимъ правительствомъ. Кромѣ того, что война за освобожденіе создала изъ нихъ воиновъ, людей полагающихся болѣе на силу удара, чѣмъ на медленное дѣйствіе агитаціи и пропаганды идей, прекращеніе ея въ 1865 году освободило этихъ людей. Многіе изъ нихъ вернулись на родину и стали искать поприща для своихъ способностей и энергіи. Сущность ихъ задачи сводилась къ низверженію

англійскаго владычества, въ этомъ по ихъ мнѣнію былъ весь вопросъ избавленія Ирландіи отъ губящихъ ее золь. Для этого они стали вербовать сторонниковъ и между прочимъ направили свою пропаганду въ войска. Для этого они сами поступали въ войска, и дѣятельность ихъ тамъ была настолько успѣшна, что во многихъ полкахъ, стоявшихъ въ Ирландіи и состоявшихъ главнымъ образомъ изъ ирландцевъ, насчитывали до 15 т. феніевъ. Конечно эту цифру надо считать только приблизительною; но Прессансе, французскій историкъ Ирландіи, считаетъ ее близкой къ истинѣ. Бывало, что полкъ, проходящій городомъ, отзывался на клики изъ толпы „да здравствуетъ ирландская республика“. Атмосфера становилась тяжелой, настроеніе тревожнымъ. Правительство чувствовало, что нѣчто готовится. Во главѣ его стоялъ еще тогда Пальмерстонъ. Онъ рѣшилъ предупредить взрывъ. 15 сентября 1865 года газета „Ирландскій Народъ“, органъ революціонной партіи, былъ конфискованъ и редакція занята полиціей. Вожаки феніевъ Люби, О’Лири и О’Донованъ Росса были арестованы. Стефенсъ тоже попалъ въ руки властей, но, благодаря соучастію двухъ тюремщиковъ, успѣлъ бѣжать и скрыться. Парламентъ пріостановилъ дѣйствіе habeas corpus. Для суда надъ арестованными предсѣдателемъ назначенъ былъ нѣкій Кіогъ, бывшій представитель ирландской національной партіи въ парламентъ, но перешедшій на сторону правительства. Теперь своей жестокостью къ обвиняемымъ онъ старался загладить свое либеральное прошлое. Извѣстно, что измѣнники никогда не прощаютъ тѣмъ, кто остался вѣренъ имъ когда то общему дѣлу. Поэтому Кіогъ съ такой жестокостью и пристрастіемъ преслѣдовалъ феніевъ, что сама англійская пресса возмущалась его поведеніемъ. Но эти преслѣдованія дѣйствительно предупредили взрывъ и на время остановили его. Но въ теченіе 1866 года партія реорганизовалась, хотя у нея еще не составилось какого либо плана. Въ 1867 году въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Ирландіи произошли отдѣльныя возстанія, которыя безъ труда были подавлены. Тѣмъ дѣло тамъ и кончилось. Но одновременно съ движеніемъ въ Ирландіи произошли покушенія феніевъ въ самой Англіи. Послѣ арестованія Стефенса руководителемъ феніевъ сталъ

генераль Келли. Онъ рѣшилъ приобрести оружіе для феніевъ изъ арсенала города Честера. Этотъ городъ лежитъ въ сѣверо-западной Англіи на пересѣченіи нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ черезъ Манчестеръ, Ливерпуль и Шеффильдъ въ Шотландію и на югъ черезъ Бирмингамъ въ Лондонъ. Предположено было сдѣлать нападеніе 11 февраля 1867 года, захватить замокъ Честера со складомъ оружія и военныхъ припасовъ, перерѣзать рельсовые и телеграфные пути, идущіе изъ Честера, и такимъ образомъ лишить его помощи извнѣ, захватить курьерскій поѣздъ, идущій въ Гулигедъ, овладѣть пароходомъ, ожидающимъ тамъ прихода курьерскаго поѣзда, и на немъ перевезти все захваченное въ Ирландію. Планъ былъ очень искусно задуманъ и легко могъ быть приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ Честерѣ было всего 54 человѣка гарнизона. Но этотъ планъ былъ случайно открытъ. Въ 12 часовъ ночи съ десятого на одиннадцатое число магистратъ Честера получилъ извѣстіе о готовящемся нападеніи и имъ тотчасъ были приняты мѣры для его предупрежденія. По телеграфу онъ далъ знать въ Бирмингамъ о необходимости прислать подкрѣпленія. На станцію были посланы полицейскіе слѣдить за пріѣзжающими. Въ половинѣ третьяго ночи пришелъ поѣздъ изъ Ливерпуля, привезшій первый отрядъ заговорщиковъ. Ихъ замѣтили по необычной многочисленности высадившихся пассажировъ. Послѣдніе раздѣлились на нѣсколько кучекъ и разсѣялись по разнымъ частямъ города. Затѣмъ съ поѣздами изъ Лидса, Манчестера и Галифакса прибывали еще партіи подозрительныхъ пассажировъ, такъ что къ обѣду число ихъ можно было опредѣлить тысячи въ полторы. Они собирались вмѣстѣ, раздѣлялись на отряды и двигались по направленію къ цитадели. Всѣ они были вооружены. Роковая минута наступала; но въ это время прибыла рота солдатъ изъ Манчестера; полученная телеграмма изъ Лондона извѣщала о томъ, что оттуда посланъ еще полкъ гвардіи. По прибытіи войскъ заговорщики увидѣли, что ихъ планъ открытъ. Очевидно было, что не только не можетъ быть рѣчи о внезапномъ нападеніи на цитадель, но что слѣдуетъ спасаться самимъ. Они побросали оружіе и во-время разбѣжались. Только валявшееся по улицамъ оружіе свидѣтельствовало о неудавшемся поку-

шеніи. Все это произошло такъ быстро, что когда въ Лондонѣ были получены первыя извѣстія о случившемся, то сначала подумали, что все это выдумка досужихъ репортеровъ. Нѣсколько мѣсяцевъ затѣмъ прошли спокойно. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ полицмэны города Манчестера увидѣли ночью нѣсколько человекъ, которые показались имъ подозрительными. Принявъ ихъ за ночныхъ воровъ, они арестовали ихъ, и когда на слѣдующій день ихъ доставили въ магистратъ, то оказалось, что двое за нихъ, Келли и Диззи, феніи, замѣшанные въ ирландскомъ возстаніи и въ покушеніи на Честеръ. 18 сентября они были доставлены въ судъ, но дѣло не состоялось и они были посланы назадъ въ тюрьму. Они были посажены въ карету, на крышу которой посажено было семеро констэблей. Дорога въ Салфордскую тюрьму проходитъ подъ виадукомъ желѣзной дороги. Едва тяжелый экипажъ въѣхалъ подъ арку, какъ на него напали 30 вооруженныхъ людей. Они повидимому находились подъ начальствомъ высокаго молодого человека. Когда кучеръ не послушался требованія его остановиться, послѣдній выстрѣлилъ и этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ, которому последовали другіе.

Одна лошадь была убита; полицмэны, вооруженные только палками, разбѣжались. Тогда нападающіе пытаются выломать двери кареты, но тщетно. На требованіе отворить двери, сержантъ, сидѣвшій внутри кареты, отвѣтилъ отказомъ. Тогда Алленъ, — такъ звали предводителя нападавшихъ, — приставилъ пистолеть къ замку и выстрѣломъ разбилъ его. По словамъ участниковъ нападенія, этотъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ, чтобы только разбить замокъ; по словамъ другихъ, чтобы убить полицейскаго. Онъ былъ убитъ. Одна заключенная въ каретѣ вынула у него ключи изъ кармана, и дверь была отворена. Келли и Диззи были освобождены и ихъ болѣе не нашли. Участники преступленія Алленъ, Ларкинъ, Михайль О'Брайенъ, Мигиръ и Кондонъ были потомъ арестованы и судимы среди сильнаго возбужденія общественнаго негодованія. Они отрицали преднамѣренное убійство. Во время защиты Кондонъ произнесъ фразу, которая разнеслась по всей Ирландіи. Онъ сказалъ: „Я ни о чемъ не жалѣю, ни отъ чего не отказываюсь. Я

могу только одно сказать: Господи, спаси Ирландію!". 23 ноября Ларкинъ, О'Брайенъ были казнены предъ воротами Салфордской тюрьмы.

Не успѣли еще опомниться отъ Манчестерскаго нападенія, какъ новое покушеніе, еще болѣе грозное, до крайности возбудило общественное мнѣніе. Въ Клеркенуэльской тюрьмѣ въ Лондонѣ сидѣли двое выдающихся феніевъ: Боркъ и Чези. Феніи рѣшили освободить ихъ. 13 декабря въ половинѣ четвертаго часа окрестности тюрьмы были потрясены страшнымъ взрывомъ, отъ котораго обвалилась часть тюремной стѣны на 80 метровъ въ длину и сильно пострадали сосѣдніе дома. Дознаніе выяснило, что какихъ-то два лица привезли бочку съ порохомъ, зажгли фитиль и ушли. Покушеніе не достигло своей цѣли. Начальство тюрьмы получило неясныя свѣдѣнія о готовящейся попыткѣ освободить заключенныхъ и отмѣнило обычную прогулку ихъ въ это время, замѣнивъ ее прогулкой рано утромъ. Но взрывъ произвелъ много несчастій. 12 человекъ было убито и до 20 ранено и изувѣчено. Виновиномъ покушенія оказался Барретъ. Онъ былъ повѣшенъ передъ воротами Ньюгетской тюрьмы. Такая хладнокровная, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся рѣшимость ужаснула всѣхъ и раскрыла всю глубину ненависти, питаемой ирландцами къ англичанамъ, и свидѣтельствовала о нравственномъ безпорядкѣ, царящемъ среди ирландскаго народа.

Если эти событія напугали однихъ, возбудили негодованіе среди другихъ, то въ то же время они заставили задуматься третьихъ надъ причинами зла и разсудить о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ можно выйти изъ этого невозможнаго положенія. Между этими людьми былъ государственный человекъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ среди вожаковъ общественной жизни Европы, Вилльямъ Гладстонъ.

Гладстонъ представляетъ собой оригинальную фигуру политическаго дѣятеля. Ходъ развитія его политическаго міровоззрѣнія не былъ обычнымъ. Обыкновенно бываетъ, что люди, въ молодости исповѣдующіе либеральныя и даже радикальныя принципы, въ зрѣломъ возрастѣ становятся болѣе умѣренными и къ старости пре-

вращаются въ заскорузлыхъ реакціонеровъ или во всякомъ случаѣ въ консерваторовъ. Это считается въ порядкѣ вещей. Таковъ былъ ходъ развитія постоянного соперника Глэдстона Дизраэли, впоследствии лорда Биконсфильда. Бывъ сначала радикаломъ, онъ постепенно переходилъ къ болѣе свѣтлымъ тонамъ убѣжденій, пока не сталъ совершенно бѣлымъ консерваторомъ. Въ жизни Глэдстона мы видимъ обратное явленіе. Когда онъ кончалъ Оксфордскій университетъ, онъ былъ не только консерваторомъ, но даже и обскурантомъ. Онъ былъ полонъ религіозной и національной нетерпимости и такимъ и вошелъ въ парламентъ. Но затѣмъ онъ все больше склоняется къ болѣе умѣреннымъ взглядамъ, и уже въ сороковыхъ годахъ мы видимъ его въ кабинетѣ Роберта Пилля переходящимъ вмѣстѣ съ послѣднимъ къ началамъ свободной торговли. Въ 1866 году мы видимъ его въ качествѣ передового борца за реформу избирательнаго закона парламента въ демократическомъ духѣ. Такой ходъ развитія Глэдстона объясняется прежде всего его сильнымъ умомъ, который умѣлъ учиться у жизни и понимать ея запросы. Глубокая правдивость и религіозная искренность не позволяли ему отвернуться отъ ея уроковъ или же пытаться исказить голосъ жизни. Напротивъ, разъ онъ приходилъ къ убѣжденію, что жизнь ставитъ запросъ, онъ старался удовлетворить его и найти то рѣшеніе, которое, по его мнѣнію, способно было наилучше удовлетворить требованію справедливости, такъ какъ, по его глубокому убѣжденію, наилучшимъ должно быть признано то рѣшеніе политическихъ вопросовъ, которое совпадаетъ съ справедливостью.

Ирландскій вопросъ остановилъ на себѣ его вниманіе еще въ 1845 году. Уже тогда, какъ онъ самъ говорилъ, онъ заподозрилъ, что едва-ли можно достигнуть улучшенія тамошней жизни безъ коренной реформы положенія тамъ протестантской церкви и измененія отношеній лэндлордовъ къ арендаторамъ. Теперь грозныя проявленія феніанской борьбы убѣдили его, что моментъ насталъ и что медлить дальше нельзя съ рѣшеніемъ трехъ вопросовъ: уничтоженія господствующаго положенія протестантской церкви въ Ирландіи, введенія свѣтскости высшаго образованія и осуществленія земельной реформы. Онъ самъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей

описалъ впечатлѣніе, произведенное на него феніанскими покушеніями. „Что произошло, — говорилъ онъ, — въ отношеніи ирландской церкви? До 1865 года этотъ вопросъ былъ мертвъ. Никто имъ не занимался; никто не обращалъ на него вниманія въ Англіи. Я самъ говорилъ, что этотъ вопросъ находится внѣ практической политики, понимая подъ этимъ сферу вопросовъ будущихъ выборовъ. Но когда мы дошли до того, что большая тюрьма въ центрѣ столицы была на половину разрушена, когда полицейскій агентъ былъ убитъ ирландцами среди бѣла дня, о, тогда вся страна почувствовала, что ирландскій вопросъ становится передъ нею и церковный вопросъ въ Ирландіи вышелъ изъ небытія“. Эта декларация послужила поводомъ обвиненія Глэдстона въ томъ, что онъ предоставляетъ премію за политическія преступленія. Глэдстонъ чувствовалъ самъ нѣкоторую неловкость своихъ выраженій и искалъ случая объясниться. Однажды онъ сказалъ: „Я сказалъ, что ирландскій церковный вопросъ находился внѣ сферы практической политики. Подъ этимъ я разумѣлъ, въ виду предстоящихъ выборовъ, что этотъ вопросъ недостаточно назрѣлъ, чтобы быть рѣшеннымъ въ парламентъ, подлежащемъ избранію. Въ 1867 году произошли убійство въ Манчестерѣ и взрывъ въ Керкенуэлѣ. Думаютъ, что эти покушенія заставили меня измѣнить свое мнѣніе. То, что я говорилъ и что повторяю, это то, что эти событія обратили вниманіе народа на этомъ островѣ на ирландскій вопросъ. Позвольте мнѣ привести сравненіе. Предположите утро воскресенья. Я всталъ, позавтракалъ и читаю интересную книгу, конечно, книгу, подходящую къ этому святому дню, и что я въ эту минуту совсѣмъ не думаю о томъ, чтобы идти въ церковь, такъ какъ книга поглощаетъ меня. Вдругъ я слышу звонъ колоколовъ. Этотъ звонъ приводитъ меня въ себя; я кладу книгу, беру шляпу и отправляюсь въ церковь. Скажете ли вы, что звонъ колоколовъ — причина того, что я пошелъ въ церковь? Вовсе нѣтъ; я иду туда потому, что считаю своей обязанностью идти туда“. Этими словами онъ говоритъ, что его убѣжденіе уже давно составилось и что только эти событія измѣнили его мнѣніе о своевременности дѣла. Какъ далеко былъ Глэдстонъ отъ того времени, когда онъ горячо защищалъ необходимость

государственной церкви въ Ирландіи и посвятилъ большую книгу на доказательство необходимости всегда и всюду союза церкви и государства. Но министерство Дизраэли не желало ставить ирландскій вопросъ на обсужденіе въ парламентъ. Поэтому Глэдстонъ воспользовался однимъ запросомъ ирландскаго депутата въ парламентъ, чтобы поднять его. „Ирландія, — сказалъ онъ въ этомъ засѣданіи парламента, — въ теченіе вѣковъ имѣетъ открытый счетъ съ этой страной, и мы не сдѣлали достаточно, чтобы сбалансировать его въ нашу пользу. Религіозное равенство должно быть наконецъ установлено, какъ ни кажется труднымъ это предпріятіе. Дѣлалъ призывъ къ лояльности и къ духу единенія въ ирландскомъ народѣ. Я охотно къ нему присоединяюсь, но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что относительно средствъ и путей къ этому единенію разногласія очень глубоки. Употреблять же эти слова, но безъ осуществленія ихъ на дѣлѣ, значить насмѣхаться... Если у насъ есть хоть немного осторожности, то я надѣюсь, что мы постараемся, насколько это отъ насъ зависитъ, принять мѣры противъ неясности и опасностей будущаго. Если въ насъ есть сколько нибудь благородства, то я надѣюсь, что мы употребимъ всѣ усилія, чтобы стереть съ нашего герба тѣ пятна, которыми запятнало его въ глазахъ всего цивилизованнаго міра наше обращеніе съ Ирландіей. Если въ нашей душѣ есть сколько нибудь жалости, мы прислушаемся, я надѣюсь, къ той мучительной пѣснѣ о страданіяхъ, которая доносится до насъ изъ Ирландіи и правдивость которой засвидѣтельствована постояннымъ потокомъ эмиграціи. Но прежде всего, если мы хотимъ справедливости, мы пойдемъ впередъ во имя правды и права, никогда не теряя изъ виду слѣдующаго: когда дѣло выяснено и когда часъ пробилъ, всякая отсрочка справедливости есть отрицаніе справедливости“. Черезъ нѣсколько дней Глэдстонъ представилъ палатѣ три резолюціи: 1) По мнѣнію палаты, необходимо, чтобы церковь въ Ирландіи перестала быть государственнымъ учрежденіемъ съ сохраненіемъ однако, личныхъ интересовъ и правъ собственности. 2) При этой оговоркѣ необходимо однако, предупредить образованіе новыхъ личныхъ интересовъ путемъ общественнаго патронажа. Вслѣдствіе этого церковные комиссары въ Ирландіи до рѣшенія парла-

мента ограничатъ свою дѣятельность предѣлами строгой необходимости. 3) Почтительный адресъ будетъ представленъ ея величеству, чтобы всеподданнѣйше просить ее передать въ распоряженіе парламента съ этой цѣлью всѣ права, ей принадлежащія въ Ирландіи, на свѣтское вѣдомство церкви, на архіепископства, епископства и другія церковныя должности и бенефиціи. Во время преній по этимъ резолюціямъ министерство Дизраэли рѣшительно сопротивлялось мысли Гладстона; но парламентъ большинствомъ 328 голосовъ противъ 272 высказался за резолюціи Гладстона. Дизраэли думалъ, что страна выскажется за него, а потому рѣшилъ распустить парламентъ. Сначала, 31 іюля 1868 года, онъ его отсрочилъ, чтобы объявить осенью о распушеніи. Избирательная борьба была очень ожесточенна. Оксфордскій университетъ, представителемъ котораго въ теченіе многихъ лѣтъ былъ Гладстонъ въ парламентѣ, теперь лишилъ его своего полномочія. Съ нимъ повторилось теперь то же, что случилось когда-то съ Робертомъ Пиллсомъ въ томъ же университетѣ, когда тотъ высказался за эмансипацію католиковъ. Противники Гладстона обливали руганью его и его сторонниковъ; ихъ называли „шайкой измѣнниковъ, воровъ и политическихъ разбойниковъ“. Духовенство сильно волновалось и грозило. Архидіаконъ Оссори на митингѣ, предсѣдательствуемомъ епископомъ, совѣтовалъ своимъ слушателямъ держать порохъ наготовѣ. Когда у него потребовали объясненія этой странной фразы, онъ ударилъ отбой и сказалъ, что онъ не имѣлъ въ виду матеріальнаго пороха. Въ сущности изъ этого объясненія нельзя было понять, что онъ имѣлъ въ виду подъ своимъ спиритуальнымъ порохомъ. Всѣ эти нападки испугали Гладстона тѣмъ болѣе, что онъ встрѣтилъ поддержку тамъ, гдѣ ее не ожидалъ. Старый лордъ Россель, признанный глава умѣренныхъ либераловъ, опубликовалъ брошюру въ защиту гладстоновской политики Ирландіи, въ которой высказалъ пророческія слова: „Если г. Гладстонъ предпринимаетъ героическое дѣло спаять три королевства болѣе привязанностью, чѣмъ закономъ, если онъ старается смыть грязь, которою забрызгано доброе имя Великобританіи, благодаря преслѣдованіямъ и предразсудкамъ, тогда онъ можетъ не возстановлять единства въ своей партіи; онъ можетъ ждать долго

возвращенія къ власти; но его имя будетъ записано въ число наиболѣе благородныхъ государственныхъ людей Англїи. Онъ положить основаніе того дѣла, которое будетъ непремѣнно окончено имъ или къмъ либо болѣе молодымъ“. Въ результатъ избирательной борьбы была полная побѣда либераловъ, сторонниковъ Глэдстона. На выборахъ они получили 1.408.219 голосовъ противъ 883.500, данныхъ консерваторамъ. Такимъ образомъ, большинство — 524.689 голосовъ оказалось на ихъ сторонѣ.

Послѣ такого исхода голосованія Дизраэли подалъ въ отставку. Общій голосъ указывалъ ясно на Глэдстона, какъ на перваго министра; но королева Викторія не долубливала его и потому попыталась организовать министерство безъ его президентства. Она поручила составить его одному изъ видныхъ представителей либеральной партїи Гартингтону. Но это министерство не просуществовало и нѣсколькихъ дней и подало въ отставку, убѣдившись въ отсутствїи поддержки въ парламентѣ. Послѣ этой неудачи королева обратилась къ Глэдстону и поручила ему составить министерство. Когда оно организовалось, Глэдстонъ внесъ свой церковный билль 1 марта 1869 года. Въ теченіе трехъ часовъ онъ держалъ парламентъ въ напряженномъ вниманїи къ своей рѣчи. Съ полнымъ обладанїемъ своимъ предметомъ, съ поразительной ясностью мысли и выраженїемъ онъ излагалъ свою систему, переходя съ удивительной легкостью отъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ соображенїй къ самымъ сухимъ цифрамъ. Не торопясь, по пунктамъ онъ объяснялъ своимъ слушателямъ, какимъ путемъ онъ думаетъ осуществить свою реформу. Моральное значеніе ея онъ видѣлъ въ томъ, что она устранимъ одну изъ несправедливостей по отношенїю къ ирландскому народу, которая такъ долго пятнала англїйскую націю. Моральную выгоду самой епископальной церкви онъ видѣлъ въ томъ, что, будучи освобождена отъ зависимости отъ государства и будучи предоставлена собственнымъ силамъ, она подниметъ свой авторитетъ и приобрѣтетъ большую энергію дѣятельности и обратитъ большее вниманіе на моральные интересы своей паствы. Матеріальная сторона дѣла заключалась въ томъ, что ирландскїе католики избавлялись отъ налога въ пользу епископальной церкви, который

на нихъ такъ долго тяготѣлъ вопреки всякому праву и справедливости. Сущность предлагаемаго закона сводилась къ слѣдующему: съ 1 января 1871 года епископальная церковь въ Ирландіи, какъ и всякая другая, перестаетъ быть признаваемой государственной и становится частнымъ учрежденіемъ. Всѣ церковныя корпораціи и юридическія лица прекращаютъ свое существованіе, и церковныя законы теряютъ свою обязательную силу. Они будутъ имѣть только значеніе договора между духовенствомъ и вѣрующими прихожанами. Для облегченія реорганизаціи церкви на новыхъ началахъ отмѣнялись законы, запрещавшіе синодальныя собранія. Десятина упразднлась и выкупъ ея долженъ былъ произойти въ теченіе 45 лѣтъ. Всѣ церковныя имущества, движимыя и недвижимыя, отчуждались, за исключеніемъ, однако, тѣхъ капиталовъ и учреждений, которые были основаны частными лицами и притомъ основаніе коихъ относилось ко времени позже 1660 года. Всѣ владѣльцы доходовъ, коимъ таковыя принадлежали въ моментъ изданія закона, сохраняли ихъ либо въ видѣ платы со стороны государства за несомыя ими обязанности, либо въ видѣ пожизненной ренты. Государство прекращаетъ всякую субсидію церковнымъ учреждениямъ, а получающимъ ее въ моментъ изданія закона оно выдаетъ одновременно сумму, соотвѣтствующую доходу, капитализированному изъ 7⁰/₀. На этомъ же основаніи должны были быть вознаграждены Майнотская школа и просвитерьянскія учрежденія. По финансовому плану Гладстона выходило, что за выдачей капитализированной ренты за отчужденіе десятины, земель и вѣчныхъ доходовъ и движимаго имущества въ рукахъ государства должно было оказаться 16 милл. ф. с. Изъ этихъ денегъ половина должна была пойти на обезпеченіе процентовъ на выплату вознагражденія за упраздняемые доходы духовенства, а другая половина освобождалась и предназначена была закономъ не на религіозныя надобности, а на разныя богоугодныя учрежденія, точно указанныя въ самомъ законѣ, какъ-то: дома умалишенныхъ, пріюты для идиотовъ, на школы слѣпыхъ и глухонѣмыхъ и семинаріи учителей для нихъ, школы фельдшерницъ и т. п. Для осуществленія реформы назначались церковныя комиссары, которые должны были принять все

церковное имущество и определить доходы, подлежащие отчуждению, и выдавать соответственное вознаграждение. Церкви, в которыхъ въ моментъ изданія закона отправлялось богослуженіе, отдавались той церкви, которой онѣ служили, и передавались надлежащему приходу. Церкви, составляющія историческіе памятники, должны быть сохранены и содержимы на счетъ государства. Кромѣ того, особый капиталъ выдѣленъ былъ на содержаніе такой выдающейся святыни, какъ соборъ Св. Патрика въ Дублинѣ. Убѣдительность доводовъ Глэдстона и искусство его финансоваго плана были очень сильны. Они подчинили ему многихъ членовъ парламента, такъ что въ результатѣ преній получило большинство въ 368 голосовъ, противъ 250, за принятіе проекта. Даже въ верхней палатѣ, гдѣ консерваторы составляли большинство, билль прошелъ большинствомъ 179 голосовъ противъ 146. На такое большинство тамъ Глэдстонъ совсѣмъ не рассчитывалъ. Многие консерваторы подали голосъ за его законопроектъ по той причинѣ, что они подчинились его доводамъ въ справедливости и необходимости предлагаемой реформы. Въ заключеніи одной изъ своихъ рѣчей въ парламентѣ Глэдстонъ самъ сказалъ, что онъ не выступилъ бы на путь, открываемый реформой, путь, который не могъ ограничиться только одной церковной реформой, если бы онъ не былъ глубоко убѣжденъ, если бы онъ не вѣрилъ, что послѣдній часъ готовъ пробить:

venit summa dies et ineluctabile fatum

„исходъ дѣла, — говорилъ онъ — не въ нашихъ рукахъ. То, что есть и что въ нашихъ рукахъ, это хорошо рассчитать прежде, чѣмъ сдѣлать первый шагъ по такому пути, какъ этотъ; но разъ мы пойдемъ по немъ, мы должны дѣйствовать мужественно и все сдѣлать, чтобы загладить тѣ скандалы, которые такъ долго безобразили отношенія между Ирландіей и Англійей, и чтобы укрѣпить, наконецъ, путемъ сердечнаго согласія благородное зданіе Британской имперіи“.

Церковная реформа составляла только часть реформъ, предположенныхъ Глэдстономъ для Ирландіи. Болѣе существенною онъ считалъ реформу отношеній арендаторовъ къ помѣщикамъ. Въ основаніе этой реформы онъ положилъ такъ называемый Ольстерскій обычай. Этотъ обычай не представлялъ собою чего нибудь

единого, а состоялъ изъ нѣсколькихъ разновидностей, зависѣвшихъ отъ мѣстныхъ условій; но тѣмъ не менѣе эти разновидности сходились къ нѣсколькимъ общимъ чертамъ, которыя и дали возможность считать ихъ чѣмъ-то однимъ и дать ему одно названіе. Это общее было—большая обеспеченность арендатора отъ произвола помѣщика.

Эта особенность положенія ольстерскихъ арендаторовъ идетъ съ давняго времени. Припомнимъ, что Ольстеръ былъ заселенъ въ нѣсколько пріемовъ пресвитерьянами, выходцами изъ Шотландіи, людьми со средствами, которые могли приложить къ землѣ не только трудъ, но и капиталъ. Это ихъ ставило въ болѣе самостоятельное положеніе. Кромѣ того, въ Ольстерѣ развилась промышленность, и это обстоятельство дало возможность рабочимъ находить приложеніе своего труда не только въ земледѣліи. Такимъ образомъ, арендаторъ въ Ольстерѣ имѣлъ возможность договариваться съ помѣщикомъ на условія болѣе или менѣе равныхъ. Отсюда выработались извѣстныя условія, которыя признавались обѣими сторонами и составили обычаи въ отношеніи заинтересованныхъ сторонъ и регулировали ихъ взаимныя отношенія. Главныя черты этихъ обычаевъ заключались въ слѣдующемъ: 1) Сдача земли подъ сельскохозяйственную обработку должна быть производима не по наивысшей цѣнѣ, предложенной кѣмъ либо изъ претендентовъ, а по справедливой цѣнѣ тому, кто уже владѣетъ ею. Равнымъ образомъ повышеніе арендной платы не должно совершаться произвольно и чрезмѣрно, а должно быть допускаемо только въ случаѣ прочнаго повышенія ея въ округѣ и въ умѣренной степени. 2) Пока фермеръ платитъ аренду, лэндлордъ не долженъ прекращать его аренды. 3) Фермеръ можетъ продать свое право на аренду или, вѣрнѣе, свое согласіе на переходъ ея къ другому лицу съ разрѣшенія лэндлорда; но послѣдній не можетъ по своему произволу отказать въ своемъ разрѣшеніи. Фермеръ же съ своей стороны не можетъ передавать аренду всякому встрѣчному, не будучи увѣренъ въ его нравственныхъ качествахъ и платежной способности. Разъ арендаторъ могъ продавать свое право аренды, то естественно, что этимъ правомъ гарантировалось вознагражденіе за тѣ улучшенія, которыя имъ сдѣланы на арендномъ участкѣ,

такъ какъ отъ него зависѣло опредѣлить ту цѣну, за которую онъ согласенъ отказаться отъ своей аренды. Но очевидно также и то, что это послѣднее право тѣсно связано съ предыдущими условіями. Если бы обычай допускалъ, что лэндлордъ можетъ отдать всякому фермеру данную аренду, который предложилъ наивысшую цѣну, не справляясь съ интересами даннаго владѣльца, то кто же сталъ бы покупать эту аренду у послѣдняго? Если бы лэндлордъ могъ по произволу поднять аренду, то покупатель не былъ бы гарантированъ въ томъ, что цѣна, уплаченная имъ прежнему владѣльцу, будетъ имъ использована, а не пойдетъ въ карманъ помѣщика. Поэтому эти три условія составляли нѣчто единое, такъ называемый ольстерскій или ульстерскій обычай, признававшійся обѣими сторонами и обеспечивавшій обѣ стороны. Вслѣдствіе этого плата за арендное право находилась въ зависимости отъ качества уступаемаго участка и отъ величины тѣхъ улучшеній, которыя на немъ сдѣланы. Она равнялась пяти или двѣнадцатикратной годичной рентѣ, а иногда въ 20—30 или 40 разъ превышала ее. Выгодность этого обычая, ставившаго фермера въ болѣе обеспеченное положеніе, явствовалась изъ того, что въ восьми графствахъ Ульстера доходъ отъ ренты возросъ въ болѣе пропорціи, чѣмъ тамъ, гдѣ этого обычая не было. Въ этихъ графствахъ доходъ отъ ренты съ 1779 года поднялся съ 24 милл. до 70 милл., т. е. увеличился на 145%, тогда какъ въ остальной Ирландіи доходъ возросъ съ 120 до 230 милл., т. е. на 91%. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самихъ помѣщиковъ обеспеченность арендатора отъ ихъ произвола и жадности представлялась выгодной.

Ульстерскій или ольстерскій обычай составлялъ идеаль другіхъ фермеровъ Ирландіи и былъ давно введенъ въ программу людей, стремившихся улучшить ихъ положеніе. Эта программа требовала: справедливой арендной платы (*fair rent*), обеспеченности аренды (*fixity of tenure*) и свободной продажи аренднаго права (*free sale*). Она поэтому называлась программой трехъ „Ф“. Эту программу сначала считали революціонной, ибо она противорѣчила идеѣ абсолютной земельной собственности, и относились къ ней съ ужасомъ, какъ къ программѣ, способной опрокинуть основы социаль-

наго порядка. Но уже въ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ возрѣнія на земельную собственность измѣняются: вѣра въ ея неограниченность колеблется, а затѣмъ послѣдняя отрицается совершенно, какъ несовмѣстная съ общественными интересами. Когда практика жизни пришла къ тому, что право капиталиста распоряжаться своимъ капиталомъ, вложеннымъ въ промышленное предприятие, подверглось ограниченіямъ, и когда замѣчено было, что въ отношеніяхъ лэндлорда въ Ирландіи къ его арендаторамъ есть аналогія съ отношеніями фабриканта къ его рабочимъ, и когда масса общественнаго зла, вытекавшаго изъ этихъ отношеній, стала бросаться въ глаза, то мысль о необходимости ограниченія правъ собственника все больше выигрывала почву. Представителемъ этой мысли въ экономической наукѣ былъ Джонъ Стюартъ Милль. Онъ былъ въ то же время и политическимъ дѣятелемъ и относился съ большимъ интересомъ къ тому, что дѣлалось въ Ирландіи, и энергично протестовалъ противъ произвола и жестокости лэндлордовъ. Мы помнимъ, что и государственные дѣятели мало-по-малу проникались мыслью о несправедливости господствовавшаго тамъ порядка. Выразителями этого взгляда были Друммондъ, вице-король Ирландіи, и Робертъ Пилль, но не хватало рѣшимости посягнуть на неприкосновенность права собственности. Ко времени Глэдстона мысль о необходимости ея ограниченія стала распространенной, и программа трехъ „Ф“ перестала считаться революціонной.

Свой проектъ земельной реформы Глэдстонъ представилъ палатѣ общинъ 15 февраля 1870 года. Въ изложеніи сущности реформы закона и его значенія онъ старался опровергнуть тѣ предразсудки, которые слишкомъ легко были усвоены общественнымъ мнѣніемъ относительно ирландской расы въ связи съ ея кельтскимъ происхожденіемъ, о ея склонности къ безпорядку, объ одинаковости фермерскаго права по ту и по сю сторону канала св. Георгія и о процвѣтаніи ирландскаго земледѣлія. Сдѣлавъ очеркъ исторіи ирландскихъ земледѣльческихъ классовъ, онъ заключилъ его выводомъ, что послѣ законодательной работы цѣлаго вѣка, направленной, какъ думали, въ пользу Ирландіи, можно усомниться въ томъ, что положеніе ирландскаго арендатора стало лучше, чѣмъ

оно было до отмены уголовных законов против католиков. Главное зло, которому надо помочь, по его мнению, заключается в томъ, что положеніе арендатора совершенно не обезпечено. Это по его словамъ, констатировала еще комиссія Девона. По биллю, представленному Гладстономъ, въ основаніе закона положенъ былъ ульстерскій обычай. Онъ получалъ силу закона въ тѣхъ графствахъ, гдѣ онъ существовалъ уже до того. Къ этому присоединилось постановленіе, что самое нарушеніе спокойнаго владѣнія путемъ изгнанія создавало для арендатора основаніе требовать вознагражденіе. Кромѣ вознагражденія за нарушеніе спокойствія владѣнія, помѣщикъ долженъ былъ вознаградить арендатора за всѣ постройки и изгороди и вообще за всѣ улучшенія, сдѣланныя имъ на участкѣ. Роды улучшеній, подлежащихъ вознагражденію, были перечислены въ законѣ. При этомъ обязанность доказывать производство улучшеній снималась съ арендатора; не онъ долженъ былъ доказывать, что онъ произвелъ то или иное улучшеніе, а помѣщикъ долженъ былъ доказать, что указываемыя улучшенія не были произведены фермеромъ, если онъ хотѣлъ избавиться отъ необходимости вознаграждать за нихъ арендатора.

Обязанность вознаградить фермера за изгнаніе не снималась иногда съ помѣщика и въ томъ случаѣ, когда изгнаніе происходило вслѣдствіе того, что арендаторъ не уплатилъ аренды. Если послѣдняя была чрезчуръ высока и несправедлива, то арендаторъ-недоимщикъ все-таки долженъ былъ быть вознагражденъ за изгнаніе.

Издаваемый законъ распространялся на всѣ графства Ирландіи, гдѣ до тѣхъ поръ не дѣйствовалъ ульстерскій обычай. Исключались только тѣ аренды, которыя существовали на основаніи договора на 31 годъ. Эти исключенія должны были быть очень немногочисленны, такъ какъ огромное большинство арендъ, какъ мы знаемъ, давно уже стало заключаться на годичный срокъ. Заявленіе арендатору объ отказѣ ему отъ аренды должно быть дѣлаемо не за шесть мѣсяцевъ, какъ это обыкновенно практиковалось, а за двѣнадцать мѣсяцевъ. Мѣстные налоги въ крупныхъ арендахъ (свыше 4 ф. ст. въ годъ) должны быть раскладываемы пополамъ на помѣщика и

арендатора; въ арендахъ же болѣе мелкихъ они должны были быть платимы всецѣло помѣщикомъ.

Для разбора споровъ между арендаторами и помѣщиками учреждались два рода судовъ: арбитражные, разбиравшіе дѣла по просьбѣ обѣихъ сторонъ и постановлявшіе приговоры, не подлежавшіе обжалованію, и гражданскіе суды, которые разбирали дѣла по просьбѣ одной изъ сторонъ.

Въ заключеніе своей рѣчи о предложенномъ биллѣ Глэдстонъ сказалъ: „Я питаю живую надежду, что мы доживемъ до того, чтобы увидѣть развитіе дѣла рукъ нашихъ и что въ этой Ирландіи, которую мы хотимъ скрѣпить съ Англіей и съ Шотландіей связями болѣе крѣпкими, а именно: связями свободной воли и свободной симпатіи, миръ, порядокъ и трудъ свободный и нормальный будутъ годъ за годомъ и день за днемъ распространять свои блага въ странѣ веселой и процвѣтающей“.

Земельный билль прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ 442 противъ 11 голосовъ. Въ верхней палатѣ консервативное большинство не рѣшилось оказать сопротивленія народной волѣ, и законъ былъ обнародованъ 1 августа 1870 г. Надежда Глэдстона, возложенная на этотъ законъ, не могла сбыться, такъ какъ реформа его далеко не касалась земельныхъ отношеній во всей ихъ полнотѣ. Сущность зла заключалась въ чрезмѣрной высотѣ ренты, которую помѣщикъ, будучи монополистомъ, могъ произвольно назначать, такъ какъ арендатору, лишенному капитала и средствъ къ жизни внѣ аренды, некуда было дѣваться. Этого права лэндлордовъ назначать ренту по своему усмотрѣнію законъ не касался, а только въ извѣстныхъ случаяхъ обязывалъ его къ извѣстнымъ платежамъ въ пользу арендатора, при удаленіи послѣдняго. Равнымъ образомъ законъ не коснулся права лэндлорда изгонять крестьянъ со своихъ земель. А безъ ограниченія этого права помѣщика нельзя было устранить главное зло, указанное биллемъ, — необеспеченность существованія земледѣльца. Поэтому реформа Глэдстона имѣла очень ограниченное вліяніе. Она имѣетъ значеніе перваго шага, который дѣлаетъ государство, чтобы стать между арендаторомъ и помѣщикомъ для урегулированія ихъ отношеній на почвѣ ограниченія правъ

собственника во имя общественной пользы. По существу своему этот шагъ требовалъ дальнѣйшихъ шаговъ въ томъ же направленіи и сама жизнь не замедлила показать необходимость этихъ дальнѣйшихъ шаговъ, которые, однако, осложнились политическимъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ гомруля.

VII.

Земельная лига и гомруль.

Значеніе земельной реформы Гладстона 1870 года скорѣе заключалось въ ея принципѣ, чѣмъ въ примѣненіи къ жизни. Новый законъ призналъ извѣстное право фермера на землю, ибо онъ предоставлялъ ему право требовать вознагражденіе за удаленіе отъ аренды и право продавать свое право на аренду безъ согласія лэндлорда. По словамъ Гладстона, „дѣйствіе такой мѣры (fixity of tenure) будетъ заключаться въ томъ, что лэндлордъ сдѣлается пенсіонеромъ и получателемъ арендной платы съ той земли, которая теперь составляетъ его собственность. Законодательство, безъ сомнѣнія, имѣетъ право свести его къ такому положенію, присудивъ ему справедливое денежное вознагражденіе за ущербъ, который онъ потерпитъ; государство имѣетъ право касаться его соціальнаго положенія и поставить его въ вышеуказанныя условія, если это признано необходимымъ“. Но десятилѣтіе, слѣдовавшее за изданіемъ закона 1870 года, съ очевидностью доказало его недостаточность въ практическомъ отношеніи. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ, по 1880 годъ включительно, было присуждено вознагражденіе фермерамъ въ 4718 случаяхъ. Слѣдовательно, эта мѣра коснулась только ничтожной части фермеровъ. Такъ какъ погодныхъ съемщиковъ считалось 526.539, то число случаевъ присужденія фермерамъ вознагражденія составляетъ за десять лѣтъ только 0,8% общаго числа погодныхъ съемщиковъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что, при распредѣленіи числа судебныхъ рѣшеній по годамъ, оказывается, что во второй половинѣ десятилѣтія примѣненіе закона ослабѣваетъ

съ каждымъ годомъ. На первую половину десятилѣтїа паласть 3012 случаевъ вознагражденїа, или 63%, тогда какъ на вторую половину приходится только 1706 случаевъ, или 37%. Напротивъ, число изгнанїй фермеровъ въ томъ же десятилѣтїи возрастало по мѣрѣ приближенїа къ его концу. Оно значительно слабѣе въ началѣ десятилѣтїа и сильно растетъ во второй его половинѣ. Слѣдующїе столбцы цифръ дають наглядное представленїе о движенїи процесса судебныхъ рѣшенїй въ пользу фермеровъ и процесса ихъ изгнанїй.

ГО Д Ы.	Сумма вознагражденїа въ пользу фермеровъ.	Число случаевъ вознагражденїа фермеровъ.	Число изгнанїй.
1870—71 . . .	13664	415	1016
1872 . . .	19367	453	1005
1873 . . .	19638	528	1630
1874 . . .	19450	905	1857
1875 . . .	21184	711	1872
1876 . . .	15023	329	1598
1877 . . .	15401	234	1577
1878 . . .	17063	489	2173
1879 . . .	12654	345	3009
1880 . . .	8204	309	2770

Если-бы параллельно уменьшенїю случаевъ судебного присужденїа вознагражденїа въ пользу фермера не росло число изгнанїй, можно было бы подумать, что отношенїа между двумя сторонами стали лучше и вопросы о вознагражденїи за отказъ отъ аренды или за произведенныя улучшенїа рѣшаются полюбовно; но при наличности такого сильнаго роста числа изгнанїй остается заключить, что законъ оказался на практикѣ недѣйствительнымъ и потому къ его помощи стали прибѣгать рѣже и рѣже. Эта неудача закона объясняется его недостатками. Онъ нигдѣ прямо не запрещалъ произвольнаго возвышенїа ренты. А разъ это право оставалось нетронутымъ, то возвышенїе ренты по волѣ владѣльца косвенно вляло и на право продажи права аренды и права полученїа вознагражденїа за улучшенїа. Оно дѣлало эти права фиктивными.

Лэндлордъ сталъ препятствовать продажѣ фермы тѣмъ, что передъ самымъ переходомъ ея въ другія руки возвышалъ аренду. Такимъ образомъ, новому арендатору не было никакой выгоды платить своему предшественнику какую либо сумму за уступку фермы, или этотъ платежъ въ значительной степени сокращался. Этимъ путемъ и вознагражденіе фермера за сдѣланныя улучшенія, заключавшееся въ цѣнѣ продаваемой фермы, тоже сокращалось, если и не сводилось на нѣтъ. Равнымъ образомъ лэндлорды обходили пунктъ закона о вознагражденіи арендатора за сдѣланныя имъ улучшенія фермы: возвышая ренту, они тѣмъ самымъ поглощали вознагражденіе фермера за эти улучшенія. Если даже послѣднему судъ и присуждалъ вознагражденіе за улучшенія, то изъ присужденной суммы вычиталась недоимка въ арендной платѣ, а послѣдняя росла вмѣстѣ съ возвышеніемъ ренты. Когда парламентская комиссія, прозывавшаяся комиссіей Бесборо, обслѣдовала фермерскія отношенія, то многочисленные свидѣтели удостовѣрили передъ нею, что повышение арендной платы сдѣлаетъ „арендное право“, вытекающее изъ произведенныхъ улучшеній. Комиссія видѣла множество хозяйствъ въ южной и западной Ирландіи, которыя при малѣйшемъ улучшеніи, въ видѣ дренажа или лучшей обработки, могли бы давать гораздо большій урожай. Когда же она спрашивала о причинѣ отсутствія заботы объ этихъ улучшеніяхъ, она получала всюду одинъ и тотъ же отвѣтъ, что эти улучшенія повлекутъ за собой возвышеніе арендной платы. Словомъ, положеніе оставалось въ томъ же видѣ, какъ это было и прежде.

Изъ приведенныхъ соображеній и фактовъ ясно, что законъ 1870 года не удовлетворилъ желаній ирландскаго народа. Программа „трехъ Ф“ осталась неосуществленной. Если послѣдній пунктъ ея— право передачи фермы арендаторами— былъ признанъ закономъ, то первые два пункта ея не были установлены закономъ, а въ силу тѣсной связи ихъ между собою это портило все дѣло. Поэтому неудовольствіе оставалось, и реформа не произвела впечатлѣнія. Умиротвореніе страны не было достигнуто. Мало того, оппозиція стала сильнѣе, и новые элементы усилили автономистское движеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ протестантская церковь въ Ирландіи

лишилась своихъ привилегій, ирландскіе протестанты кинулись въ автономистское движеніе и присоединились къ патриотамъ. И тѣ, и другіе готовы были возобновить борьбу. Глэдстонъ могъ констатировать, что при голосованіи великихъ мѣръ справедливости, которыя онъ проводилъ въ интересахъ Ирландіи, онъ не встрѣчалъ поддержки со стороны представителя острова—Бутта. Въ странѣ продолжалось броженіе. Повторившаяся въ 1874 году болѣзнь картофеля и происшедшій вслѣдствіе этого голодъ усилили его. Аграрныя преступленія значительно возрасли. Возможно было возстаніе, безцѣльное и беспорядочное, которое могло только повести къ кровавымъ репрессіямъ. Повторилось то положеніе, которое предшествовало агитаціи О'Коннеля, направившей тогда страну въ русло правильного политическаго движенія.

Въ это время ирландская партія въ парламентѣ была дезорганизована и не составляла единаго цѣлаго, а примыкала къ англійскимъ партіямъ, преслѣдовавшимъ интересы, чуждые Ирландіи. Во главѣ ея стоялъ Исаакъ Буттъ. Онъ былъ человѣкъ талантливый и хорошій ирландскій патриотъ. Онъ успѣлъ организовать въ парламентѣ партію, дать ей программу и формулировать подъ именемъ гомруля постоянно обманываемыя, но никогда не оставляемыя надежды Ирландіи. Но онъ былъ человѣкъ безвольный и беспорядочный въ жизни, а потому никогда не вылѣзалъ изъ долговъ. Задолженность ставила его въ матеріальную зависимость отъ разныхъ лицъ и лишала его возможности дѣйствовать только на основаніи своихъ убѣжденій, не считаясь съ личными отношеніями, а потому онъ не могъ поддерживать дисциплины и единства партіи. Несмотря на его умственные силы, которыя дѣлали изъ него вторую фигуру въ парламентѣ послѣ Глэдстона, дисциплина партіи гомруля подъ его руководствомъ только падала. Уже появлялись грозные признаки ея распадешя. Феніанская партія громко указывала на безплодность парламентарной дѣятельности. Въ Лиммерикѣ, который былъ представляемъ въ парламентѣ самимъ Буттомъ, собраніе его политическихъ друзей было разогнано гнѣвной толпой. Въ такое время выступаетъ на политическую арену новый вождь общественаго мнѣнія Ирландіи, взявшій въ свои руки и аграрное дви-

женіе, и автономистскія стремленія ея. То былъ Чарльзъ Стюартъ Парнелль.

По отцу Парнелль былъ англичаниномъ, по матери—американцемъ. Мать его была дочерью американскаго адмирала Стюарта, который прославился тѣмъ, что съ своимъ кораблемъ „Конституція“ взялъ въ плѣнъ два англійскихъ корабля. Она встрѣтилась съ Джономъ-Генри Парнеллемъ, отцомъ Чарльза, во время его путешествія по Америкѣ и вышла за него замужъ. Въ 1846 году у нихъ родился сынъ Чарльзъ, сдѣлавшій знаменитой семью Парнеллей. Послѣдній физически больше походилъ на американца, чѣмъ на англичанина. Черты его были тонки, цвѣтъ кожи былъ блѣдный. Но подъ этимъ хрупкимъ обликомъ крылась рѣдкая мускульная и нервная сила. Его мужество и физическая храбрость напоминали въ немъ дѣда по матери. Въ его невозмутимомъ хладнокровіи и несравненномъ самообладаніи слышалось его американское и англійское родство. Какъ у многихъ выдающихся людей, у Парнелля было много чертъ матери, и ей онъ былъ обязанъ многимъ въ своемъ воспитаніи. Ей, между прочимъ, онъ обязанъ былъ своимъ глубокимъ ирландскимъ патриотизмомъ. Послѣдній однако отличалъ и его предковъ по отцу. По характеру еще смолodu Парнелль былъ человѣкомъ скрытнымъ и замкнутымъ. Поэтому онъ всегда держался вдалекѣ отъ товарищей и у него почти не было друзей, т. е. людей, предъ которыми открывается душа, съ которыми дѣлятся не только помыслами, но которымъ повѣряютъ часто и сокровенныя чувства. Кромѣ того, онъ былъ высокобренъ или, вѣрнѣе сказать, слишкомъ официаленъ въ сношеніяхъ съ людьми. Онъ до такой степени боялся фамиллярности и близости отношеній и такъ крѣпко держался за установленныя правила вѣжливости въ обращеніи, что не допускалъ отступленія отъ нихъ даже и въ исключительныхъ случаяхъ. Однажды, во время выборовъ, одинъ изъ сторонниковъ Парнелля прибѣжалъ къ нему внѣ себя отъ радости и закричалъ ему: „мы одолѣли, Парнелль“. Онъ тотчасъ же остановилъ его замѣчаніемъ: „Сэръ Парнелль, если вамъ угодно“.

Въ характерѣ его была какая-то стальная упругость: та сила, благодаря которой человѣкъ не поддается, повидимому по крайней

мѣръ, внѣшнимъ ударамъ. Какъ бы онъ ни былъ доволенъ или огорченъ, охватывала-ли его радость или давила печаль, онъ оставался однимъ и тѣмъ же, какъ скала, отъ которой все отскакиваетъ, не оставляя видимыхъ слѣдовъ. Единственной, господствующей страстью, если можно говорить о страсти въ примѣненіи къ этому безстрастному человѣку, была ненависть къ англичанамъ, ненависть глубокая, холодная, которая жила въ Парнеллѣ съ дѣтства и до самой смерти.

Родные и самъ онъ объясняли, что ненависть эта началась въ ту пору, когда онъ, будучи мальчикомъ, часто бесѣдовалъ съ дворникомъ ихняго дома. Этотъ старикъ помнилъ возстаніе 1798 года, когда англичане такъ жестоко раздѣлывались съ ирландцами. Онъ рассказывалъ мальчику о тѣхъ пыткахъ, которымъ подвергали ирландцевъ, о повальныхъ убійствахъ, производившихся англійскими карательными отрядами. Эти рассказы глубоко запали въ душу мальчика и создали чувство, сохранившееся на всю жизнь. Когда онъ былъ въ университетѣ въ Кэмбриджѣ на второмъ курсѣ, — это было въ 1867 году, — произошли извѣстныя покушенія феніевъ въ Манчестерѣ и взрывъ Клеркенуэльской тюрьмы въ Лондонѣ. За ними послѣдовали казни преступниковъ, и эти казни произвели на Парнелля такое сильное впечатлѣніе, что, какъ говоритъ сестра его, съ этого времени онъ сталъ еще задумчивѣе и сосредоточеннѣе. Кончивъ университетъ въ 1869 году, онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ, развлекался охотой и съ удовольствіемъ отдавался научнымъ работамъ. Его вкусы не влекли его къ литературѣ или къ философскимъ вопросамъ, хотя вопросы политическіе и интересовали его. Преимущественно привлекали его науки точныя и главнымъ образомъ механика. Управление имѣніемъ, научныя занятія и охота наполняли его жизнь. Онъ пользовался симпатіями сосѣдей арендаторовъ, такъ какъ относился къ нимъ хорошо, составляя въ этомъ отношеніи исключеніе среди ирландскихъ помѣщиковъ. Глядя на него въ этотъ періодъ его жизни, никто не сказалъ-бы, что изъ этого сквайра-спортсмэна выйдетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ политическихъ дѣятелей не только Ирландіи, но и Англій. Между тѣмъ это время не прошло для него даромъ. Онъ много думалъ и на-

блюдалъ жизнь и мало по малу у него создавалось определенное міровоззрѣніе и ясный взглядъ на то, какимъ путемъ надо бороться съ Англіей. Онъ не торопился выступать на политическое поприще; онъ предвидѣлъ, что разъ онъ вступитъ на него, у него не будетъ уже времени оглядываться назадъ, а потому онъ готовился къ нему путемъ серьезныхъ занятій. Съ тою же цѣлью онъ предпринялъ два большихъ путешествія. Впервые онъ выступилъ въ 1875 году въ качествѣ кандидата въ члены парламента отъ партіи гомруля. Дебютъ его въ качествѣ политика былъ оригиналенъ. Судливая такъ рассказываетъ объ немъ. „Послѣ того, какъ резолюція, которую я предложилъ въ его пользу, была принята единодушно, Парнелль вышелъ, чтобы говорить рѣчь собранію. Къ нашему великому смущенію, онъ совсѣмъ растерялся. Онъ забормоталъ, пріостанавливался, начиналъ снова и запутался совсѣмъ; блѣдный какъ полотно отъ нервнаго томленія, съ которымъ онъ не могъ справиться, онъ многимъ внушилъ симпатію. Публика дала себѣ отчетъ въ его душевномъ состояніи и апплодировала ему дружественно и великодушно. Но многіе на эстрадѣ качали головами и говорили, что если онъ попадетъ въ парламентъ, то за все время пребыванія тамъ онъ будетъ нѣмымъ депутатомъ или самое большее — „Парнеллемъ съ единственной рѣчью“. Таковъ былъ дебютъ лидера самой большой партіи, которая когда либо защищала права Ирландіи, государственнаго человѣка, который заставилъ считаться съ собой историческія партіи Англіи и который заставилъ капитулировать вожака по крайней мѣрѣ одной изъ нихъ; дебютъ оратора, котораго Глэдстонъ призналъ самымъ страшнымъ дебатеромъ и самымъ лучшимъ тактикомъ парламента.

Когда Парнелль сталъ членомъ парламента, онъ поставилъ цѣлью своей дѣятельности добиться автономіи ирландскаго народа. Но съ вопросомъ объ автономіи въ его умѣ тѣсно былъ связанъ аграрный вопросъ. Какъ помѣщикъ Ирландіи, онъ хорошо зналъ значеніе этого вопроса и понималъ, что въ глазахъ ирландскаго крестьянина аграрный вопросъ самое важное дѣло, а это значило, что этотъ вопросъ самый важный для огромнаго большинства ирландскаго народа. Урокъ о связи феніанства и его агитаціи съ земель-

нымъ актомъ 1870 года не прошелъ для Парнелля даромъ. Онъ желалъ сдѣлать изъ земельныхъ требованій рычагъ для требованій національныхъ и такъ неразрывно связать оба эти дѣла, чтобы побѣда одного изъ нихъ, вмѣсто отсрочки побѣды другого, ускорила бы ее.

Планъ дѣйствій въ парламентѣ, который онъ считалъ цѣлесообразнымъ, долженъ былъ, по его мнѣнью, заключаться въ томъ, чтобы ирландскіе депутаты составили въ парламентѣ отдѣльную группу, которая должна быть партіей автономной и въ то же время автономистской. Она должна составлять нѣчто цѣльное, а не должна быть отдѣленіемъ какой нибудь изъ англійскихъ партій, хотя бы даже и либеральной, которой, между прочимъ, Ирландія была обязана всѣми важными для нея реформами XIX вѣка. Отсюда необходимость дѣйствовать въ парламентѣ отдѣльно и даже показывать эту отдѣльность внѣшними признаками, хотя и не важными, но способными производить впечатлѣніе. Но депутатъ Мита (Meath; Парнелль былъ выбранъ отъ этого округа) желалъ въ то же время, чтобы, будучи независимой, ирландская партія принимала участие, хотя и отрицательное, въ рѣшеніи англійскихъ дѣлъ и чтобы ирландскій вопросъ стоялъ постоянно на дорогѣ англійской политики. Онъ желалъ сдѣлать такъ, чтобы на какую бы пружину ни подавилъ англійскій министръ, у него всегда выскакивалъ бы ирландскій вопросъ, какъ чортикъ изъ табакерки. Если Англія, — думалъ онъ, — упорствуетъ въ отказѣ Ирландіи управлять собой, то надо, чтобы Ирландія въ свою очередь мѣшала Англіи управляться.

Далѣе Парнелль признавалъ, что необходимымъ условіемъ успѣха ирландской партіи въ парламентѣ должна быть тѣсная связь ея съ революціонной партіей въ странѣ. По его мнѣнью, слѣдовало давать англичанамъ видѣть на заднемъ планѣ ирландской политики возможность прибѣгнуть къ этой *ultima ratio* угнетенныхъ народовъ и подкрѣплять силу всѣхъ конституціонныхъ аргументовъ возможностью выхода на сцену возстанія. Ставя въ связь свою дѣятельность съ революціонной партіей, Парнелль имѣлъ въ виду значеніе ирландскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ. Эту эмиграцію онъ хотѣлъ подчинить своей политикѣ, а значеніе ея онъ могъ хорошо оцѣнить во время своего путешествія въ Америку.

Задавшись цѣлью мѣшать Англїи въ разрѣшенїи задачъ ея собственнаго управленїя, Парнелль имѣлъ въ виду обструкцію въ парламентѣ. Это средство было осуществимо, благодаря регламенту англїйскаго парламента. Послѣдній ревниво охранялъ свободу пренїй, хотя бы послѣднею и злоупотребляли. Изъ сочетанїя снисходительности регламента съ непоколебимымъ рѣшенїемъ Парнелля возникла система обструкціи. Слѣдуетъ сказать, что первымъ зачинщикомъ этой тактики былъ Іосифъ Жиллисъ Биггаръ, торговецъ свиньями, который, попавъ въ парламентъ, взялся за эту тактику изъ глубокой ненависти къ англичанамъ. Во время этой борьбы, не особенно деликатной, онъ, кажется, возбуждалъ особенное неудовольствїе членовъ парламента, подвергался наичаще удаленїямъ изъ засѣданїй и служилъ предметомъ насмѣшекъ. Онъ былъ уроженцемъ Бельфаста, родился въ пресвитерьянской семьѣ и соединялъ въ себѣ практической смыслъ и неукротимую энергію ульстермена съ страстнымъ патриотизмомъ ирландца. Самъ вожакъ ирландской партїи, Бутъ, натолкнулъ Биггара на обструкцію. Въ началѣ 1875 года Буту надо было отерочить голосованїе одного вопроса; онъ попросилъ Биггара говорить возможно дольше противъ проекта. Честный торговецъ свиньями исполнилъ въ точности приказанїе вожака и говорилъ, невзирая на знаки неудовольствїя коммонеровъ, битыхъ пять часовъ. Это ему понравилось, и онъ сталъ по собственной инициативѣ дѣлать непрїятности англичанамъ. 27-го апрѣля онъ воскресилъ стародавнее воспрещенїе постороннимъ лицамъ присутствовать въ парламентѣ. Цѣлые вѣка это запрещенїе не исполнялось, но оно не было отмѣнено. Публика допускалась въ засѣданїя парламента вслѣдствїе фикціи, что спикеръ не видитъ ея. Биггаръ сдѣлалъ свое заявленїе о присутствїи постороннихъ лицъ въ парламентѣ какъ разъ въ то время, какъ принцъ Уэльскїй, нынѣшній король Англїи, сидѣлъ въ своей ложѣ. Спикеръ не могъ при такомъ формальномъ заявленїи сохранить фикцію, будто онъ не видитъ постороннихъ лицъ, и долженъ былъ сдѣлать распоряженїе объ удаленїи публики и въ томъ числѣ и наслѣдника англїйскаго престола.

Какъ бы то ни было, обструкція Биггарра имѣла случайный характеръ; она не была систематичной и направленной къ одной

строго определенной цѣли. Съ появленіемъ въ парламентѣ Паррелля положеніе измѣнилось. Независимо отъ того, что Бигарръ пересталъ быть одинокъ, скоро увидѣли члены парламента, что сама обструкция въ рукахъ Паррелля можетъ дѣйствительно принести большой вредъ дѣятельности законодательной машины. Тактика Паррелля вначалѣ привлекла къ нему лишь немногихъ ирландскихъ членовъ парламента; большинство, съ Буттомъ во главѣ, было противъ нея. Тѣмъ большее негодованіе она вызывала среди коммонеровъ. Они доходили подъ вліяніемъ его рѣчей до бѣшенства, но не могли съ нимъ ничего сдѣлать, такъ какъ онъ былъ всегда сдержанъ и строго контролировалъ свои слова, чтобы не дать поймать себя въ нарушеніи парламентскаго регламента. Обсужденіе южно-африканскаго билля дало возможность обструкціонистамъ особенно досажать министерству и палатѣ. 25 іюля 1877 года было особенно сильное столкновеніе между Парреллемъ и палатой. Присоединившись къ заявленію радикала Дженкинса, онъ сказалъ, что терпѣніе его и товарищей истощено грубостью нѣкоторыхъ депутатовъ по отношенію къ нимъ. Когда предсѣдатель потребовалъ отъ него взять назадъ его слова, онъ сказалъ: „въ качествѣ ирландца, явившись изъ страны, которая вытерпѣла много страданій отъ вѣщательства Англіи въ ея дѣла и отъ послѣдствій англійской жестокости и тиранніи, онъ чувствуетъ особенное удовольствіе мѣшать правительству и разрушать его намѣренія въ отношеніи этого билля“. Эти слова довели до высшей степени возбужденіе палаты. Сэръ Стаффордъ Прокотъ предложилъ лишить на время Паррелля его полномочій. Его на время удалили изъ засѣданія, чтобы обсудить этотъ вопросъ. Когда, однако, палата стала разбирать текстъ его словъ, то оказалось, что Паррелль не говорилъ о противодѣйствіи палатѣ, а о противодѣйствіи правительству, мѣшать коему онъ имѣетъ право. Поэтому палата оправдала его, и столкновеніе это стало его триумфомъ. Черезъ нѣсколько дней билль объ Африкѣ снова былъ на очереди въ парламентѣ. Паррелль и Бигарръ, поощренные своей безнаказанностью, рѣшились снова сопротивляться ему. Буттъ былъ противъ этого предпріятія. Осуждая ихъ затѣю, онъ называлъ ее простымъ горлодерствомъ и объявилъ прямо, что, если такое пове-

деніе встрѣтитъ одобреніе въ Ирландіи, онъ уйдетъ съ политическаго поприща. Маленькая кучка обструкціонистовъ тѣмъ не менѣе рѣшила вести дѣло и въ теченіе битыхъ 26 часовъ тянула засѣданіе. Видя ихъ упорство, члены парламента рѣшили присутствовать въ засѣданіи поочередно. Въ то время, какъ одни отдыхали, другіе бодрствовали. То же самое дѣлали и Парнелль съ Бигарромъ. Когда послѣдній тутъ же въ парламентѣ пытался спать, коммонеры старались не дать ему заснуть, поднимая вокругъ него шумъ и стуча разными предметами. Но почтенный торговецъ свиньями обладалъ такой благодатной натурой, что продолжалъ спать, несмотря на весь шумъ. Что касается Парнелля, то хотя онъ и не могъ отдыхать при такой обстановкѣ, но зато онъ былъ такъ силенъ, что могъ провести и нѣсколько ночей безъ сна. Это знаменитое засѣданіе, начавшись въ полдень въ среду, кончилось только въ два часа дня въ четвергъ.

Когда Парнелль по окончаніи сессіи парламента вернулся въ Ирландію, онъ встрѣтилъ восторженное къ себѣ отношеніе. Оно показывало на поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу его поведенія въ парламентѣ. Когда затѣмъ въ январѣ 1878 года Буттъ созвалъ въ Дублинѣ собраніе партіи гомруля и на немъ изложилъ свою политику, онъ высказался въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ представить англичанамъ весь списокъ въ цѣломъ тѣхъ жалобъ Ирландіи, которыя требуютъ удовлетворенія, и „я вѣрилъ и вѣрю еще до сихъ поръ, что, если мы приведемъ безпристрастныхъ англичанъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ можно удовлетворить Ирландію, они въ концѣ концовъ придутъ къ заключенію, что нѣтъ другого средства дать намъ хорошее управленіе, какъ предоставить намъ управляться самимъ“. Отвѣчая на это заявленіе, Парнелль старался какъ можно меньше обнаруживать противорѣчіе и сохранить единство въ партіи. „Если я воздерживаюсь, — сказалъ онъ, — просить страну путемъ этого съѣзда принять тотъ или иной способъ дѣйствій, тотъ или иной путь въ политикѣ, или даже если я уклоняюсь поставить передъ этимъ собраніемъ тотъ или иной точно опредѣленный вопросъ, то это единственно потому, что я еще молодъ и могу ждать. Я думаю, что страна тоже можетъ еще подождать:

страна, которая такъ долго ждала, можетъ представить доказательство своего терпѣнія еще въ теченіе нѣкотораго времени... Г. Буттъ совершенно ясно изложилъ политику, которой онъ слѣдовалъ въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ существованія этого парламента... Хорошо, я готовъ согласиться съ г. Буттомъ: весьма возможно и даже, можетъ быть, весьма вѣроятно, что онъ въ состояніи привести англичанъ безпристрастныхъ къ убѣжденію, которое онъ высказалъ, но къ сожалѣнію я не думаю, что палата общинъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ англичанъ безпристрастныхъ. Еслибы мы имѣли дѣло съ людьми, способными слушать убѣжденія, можно было бы еще надѣяться на успѣхъ политики г. Бутта, той, которую онъ практиковалъ въ послѣдніе годы; но мы имѣемъ дѣло съ партіями, которыя считаютъ интересъ своей собственной организаціи выше всякихъ другихъ соображеній“.

Съѣздъ партіи разошелся, не принявъ никакого рѣшенія, чтобы избѣжать раскола, но для всякаго было ясно, что этотъ расколъ есть и что большинство стоитъ за политику Парнелля. Нѣсколько времени спустя, партія гомруля изъ ирландцевъ, живущихъ въ Англіи, показала это ясно, выбравъ своимъ президентомъ Парнелля вмѣсто Бутта. Многіе и въ самой Ирландіи стали чураться его, такъ что для него было очень замѣтно паденіе его популярности. Онъ не дожилъ до ея конца. Онъ умеръ въ началѣ февраля 1879 года, разоидясь съ Парнеллемъ еще по отношенію къ русско-турецкой войнѣ. Буттъ присталъ къ англійскимъ джинго, тогда какъ Парнелль держался въ сторонѣ отъ этой международной распри. Послѣ смерти Бутта Парнелль былъ единодушно избранъ лидеромъ ирландской партіи гомрулеровъ въ парламентъ.

Положеніе Парнелля въ качествѣ лидера ирландской партіи было довольно затруднительно, такъ какъ недовольство въ странѣ значительно усилилось и трудно было его удержать въ предѣлахъ законности. Мы говорили выше о пробѣлахъ аграрнаго закона 1870 года, которые лишали его того вліянія на народное благосостояніе, на которое могъ рассчитывать его авторъ. Составленный въ Англіи англійской законодательной властью, онъ носилъ, какъ всѣ акты британскаго правительства, фатальную печать своего про-

исхожденія и обнаруживалъ незнаніе истинныхъ условій ирландской жизни, которымъ лэндлорды и ихъ адвокаты не преминули воспользоваться, чтобы исказить существенныя постановленія закона. Вслѣдствіе этого, юридическая практика свела почти на нѣтъ и тѣ положенія закона, которыя могли оказывать покровительство арендатору въ его сношеніяхъ съ лэндлордомъ. Всѣ эти недостатки, которые чувствовались съ самаго начала, становились выпуклѣе и получали трагическій характеръ подъ вліяніемъ угрозы приближающагося голода. Болѣзнь картофеля, которая посѣтила Ирландію въ 1846 году, теперь явилась снова. Въ то время, какъ средній сборъ картофеля за послѣднія десять лѣтъ составлялъ 60.700.000 мѣръ, въ 1878 году, подъ вліяніемъ болѣзни, онъ упалъ до 50.500.000 мѣръ, а въ 1879 году до 22.000.000, что составляетъ дефицитъ почти въ двѣ трети. Это несчастье осложнялось еще паденіемъ цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ и въ томъ числѣ и картофеля. Въ 1876 году стоимость продукта равна была 12.464.000 ф. ст., въ 1878 году она упала до 7.579.000 ф. ст., а въ 1879 году до 3,341.000 ф. ст. Такимъ образомъ, стоимость урожая понизилась въ большей степени, чѣмъ упало его количество. Совмѣстное дѣйствіе этихъ двухъ причинъ причиняло бѣднымъ съемщикамъ земли большія страданія. Помѣщики не только не проявили участія къ ихъ положенію, но стали усиленно пользоваться своимъ правомъ выселенія неаккуратныхъ фермеровъ. Число выселеній при помощи вооруженной силы росло изъ года въ годъ въ сильной прогрессіи. Въ 1876 году было 1269, въ 1877 году—1323, въ 1878 году—1749 и въ 1879 году—2667. Министромъ по дѣламъ Ирландіи Биконсфильдъ посадилъ нѣкоего Лаусера (Lowther), большого спортсмена, но очень ограниченнаго человѣка, который и на дѣла политики смотрѣлъ съ спортсменской точки зрѣнія. Когда ирландскіе депутаты обратились въ парламентъ съ заявленіемъ о несчастіи, постигшемъ страну, и просили заблаговременно прійти на помощь населенію, которому грозитъ голодъ, Лаусеръ очень легкомысленно отнесся къ поставленному запросу и на всѣ подробные факты, приведенные ирландскими депутатами; отвѣчалъ въ общихъ фразахъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что можно признать

нѣкоторое пониженіе урожая, но кризисъ этотъ не такъ всеобщъ и не болѣе остеръ, чѣмъ въ другихъ частяхъ королевства. Это презрительное заявленіе министра рѣшило поворотъ политики Парнелля въ аграрномъ вопросѣ и какъ бы силой бросило его въ объятія аграрной лиги, отъ которой онъ до тѣхъ поръ держался въ сторонѣ.

Основателемъ ея былъ Мишель Дэвиль. Онъ родился въ 1846 году въ крестьянской семьѣ. Въ этомъ несчастномъ году изгнанія фермеровъ были особенно часты. Первые дѣтскія воспоминанія Дэвила относятся къ изгнанію его родителей изъ фермы, которая составляла единственный источникъ ихъ существованія. Отецъ померъ. Ребенокъ видѣлъ свою мать, изгнанную съ родного пепелища и вынужденную просить милостыню на улицахъ англійскихъ городовъ. Когда онъ выросъ, эти впечатлѣнія дѣтства обусловили его увлеченіе феніанствомъ. Принявъ участіе въ покушеніяхъ феніевъ въ 1869 году, о которыхъ мы говорили выше, онъ былъ арестованъ и приговоренъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. Тюрьма не погасила его патріотизма. Когда черезъ семь лѣтъ онъ былъ освобожденъ условно, онъ тотчасъ же отправился въ Америку. Въ это время среди тамошнихъ ирландскихъ эмигрантовъ произошла большая переимѣна во взглядахъ на политическую тактику. Вожакъ тамошней ирландской партіи Девой издалъ манифестъ, въ которомъ онъ доказывалъ бесплодность способовъ дѣйствій чисто революціонныхъ и, осуждая эту тактику, высказывался въ пользу агитаціи конституціонной. Дэвиль присталъ къ этому движенію и вернулся въ Ирландію съ рѣшимостью дѣйствовать легальными средствами. Въ это время въ Дублинѣ уже существовала „Центральная ассоціація для защиты фермеровъ“, которая выставила въ своей программѣ знаменитые три „Ф“. (Fixity of tenure, Free sale, Fair rents). Но ея программа не удовлетворяла многихъ, и по своемъ возвращеніи изъ Америки Мишель Дэвиль вмѣстѣ со своимъ единомышленникомъ Бреннаномъ (Brennan) образовали общество, которое стало зародышемъ будущей общей аграрной лиги. Оно не довольствовалось осуществленіемъ болѣе правильныхъ арендныхъ отношеній на почвѣ проведенія въ жизнь такъ

называемаго фермерскаго права, но ставило себѣ цѣлью добиваться перехода земли въ руки фермеровъ на правѣ собственности при посредствѣ принудительнаго отчужденія по справедливой оцѣнкѣ. Парнелль долго не рѣшался пристать къ этому радикальному движению. Его побудилъ сдѣлать этотъ шагъ голодъ 1879 года и отношеніе къ нему англійскаго министра. Присоединяясь къ аграрной лигѣ и становясь во главѣ ея, Парнелль имѣлъ въ виду, во-первыхъ, защитить крестьянъ отъ голода путемъ энергичныхъ усилій всѣхъ патріотовъ, а во-вторыхъ, подготовить такое рѣшеніе аграрныхъ отношеній, при которыхъ бы земля перешла отъ лэндлордовъ къ крестьянамъ. Инымъ путемъ онъ не видѣлъ возможности разрѣшить аграрныя затрудненія, разоряющія страну. Лозунгомъ для арендаторовъ въ это тяжелое время былъ поставленъ совѣтъ не оставлять земель. Правительство признало такой призывъ возмутительнымъ и начало преслѣдованіе противъ Парнелля и его сторонниковъ; но вскорѣ эти преслѣдованія были оставлены вслѣдствіе ихъ безцѣльности. 21 октября 1879 г. въ Дублинѣ въ отелѣ Имперьяль было положено основаніе „національной аграрной лигѣ“, которая очень скоро разрослась въ большое учрежденіе съ многочисленными развѣтвленіями. Чтобы помочь голодающимъ, Парнелль отправился въ Америку за сборомъ пожертвованій. Его пріѣздъ туда и путешествіе по разнымъ городамъ были рядомъ триумфовъ. На большихъ митингахъ, на которыхъ собирались не только ирландцы, онъ говорилъ много рѣчей, въ которыхъ выяснялъ свою точку зрѣнія на отношенія ирландцевъ къ Англіи. Эти рѣчи дышали глубокой ненавистью въ Англіи. Парнелль призывалъ въ нихъ своихъ соотечественниковъ къ энергичной борьбѣ противъ ихъ притѣснителей; но, несмотря на всю глубину одушевлявшей его ненависти, онъ никогда не переходилъ въ своихъ рѣчахъ той границы, за которой начинается призывъ къ возстанію. Равнымъ образомъ онъ не отказывался отъ сношеній съ революціонерами, которые не согласны были съ мирной политикой Парнелля, но никогда въ этихъ сношеніяхъ онъ не покидалъ того рубежа, за которымъ начинается сообщничество. Онъ какъ бы держалъ революціонеровъ въ резервѣ въ качествѣ *ultima ratio*, къ которому онъ можетъ будто-бы при-

бѣгнуть въ случаѣ крайняго упорства правительства. Въ отвѣтъ на призывъ Парнелля къ великодушію ирландскихъ патриотовъ въ Америкѣ и самихъ американцевъ, пожертвованія потекли широкой рѣкой. Въ короткое время онъ собралъ 72.000 ф. ст., которые были предоставлены въ полное его распоряженіе какъ на помощь голодающимъ, такъ и на организацію земельной лиги. Эта помощь была какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ парламентъ, руководимый мудростью Лаусера, самымъ серьезнымъ образомъ вотировалъ 1 мил. ф. ст. въ ссуду землевладѣльцамъ въ Ирландіи, чтобы послѣдніе могли придти на помощь арендаторамъ. Эта ссуда была безпроцентной въ теченіе двухъ лѣтъ, а по истеченіи этого срока помѣщики должны были уплачивать за нее 10/0. Это рѣшеніе парламента звучало почти насмѣшкой надъ несчастными крестьянами, отъ которыхъ въ это время лэндлорды требовали уплаты аренды до послѣдней копейки безъ всякихъ послабленій.

Таково было положеніе вещей, когда въ мартѣ 1880 года Биконсфильдъ рѣшился распустить парламентъ, не дожидаясь окончанія срока его существованія. Онъ рѣшился на эту мѣру, рассчитывая на то, что его популярность послѣ заключенія берлинскаго трактата еще настолько сильна, что будетъ вліять на выборы въ пользу консервативной партіи. Онъ не хотѣлъ дожидаться того времени, когда эта популярность остынетъ, и рѣшилъ использовать ее въ интересахъ своей политики. Биконсфильдъ издалъ манифестъ, въ которомъ онъ высказался рѣшительно противъ ирландцевъ, и такимъ образомъ, поставилъ ирландскій вопросъ однимъ изъ центральныхъ для предстоящей избирательной борьбы. Вѣсть о распушеніи парламента застала Парнелля въ Канадѣ. Онъ былъ въ это время въ Монреалѣ и тотчасъ же отправился обратно въ Европу. 21 марта 1880 года онъ уже высадился въ Квинстоунѣ и взялъ въ свои руки руководство выборами. Времени оставалось мало, — всего десять дней, средствъ тоже было немного; но онъ рѣшилъ не трогать ни копейки изъ тѣхъ 640 т. р., которые онъ привезъ изъ Америки, и все ихъ употребить исключительно для помощи голодающимъ. Онъ ограничилъ выборные расходы 12 т. р., изъ которыхъ девять тысячъ были заняты подъ его личную отвѣтственность. Движеніе,

однако, было настолько единодушно, что гомрулеры одержали рѣшительную побѣду. Но нельзя сказать, что она была побѣдой только парнеллевской политики. Ему некогда было быть разборчивымъ въ людяхъ, предлагавшихся въ качествѣ кандидатовъ, а потому прошли подъ его флагомъ многія лица, которыя не были съ нимъ солидарны. Поэтому, когда пошла рѣчь о выборѣ лидера ирландской партіи, то часть депутатовъ голосовала за Шоу (Shaw), представителя болѣе умѣреннаго направленія. Эта кандидатура не имѣла успѣха. Лидеромъ былъ избранъ все-таки Парнелль; но постановка ея съ надеждой на успѣхъ была симптомомъ неоднородности ирландской партіи. Это обстоятельство имѣло особенное значеніе въ виду исхода выборовъ въ Англии и въ Шотландіи. Расчетъ Биконсфильда на его популярность потерпѣлъ полное крушеніе. Приверженцы Глэдстона и вообще либералы одержали полную побѣду. Биконсфильдъ ушелъ, и послѣ нѣкотораго колебанія королева призвала къ власти Глэдстона. Вслѣдствіе этого ирландцамъ нельзя было рассчитывать быть арбитромъ между консерваторами и либералами, а при неоднородности партіи гомруля ихъ политическое значеніе становилось еще мевшимъ. Тронная рѣчь Глэдстона повергла ихъ въ смущеніе. Она говорила о многомъ: и объ Афганистанѣ, и объ Индіи, и о Южной Африкѣ, но въ ней не нашлось ни слова для острова-брата и въ ней даже не упоминалось о голодѣ, свирѣпствовавшемъ въ то время въ Ирландіи. Парнелль не замедлилъ внести поправку къ проекту отвѣта на тронную рѣчь и въ ней поставилъ аграрную задачу во всемъ ея объемѣ и важности. Шоу и его сторонники воспротивились плану Парнелля.

Нечего и говорить, что поправка Парнелля провалилась. За нее было подано такъ мало голосовъ, что парламентскіе политики отнеслись очень скептически къ его тактикѣ и предсказывали скорый конецъ его политической карьерѣ. Пророки, какъ это нерѣдко бываетъ, ошиблись. Они не приняли въ расчетъ ни талантливости Парнелля, ни его желѣзнаго характера. Хотя часть гомрулеровъ съ Шоу во главѣ не пошла за нимъ и вокругъ него осталось вѣрныхъ сторонниковъ только 35 членовъ парламента, но эта группа заключала въ себѣ людей выдающихся по своему образованію, та-

лантамъ и характерамъ. Изъ нихъ видное мѣсто занимали слѣдующія лица. Первымъ стоитъ Юстинъ Макъ Карти, выдающійся журналистъ и замѣчательный историкъ, написавшій популярное сочиненіе „Исторія нашего времени“. Онъ же былъ и талантливымъ романистомъ. За нимъ идетъ Сикстонъ, по общему отзыву самый краснорѣчивый изъ гомрулеровъ, ораторъ въ родѣ Граттана, но не безъ нѣкоторой напыщенности и плохого вкуса. Онъ былъ изъ простаго народа. Артуръ О'Конноръ принадлежалъ къ людямъ совсѣмъ другой категоріи. Когда Парнелль въ первый разъ предсталъ предъ слушателями, про него говорили, что у него слишкомъ англійскій акцентъ и холодныя манеры англичанина. Но если бы Парнелля поставить рядомъ съ О'Конноромъ, то оказалось бы, что и въ его англійскомъ говорѣ слышится ирландскій акцентъ, и манеры его до невозможности кельтическія. О'Конноръ былъ и по рѣчи и по манерамъ самый фешенебельный англичанинъ. Онъ служилъ когда-то въ военномъ министерствѣ, въ этой цитадели англійской гордости и предрасудковъ, но онъ сумѣлъ сохранить свою независимость. Однажды въ министерствѣ носили какой-то льстивый и пошлый адресъ кому то изъ членовъ королевской фамиліи. Его предложили подписать и О'Коннору. „Если вы не уберете этой бумаги, — сказалъ онъ, — прежде, чѣмъ я просчитаю 20, я брошу ее въ огонь“. Въ другой разъ, когда начальство высказало ему особый интересъ въ тоиъ столь же торжественномъ, сколько и заносчивомъ, онъ отвѣтилъ: „я тоже всегда относился къ вамъ съ особымъ интересомъ“. — „Это отчего?“ — спросилъ начальникъ, нѣсколько изумленный отвѣтомъ подчиненнаго. — „Потому что вы вступили на службу въ это учрежденіе въ тотъ день, какъ я родился“. Въ служебномъ отношеніи О'Конноръ былъ неуязвимъ, но, конечно, онъ былъ неудобенъ. Воспользовались первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы отъ него отдѣлаться. Ему дали отставку съ хорошей пенсіей. Ему было тогда только тридцать пять лѣтъ. Онъ занялся работою по благотворительной части въ округѣ Чельзи въ Лондонѣ и снискалъ себѣ большую любовь населенія. Потомъ онъ былъ избранъ въ парламентъ, присталъ къ партіи гомруля и сталъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ сторонниковъ Парнелля. Онъ былъ воплощенная

учтивость, соединенная съ непоколебимымъ упорствомъ. Его ироническая любезность имѣла способность раздражать противниковъ, не давая имъ ни малѣйшаго повода для протеста. Онъ выставялъ себя поборникомъ самой мелочной экономіи и, служа цѣлямъ обструкціи, онъ приводилъ въ трепетъ министровъ своими знаніями подробностей департаментскаго хозяйства. Онъ изводилъ ихъ своими деликатными требованіями разъясненій относительно жалованья какой-нибудь судомойкѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ или относительно качества штукатурки при ремонтѣ казеннаго зданія.

Если О'Конноръ былъ прозой гомруля, то Тимошей Сулливанъ былъ его поэзіей. Онъ былъ творцомъ пѣсни для эмигрантовъ Ирландіи; она стала ихъ гимномъ. Ему же принадлежитъ честь составленія для Ирландіи ея національнаго гимна „Боже, храни Ирландію“. Это было время, когда общественное мнѣніе было глубоко потрясено казнями, послѣдовавшими за покушеніями феніевъ. Вся Ирландія пѣла со страстью слѣдующую пѣсню, ставшую ирландской марсельзой. „Высоко на висѣлицѣ качались трое съ благороднымъ сердцемъ, скопленные во цвѣтѣ лѣтъ мезью тирана. Но они смотрѣли ему въ лицо со смѣлостью своего племени, и съ неукротимымъ сердцемъ они шли къ своему жребію. Боже, спаси Ирландію! — говорили герои. — Боже, спаси Ирландію! — говорили они всѣ. — Пусть на высокомъ эшафотѣ или на полѣ битвы мы померемъ. Что за бѣда, если за милый Эринъ мы падемъ“.

Однимъ изъ приверженцевъ Парнелля былъ еще О'Келли, ветеранъ мексиканской войны и франко-прусской войны 1870 года. Будучи смѣлымъ до безразсудности, О'Келли въ палатѣ депутатовъ употреблялъ всю силу своего вліянія въ пользу осторожности и умѣренности. Въ группѣ сторонниковъ Парнелля былъ также Джонъ Диллонъ, которому впослѣдствіи пришлось играть роль въ исторіи аграрной борьбы и котораго благородный характеръ славили даже его противники. Съ этого времени онъ сталъ единственнымъ членомъ, имя котораго могло стать рядомъ съ именемъ Парнелля въ сердцѣ ирландцевъ. Таковы были ближайшіе сотрудники Парнелля, дававшіе силу его партіи. Когда правительство, въ лицѣ вице-короля Ирландіи Форстера, предложило лишь дополнить реформу

аренднаго права, сдѣланную въ 1870 году, Парнелль и его сторонники, тотчасъ по закрытіи лѣтней сессіи парламента, подняли сильную агитацію въ пользу болѣе радикальнаго рѣшенія аграрнаго вопроса. На митингѣ въ Эннисѣ онъ открылъ кампанію противъ правительства. Онъ совѣтовалъ не являться въ комиссію для изслѣдованія аграрнаго вопроса, которая, по его мнѣнію, веда его по ложной дорогѣ; онъ сталъ не только въ пользу полного осуществленія программы трехъ „Ф“, но выставилъ необходимость уничтоженія крупной земельной собственности въ Ирландіи и выкупа ея по справедливой оцѣнкѣ, съ цѣлью передачи земли мелкимъ собственникамъ. Онъ рѣшился одобрить систему дѣйствія противъ помѣщиковъ и арендаторовъ, которые шли противъ земельной лиги или притѣсняли съемщиковъ, систему, которую можно сравнить съ своего рода отлученіемъ отъ общенія съ обществомъ и которая получила названіе бойкота по имени одного отставнаго капитана Бойкота, крупнаго арендатора въ западной Ирландіи, противъ котораго эта система впервые была употреблена. Отъ сношеній съ нимъ отказались всѣ жители округа; его рабочихъ заставили страхомъ наказаній со стороны аграрной лиги оставить работу у него; лавочники отказывались продавать ему что-либо. Храбрый капитанъ не сдался, однако, на эти притѣсенія. Онъ продолжалъ оставаться въ своемъ помѣстьѣ; для охраны его присланы были войска; рабочихъ онъ досталъ изъ отдаленныхъ мѣстностей и, такимъ образомъ, ему удалось собрать жатву; но, покончивъ съ нею, онъ не захотѣлъ больше продолжать борьбу, отказался отъ аренды и покинулъ графство. Это движеніе приняло большіе размѣры, а на митингахъ Парнелль и его приверженцы неутомимо агитировали въ пользу своей аграрной программы и громили правительство, которое, по ихъ мнѣнію, готовящимися полумѣрами только способно ввести въ заблужденіе крестьянъ. Вице-король Ирландіи рѣшился было возбудить противъ Парнелля судебное преслѣдованіе, но вскорѣ оно было оставлено, такъ какъ въ дѣятельности его не оказалось ничего такого, за что можно было бы его посадить на скамью подсудимыхъ съ надеждой на обвинительный приговоръ. Рядомъ съ агитаціей аграрной лиги шло увеличеніе преступленій аграрнаго характера,

какое увеличение в значительной степени объяснялось голодомъ, а отчасти и возбужденіемъ, соединеннымъ съ агитаціей и съ нуждой. Правительство рѣшилось выступить съ карательной политикой, и какъ только въ январѣ 1881 года собрался парламентъ, оно выступило съ проектомъ исключительнаго закона. Нельзя сказать, чтобы мотивировка этого билля была удачно составлена, такъ какъ вообще Форстеръ былъ слишкомъ мелкой личностью, чтобы найти настоящую дорогу въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и назначеніе его вице-королемъ Ирландіи было ошибкой Глэдстона. Такъ, мотивируя свой билль, онъ прибѣгъ къ довольно странному статистическому приему, чтобы доказать значительность увеличенія преступленій въ Ирландіи. Каждый фактъ преступленія онъ множилъ на число лицъ, въ немъ участвовавшихъ, и выводилъ, такимъ образомъ, число преступленій. Кроме того, онъ бралъ факты исключительные и выставлялъ ихъ за типичные. Поражая воображеніе своихъ слушателей сообщеніемъ, что въ Ирландіи былъ 101 случай калѣчонія скота въ теченіе истекшаго года, онъ умалчивалъ о томъ, что въ Англіи въ одномъ только ноябрѣ мѣсяцѣ общество покровительства животнымъ добилось судебного приговора въ 323 случаяхъ подобныхъ же преступленій. Но самое главное въ этомъ дѣлѣ было то, что правительство имѣло въ виду не преслѣдованіе преступленій, а возможность преслѣдованія агитаціи аграрной лиги. Поддерживая билль Форстера, Глэдстонъ настаивалъ на томъ, что этотъ билль не вызоветъ злоупотребленій. „Мы имѣемъ въ виду, — говорилъ онъ, — только виновниковъ и участниковъ преступленій... мы не касаемся ни свободы, ни даже распушенности рѣчи“. Но практика показала, что Глэдстонъ ошибался въ своемъ предположеніи; онъ не могъ знать, какъ воспользуются своими полномочіями администраторы и останутся ли они въ предѣлахъ желаній и взглядовъ министерства.

31 января начались пренія о биллѣ. Въ парламентѣ никто не сомнѣвался, что Парнелль будетъ сопротивляться биллю, доводя обструкцію до крайнихъ предѣловъ. Устроены были поэтому смѣны дежурныхъ депутатовъ отъ каждой изъ большихъ партій. Но дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Въ теченіе всей ночи на

первое февраля, въ теченіе всего дня и потомъ ночью съ перваго на второе тянулись безконечныя пренія или, вѣрнѣе говоря, рѣчи ирландскихъ депутатовъ. Еще вечеромъ нѣкоторые изъ консервативныхъ депутатовъ обратились къ предсѣдателю съ вопросомъ, не находитъ ли онъ, что насталь моментъ прекратить пренія, но онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, хотя замѣтилъ при этомъ, что онъ видитъ кое-какіе симптомы того, что нѣкоторые депутаты умышленно затягиваютъ пренія. Такъ прошла ночь со вторника на среду, и когда настало утро, то казалось, что преніямъ не будетъ конца. Въ 9 часовъ вошелъ въ залу президентъ смѣнить вице-президента и, не садясь на свое мѣсто, объявилъ, что онъ закрываетъ пренія и приступаетъ къ вотированію поставленнаго правительствомъ вопроса о внесеніи билля. Это было необычное рѣшеніе, но которое было необходимо въ интересахъ охраны самаго авторитета парламентской свободы. Рѣшеніе спикера было встрѣчено бѣшенными аплодисментами огромнаго большинства парламента. Оно застало ирландскихъ депутатовъ врасплохъ. Парелли не было въ засѣданіи. Онъ отправился домой отдохнуть немного послѣ двухъ бессонныхъ ночей. Надо было вотировать безъ предварительнаго обсужденія. 164 голоса высказалось за правительство и только 19 противъ. Вслѣдъ за этимъ спикеръ приступилъ къ вотированію основного вопроса, а именно о предоставленіи правительству внести билль. Напрасно Макъ Карти протестовалъ противъ этого голосованія, — спикеръ показывалъ видъ, что онъ не видитъ и не слышитъ его протестовъ. Тогда ирландскіе депутаты, такъ сказать, прижатые къ стѣнкѣ, встали съ мѣсть и простирая руки къ спикеру стали кричать: „привилегія, привилегія“. Сцена была безпримѣрная. Министры казались подавленными. Глэдстонъ въ особенности блѣдностью своего лица и напряженностью выраженія выдавалъ силу своего волненія. Одинъ спикеръ Брандъ оставался совершенно покоемъ и, стоя и ничего не говоря, продолжалъ читать формулу голосованія. Въ концѣ концовъ ирландцы оставили свои скамьи и оставили залу. Проходя передъ спикеромъ они съ преувеличенной почтительностью раскланивались передъ нимъ. Въ ихъ отсутствіе первое чтеніе билля было вотировано. Между тѣмъ ирландцы собра-

лись, чтобы обсудить свое положеніе. На совѣщаніи взяло верхъ мнѣніе, которое знакомый намъ Биггаръ выразилъ формулой: „никогда не отступать“. Поэтому рѣшили не уходить изъ парламента и продолжать борьбу въ его стѣнахъ. Поводомъ новаго столкновенія ирландской партіи съ министерствомъ былъ запросъ о рѣшеніи послѣдняго арестовать Дэвита, который былъ отпущенъ на свободу условно, и приложить къ нему режимъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ. Парнелль спросилъ министерство о причинахъ и точныхъ обстоятельствахъ этой жестокой мѣры. Министръ Вильямъ Гаркортъ отвѣчалъ на запросъ презрительнымъ молчаніемъ, а Глэдстонъ хотѣлъ перейти къ голосованію вопроса о неотложности. Когда же Диллонъ, одинъ изъ молодыхъ ирландскихъ депутатовъ, захотѣлъ, несмотря на запрещеніе предсѣдателя говорить, требовать слова, его призвали къ порядку и министерство потребовало его удаленія изъ засѣданія. Удаленіе было голосовано и постановлено большинствомъ. Онъ отказался ему подчиниться. Призвавъ былъ приставъ, который и вывелъ депутата, объявившаго при этомъ, что онъ подчиняется силѣ. Этимъ дѣло не кончилось. Какъ только Глэдстонъ всталъ, чтобы повторить свое предложеніе, Парнелль внесъ предложеніе лишить его права слова. Когда спикеръ не обратилъ на него вниманія и Глэдстонъ снова захотѣлъ продолжать свою рѣчь, онъ снова заявилъ требованіе лишить этого почтеннаго джентльмена права слова. За эту настойчивость онъ былъ призванъ къ порядку, и Глэдстонъ потребовалъ его удаленія. Парламентъ большинствомъ голосовъ удовлетворилъ это требованіе. Гомрулеры, несмотря на требованія и угрозы, отказались принимать участіе въ этомъ голосованіи. Парнелль отказался подчиниться рѣшенію парламента и былъ выведенъ при участіи военной силы. Какъ только онъ былъ выведенъ, и Глэдстонъ возобновилъ свою рѣчь съ прерванной фразы, какъ гомрулеръ Финниганъ возобновилъ предложеніе Парнелля. Его тоже призвали къ порядку и вывели изъ залы. За нимъ послѣдовалъ третій. Чтобы сократить время, спикеръ предложилъ парламенту голосовать удаленіе всѣхъ двадцати восьми гомрулеровъ, находившихся въ засѣданіи. Когда это постановленіе было сдѣлано, онъ поочередно обращался къ каждому изъ

нихъ съ требованіемъ оставить залу. Каждый изъ нихъ отвѣчалъ отказомъ, и тогда вызывался приставъ, который выводилъ непослушныхъ депутатовъ. Иные выходили мирно, довольствуясь только символомъ приложенія силы, другіе же, напротивъ, требовали дѣйствительныхъ усилій со стороны пристава и его помощниковъ. Какъ ни была возмущена палата, она не могла удержаться отъ взрыва хохота, когда она увидѣла другъ противъ друга пресвитерьянскаго священника, націоналистакаго депутата Исаака Нельсона и пристава капитана Госсета. Имъ обоимъ было по семидесяти лѣтъ, и въ лицѣ Госсета общественная сила имѣла еще менѣе воинственный характеръ, чѣмъ евангельская кротость служителя религіи мира. Еще болѣе комичнымъ и въ то же время трогательнымъ было изгнаніе Огормана Магона. Онъ былъ ветераномъ парламента 1828 года и казалось обращался съ меланхолическимъ „tu quoque“ къ капитану Госсету, который былъ когда то товарищемъ его въ забавахъ юности, а теперь явился въ роли полицейскаго, очищающаго парламентъ отъ его присутствія.

Большинство восторжествовало надъ ирландской національной партіей. Но это торжество было только временнымъ. Партія гомрулеровъ вышла съ отчаяніемъ въ сердцѣ, но еще болѣе сплотившеюся и усилившеюся въ общественномъ мнѣніи страны. Въмѣстѣ съ тѣмъ она воспылала глубокой ненавистью къ Глэдстону. Это было достойно сожалѣнія, ибо эта ненависть помѣшала ей отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ тому земельному биллю, который онъ вскорѣ послѣ того внесъ въ палату. Этотъ билль, какъ увидимъ сейчасъ, имѣлъ большое теоретическое и практическое значеніе. Ставъ 22 августа 1881 года закономъ, онъ предоставлялъ фермерамъ, имѣвшимъ аренды безъ письменнаго договора въ моментъ изданія этого закона, обращаться къ суду съ просьбой опредѣлить размѣръ „справедливой“ арендной платы, которую они должны платить лэндлорду. Судъ имѣлъ право опредѣлить эту норму аренды на 15 лѣтъ, въ теченіе коихъ помѣщикъ не имѣлъ права ни удалить фермера, ни требовать отъ него какихъ либо новыхъ платежей или повинностей. При опредѣленіи высоты арендной платы судъ долженъ былъ выслушать обѣ стороны и постановить свое

рѣшеніе. При этомъ законъ не связывалъ его никакими указаніями, за исключеніемъ двухъ: 1) Судъ не могъ принимать при опредѣленіи, высоты аренды въ соображеніе тѣ улучшенія, которыя сдѣланы самымъ фермеромъ. Эти улучшенія, какъ бы они ни поднимали цѣнности участка или дохода его, не должны были давать основанія для поднятія арендной платы. 2) Точно также не должна была приниматься во вниманіе та сумма, которая была уплачена фермеромъ своему предшественнику. Сколько бы онъ ни заплатилъ за передачу ему права на аренду, это не должно было служить основаніемъ для возвышенія или уменьшенія оцѣнки данной аренды.

Введенная справедливая аренда устанавливалась на 15 лѣтъ, въ теченіе коихъ съемщикъ не можетъ быть удаленъ отъ аренды, если онъ исполняетъ условія аренды, хотя помѣщикъ и можетъ удалить его за неплатежъ недоимки, накопившейся до начала пятнадцатилѣтняго срока. До истеченія 15 лѣтъ, а также и по минованіи этого періода арендаторъ можетъ требовать возобновленія регулированія аренды и тогда судъ опредѣляетъ ее на новый пятнадцатилѣтній періодъ и т. д. До истеченія срока фермеръ можетъ отказаться отъ аренды; но помѣщикъ такого права не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе однако онъ можетъ обратиться въ судъ и просить о возвращеніи ему части или всей земли, находящейся въ арендѣ

съемщика, въ томъ случаѣ, если на этой землѣ надо построить жилища для рабочихъ, школу или церковь. Если судъ найдетъ выставлемый мотивъ основательнымъ, онъ можетъ постановить объ изыятіи изъ владѣнія арендатора подлежащей земли. Во второмъ пятнадцатилѣтнемъ періодѣ, помѣщикъ можетъ просить о возвращеніи ему земли не только по указаннымъ поводамъ, но и для „пользы имѣнія“. Это нѣсколько растяжимое понятіе создавало опасную почву для столкновенія противоположныхъ интересовъ.

Съ правомъ отказа фермера отъ аренды связано было въ законѣ право его продавать свое арендное право. Онъ могъ это сдѣлать только при условіи передачи его только одному лицу, а не нѣсколькимъ. Согласія помѣщика на эту передачу не требовалось; но ему предоставлялось преимущественное право пріобрѣсти это право по той цѣнѣ, которая была условлена между сторонами. Вотъ сущ-

ность закона 1881 года, который такимъ образомъ осуществлялъ для всей Ирландіи ту программу, которая извѣстна была подъ названіемъ трехъ „F“ и которая когда то считалась революціонной. Мы видѣли, что изъ пользованія ея благами исключались арендаторы по письменнымъ договорамъ, а между тѣмъ многіе изъ нихъ вполне нуждались въ назначеніи имъ справедливой арендной платы. Подъ давленіемъ этой нужды въ 1887 году изданъ былъ дополнительный законъ, въ силу котораго арендаторамъ по письменнымъ договорамъ предоставлялось въ теченіе двухъ лѣтъ, начиная съ 23 августа 1887 года, обращаться къ суду съ просьбой подвести ихъ арендныя владѣнія подъ нормы закона 1881 года. Если судъ удовлетворялъ такое ходатайство, то письменный договоръ уничтожался и съемщикъ ставился въ положеніе погоднаго фермера, аренда котораго регулировалась закономъ 1881 года. Многіе изъ фермеровъ не могли воспользоваться закономъ 1887 года. Вслѣдствіе этого былъ въ 1891 году изданъ новый законъ, который предоставлялъ такимъ фермерамъ право выкупа ихъ участковъ. Само собою разумѣется, что осуществленіе этого права не могло произойти безъ согласія помѣщика и само право могло стать вслѣдствіе этого фиктивнымъ, и арендаторъ могъ остаться въ томъ же неопредѣленномъ и зависимомъ отъ произвола помѣщика положеніи, какъ и прежде. Поэтому законъ 1891 года ставилъ еще одно условіе. Если выкупъ не состоялся по причинамъ, зависящимъ отъ лэндлорда, но незаслуживающимъ уваженія, то судъ предоставляетъ арендатору воспользоваться выгодами закона 1887, несмотря на минованіе требуемаго этимъ закономъ срока.

Мы видѣли выше, что законъ 1881 года сохранилъ за помѣщиками право удаленія съемщика за недоимки, накопившіяся до изданія этого закона. Эти недоимки, какъ мы знаемъ, были такъ велики, что выйти изъ нихъ для съемщика было очень трудно, если только это было возможно. Для устраненія этого обстоятельства, которое въ значительной степени могло уничтожить благотѣльные послѣдствія реформы, вслѣдъ за изданіемъ закона 1881 года былъ изданъ въ 1882 году законъ въ дополненіе къ

нему, по которому въ извѣстныхъ случаяхъ суду предоставлялось скидывать часть недоимокъ и разсрочивать ихъ на года.

Вотъ въ главныхъ чертахъ то аграрное законодательство, честь котораго почти всецѣло принадлежитъ Глэдстону и его сторонникамъ, но движеніе къ которому создано было ирландцами. Существенная черта его заключается въ томъ, что въ основу регулирования земельныхъ отношеній положена была не рыночная цѣна аренды, которая была результатомъ съ одной стороны монопольнаго положенія землевладѣльцевъ, а съ другой—безвыходной бѣдности безземельныхъ крестьянъ, а справедливая оцѣнка земли и ея арендной стоимости. Теоретическое значеніе этого законодательства заключается въ томъ, что оно является отреченіемъ отъ принципа безусловной поземельной собственности. Разъ законъ допускалъ опредѣленіе судомъ величины того дохода, которое долженъ помѣщикъ получать съ своей земли, разъ онъ лишалъ его права отказать своему фермеру въ арендѣ, пока онъ исполняетъ ея условія, и отказывалъ ему въ правѣ удалить арендатора и послѣ окончанія срока аренды и передавалъ послѣднему рѣшеніе вопроса о томъ, останется ли онъ и дальше арендаторомъ даннаго участка или передастъ его другому, то очевидно тутъ ужъ не можетъ быть рѣчи объ абсолютномъ правѣ собственности на землю.

Практическое значеніе закона 1881 года и послѣдующихъ, бывшихъ его развитіемъ, тоже было не маловажно. Положеніе земледѣльца было въ значительной степени улучшено и это улучшение коснулось на этотъ разъ очень большого числа арендаторовъ. Со вступленія въ силу закона 1881 года и до половины 1894 года было подано 357.315 заявленій о регулированіи арендной платы. Изъ нихъ 60.522 не были удовлетворены, а въ 296.793 случаяхъ арендная плата была урегулирована. Четырнадцать лѣтъ спустя, въ 1895 году законоположенія объ арендѣ земли примѣнялись на пространствѣ девяти милліоновъ акровъ, составлявшихъ около половины всей площади Ирландіи. При опредѣленіи размѣра арендной платы, въ тѣхъ случаяхъ, когда она устанавливалась по взаимному соглашенію, она понижалась на 17⁰/₀, а когда ея размѣръ назначался судомъ, она была понижена на 27⁰/₀. Въ отдѣль-

ныхъ случаяхъ это пониженіе было гораздо болѣе значительно. Въ общемъ арендная плата была понижена на 20⁰/₀. До регулированія аренды фермеры, которыхъ коснулся актъ 1881 года, платили 6.140.598 ф. ст., а въ 1895 году они платили только 4.861.123 ф. ст. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ арендная плата была установлена настолько низко, что явилась возможность для фермеровъ пересдавать ее за высшую плату, чѣмъ та, которую они сами по постановленію суда должны были платить за ту же ферму. Отсюда явилась тамъ передача земель, какъ обычное явленіе. Мнѣ передавали, говоритъ проф. Мануиловъ, что земля, арендная плата за которую была урегулирована, пересдается за очень высокую цѣну, такъ что земледѣлецъ, обрабатывающій ее, не пользуется плодами законодательства, а фермеръ, воспользовавшійся ими, становится посредникомъ и получаетъ большой доходъ безъ всякаго труда. Такъ, напримѣръ, въ графствѣ Тайронъ земля, за которую судомъ установлена плата по 1 ф. ст. въ годъ, пересдается фермеромъ за 3 ф. ст. въ лѣто, а иногда за 5 и 6 ф. ст. Тамъ же одинъ изъ мѣстныхъ фермеровъ, платящій согласно рѣшенію суда 15 ф. ст. въ годъ, получаетъ отъ пересдачи 70 ф. ст., что за вычетомъ расходовъ составляетъ 50 ф. ст. въ годъ чистаго дохода. Несмотря на такіе случаи злоупотребленій, которые представляли собою исключеніе, въ цѣломъ законъ 1881 года имѣлъ послѣдствіемъ улучшеніе и упроченіе положенія земледѣльца. И эта прочность положенія земледѣльца отразилась на томъ, что его право пріобрѣло гораздо большую цѣну, такъ что, продавая его, онъ могъ дѣйствительно получить и вознагражденіе за всѣ тѣ улучшенія, которыя онъ ввелъ въ своемъ хозяйствѣ. Такъ, бывали случаи, когда ферма, за которую платится 15 ф. ст. въ годъ, продавалась за 500 ф. ст. Такъ высоко цѣнилось спокойствіе въ пользованіи землей, которое теперь было обезпечено за сѣмщиками ея. Само собою разумѣется, что благія послѣдствія закона не могли стать чувствительными вскорѣ послѣ его опубликованія, а потому массы народа только впоследствии могли оцѣнить его значеніе. Но ирландскія политическія партіи тоже не оцѣнили его значенія для тѣхъ пѣлей, которыя ими преслѣдовались. Онѣ находились подъ вліяніемъ

горькаго чувства, вызваннаго введеніемъ исключительныхъ мѣръ въ Ирландіи и подѣ впечатлѣніемъ тѣхъ насилій, которымъ подверглись ихъ депутаты въ парламентѣ. Подѣ вліяніемъ этого настроенія они не замѣтили величины реформы, произведенной Глэдстономъ. Нельзя того же сказать о Парнеллѣ. Онъ понялъ значеніе реформы Глэдстона. Онъ, какъ и земельная лига, сознавалъ, что законъ 1881 года не осуществлялъ требованія ихъ программы, чтобы земля перешла въ собственность ея теперешнихъ арендаторовъ; но онъ видѣлъ, что онъ сдѣлалъ большой шагъ въ этомъ направленіи и что многое будетъ зависѣть отъ способа его приложения къ жизни. Поэтому онъ употребилъ все свое вліяніе въ пользу наилучшаго его осуществленія. Ему удалось убѣдить лигу сдѣлать опытъ съ новымъ закономъ, а не отказываться отъ него напередѣ. Ирландскіе лэндлорды тоже отнеслись къ произведенной реформѣ отрицательно, хотя и по другимъ причинамъ. Подѣ вліяніемъ эгоизма и сознанія того, что ихъ право собственности нарушено, они не могли понять, что въ концѣ концовъ въ силу упроченія положенія арендатора и улучшенія его благосостоянія доходъ съ ихъ земель увеличится и они избавятся отъ множества тѣхъ неприяностей, которыя связаны съ господствовавшими въ странѣ порядками въ аграрныхъ отношеніяхъ. Поэтому и они отнеслись къ новому закону еще болѣе отрицательно, чѣмъ отнеслись къ ней ирландцы. Они направили свои усилія къ тому, чтобы по возможности отдѣлаться отъ своихъ арендаторовъ. Поэтому число изгнаній послѣднихъ значительно увеличилось. Въ 1880 году было 10657 изгнаній, въ 1881 году, въ первой половинѣ года ихъ было 6944, а во второй, т. е. послѣ изданія закона, 10697, всего за весь годъ 17.641. Земельная лига еще съ 1880 года употребляла всѣ усилія, чтобы противодѣйствовать изгнаніямъ. Это противодѣйствіе выразилось съ одной стороны въ совѣтѣ фермерамъ не покидать фермъ добровольно, а съ другой стороны въ сильномъ развитіи системы бойкота. Каждый фермеръ, который бралъ аренду послѣ изгнаннаго фермера, подвергался бойкоту со стороны окружнаго населенія. Этой системой дѣйствій ей удалось понизить число изгнаній въ послѣднюю четверть 1880 года до 954,

тогда какъ въ первую четверть этого года было изгнано 2748 семействъ, а во вторую и третью 3508 и 3447. Съ введеніемъ чрезвычайной охраны положеніе измѣнилось. Политика Форстера не могла содѣйствовать примиренію враждующихъ сторонъ и успокоенію общества. Онъ снабдилъ властью людей негодныхъ и направилъ борьбу не туда, куда предполагалось ее направить при изданіи закона. Правительство, предлагая билль о чрезвычайной охранѣ, мотивировало его развитіемъ грабежей и насилій въ деревнѣ и обязывало не примѣнять экстренныхъ мѣръ противъ легальной пропаганды идей и мѣропріятій. Форстеръ же, нарушая самыя опредѣленные обязательства правительства, не ограничивался дѣйствіями противъ „тирановъ деревни и противъ кучки преступныхъ лицъ, терроризирующихъ страну“. Онъ провозгласилъ чрезвычайную охрану въ Дублинѣ и велѣлъ арестовать члена парламента Диллона. Его энергія ободрила землевладѣльцевъ. Въ первой четверти 1881 года только подъ впечатлѣніемъ введенія чрезвычайной охраны число изгнаній поднялось до 1732, а во вторую, когда исключительныя мѣры стали примѣняться, оно сразу скакнуло до 5262.

Арестъ Диллона сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать аргументы противъ земельного билля: Парнелль отказался отъ всякаго участія въ проведеніи аграрной реформы правительства.

Это отношеніе Парнелля и аграрной лиги къ земельной реформѣ глубоко возмущало Глэдстона, и это отношеніе его нельзя не признать справедливымъ, хотя первые шаги реформы и показывали ирландцамъ, что они не должны возлагать большихъ надеждъ на учрежденные земельные суды. Въ то же время лэндлорды возмущались противъ этихъ приговоровъ, называя ихъ революціонными. Въ этой сумятицѣ противоположныхъ стремленій и непримиримыхъ возрѣній трудно было разобраться, а потому неудивительно, что Глэдстонъ считалъ Парнелля и его сторонниковъ главными виновниками того, что введенная имъ реформа плохо осуществляется и не вноситъ въ страну успокоенія. Онъ не зналъ еще тогда практики лэндлордовъ по части изгнаній, а донесенія Форстера изображали ему аграрную лигу съ Парнеллемъ во главѣ какъ главное препятствіе водворенію спокойствія въ странѣ. Подъ вліяніемъ

этого убѣжденія въ своей рѣчи въ Лидсѣ Глэдстонъ открыто выступилъ противъ Парнелля и его единомышленниковъ, назвавъ ихъ кучкой людей, желающихъ лишить фермеровъ благъ новаго закона. Парнелль принялъ вызовъ и на митингѣ жестоко напалъ на правительство. Онъ пророчилъ ему, что несмотря на всѣ жестокія мѣры, оно вынуждено будетъ уступить единодушному стремленію ирландскаго народа. „Что касается меня“, говорилъ онъ, „я отношусь съ довѣріемъ къ будущему. Какъ Глэдстонъ актомъ 1881 года произнесъ полное отреченіе и отказался имъ отъ всѣхъ своихъ старыхъ принциповъ, такъ мы увидимъ еще, какъ смѣлыя слова англійскаго перваго министра разлетятся какъ солома предъ единеніемъ и рѣшимостью ирландскаго народа“.

На банкетѣ 10 октября онъ высказалъ убѣжденіе, что придется еще долго бороться. „Я часто думаю, говорилъ онъ, что Ирландія еще не прошла мутныхъ водъ горя и печали, черезъ которыя ей надо пройти прежде, чѣмъ достигнуть обѣтованной страны благоденствія. Можетъ быть намъ еще нужно страдать, можетъ быть намъ еще предстоитъ видѣть усиленіе притѣсненій еще болѣе жестокихъ, чѣмъ когда либо“. Это предсказаніе сбылось. 12 октября въ Лондонѣ былъ министерскій совѣтъ съ участіемъ Форстера. На немъ было постановлено арестовать Парнелля, и съ этимъ приказомъ Форстеръ возвратился въ Ирландію. 13 октября утромъ Парнелль, вождя націи, ея „некоронованный король“, какъ его называли, предводитель партіи, членъ парламента былъ арестованъ въ силу закона, который по завѣренію его авторовъ долженъ былъ карать только „поддонки общества и тиранчиковъ деревни“.

Впечатлѣніе этого событія было громадно, какъ въ Англии, такъ и въ Ирландіи. Извѣстіе о немъ пришло въ Лондонъ въ то время, какъ Глэдстонъ былъ на обѣдѣ у лорда мэра. „Только что,—сказалъ онъ,—я получилъ депешу, что для защиты порядка, закона, правъ собственности и свободы страны и основныхъ элементовъ политической жизни и цивилизаціи сдѣланъ первый шагъ арестомъ человѣка...“ Ему не дали договорить фразы. Вся громадная аудиторія встала, какъ одинъ человѣкъ, и разразилась бурными аплодисментами, продолжавшимися въ теченіе нѣсколькихъ

минуть. Не только умѣренные либералы, присутствовавшіе на банкетѣ, аплодировали аресту Парнелля, мѣръ принятой правительствомъ кричали ура и представители рабочей партіи, какъ наприимѣръ Бертъ и Бродгерсъ. „Я готовъ,—сказалъ послѣдній,—скорѣе арестовать Парнелля, чѣмъ допустить, чтобы ирландскій народъ лишенъ былъ благъ, предоставляемыхъ ему новымъ закономъ. Ни въ одномъ вѣкѣ не былъ данъ даръ болѣе великій и благодѣтельный, чѣмъ тотъ, который „Земельный Актъ“ предоставилъ странѣ“. Никогда взаимное непониманіе не выступало такъ ярко, какъ въ это время.

Вмѣстѣ съ Парнеллемъ были арестованы двое его приближенныхъ—Сикстонъ и О'Келли. Приказъ объ арестѣ О'Коннора, Хилли, этого знатока аграрныхъ дѣлъ, поправкамъ котораго законъ 1881 года обязанъ устраненіемъ нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ, и Биггара не былъ приведенъ въ исполненіе только потому, что они по приказу Парнелля скрылись. Сама аграрная лига была закрыта. Въ отвѣтъ на это радикалы издали манифестъ: „Нѣтъ болѣе аренды“. Этимъ началась революція, социальная революція, война на ножахъ.

Нечего и говорить, что арестъ Парнелля и другихъ членовъ аграрной лиги произвелъ еще болѣе сильное впечатлѣніе въ Ирландіи, чѣмъ въ Англіи, и что это впечатлѣніе было противоположно Ирландію, какъ говорило правительство, освободили отъ кошмара, въ которомъ держали ее Парнелль и лига, а она отвѣчала на эту мѣру всеобщимъ трауромъ. Повсюду происходили митинги протеста, которые приходилось разгонять вооруженной силой. Въ большихъ городахъ и въ деревняхъ лавки запирались и ставни домовъ закрывались, какъ это дѣлается во время похоронъ. Въ Дублинѣ произошли беспорядки, которые полиція прекращала съ такой грубостью, которая возмущала даже консерваторовъ въ Ирландіи. На всѣ эти проявленія негодованія и печали Форстеръ отвѣчалъ усиленіемъ арестовъ. Всѣ лица, причастныя лигѣ, были посажены подъ арестъ. Преслѣдованіе было направлено не только противъ мужчинъ, но и противъ женской аграрной лиги. Эта лига посвятила часть своихъ средствъ на то, чтобы помогать семействамъ изгнанныхъ

фермеровъ. Она строила подвижныя хижины, въ которыхъ оказывала имъ временный пріютъ.

Форстеръ выступилъ противъ дамъ благотворительницъ, откопавъ средневѣковой статуть Эдуарда III, давно забытый, который предписывалъ наказанія противъ проститутокъ и бродягъ. Объявлено было, что возведеніе хижинъ есть покровительство бродягамъ и есть давленіе на помѣщиковъ, и подъ этимъ смѣшнымъ предлогомъ руководительницы лиги были арестованы и приговорены: миссъ Киркъ на три мѣсяца тюрьмы, а г-жи Кормакъ и Рейнольдъ—на шесть мѣсяцевъ. Другіе судьи присудили такое же наказаніе миссъ Мэри О'Конноръ и Муръ. Исполнительная власть усилила это наказаніе, примѣнивъ къ нимъ строгое одиночное заключеніе. Одинъ мальчикъ былъ преданъ суду за то, что насвистывалъ на улицѣ сатирическую пѣсню Гарвей Дуффъ (Harvey Duff). Правительство само предложило Форстеру остановить этотъ взрывъ недѣлаго усердія; но онъ отказался исполнить это, сославшись на то, что исполнительная власть не должна мѣшаться въ дѣла судебныя.

Мы говорили выше, что осенью 1881 года сильно возросло число изгнаній фермеровъ. Такъ какъ они не уходили добромъ, то при изгнаніяхъ примѣнялась сила и были случаи убійства. На земляхъ нѣкогого Блэка молодая дѣвушка Макъ Доно и ея мать шестидесятилѣтняя старуха были ранены выстрѣлами полиціи и умерли отъ ранъ. Присяжные обвинили полицейскихъ въ умышенномъ убійствѣ. Но весь этотъ произволъ и преслѣдованія приводили къ обратнымъ результатамъ. Количество преступленій въ странѣ не уменьшалось, а увеличивалось. Съ заключеніемъ Парнелля и вожаконъ аграрной лиги въ тюрьму страна осталась безъ своихъ совѣтниковъ, которые, что бы про нихъ ни думалъ и ни говорилъ Форстеръ, могли ей внушить терпѣніе. Въ 1880 году было въ Ирландіи 8 аграрныхъ предумышленныхъ убійствъ, обыкновенныхъ убійствъ вовсе не было и было 25 случаевъ нападенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1881 году было насчитано 17 предумышленныхъ аграрныхъ убійствъ, 50 обыкновенныхъ убійствъ и 40 случаевъ нападенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Когда такое положеніе вещей стало выясняться въ

Англии, для многих стала понятною безцѣльность репрессій. Консерваторы, которые при другихъ условіяхъ примѣняли къ Ирландіи тѣ же мѣры, теперь стали протестовать противъ режима, установленнаго тамъ. Принципы права стали священными въ глазахъ многихъ людей съ того момента, какъ они увидѣли, что нарушеніе ихъ нисколько не увеличило общественной безопасности. Рандольфъ Чорчилль поднялъ протестъ въ палатѣ общинъ противъ политики Форстера. Послѣдній настаивалъ на томъ, что онъ ведетъ войну не съ ирландскимъ народомъ, а съ небольшою кучкой людей, которые поработили себѣ страну. Мѣстные выборы, происшедшіе въ это время, когда поработители Парнелль и его приверженцы сидѣли въ Кильмэнгэмской тюрьмѣ, дали громадное большинство партіи націоналистовъ и тѣмъ нанесли ударъ этой удобной для намѣстника теоріи. Депутатъ Секстонъ окончательно разрушилъ престижъ его представленіемъ палатѣ одного документа. Начальникъ жандармеріи въ графствѣ Клэръ Клиффордъ Лдойль издалъ циркуляръ, которымъ предписывалъ своимъ подчиненнымъ „даже при одномъ подозрѣніи покушенія (противъ нихъ) немедленно пускать въ дѣло огнестрѣльное оружіе“ и прибавлялъ къ этому, что если случайно они ошибутся, стрѣляя въ лицо, которое они подозрѣвали въ покушеніи на убійство, ихъ начальство освободитъ ихъ отъ всякой отвѣтственности, представивъ этотъ документъ“.

Глэдстонъ не былъ изъ числа такихъ людей, которые долго могутъ находиться подъ вліяніемъ навѣтовъ другихъ людей или быть жертвой воображенія лицъ, которыя все склонны объяснять случайностями или дѣломъ небольшого числа агитаторовъ. Онъ былъ слишкомъ и провицателемъ, чтобы не понять, что и въ Ирландіи есть глубокій недугъ, который нельзя лѣчить репрессіей, и что въ самомъ законѣ 1881 года есть дефекты, которые требуютъ устраненія. Либеральная партія раздѣляла мнѣніе Глэдстона. Когда Форстеръ потребовалъ продленія чрезвычайной охраны на новый годичный срокъ, это требованіе встрѣтило возраженія въ палатѣ. Гардингтонъ отвѣчалъ Форстеру очень основательно: „Выставляютъ какъ фактъ, что принудительный законъ есть средство подходящее и что еслибы только мы имѣли право суммарнаго ареста; то пер-

ступленіе было бы подавлено. Мой высокоуважаемый другъ, который отвѣтственъ за эту мѣру, говорилъ: Мы можемъ раскрыть тѣхъ кто совершаетъ преступленія, этихъ негодяевъ деревни. Мы ихъ знаемъ, мы можемъ ихъ запереть, мы можемъ задушить преступленіе. Однако такъ не случилось. Эти люди были посажены въ тюрьму, потомъ еще и другіе были посажены, и однако преступленія все увеличивались. Чѣмъ больше сажали въ тюрьму людей, тѣмъ выше поднималась волна преступленія“.

Въ силу своего убѣжденія и настроенія либеральной партіи, Глэдстонъ рѣшилъ замѣнить Форстера и не возобновлять закона о чрезвычайной охранѣ. Онъ назначилъ намѣстникомъ Ирландіи Кавендиша, человѣка искренно расположеннаго къ этой несчастной странѣ. Въ то же время онъ съ радостью ухватился за предложеніе капитана О’Ши быть посредникомъ между нимъ и Парнеллемъ. Капитанъ былъ другомъ послѣдняго, но дѣйствовалъ по своему собственному почину и безъ его участія. Парнелль не поддался чувству злобы и согласился на переговоры, понимая всю важность ихъ для Ирландіи въ моментъ тяжелаго кризиса, переживаемаго ею. Обмѣнъ мнѣній во время этихъ переговоровъ многое выяснилъ для обѣихъ сторонъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и содѣйствовалъ примиренію. Такъ состоялось соглашеніе, которое назвали тогда Кильменгэмскимъ миромъ по названію тюрьмы, въ которой сидѣла одна изъ договаривающихся сторонъ. Соглашеніе состоялось на слѣдующихъ основаніяхъ. Глэдстонъ обѣщалъ отиѣнить чрезвычайное положеніе, войти въ разсмотрѣніе вопроса о немедленномъ разрѣшеніи дѣла о недоимкахъ арендаторовъ и расширеніи реформы 1881 года распространеніемъ ея и на фермеровъ по письменнымъ договорамъ и согласился въ принципѣ на разсмотрѣніе вопроса о выкупѣ земли въ собственность фермерами. Съ своей стороны Парнелль обѣщалъ употребить все свое вліяніе для успокоенія страны и содѣйствовать осуществленію аграрной реформы 1881 года. Но онъ обусловилъ возможность своей дѣятельности возстановленіемъ аграрной лиги. Это соглашеніе лучше всего показываетъ силу политическаго вліянія Парнелля. Премьеръ Англіи, человѣкъ, пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ въ государствѣ и въ

Европѣ, счелъ нужнымъ войти въ переговоры съ кильменгэмскимъ узникомъ, ибо не видѣлъ другого выхода изъ кризиса, переживаемаго страной, а въ репрессіи онъ не видѣлъ лѣкарства. Парнелль и его друзья, выпущенные вслѣдъ затѣмъ изъ тюрьмы, вышли оттуда триумфаторами.

Какъ мы знаемъ, Глэдстонъ доказалъ серьезность своего отношенія къ условіямъ мира. Онъ провелъ, несмотря на неблагоприятныя обстоятельства послѣ убіенія Кавендиша, законъ 1882 года о разсрочкѣ и пониженіи недоимокъ. Затѣмъ онъ благосклонно встрѣтилъ предложеніе радикальнаго депутата Ирландіи Редмонда. Билль послѣдняго касался распространенія реформы на арендаторовъ по письменнымъ договорамъ и сложенія значительной части недоимокъ. Казалось, что Ирландія снова входитъ въ періодъ мирнаго разрѣшенія наболѣвшихъ задачъ своей жизни; но всѣ эти надежды разрушены были преступленіемъ въ Фениксъ-Паркѣ.

Намѣтникъ Кавендишъ прибылъ въ Ирландію и въ тотъ же день (6 мая 1882 г.) проѣзжалъ подъ вечеръ около Фениксъ-Парка къ себѣ на квартиру. Увидѣвъ помощника Форстера Борка, онъ сошелъ съ экипажа и пошелъ съ нимъ по парку. Народу было много. Вдругъ въ одной аллеѣ изъ-за кустовъ выскочили люди и раньше, чѣмъ кто нибудь успѣлъ опомниться, напали на сановниковъ, поразили ихъ на смерть ударами кинжаловъ и скрылись. Это преступленіе совершено было крайними революціонерами изъ феніевъ, называвшимися „непобѣдимыми“. Оно произвело страшное впечатлѣніе какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи. Либералы и консерваторы были одинаково возмущены. Общественное негодованіе было такъ велико, что всякое министерство, которое теперь стало бы думать о примирительной политикѣ въ Ирландіи, было бы немедленно сметено. Парнелль сразу упалъ съ той высоты, на которую поднялся. Его популярность среди англичанъ разрушилась. Теперь многіе его обвиняли въ соучастіи въ ужасномъ преступленіи и утверждали, что если онъ и не принималъ въ немъ непосредственнаго участія, то все же онъ зналъ о немъ и не препатствовалъ ему. Среди всеобщаго смятенія Парнелль не потерялъ своего обычнаго хладнокровія, хотя и понялъ сразу, что всѣ плоды его по-

литики почти потеряны. На другой день послѣ убійства онъ издалъ манифестъ, въ которомъ онъ назвалъ его возмутительнымъ и ничѣмъ не вызваннымъ дѣломъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ сказалъ краткую рѣчь въ парламентѣ, въ которой онъ утверждалъ, что всякій ирландецъ, конечно, отнесется съ отвращеніемъ къ этому возмутительному дѣлу, но выразилъ надежду, что правительство не станетъ преслѣдовать всю страну за вину преступниковъ и проведетъ обѣщанныя реформы. Какъ мы сказали, по общественному настроенію того времени это послѣднее было очень трудно.

Министерство внесло билль закона „противъ преступленій“. Ирландская партія энергично сопротивлялась этому биллю, пустивъ въ дѣло обструкцію. За это ирландскіе депутаты нѣсколько разъ были удаляемы изъ засѣданія. Вслѣдствіе этого они рѣшили вовсе не участвовать въ обсужденіи и голосованіи закона. Тогда въ самой министерской партіи произошелъ расколъ и оказалось такое странное явленіе, что сами члены министерской партіи упрашивали ирландцевъ принять участіе въ голосованіи. Отсюда видно, что отношенія между гомрулерами и министерствомъ Глэдстона испортились. Но это обстоятельство не заставило послѣдняго мстить странѣ и отказаться отъ проведенія закона о недоимкахъ. Защищалъ этотъ законъ Тревилльянъ; онъ представилъ палатѣ множество фактовъ, доказывавшихъ, съ одной стороны, злоупотребленія лэнд-лордовъ своимъ правомъ изгнанія, а съ другой стороны — полную невозможность для арендаторовъ выйти изъ недоимокъ. Того же самага Тревилльяна Глэдстонъ назначилъ вице-королемъ Ирландіи, а помощникомъ его назначилъ Спенсера. И тотъ и другой считали необходимымъ пустить въ ходъ полномочія, данныя имъ закономъ „противъ преступленій“, чтобы водворить порядокъ въ странѣ. Они возбудили преслѣдованія противъ земельной лиги и многихъ вожаконъ націоналистскаго движенія предали суду. Для того, чтобы добиться обвинительныхъ приговоровъ, списокъ присяжныхъ подвергся очищенію. Онъ заключалъ въ себѣ такое число католиковъ, что на 9 католиковъ приходился 1 протестантъ. Послѣ очищенія списка прокуроромъ оказалась пропорція такая, что на 41 протестанта было 9 католиковъ. Но этого оказалось недостаточно. При первомъ же

дѣлъ въ число присяжныхъ попало 9 протестантовъ и 3 католика. Единодушнаго рѣшенія между ними не могло состояться, и былъ вынесенъ оправдательный вердиктъ. Тогда списокъ присяжныхъ замѣненъ былъ другимъ, въ которомъ на 11 протестантовъ приходился только 1 католикъ. Тогда дѣла пошли гладко, и обвинительные приговоры выносились въ такомъ изобиліи, что одинъ изъ обвиняемыхъ выразилъ свое впечатлѣніе и впечатлѣніе всей страны объ этихъ судахъ словами: „здѣсь бойня“. Англійскій писатель и политическій дѣятель Джонъ Морлей писалъ объ этихъ судахъ: „ни одинъ безпристрастный человѣкъ не будетъ отрицать, что съ присяжными манипулировали, что существуетъ значительная доля притѣсненія и что съ отдѣльными личностями обращаются такъ, что въ Англии это показалось бы невыносимымъ“. Такія сужденія могли высказываться въ Лондонѣ, но по ту сторону Бристольскаго канала они показались бы бунтовщическими. Депутатъ Эдмондъ Двайеръ Грѣ напечаталъ въ „Журналѣ Свободнаго Человѣка“ о систематическомъ исключеніи католиковъ изъ списковъ присяжныхъ и о поведеніи нѣкоторыхъ присяжныхъ, которые напивались допьяна наканунѣ произнесенія смертнаго приговора. Судья Лаусонъ привлекъ его къ отвѣтственности и приговорилъ его, шерифа Дублина, къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ 4500 р. штрафа.

Когда дошелъ чередъ до убійцы въ Фениксъ-Паркѣ, правительство не постѣснилось выставить однимъ изъ главныхъ свидѣтелей нѣкоего Кэри, соучастника въ преступленіи, которому обѣщана была свобода. Правительство надѣялось при помощи этого свидѣтеля запутать въ дѣло аграрную лигу. Изъ этого ничего не вышло; но на основаніи неопредѣленныхъ показаній этого сомнительнаго свидѣтеля Форстеръ не постѣснился въ засѣданіи парламента напасть на Парнелля и на аграрную лигу, обвиняя его и ее въ соучастіи въ убіеніи Кавендиша и Борка. Онъ шелъ дальше и намекалъ, что и министерство отвѣтственно за это преступленіе (засѣд. 22-го февраля 1883 г.). Эти обвиненія произвели на членовъ палаты сильное впечатлѣніе. Волнуясь, они кричали и требовали отъ Парнелля, чтобы онъ тотчасъ же отвѣчалъ на обвиненія. Но онъ сохранилъ свое обычное хладнокровіе и не отвѣчалъ ни

словомъ, находя это несвоевременнымъ. На другой день Таймсъ писалъ: „Суровыя обвиненія Форстера падали на Парнелля, какъ удары бича“. Однако черезъ нѣсколько времени послѣднему нетрудно было выяснитъ, что показанія Кэри, сами по себѣ весьма сомнительныя, нисколько не замѣшиваютъ аграрной лиги или ирландской парламентской партіи въ дѣянія „Непобѣдимыхъ“. Еще легче ему было доказать, что нравственная отвѣтственность за преступленія въ странѣ падаетъ на министра (Форстера), который задушилъ голосъ Ирландіи и закрылъ все законныя выходы ея желаніямъ. Парнелль вышелъ побѣдителемъ изъ этихъ неосторожныхъ обвиненій своего противника; Ирландія почувствовала потребность выразить своему вожаку признательность послѣ оскорбленія, нанесеннаго ея выдающемуся представителю. Прелать-патріотъ докторъ Крокъ, архіепископъ г. Кашеля, взялъ на себя инициативу подписки на награду Парнеллю. Несмотря на вмѣшательство папы Льва XIII противъ этой манифестаціи, было собрано 40 т. ф. ст. (375 т. р.); которые и были поднесены Парнеллю въ качествѣ выраженія народной признательности.

Ободренный этимъ успѣхомъ и полагаясь на нѣкоторые симптомы, Парнелль рѣшилъ перенести борьбу въ Ульстеръ, гдѣ до сихъ поръ безраздѣльно царила партія, враждебная аграрной лигѣ и гомрулю. Въ графствѣ Монаганъ открылась вакансія депутата. Консерваторы немедленно выставили своего кандидата; либералы поставили тоже своего. Парнелль послалъ гомрулера и знатока аграрныхъ вопросовъ Хили выставить знамя націонализма въ сердцѣ Ульстера. Либералы обвиняли молодого радикала въ томъ, что онъ играетъ въ руку тори; но онъ былъ выбранъ 2376 голосами, тогда какъ консерваторъ получилъ 2011, а либераль только 274. Этотъ успѣхъ побудилъ лигу усилить свою пропаганду въ Ульстерѣ. Устроены были митинги, посѣщавшіеся очень усердно. Подсчитано было, что 48% населенія высказалось въ Ульстерѣ за движеніе и что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ процентъ доходитъ до 70. Лэндлорды были очень недовольны этой агитаціей, и нѣкоторые изъ нихъ объявили даже, что они будутъ сопротивляться вооруженной рукой проникновенію заразы на ихъ территорію. Въ нѣко-

торыхъ мѣстностяхъ стали образовываться вооруженные отряды; но достаточно было объявленія Тревилляна, что всякое вооруженное дѣйствіе будетъ подавлено тоже оружіемъ, чтобы взволнованные лэндлорды и ихъ управляющіе прекратили бряцаніе оружіемъ.

Ничтожность числа голосовъ, полученныхъ либераломъ въ графствѣ Монаганъ, показываетъ, какъ низко стоялъ тогда (1883 г.) престижъ либеральной партіи въ этихъ мѣстахъ. Вообще въ 1883 году онъ подвергся ослабленію и въ Англии, вслѣдствіе неудачъ министерства во внѣшней политикѣ. Завязавшія тогда египетскія дѣла и гибель Гёрдона нанесли министерству Глэдстона ущербъ. Консерваторы предвидѣли возможность новыхъ выборовъ и вступили въ переговоры съ ирландскими націоналистами о союзѣ. Переговоры эти велъ представитель консерваторовъ-демократовъ Норчилль. Онъ обѣщалъ отмѣну чрезвычайной охраны, и, кажется, была рѣчь о возстановленіи самоуправленія Ирландіи. Трудно сказать въ точности, каковы были эти полуобѣщанія. Въ союзѣ съ консерваторами Парнелль видѣлъ средство отомстить Глэдстону за исключительныя мѣры въ Ирландіи. Онъ не достигъ бы этого, если бы въ самой либеральной партіи не было значительныхъ отпаденій. Благодаря послѣднимъ, въ засѣданіи 8 іюня 1885 года по вопросу о второмъ чтеніи бюджета министерство оставлено было въ меньшинствѣ. Консерваторы и ирландскіе націоналисты предались бурному восторгу. Какъ говорить одинъ современникъ, какойнибудь Гаврошъ, торжествующій побѣду баррикады, или школьникъ Итонской школы, празднующій побѣду въ крокетѣ или въ игрѣ въ мячъ, не могли быть болѣе экстравагантными въ выраженіи своей радости. Молодой вождь торійской демократіи вскочилъ на столъ и, махая шляпой, кричалъ побѣду. Другіе молодые консерваторы послѣдовали примѣру Чорчилля и тоже вскочили на столы и кричали. Что касается ирландскихъ націоналистовъ, они издавали какой то ревъ, крича: „преслѣваніе, Спенсеръ“. Что касается вождя ихъ, то онъ не присоединился къ ихъ хору. Какъ и всегда, владѣя собой, Парнелль стоялъ спокойно и смотрѣлъ на эту вакханалію; но его блѣдное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, и необычная улыбка играла на его губахъ. Среди всего этого гама

Глэдстонъ оставался тоже равнодушнымъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и, держа бумагу на колѣняхъ, писалъ обычный ежедневный рапортъ королевѣ. Онъ даже не поднялъ глазъ.

Вступивъ во власть, консерваторы, повидимому, стали исполнять свои общанія. На мѣсто Тревилляна въ Ирландію правителемъ назначенъ былъ Карнарвонъ. Ему рекомендовано было стараться о популярности правительства среди ирландцевъ. Исключительный законъ не былъ возобновленъ. Словомъ, консерваторы дѣлали всѣ усилія, чтобы сохранить у себя въ союзѣ партію Парнелля. Съ другой стороны, и либераллы старались вернуть себѣ расположеніе ирландцевъ. Чемберленъ на митингѣ напалъ на систему управления Ирландіей и намекалъ на возможность возстановленія самостоятельнаго ирландскаго парламента. Къ нему присоединился другой выдающійся представитель либеральной партіи, Дилкъ, который тоже старался завоевать союзъ Парнелля. Словомъ накануне выборовъ 1885 года Парнелль похожъ былъ на красавицу, за которой ухаживаютъ нѣсколько кавалеровъ сразу. Онъ не ангажировался ни передъ кѣмъ, оставаясь, однако, въ союзѣ съ консерваторами.

Осенью 1885 года парламентъ былъ распущенъ, и на ноябрь были назначены новые выборы. Въ своемъ избирательномъ манифестѣ Парнелль сосредоточилъ вниманіе своихъ избирателей на одномъ только пунктѣ, который онъ выставилъ какъ программу ирландской націоналистской партіи. Это была законодательная автономія Ирландіи, иначе говоря отмѣна уніи 1800 года. Чорчилль и его товарищи обошли молчаніемъ этотъ вопросъ, чтобы не закрывать пути къ соглашенію. Совершенно иную позицію занялъ Глэдстонъ. Вопросъ объ Ирландіи его глубоко волновалъ. Воспитанный въ понятіяхъ узкаго торизма, подвергшись затѣмъ освободительному вліянію Роберта Пилля и постепенно переходя къ идеямъ все болѣе либеральнымъ и демократическимъ, онъ долго былъ поглощенъ задачами экономическими и фискальными и потому довольно поздно созналъ остроту ирландскаго вопроса. Полагая сущность его только въ экономической сферѣ, онъ былъ пораженъ неудачей своихъ реформъ 1870 и 1881 годовъ. Въ результатѣ

всѣхъ этихъ реформъ, усилій и жертвъ онъ видѣлъ, что неудовольствіе расдо и что какіе-то глубокіе корни его оставались въ цѣлости. Другой фактъ, обратившій на себя его вниманіе, заключался въ томъ, что онъ видѣлъ образованіе націоналистской партіи. На его глазахъ изъ маленькаго кружка людей она выросла въ представительницу всей страны. Эта партія не революціонными, а конституціонными путями требовала отъ Англіи возстановленія самостоятельности Ирландіи и ставила предъ нею такую дилемму: или отказаться отъ лицемѣрія конституціоннаго и либеральнаго режима и править Ирландіей окончательно на основаніи осаднаго положенія, или предоставить ей законодательную автономію, которая способна гарантировать лучше, чѣмъ всѣ принудительныя мѣры, моральное единство имперіи. Примѣръ Канады и другихъ англійскихъ колоній, а также и Венгріи служилъ въ его глазахъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности этой мысли. Поэтому предъ такой постановкой вопроса Глэдстонъ не считалъ себя въ правѣ колебаться.

Въ своемъ избирательномъ манифестѣ, изданномъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Миллотіанѣ, онъ, между прочимъ, остановился и на ирландскомъ вопросѣ. По поводу его онъ говорилъ: „Ирландія подошла къ важной эпохѣ въ ея исторіи. Она имѣетъ право на спеціальное толкованіе въ ея пользу принципа мѣстнаго самоуправленія. Въ этомъ заключается рѣшеніе задачи, которая испытываетъ политическій геній трехъ націй. Горе тому государственному чело-вѣку, который бы помѣшалъ этой необходимой реформѣ или замедлялъ ее. Ей суждено повидимому отодвинуть въ тѣнь другія реформы, признаваемые всѣми назрѣвшими. Вопросъ этотъ,—онъ этого не скрывалъ отъ себя, — шелъ къ самымъ корнямъ политической и гражданской конституціи королевства“.

Повидимому, этотъ пунктъ манифеста Глэдстона не обратилъ на себя должнаго вниманія Парнелля и его сторонниковъ. По крайней мѣрѣ, когда начались выборы, то лозунгомъ всѣхъ ихъ сторонниковъ въ Англіи была борьба противъ либеральныхъ депутатовъ. Въ результатѣ выборовъ въ Ирландіи была полная побѣда націоналистовъ. Изъ 90 представителей 85 принадлежали къ націоналистской партіи и были приверженцами Парнелля. Кроме того,

гомрулеры получили одного представителя въ самой Англїи. Въ общемъ было выбрано 333 либерала, 251 консерваторъ и 86 парнеллистовъ. Такимъ образомъ либералы были въ большинствѣ противъ консерваторовъ; но если-бы съ послѣдними были въ союзѣ парнеллисты, то либералы были бы въ меньшинствѣ на четыре голоса. Тогда начались тайные переговоры между Глэдстономъ и Парнеллемъ, кончившіеся союзомъ ихъ на признаніи самоуправленія Ирландіи. Когда они кончились, было объявлено о присоединеніи главы либераловъ къ гомрулерамъ.

12 января 1886 года открылся парламентъ и произошло низверженіе министерства Бальфура, но вопросъ о назначеніи королевой Глэдстона премьеромъ министерства нѣкоторое время оставался подъ сомнѣніемъ. Тутъ играли роль ея личныя антипатїи къ Глэдстону, который въ своей политической эволюціи разошелся со взглядами королевы. Теперь же, когда онъ сдѣлалъ такой рѣзкій поворотъ и объявилъ въ своей программѣ возстановленіе законодательной самостоятельности Ирландіи, онъ пугалъ ее своими взглядами. Поэтому королева искала другихъ министерскихъ комбинацій, чтобы обойти Глэдстона. Но его господство въ парламентѣ въ это время было еще настолько неоспоримо, что безъ него нельзя было составить министерства. Только 30 января составленіе министерства поручено было Глэдстону. Но и онъ встрѣтилъ затрудненія, такъ какъ многіе изъ его бывшихъ сотоварищей теперь не нашли возможнымъ вступить въ его министерство, такъ какъ разошлись съ нимъ по поводу кардинальнаго вопроса его программы. Они вышли изъ партїи и составили особую партію уніонистовъ, т. е. сторонниковъ уніи, и примкнули къ консерваторамъ. Таковы были: лордъ Сельборнъ—великій канцлеръ, лордъ Гартингтонъ, котораго всѣ считали тогда преемникомъ Глэдстона, и лордъ Норфолькъ. Отпаденіе этихъ лицъ и сродныхъ съ ними по консервативному настроенію не было удивительнымъ для Глэдстона и для современниковъ, но отказъ Чемберлена слѣдовать за Глэдстономъ изумилъ и его и всѣхъ. Еще въ 1874 году Чемберленъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Парнеллемъ; раньше всѣхъ политическихъ дѣятелей Англїи Чемберленъ провозгласилъ необходимость

предоставленія Ирландіи законодательной самостоятельности. Онъ находился на самомъ крайнемъ лѣвомъ крылѣ либеральной партіи и считался въ родствѣ съ социалистами. И вотъ теперь, когда вожакъ либераловъ Англіи обратился въ гомрулера, Чемберленъ возсталъ противъ предоставленія законодательной автономіи Ирландіи. Напрасно Глэдстонъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы войти съ нимъ въ соглашеніе. Чемберленъ не сдавался и притомъ не приводилъ никакихъ серьезныхъ поводовъ разногласія, а укрывался за мелочами, которыя не имѣли серьезнаго значенія. Это поведеніе его такъ и осталось неяснымъ, если не принять того объясненія, которое заключается въ слѣдующемъ: онъ считалъ себя преемникомъ Глэдстона въ парламентѣ, полагая, что послѣдній очень скоро по старости долженъ будетъ оставить политическую дѣятельность. Своимъ конькомъ, на которомъ онъ откроетъ путь своей карьеры, онъ избралъ гомруль. Теперь, когда Глэдстонъ усвоилъ себѣ этотъ пунктъ, ему не оставалось ничего изъ его программы, а тутъ еще свѣжесть и сила Глэдстона отодвигали вдаль открытіе его политическаго наслѣдства. Поэтому Чемберленъ началъ свой постепенный переходъ къ консерваторамъ, въ рядахъ которыхъ онъ впоследствии и оказался. Насколько вѣрно было такое предположеніе нѣкоторыхъ современниковъ относительно причины его неожиданнаго отказа слѣдовать за Глэдстономъ, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ оно правдоподобно. Съ другой стороны произошли переходы и изъ консервативнаго лагеря. Образовалась англійская лига гомруля, и во главѣ ея сталъ консервативный пэръ Ашбернэмъ.

Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ въ составѣ партій всѣ съ нетерпѣніемъ ждали проекта Глэдстона. Онъ не остановился передъ затрудненіями и 8 апрѣля 1886 года внесъ свой билль въ палату общинъ. Онъ его изложилъ въ мастерской рѣчи, длившейся не менѣе трехъ съ половиной часовъ. Англія, — сказалъ онъ, — устала отъ мѣръ осаднаго режима, которыми она въ теченіе вѣка старалась закрѣпить свой союзъ съ Ирландіей. Главнымъ пунктомъ плана Глэдстона было образованіе отдѣльнаго парламента для Ирландіи, съ каковымъ связывалось удаленіе ирландскихъ депутатовъ изъ англійскаго парламента. Изъ желанія сохранить фискальное

единство имперіи, пошлины и акцизы Ирландіи должны были находиться въ компетенціи центрального парламента, который, покрывъ изъ нихъ обязательства этого королевства, остатокъ ихъ передаетъ въ вѣдѣніе ирландскаго парламента. Ирландскій парламентъ не долженъ былъ касаться прерогативъ короны, не долженъ былъ вмѣшиваться въ дѣла арміи и флота и внѣшнихъ сношеній. Ирландскій парламентъ не долженъ былъ состоять и изъ двухъ палатъ но онъ долженъ былъ заключать въ себѣ два класса депутатовъ, избираемыхъ по разнымъ избирательнымъ системамъ. Оба эти класса должны были засѣдать вмѣстѣ, но голосовать отдѣльно, причемъ первый классъ имѣлъ право отлагательнаго veto. Полиція и жандармерія должны были временно оставаться въ рукахъ англійскихъ властей, и Англія должна была нести треть расходовъ на ихъ содержаніе.

Нѣсколько дней спустя Глэдстонъ развилъ въ парламентѣ свой планъ аграрный. Сущность этого плана заключалась въ томъ, что Англія должна была ассигновать на четыре бюджетныхъ періода 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые предназначались на покупку земель въ Ирландіи для продажи ихъ фермерамъ, которые должны были ихъ выкупить путемъ ежегодныхъ взносовъ. Глэдстонъ рассчитывалъ, что ежегоднаго расхода въ пятьдесятъ семь милліоновъ рублей будетъ достаточно для погашенія капитала и процентовъ по этой операціи въ теченіе небольшого числа лѣтъ. Такъ какъ Ирландія во время уніи платила 88 милліоновъ рублей налоговъ, то сумма ихъ представляла собою достаточное обезпеченіе для уплаты Англіи сдѣланнаго ею аванса. Въ концѣ концовъ это былъ своего рода выкупъ, для котораго Англія приглашалась авансировать извѣстную сумму, чтобы искупить вѣка притѣсненій, чинимыхъ ею въ Ирландіи, и чтобы создать тамъ классъ крестьянъ собственниковъ, который бы въ моментъ предоставленія ей самой себѣ составилъ бы своего рода общественный балластъ этого новаго общества и обезпечилъ бы ему равновѣсіе.

Эти проекты встрѣтили большое сопротивленіе въ парламентѣ. Переговоры съ Чемберленомъ, котораго все-таки Глэдстонъ надѣялся примирить съ своимъ проектомъ, ни къ чему не привели. Напро-

тивъ, еще новыя лица отпали отъ либеральной партіи, какъ на-примѣръ лордъ Дэрби. 10 мая Глэдстонъ потребовалъ второго чтенія проекта управленія Ирландіей. При этомъ онъ воспользовался случаемъ указать, какія уступки онъ намѣренъ сдѣлать своимъ противникамъ. Такъ наприимѣръ, онъ соглашался на то, чтобы ирландскіе депутаты не удалялись изъ англійскаго парламента и чтобы они имѣли право участія въ его засѣданіяхъ во время обсужденія налоговъ Ирландіи. 7 іюня былъ большой ораторскій турниръ между сторонниками и противниками законопроекта. Гошенъ искусно далъ понять, что дѣло идетъ не о частностяхъ, а о самомъ принципѣ гомруля.

Парнелль презрительно замѣтилъ ему на это, что тори не всегда съ такимъ опасеніемъ относились къ самоуправленію Ирландіи, что они лѣтомъ 1885 года держали ему совершенно инныя рѣчи и что если бы общіе выборы были въ ихъ пользу, такъ что они могли бы составить большинство съ прибавкой голосовъ націоналистовъ, — они по всей вѣроятности еще надбавили бы что нибудь сверхъ либераловъ. Онъ заявилъ при этомъ о неизгладимой благодарности, которая связала его, его партію и всю страну, что бы ни произошло, съ Глэдстономъ и съ либералами. Предъ баллотировкой билля во второмъ чтеніи, Глэдстонъ настаивалъ на томъ, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ теперь только принципиально, обѣщая сдѣлать потомъ всѣ нужныя поправки. Это не подѣйствовало. При подачѣ голосовъ 341 голосъ высказался противъ билля и 311 за него. Глэдстонъ рѣшился распустить парламентъ и 10 іюня объявилъ палатѣ, что вскорѣ будутъ новые выборы. Такимъ образомъ, Глэдстонъ апеллировалъ къ странѣ въ своемъ спорѣ съ парламентомъ, и страна не пошла за своимъ еще недавно столь популярнымъ вождемъ. Она высказалась противъ гомруля.

На выборахъ консерваторы получили 317 мѣстъ, уніонисты — 76. Слѣдовательно противники политики Глэдстона располагали въ палатѣ 393 голосами. Между тѣмъ глэдстоніанцевъ было избрано только 191 и съ ними рядомъ стали ирландскіе націоналисты, вернувшіеся въ палату въ томъ же самомъ числѣ — 86. Послѣ такого результата выборовъ Глэдстонъ подалъ въ отставку и въ

управленіе вступило новое министерство консерваторовъ съ Солсбери во главѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ Солсбери на банкетѣ у лордъ мэра выступилъ съ рѣчью, въ которой по всѣмъ ожиданіямъ онъ долженъ былъ начертить свою программу. Онъ этого не сдѣлалъ, онъ только очень старательно подчеркивалъ необходимость сохранить унію между Ирландіей и Англіей,—но какія мѣры онъ считаетъ для этого подходящими, онъ не сказалъ. Будущее скоро показало, что Глэдстонъ былъ правъ, утверждая въ своемъ мидлтонскомъ манифестѣ, что если отвергнуть самоуправленіе Ирландіи, то остается только увѣковѣчить управленіе при помощи осаднаго положенія и другихъ исключительныхъ мѣръ.

Положеніе Ирландіи въ 1886 и въ 1887 годахъ было очень тяжело. Въ это время во всей Европѣ дѣйствовалъ сельскохозяйственный кризисъ въ силу сильнаго паденія цѣнъ на хлѣбъ. Этотъ кризисъ не миновалъ и Ирландіи, но онъ осложнился здѣсь еще и неурожаемъ. Такимъ образомъ, ирландскіе фермеры теряли и на цѣнѣ и на количествѣ полученныхъ продуктовъ. Отсюда, естественно, появились значительныя недоимки на фермерахъ, открывшія возможность для лэндлордовъ приступить къ изгнаніямъ. Такъ какъ вопросъ о прежнихъ недоимкахъ не былъ еще урегулированъ на основаніи закона 1882 года окончательно, то получилось положеніе крайне запутанное и тяжелое для фермеровъ. Какъ ни было правительство склонно къ сохраненію существующаго порядка, оно не могло закрыть глазъ предъ общественнымъ бѣдствіемъ, господствовавшимъ въ Ирландіи. Оно внесло въ палату предложеніе назначить комиссію для изслѣдованія положенія. Парнелль возсталъ противъ этой мѣры, которая только откладывала рѣшеніе вопроса въ дѣлѣ, требовавшемъ немедленной помощи. Онъ {предложилъ съ своей стороны въ видѣ временной мѣры такое рѣшеніе: если фермеръ уплатитъ теперь же половину аренды и половину числящейся за нимъ недоимки и представитъ доказательство невозможности заплатить больше, то онъ получаетъ чистую квитанцію, и съ него не можетъ быть взыскиваемо больше. Джонъ Морлей, котораго опытность въ ирландскихъ дѣлахъ увеличилась съ тѣхъ поръ, какъ

онъ былъ ея правителемъ, настаивалъ на томъ, что при теперешнемъ кризисѣ аренды стали слишкомъ высокими и изгнанія слишкомъ произвольны, и предложилъ, чтобы изгнанія были приостановлены впредь до рѣшенія вопроса о размѣрѣ аренды и недоимокъ. Кромѣ того онъ возсталъ противъ идеи выкупа земель, для котораго возьмутся деньги изъ кармана плательщиковъ, чтобы ихъ положить во всегда протянутыя руки лэндлордовъ. Глэдстонъ рѣзко нападалъ на отношеніе министерства къ вопросу объ изгнаніяхъ и на его всегдашнюю готовность оказывать военную помощь помѣщикамъ противъ арендаторовъ. Онъ заявилъ при этомъ, что онъ отказывается отъ идеи выкупа земель отъ лэндлордовъ. Предложенія Парнелла и Морлея были отвергнуты значительнымъ большинствомъ голосовъ, главнымъ образомъ, благодаря вліянію Чемберлена, который, соглашаясь на переоцѣнку аренды, возсталъ рѣшительно противъ приостановки изгнаній (авг. 1886 г.). Съ такими плохими перспективами вступила Ирландія въ осень 1886 года. Въ странѣ происходили безпорядки. Они на этотъ разъ были съ обѣихъ сторонъ. Въ Ульстерѣ, въ городѣ Бельфастѣ они были вызваны оранжистами, которые вооружились противъ націоналистовъ. Дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній, во время которыхъ съ обѣихъ сторонъ были убиты и ранены. Правительство было поражено этимъ сквернымъ симптомомъ положенія и возбудило судебное преслѣдованіе противъ ульстерскихъ консерваторовъ. Кромѣ того его представитель въ Ирландіи генералъ сэръ Ридвердсъ Буллеръ сталъ энергично отказывать въ помощи тѣмъ изъ лэндлордовъ, которые несправедливо изгоняли арендаторовъ. На всякую просьбу о предоставленіи военной силы для изгнанія фермера онъ требовалъ отъ помѣщика изложенія доказательствъ, что фермеръ не хочетъ платить аренды, и если такихъ доказательствъ на лицо не было, онъ отказывалъ въ содѣйствіи.

Съ другой стороны, и націоналисты не оставались пассивными зрителями совершавшихся изгнаній. Диллонъ и О'Брайенъ придумали въ это время мѣру, которую они назвали „планъ кампаніи“. Онъ заключался въ томъ, что фермеры даннаго округа должны составить между собой союзы, выбрать уполномоченнаго и въ руки послѣдняго

вносить арендные деньги. Этот последний съ деньгами въ рукахъ ведетъ переговоры съ помѣщиками относительно уступки въ арендной платѣ. Если лэндлордъ согласенъ на уступку, то онъ получаетъ сразу арендную плату за всѣхъ фермеровъ; если же нѣтъ, то не получаетъ ни отъ одного. Такъ какъ послѣдніе не вступаютъ съ нимъ ни въ какіе переговоры порознь, то ему остается только выгнать ихъ всѣхъ сразу. Этотъ планъ прилагался въ зиму 1886—87 года въ довольно широкихъ размѣрахъ и принесъ многимъ фермерамъ пользу. Глэдстонъ, говоря объ этомъ „планѣ“, открыто призналъ, что, какъ ни достойно сожалѣнія это нарушеніе закона, нельзя отказать въ благодарности находчивымъ людямъ, которые въ зиму 1886—1887 года придумали это средство общеннаго спасенія.

Правительство думало иначе. Оно рѣшило внести проектъ исключительнаго закона для Ирландіи. Когда Парнелль по открытіи парламента внесъ проектъ резолюціи въ томъ смыслѣ, что аграрная реформа и реформа конституціи сдѣлали бы лишнимъ введеніе осаднаго положенія въ странѣ, его предложеніе было отвергнуто, и министерство внесло свой законопроектъ, по которому въ Ирландіи вводилось положеніе чрезвычайной охраны. Это новое положеніе отличалось отъ прежнихъ тѣмъ, что оно вводилось не на опредѣленный срокъ, по минованіи коего требовалось новое постановленіе парламента для его продленія, а безсрочно, впродъ до отмѣны. Этотъ законъ, такимъ образомъ, дѣлалъ нормальнымъ управленіе Ирландіей посредствомъ исключительнаго закона. Билль предоставлялъ намѣстнику Ирландіи право закрывать всѣ ассоціаціи, которыя ему кажутся вредными, и давалъ ему право вводить чрезвычайную охрану во всякой мѣстности, которая ему кажется взволнованной. Законъ объявлялъ бойкотъ преступленіемъ и разрѣшалъ переносить судебное дѣло изъ одного округа въ другой и даже въ Англію. Бальфуръ объяснялъ необходимость введенія этого закона для успокоенія Ирландіи, и онъ былъ принятъ, несмотря на энергичныя возраженія Глэдстона, Парнелля и Морлея.

Противники Глэдстона указывали ему, что онъ самъ когда-то, еще такъ недавно, практиковалъ исключительные законы въ Ирландіи.

На это онъ отвѣчалъ, что признаетъ свою политику въ этомъ отношеніи ошибочною и потому-то теперь возстаетъ противъ ея повторенія. Это отношеніе Гладстона къ исключительному закону и его союзъ съ націоналистами стали причиной сильной агитаціи противъ него. Консерваторы и уніонисты собирали противъ него митинги въ Шотландіи и старались на нихъ подорвать его авторитетъ. Съ другой стороны собирались митинги противоположнаго характера. Изъ нихъ митингъ въ Гайдъ-Паркъ былъ особенно внушительнъ. На него собралось, по словамъ либераловъ, болѣе ста тысячъ человекъ, а по словамъ консерваторовъ — около семидесяти тысячъ. Если принять и послѣднюю цифру, то все же протестъ противъ исключительнаго закона, принятый на этомъ митингѣ, былъ внушительной демонстраціей настроенія лондонскаго общественнаго мнѣнія.

Если личность Гладстона стала мишенью нападокъ, то нечего и говорить, что Парнелль и его сторонники еще болѣе подвергались имъ. Обвиненія консерваторовъ направлены были къ тому, чтобы дискредитировать Парнелля и его партію въ глазахъ англичанъ; выставивъ ихъ сторонниками и участниками террористическихъ преступленій. Органомъ этихъ нападокъ былъ „Таймсъ“. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль они печатали рядъ статей, въ которыхъ они старались доказать связь Парнелля съ феніями и его участіе въ разныхъ преступленіяхъ. Эти статьи не производили особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ никакихъ фактовъ не приводилось. Но, наконецъ, въ подтвержденіе обвиненій напечатано было въ „Таймсъ“ факсимиле письма Парнелля къ нѣкому Игану, скомпрометированному въ преступленіи въ Феникь-Паркъ. Это письмо было полно доказательствъ несомнѣннаго нравственнаго соучастія Парнелля въ этомъ преступленіи. Первое впечатлѣніе письма было ужасно. Въ парламентѣ Гартингтонъ и многіе другіе прямо требовали отъ Парнелля оправданій или возбужденія противъ газеты преслѣдованія за клевету. Парнелль сохранилъ и въ этомъ случаѣ свое обычное хладнокровіе и совершенно спокойно объявилъ своимъ противникамъ, что онъ сохраняетъ за собой право совѣтоваться только съ собой въ такомъ дѣлѣ, которое такъ близко касается его чести. Со своей-

ственной ему быстротой соображенія онъ понялъ, что въ этомъ факсимиле ему поставлена ловушка, чтобы онъ втянулся въ безконечный процессъ, который, съ одной стороны, грозилъ ему разореніемъ, въ силу громадности судебныхъ издержекъ, а съ другой — предоставилъ бы его противникамъ возможность въ теченіе долгаго времени трепать его имя разными инсинуаціями, которыя могли дѣйствительно вызвать сомнѣнія въ обществѣ относительно истины. Онъ напомнилъ парламенту стародавнюю традицію, въ силу которой парламентъ можетъ самъ привлечь газету къ отвѣту, если онъ находитъ нужнымъ вступить за честь національнаго представительства. Онъ заявилъ при этомъ, что онъ, сильный приговоромъ своей совѣсти, готовъ дать показанія предъ комитетомъ, который для разслѣдованія дѣла назначилъ-бы парламентъ. Это поведеніе Парнелля произвело впечатлѣніе въ его пользу. Симпатіи общества, въ особенности либеральной партіи, еще болѣе повернулись на его сторону, когда Тревилльянъ и Спенсеръ, управлявшіе въ Ирландіи тотчасъ послѣ преступленія въ Фениксъ-Паркъ, заявили въ парламентѣ, что ничто не доходило до ихъ свѣдѣнія, что бросало бы подозрѣніе на соучастіе Парнелля и его партіи съ динамитчиками и убійцами. Еще болѣе ясно стало общественное мнѣніе на сторону Парнелля, когда правительство устами министра Смита отказалось отъ предлагаемаго разслѣдованія. Нѣсколько времени спустя, дѣло разъяснилось вполне. Открылся виновникъ подлога. Это оказался нѣкто Пиготъ, который бѣжалъ въ Испанію, но тамъ былъ арестованъ и сознался въ подлогѣ. Тогда правительство волей-неволей должно было само начать процессъ противъ „Таймсъ“ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, и этотъ процессъ кончился противъ газеты. Торжество Парнелля было полное, и авторитетъ его среди англійскихъ либераловъ еще болѣе поднялся.

Между тѣмъ послѣ изданія закона о чрезвычайной охранѣ или, какъ его называли, „принудительнаго“ Бальфуръ управлялъ въ Ирландіи желѣзной рукой. Онъ призналъ, что нѣтъ надобности стѣсняться какими-нибудь конституціонными соображеніями. Преслѣдованія и конфискація журналовъ, произвольные аресты, приговоры, ностановляемые судьями смѣняемыми и капитанами жандармеріи,

полное приравниваніе политическихъ узниковъ къ обыкновеннымъ арестантамъ — таковы были нѣкоторыя изъ тѣхъ средствъ, которыя пустилъ въ ходъ этотъ новый Страффордъ.

Депутаты О'Брайенъ, Сулливанъ, въ то время лордъ-мэръ Дублина, Гаррингтонъ, немножко позже Диллонъ были брошены въ тюрьмы отчасти за то, что организовали „планъ кампаніи“, отчасти за то, что путемъ слова и печати угрожали странному порядку, водворившемуся въ ихъ странѣ. Въ тюрьмахъ былъ данъ приказъ, чтобы эти новые гости были подвергнуты режиму уголовныхъ, безо всякаго исключенія и послабленія. Эти мѣры повидимому не приносили тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидало отъ нихъ правительство. Хотя бойкотъ и былъ объявленъ преступленіемъ, но онъ возросъ сильно въ 1887 году. Въ этомъ году было бойкотировано 836 лицъ. Своими мѣрами министерство не вышло изъ затрудненій. Оно впало въ противорѣчіе съ своей избирательной программой. Въ ней консерваторы утверждали, что, кромѣ той дилеммы, которую указывалъ Глэдстонъ, есть и другіе пути для управленія Ирландіей. Теперь оказывалось, что этихъ другихъ путей нѣтъ, что, отказавшись отъ реформы управленія, предложенной Глэдстономъ, они ничего не придумали, кромѣ исключительныхъ мѣръ и осаднаго положенія.

Министерство обратилось къ папѣ Льву XIII, прося его оказать вліяніе на ирландскихъ католиковъ. Чтобы расположить его въ свою пользу, министерство послало въ Ватиканъ посломъ католическаго сановника герц. Норфолька. Со временъ XVI вѣка впервые посоль Англіи появился у трона святѣйшаго отца. Польщенный этимъ, папа послалъ довѣренное лицо, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Ирландіи. Ему не дали слишкомъ близко присматриваться къ нимъ. Его докладъ былъ въ пользу вмѣшательства папы. Послѣдній обратился съ посланіемъ къ епископамъ Ирландіи, въ которомъ онъ совѣтовалъ имъ проповѣдывать по епархіямъ уваженіе къ нравственности даже въ политической борьбѣ и въ которомъ онъ опредѣленно осудилъ такія средства, какъ бойкотъ и „планъ кампаніи“. Этотъ актъ произвелъ мало дѣйствія. Духовенство и свѣтскія лица встрѣтили его съ тѣмъ почтеніемъ,

которое подобаетъ всему, что исходитъ отъ св. отца, не оспаривали его, но продолжали свои дѣйствія такъ, какъ будто ничего не произошло. Въ Англіи режимъ Бальфура въ значительной степени содѣйствовалъ тому, что общественное мнѣніе стало поворачиваться въ сторону либеральнаго рѣшенія дилеммы, поставленной Глэдстономъ. На нѣсколькихъ частныхъ выборахъ либералы взяли верхъ въ 1888 году. Сессія парламента этого года сильно содѣйствовала этому результату. Парнелль и Глэдстонъ дали паролъ не поднимать ирландскаго вопроса, за исключеніемъ случаевъ необходимости. Они это сдѣлали затѣмъ, чтобы разсѣять мнѣніе, распространяемое противниками, будто ирландскій вопросъ становится на дорогѣ другихъ реформъ. Въ это время сближеніе между англійскими либералами и ирландскими націоналистами стало тѣснымъ. Личныя отношенія между Парнеллемъ и Глэдстономъ стали отношеніями близкихъ людей. Не разъ Парнелль гостилъ въ имѣніи Глэдстона, и тутъ они обсуждали совмѣстно детали гомруля и своей тактики. Будущее имъ представлялось небезнадежнымъ, такъ какъ на предыдущихъ парламентскихъ выборахъ число голосовъ, поданныхъ за консерваторовъ и уніонистовъ, было далеко не такимъ подавляющимъ, чтобы нѣкоторый поворотъ въ общественномъ мнѣніи не могъ дать побѣды сторонникамъ гомруля. Но вскорѣ произошло событіе, которое нарушило единеніе среди самихъ націоналистовъ и разрушило добрыя отношенія между Глэдстономъ и Парнеллемъ.

Съ нѣкотораго времени друзья Парнелля стали замѣчать въ немъ нѣкоторыя перемѣны характера. Онъ сталъ проявлять разсѣянность. Иногда въ засѣданіи онъ задумывался настолько, что какъ будто забывалъ, гдѣ онъ и что вокругъ него дѣлается. Иногда онъ сталъ проявлять раздражительность, противорѣчившую его обычному самообладанію. Вскорѣ обнаружилась и причина этихъ странностей. Парнелль полюбилъ жену своего друга О'Ши. Благодаря силѣ чувства съ одной стороны и внимательному надзору за Парнеллемъ его враговъ съ другой, — отношенія Парнелля къ Кэтринъ О'Ши стали достояніемъ публики. Начался бракоразводный процессъ. Парнелль и Кэтринъ О'Ши и не думали защищаться, — они признались во взаимной любви, и разводъ состоялся. Вскорѣ послѣ

того Парнелль женился на ней. Весь этот скандалъ усердно эксплуатировался газетами, враждебными Парнеллю. Онъ долгое время занимали публику всякими подробностями этого дѣла. Впечатлѣніе его на публику было очень сильно именно потому, что оно касалось вожака ирландскаго народа. Католики не могли простить Парнеллю его грѣха и чувствовали себя какъ бы пришибленными этимъ скандаломъ. Съ точки зрѣнія ихъ и то обстоятельство, что онъ женился на Кэтринъ О'Ши не могло уменьшить грѣха, такъ какъ женитьба на разводкѣ—тоже грѣхъ.

Духовенство Ирландіи, которое до тѣхъ поръ очень энергично поддерживало Парнелля, теперь отвернулось отъ него. При этихъ условіяхъ возникъ вопросъ о томъ, можетъ ли Парнелль оставаться и дальше вождемъ націоналистской партіи. Рѣшеніе этого вопроса въ значительной степени зависѣло отъ того, какъ къ нему отнесутся либералы и ихъ признанный вождь Глэдстонъ. Что скажетъ Глэдстонъ? Этотъ вопросъ былъ у всѣхъ на умѣ. Самъ Парнелль съ напряженнымъ безпокойствомъ ждалъ этого отвѣта. И онъ явился. Въ письмѣ къ одному ирландскому депутату Глэдстонъ высказалъ мнѣніе, что послѣ происшедшаго Парнелль не можетъ безъ вреда для дѣла оставаться во главѣ ирландской партіи. Высказывая этотъ взглядъ, Глэдстонъ отражалъ мнѣніе всей англійской публики. Хотя женитьба Парнелля и примирила ее съ его проступкомъ, но все же англичане считали, что такой человѣкъ не можетъ оставаться во главѣ партіи. Этотъ взглядъ былъ общимъ. Получивъ этотъ вердиктъ Глэдстона, Парнелль не думалъ ему подчиниться; но онъ почувствовалъ, что въ ирландской партіи можетъ произойти расколъ. Чтобы предупредить его, онъ обратился съ манифестомъ къ ирландскому народу.

Въ немъ онъ говорилъ: „Разсмотрите внимательно, какъ съ вами обращаются, чего отъ васъ требуютъ, прежде чѣмъ выдать меня англійскимъ волкамъ, которые воютъ, требуя моей гибели. Всегда въ послѣдніе годы ирландская партія была независима, не шла ни за кѣмъ въ хвостъ, никому не позволяла вмѣшиваться въ свои дѣла. Теперь Глэдстонъ осмѣливается приказывать партіи отказаться отъ своего лидера. Если партія уступить, она сама признаетъ

собственное ничтожество, сама похоронить надежду на гомруль. Англичане добры только тогда, когда видят против себя силу, а слабых и уступчивых они презирают. Если Глэдстонъ считает искренно, что гомруль необходимъ, если это не лицемеріе съ его стороны, то онъ долженъ поддерживать гомруль, кто бы ни былъ лидеромъ“. Этотъ манифестъ не предупредилъ раскола. Большинство націоналистовъ склонялись къ выбору новаго вождя. Парнелль энергично боролся за свое положеніе. Онъ присутствовалъ на всѣхъ митингахъ и совѣщаніяхъ партіи и энергично отстаивалъ мысль, что его отношенія къ женцинѣ—его личное дѣло, ни до кого не касающееся; но эти доводы не убѣждали большинства. Последнее совѣщаніе, на которомъ окончательно рѣшенъ былъ вопросъ, продолжалось пять дней. 26 членовъ партіи высказались за сохраненіе Парнелля вожакомъ, а 45 голосовъ—противъ. Послѣ этого вожакомъ партіи былъ избранъ Макъ-Карти. Послѣ такого рѣшенія вопроса Парнелль не сдался: онъ издалъ новое обращеніе къ ирландскому народу. Онъ въ немъ говорилъ, что Глэдстонъ предатель, что англичане бьютъ вовсе не его, Парнелля, а Ирландію. „Я признаю Макъ-Карти лидеромъ,—говорилъ онъ,—но пусть Глэдстонъ исполнитъ свое обѣщаніе: пусть онъ проведетъ гомруль. Но я знаю, что онъ этого не сдѣлаетъ, потому что хочетъ только обмануть насъ“. Послѣ недавняго прошлаго эти заявленія звучатъ очень странно. Какъ нѣкогда О'Коннель гремѣлъ противъ молодой Ирландіи, чувствуя, что она у него изъподъ ногъ вынимаетъ почву, такъ и теперь Парнелль возсталъ противъ Глэдстона и отчасти и противъ собственной партіи. Но тогда было различіе въ стремленіяхъ и во взглядахъ; теперь коренного различія не было. Если и было разнорѣчіе въ вопросѣ тактическомъ, то нельзя не признать, что, по всей вѣроятности, еще въ большей степени въ сопротивленіи Парнелля и въ его ослѣпленіи относительно поведенія Глэдстона играла роль привычка къ власти, хотя и основанной только на нравственномъ господствѣ. Некоронованные короли съ такимъ же трудомъ отказываются отъ своей власти, какъ и коронованные. Власть часто портитъ людей, будь то власть, основанная на матеріальной силѣ, или покоящаяся

на нравственномъ авторитетѣ. Парнелль продолжалъ бороться и послѣ того, какъ призналъ вождемъ Макъ-Карти. Онъ боролся за восстановление своего положенія въ партіи и въ Ирландіи. Эта напряженная борьба, связанная съ массой не только труда, но и еще больше огорченій, причиняемыхъ отпаденіями, надломила его силы. Организмъ не выдержалъ напряженія, и послѣ одной простуды онъ сразу опасно заболѣлъ. Жена отвезла его въ Брайтонъ и нѣжно за нимъ ухаживала, стараясь спасти дорогую жизнь. По поводу ея заботъ онъ однажды сказалъ ей: „передай же мою любовь моимъ друзьямъ въ Ирландіи; вотъ если-бы въ ея страданіяхъ за нею такъ ухаживали, какъ за мной!“ Это были его послѣднія слова. Вскорѣ онъ впалъ въ безсознательное состояніе и ночью 7 октября 1891 года скончался.

Вѣсть о кончинѣ Парнелля ударила ирландцевъ, какъ бухомъ по головѣ. Когда его привезли изъ Брайтона въ Дублинъ, двухсотъ-тысячная толпа провожала его на кладбище. Всѣ публичныя мѣста были закрыты, всѣ увеселенія были прекращены, все облеклось въ трауръ. Всеобщая печаль бросалась въ глаза. Къ ней примѣшивалась и ненависть противъ англичанъ, какъ будто они были виновниками смерти Парнелля. На улицахъ были афиши, въ которыхъ говорилось: „замученъ англичанами“, или „злые коршуны, заклевавшіе Парнелля, заклюютъ и Ирландію“. Въ Англіи тоже почувствовали, что со сцены сошла крупная политическая сила, но въ то же время думали, что теперь, со смертью Парнелля, снова возстановится единство въ ирландской національной партіи. Такъ думалъ Глэдстонъ, которому очень не по душѣ былъ этотъ раздоръ среди ирландцевъ. Но этого не случилось. Между сторонниками Парнелля и его противниками не только не произошло примиренія, но кажется, что теперь вражда стала еще сильнѣе, хотя поводъ ея исчезъ уже. Вражда была настолько сильна, что когда надо было выбирать депутата отъ Корка на мѣсто Парнелля и когда парнеллисты выставили кандидатуру Редмонда, то противники его съ такой яростью боролись противъ этой кандидатуры, что дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній. Редмондъ былъ избранъ и сталъ во главѣ парнеллистовъ, тогда какъ Макъ-Карти остался главой другой

части національной ирландской партіи. Какъ въ средніе вѣка ирландскіе вожди племенъ своими раздорами облегчали англичанамъ дорогу въ завоеваніи Ирландіи, такъ теперь раздоры между вождями общественнаго мнѣнія затрудняли дорогу къ самостоятельности.

Между тѣмъ Глэдстонъ не оставлялъ идеи гомруля. Въ 1892 году были общіе выборы въ парламентъ. Глэдстонъ ведетъ ихъ на вопросъ гомруля. На этотъ разъ его мысль взяла верхъ. Когда собрался новый парламентъ въ январѣ 1893 года, его составъ оказался слѣдующимъ: 274 либерала, 9 парнелистовъ, 71 антипарнелистъ, 268 консерваторовъ и 46 уніонистовъ. При такомъ сочетаніи партій консервативное министерство не могло остаться у власти. Во главѣ министерства снова сталъ Глэдстонъ. Это было четвертый разъ, что онъ становился во главѣ министерства, и такой случай былъ первымъ. Вслѣдъ за вступленіемъ во власть онъ вноситъ снова билль о дарованіи Ирландіи отдѣльнаго парламента. Этотъ актъ вызвалъ сильное возбужденіе въ Англіи. Всюду собирались митинги за и противъ этой мѣры. Въ то время, какъ одни говорили и доказывали, что Англія пропадетъ, если она согласится на отдѣльный парламентъ для Ирландіи, другіе утверждали, что она погибнетъ, если автономія не будетъ дана Ирландіи. Протесты противъ билля были особенно сильны въ Ульстерѣ. Тамъ и женщины приняли участіе въ политической борьбѣ. Онѣ составили петицію къ королевѣ, умоляя ее не соглашаться на гомруль. Подъ этой петиціей набралось 142.000 подписей. Свитокъ этой петиціи былъ въ длину 3000 аршинъ. Онъ былъ на вернутахъ на желѣзный пруть, вставленный въ мѣдныя колеса, и имѣлъ въ діаметрѣ 18 дюймовъ. Въ парламентѣ сопротивленіе консерваторовъ и уніонистовъ было очень энергично. Они теперь тоже прибѣгали къ обструкціи и всячески затягивали пренія. Взаимное раздраженіе росло съ каждымъ днемъ и, наконецъ, разразилось дракой между ирландцами уніонистами. Разгорѣлся настоящій кулачный бой. Старыя стѣны парламента никогда не были свидѣтелями такой дикой сцены. Многіе депутаты были опрокинуты, другіе получили тяжелые удары. Члены парламента лазили по скамьямъ и, схватываясь, тѣснились вперемежку. Въ серединѣ

свалки видѣли Редмонда. Раздавались громкіе свистки. Напрасно приставъ старался разнять дерущихся: его никто не слушалъ. Глэдстонъ безмолвно наблюдалъ происходившее, видимо удрученный безобразнымъ зрѣлищемъ. Противъ него стоялъ консерваторъ Ашмилъ Бартлетъ и по временамъ кричалъ ему: „это ваше дѣло“. Крики: „спикеръ, спикеръ!“ раздавались съ разныхъ концовъ залы. Приставъ палаты съ помощью депутатовъ не безъ усилій заставлялъ членовъ палаты оставлять залу и направлялъ ихъ въ боковые корридоры. Когда зала стала очищаться, Глэдстонъ тоже оставилъ ее. Свалка продолжалась нѣсколько минутъ.

Благодаря такой яростной оппозиціи, обсужденіе билля затянулось до августа. Только 20 августа назначено было окончательное голосованіе его. Въ этотъ день зала парламента была переполнена. Галлерей публики тоже была полна. Макъ-Карти въ краткой рѣчи заявилъ, что онъ и его сторонники считаютъ принятіе билля окончательнымъ рѣшеніемъ ирландскаго вопроса. Это заявленіе было покрыто всеобщими аплодисментами. Рукоплесканія возобновились, когда Макъ-Карти назвалъ Глэдстона первымъ государственнымъ дѣятелемъ Англіи, рискнувшимъ своей популярностью и властью, чтобы оказать справедливость ирландцамъ. „Мы принимаемъ билль изъ его рукъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,— и гордимся тѣмъ, что именно изъ его рукъ получаемъ эту реформу“. Большинство 301 противъ 267 голосовъ въ палатѣ общинъ высказалось за принятіе билля.

Сущность его заключалась въ томъ, что для изданія законовъ и распоряженій, касающихся только Ирландіи или какой-нибудь ея части, учреждался особый ирландскій парламентъ. Онъ долженъ былъ состоять изъ двухъ палатъ: изъ совѣта, состоявшаго изъ 48 членовъ, избираемыхъ на 8 лѣтъ, и изъ законодательнаго собранія изъ 103 членовъ, избираемыхъ на 5 лѣтъ. Отличіе этихъ учреждений заключалось въ томъ, что члены совѣта избирались гражданами, получающими 20 ф. с. годового дохода отъ имущества, а члены законодательнаго собранія выбирались на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и члены англійскаго парламента. Для того, чтобы законъ былъ принятъ, требовалось согласіе обѣихъ

палатъ. Если такого согласія не воспослѣдовало и если черезъ два года или новымъ составомъ законодательнаго собранія этотъ законъ снова принимался, а совѣтъ снова не хотѣлъ его принимать, тогда образовывалось соединенное засѣданіе, которое окончательно и рѣшало судьбу билля. Вѣдѣнію ирландскаго парламента не подлежатъ вопросы, касающіеся короны, регентства, намѣстнической власти въ Ирландіи, мира и войны, внѣшнихъ сношеній, внѣшней торговли и монетной системы. Вице-король Ирландіи назначался на 6 лѣтъ, дабы сдѣлать его независимымъ отъ англійскихъ партій. При немъ былъ исполнительный комитетъ, въ родѣ министерства, который давало ему совѣты по всѣмъ вопросамъ, касающимся управленія страной; съ этими совѣтами онъ долженъ сообразоваться. Въ англійскомъ парламентѣ сохранялись представители Ирландіи въ числѣ 80 человекъ. Но они имѣли право голосованія только по общеимперскимъ вопросамъ и по вопросамъ, касающимся Ирландіи; но участвовать въ преніяхъ они могли и по всѣмъ другимъ вопросамъ.

Этотъ билль не сталъ закономъ вслѣдствіе сопротивленія палаты лордовъ. Тамъ онъ былъ отвергнутъ большинствомъ 419 голосовъ противъ 41. Такое ничтожное меньшинство не давало надежды на возможность сломить упорство палаты лордовъ путемъ вторичнаго проведенія билля черезъ палату общинъ. Глэдстонъ не сдѣлалъ этой попытки. Послѣ того гомруль не обсуждался въ парламентѣ. Это была послѣдняя крупная мѣра, проведенная Глэдстономъ черезъ нижнюю палату. Годы взяли свое. Когда консерваторы снова взяли верхъ, онъ совершенно удалился съ политическаго поприща. Всеобщее уваженіе окружало послѣдніе годы его жизни. Въ 1898 году онъ скончался. Хотя онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ на политической аренѣ, смерть его произвела сильное впечатлѣніе не только въ Англии, не только во всей Европѣ, но и далеко за ея предѣлами. Англичане удостоили его чести погребенія въ Вестминстерѣ. Сочувственныя депеши тысячами летѣли къ его семьѣ. Государи Европы и народы, какъ, на примѣръ, болгары и армяне, живо отозвались на его кончину.

Глэдстону принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду

государственныхъ дѣятелей XIX столѣтія въ Европѣ. Съ свѣтлымъ умомъ онъ соединялъ всегда глубокое изученіе дѣла. Специальностью его были финансы, и въ этихъ вопросахъ у него не было соперниковъ. Но не бюджетныя цифры привлекали его вниманіе, а связь этихъ послѣднихъ и отраженіе ихъ на народномъ благосостояніи. Эта связь для него всегда была совершенно ясна, а потому его бюджеты имѣли такой живой характеръ, такъ интересовали слушателей, какъ будто онъ рассказывалъ интересный романъ. Но что его отличало отъ другихъ современныхъ государственныхъ людей и давало ему надъ ними преимущество, это замѣчательная чуткость къ требованіямъ жизни и способность подчинять имъ свой умъ и волю. Можно сказать, что благодаря его свѣтлому уму и обширнымъ знаніямъ, книга жизни для него была открыта и понятна, и онъ постоянно учился изъ этой книги, учился для того, чтобы быть полезнымъ человѣчеству. Вотъ почему онъ шелъ въ уровень съ требованіями жизни и его убѣжденія не каменѣли въ определенныхъ формахъ, но, постепенно измѣняясь, сообразно съ изученіемъ жизни, ставили его во главѣ лучшихъ стремленій человѣчества. Его гуманная душа была чужда низкихъ или эгоистическихъ побужденій; напротивъ, его силу составляло его постоянное исканіе справедливости и вражда противъ всего, что бы было ей противно. Въ дѣлѣ буровъ онъ поступалъ противъ того, что считалось британскими интересами, во имя справедливости, полагая, что этимъ путемъ онъ лучше послужитъ этимъ интересамъ. Въ дѣлѣ болгаръ и армянъ его голосъ звучалъ такъ громко и авторитетно именно потому, что онъ поднималъ его во имя гуманности и справедливости. Также точно онъ поднималъ свой голосъ за ирландцевъ и взялся за ихъ дѣло, полагая, что въ удовлетвореніи справедливости лежитъ и интересъ Англіи. Внося свой билль о гомрулѣ, онъ говорилъ между прочимъ, что задача билля заключается „въ возстановленіи добраго имени, чести Англіи и ея политическаго генія, запятнанныхъ стариннымъ позоромъ“... Честь, справедливость, правда и гуманность не были пустыми словами въ устахъ Гладстона, и они то вмѣстѣ съ другими его личными качествами создали этотъ оригинальный

типъ государственнаго человѣка, уваженіе къ которому переносилось и на Англію. Про него можно сказать словами поэта:

Природа мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни.

Останавливаясь здѣсь въ нашемъ изложеніи судебъ Ирландіи, мы позволяемъ себѣ высказать нѣсколько словъ въ заключеніе нашего разсказа.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Попытаемся остановить наше вниманіе на главныхъ чертахъ исторіи Ирландіи и возстановимъ ихъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ. На зарѣ ирландской исторіи мы застаемъ эту страну на довольно высокой степени образованія, на столько высокой, что она высылаетъ отъ себя свѣточей христіанства, которые работаютъ съ успѣхомъ вдалекѣ отъ своей родины. Но вотъ самобытная жизнь этой страны нарушается вторженіемъ нормановъ, завоевателей Англіи. Вторженіе это имѣетъ сначала обычный характеръ завоеванія страны для пріобрѣтенія новыхъ владѣній съ новыми доходами. Но въ скоромъ времени оно осложняется подъ вліяніемъ двойного сопротивленія ирландцевъ. Съ одной стороны мы видимъ сопротивленіе главарей ирландскихъ клановъ и королевствъ. Это сопротивленіе не было особенно сильно, такъ какъ между ними происходили усобицы, которыя облегчали англичанамъ ихъ задачу завоеванія. Но такъ какъ однако англичане не могли всегда располагать всѣми своими силами для подавленія сопротивленія, а таковое въ отдѣльныхъ случаяхъ отличалось упорствомъ, то борьба затянулась съ естественнымъ ея послѣдствіемъ—развитіемъ вражды борющихся сторонъ. Съ другой стороны Ирландія оказала сильное сопротивленіе національное, обусловленное сравнительной высотой ея культуры. Англичане поддаются этому вліянію, и это обстоятельство, задерживая съ одной стороны успѣхъ завоеванія, развивало вражду между двумя народами. Вражда борцовъ изъ-за обладанія политическаго данной страной

переходила постепенно въ національную ненависть. Мы видѣли отраженіе этой ненависти въ законодательныхъ актахъ англичанъ. Тѣмъ не менѣе однако, оказывая сопротивленіе англичанамъ, Ирландія, въ силу внутренняго раздробленія и усобиць, оказывалась неспособной справиться съ англичанами и къ концу среднихъ вѣковъ, ко времени Тюдоровъ мы видимъ прогрессъ англійскаго господства въ странѣ.

Но при Тюдорахъ же является новое обстоятельство, которое осложняетъ враждебныя чувства, накопившіяся у двухъ народовъ въ силу долгой борьбы. Англія принимаетъ реформацію и, въ силу протестантизма сначала, а потомъ и въ силу политическаго интереса, старается навязать ее и Ирландіи. Борьба, можетъ быть уже близившаяся къ концу, разгорается съ новой силой и принимаетъ новую форму. Притѣсняемые въ своихъ дорогихъ чувствахъ, преслѣдуемые до глубины своей совѣсти, ирландцы поднимаются противъ притѣснителей въ цѣломъ рядѣ возстаній, длящихся въ теченіе второй половины XVI и всего XVII столѣтій. Подъ оболочкой религіозной борьбы мы не можемъ не видѣть другую. Англичане конфискують земли возставшихъ главарей племенъ, въ наказаніе за возстанія, но у нихъ развивается аппетитъ къ чужой землѣ, а потому конфискаціи принимаютъ все болѣе широкій размѣръ, пока наконецъ дѣло не кончается полнымъ обезземеливаніемъ ирландцевъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Оно сопровождается лишеніемъ массы населенія гражданскихъ правъ. Это была самая тяжелая эпоха въ исторіи ирландскаго народа, когда могло казаться, что онъ пропалъ совсѣмъ. Она продолжалась до половины XVIII вѣка.

Но нѣтъ. Онъ проявляетъ признаки жизни, и въ его средѣ начинается оппозиція англійскому гнету. Интересно то обстоятельство, что это движеніе начинается сначала въ средѣ протестантскаго населенія Ирландіи. Католическое населеніе было слишкомъ забито, чтобы оно могло само сдѣлать первые шаги по пути своего освобожденія. Первоисточникомъ движенія былъ философскій кружокъ въ Дублинѣ, содѣйствовавшій распространенію идей терпимости въ обществѣ. Это настроеніе, находившееся въ связи съ

англійскимъ девизомъ XVII в. и находившееся въ соответствіи съ господствовавшимъ въ Западной Европѣ во второй половинѣ XVIII в. девизомъ, не могло не отозваться на положеніи ирландскихъ католиковъ. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ политическимъ движеніемъ въ Ирландіи идетъ рука объ руку возвращеніе католикамъ ихъ гражданскихъ правъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдніе начинаютъ принимать участіе въ общественномъ движеніи. Благодаря отчасти силѣ этого движенія, а отчасти и силѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, ирландцы достигли значительной части своей цѣли. Парламентъ Ирландіи получилъ самостоятельность, и масса населенія, состоявшая изъ католиковъ, получила избирательное право, хотя и не права избираемости. Многое еще оставалось сдѣлать для общественнаго благополучія; но въ это время Англія увидѣла опасность для себя въ политической независимости Ирландіи и сумѣла добиться уничтоженія отдѣльнаго ирландскаго парламента. Это замедлило процессъ общественнаго прогресса Ирландіи, но тѣмъ не менѣе онъ продолжается. Начавшаяся эмансипація католиковъ идетъ дальше: въ 1829 году они добиваются правъ избираемости и допущенія на государственныя должности, а затѣмъ и освобождаются отъ господства англиканской церкви. Въ 1870 году кончается этотъ процессъ отдѣленіемъ церкви отъ государства въ Ирландіи.

Но этимъ дѣло не могло кончиться. Оставался для разрѣшенія самый крупный вопросъ—вопросъ экономической зависимости массы населенія Ирландіи, именно крестьянъ. Онъ былъ результатомъ того обезземеливанія ирландскаго населенія, о которомъ мы говорили выше, и состоялъ изъ цѣлаго ряда запутанныхъ отношеній, разобраться въ которыхъ было нелегко. Разрѣшеніе задачи земельного устройства составляетъ удѣлъ конца минувшаго вѣка и часть ея оставлена въ наслѣдіе нашему времени. Рѣшеніе ея прошло двѣ фазы: введеніе вознагражденія за улучшенія, сдѣланныя съемщикомъ земли, и упроченіе правъ на арендуемый участокъ въ связи съ ограниченіемъ правъ собственника на землю. Остается еще фаза, которая была намѣчена Парнеллемъ и Глэдстономъ: это выкупъ земли и передача ея въ руки земледѣльца. Часть этой задачи разрѣшена въ наши дни. Въ 1903 году прошелъ законъ о выкупѣ

земли фермерами, причѣмъ часть выкупной стоимости государство даетъ отъ себя безвозмезно, а часть ея даетъ фермерамъ займы на $68\frac{1}{2}$ лѣтъ изъ $3\frac{1}{4}\%$, считая тутъ и погашеніе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что англичане, лишивъ ирландцевъ ихъ правъ религіозныхъ, вынуждены были вернуться назадъ и возвратить имъ эти права. Они лишили ихъ земли и, пройдя черезъ море преступленій, должны были признать необходимость вернуть ее. Теперь находится на очереди вопросъ о возвращеніи Ирландіи ея самостоятельнаго парламента. Часть его уже разрѣшена введеніемъ въ Ирландію мѣстнаго самоуправленія. Какъ разрѣшится это дѣло, и разрѣшится ли оно, сказать очень трудно: слишкомъ много накопилось взаимной вражды и недовѣрія между двумя народностями для того, чтобы легко было пройти по пути къ ирландской политической автономіи. Но если эта послѣдняя осуществится, то и въ этомъ фактѣ будетъ возвратъ утеряннаго Ирландіей въ свое время. Мы не хотимъ этимъ сказать, что во всѣхъ этихъ фактахъ былъ только одинъ возвратъ къ ирландской старинѣ безъ всякаго прогресса. Нѣтъ. Мы склонны думать, что за весь этотъ періодъ тяжелыхъ страданій и угнетенія все-таки произошло столько измѣненій въ ирландскомъ народѣ, что извѣстныя учрежденія, возвращаясь къ нему, появляются не въ томъ же видѣ, въ какомъ они были раньше. Такъ, земля возвращается къ ирландцу; но организація земельной собственности становится не та, которую она имѣла раньше, а гораздо болѣе совершенная. Католическая церковь возвратилась назадъ въ смыслѣ легальнаго учрежденія, протестантская церковь потеряла свое владычество; но и та и другая являются теперь учрежденіями чисто религіозными, основанными на свободной совѣсти человѣка, и лишены всякой тѣни государственности или принужденія. Если парламентъ вернется въ Ирландію, то и онъ окажется не тѣмъ, какимъ онъ былъ прежде, строго аристократическимъ учрежденіемъ, а учрежденіемъ демократическимъ, выражающимъ собою волю всего народа, а не незначительной части его. Да и самый народъ-то этотъ, несомнѣнно, далеко не тотъ, который былъ въ началѣ XVIII вѣка и раньше. Въ немъ стало больше элемента общественности, больше той связи, которая

соединяетъ людей и даетъ имъ возможность дѣйствовать сообща, во имя болѣе широкихъ интересовъ и высокихъ идей. Это ясно видно на движеніяхъ, вожаками которыхъ были Граттанъ, О'Коннелъ и Парнелль съ ихъ сотрудниками. Этими „вожаками общественнаго“ мнѣнія Ирландіи народъ этой страны въ значительной степени обязанъ тѣмъ усиленіемъ общественности, которое совершалось въ немъ въ концѣ XVІІІ и въ теченіе ХІХ вѣковъ и благодаря которому онъ сталъ народомъ, который, по выраженію Граттана, потеряться не можетъ. Но, устанавливая эти измѣненія и указывая на сопротивленіе англичанъ, мы не должны забывать, во что обошлись ирландскому народу его борьба и сопротивленіе англичанъ. Страданія его въ теченіе послѣдняго столѣтія привели къ тому, что съ 8 милл. населеніе сократилось до 4¹/₂ милл. душъ. Большая часть эмигрировала, а часть стала жертвой смерти отъ голода и болѣзней, съ нимъ связанныхъ. Таковъ результатъ бесплоднаго сопротивленія англичанъ требованіямъ справедливости.

Съ исторіей Ирландіи связаны однако такіе политическіе и социальныя вопросы, которые имѣютъ не мѣстное и не частное, а общее значеніе. Первымъ представляется вопросъ о завоеваніи однимъ народомъ другого при условіи, что этотъ послѣдній стоитъ на культурномъ уровнѣ болѣе высокому, чѣмъ завоеватель, или же на томъ же самомъ. Тогда самое завоеваніе становится гораздо болѣе труднымъ, а разъ оно состоялось, завоеваніе представляется непрочною. Культурный народъ съ трудомъ мирится съ потерей самостоятельности и потому стремится къ возврату ея. Эти обстоятельства влекутъ за собой обоюдное раздраженіе въ силу затагивающейся борьбы и порождаютъ національную вражду, ведущую къ мысли объ истребленіи покоренной народности или по крайней мѣрѣ къ уничтоженію ея духовнаго обличія. Насиліе подобнаго рода рѣдко приводитъ къ искомому результату, но оно всегда связано съ массой страданій, совершенно бесполезныхъ, съ какой бы точки зрѣнія на нихъ ни смотрѣли, хотя бы и съ точки зрѣнія самого завоевателя, и несомнѣнно вредныхъ для интересовъ чело-вѣчества. Ужъ на что англичане представляли и представляютъ изъ себя внушительную силу, а развѣ они оказались въ силахъ

совершить свою задачу „искорененія“ ирландскаго народа, которую они поставили себѣ въ половинѣ XVII вѣка? Они истребили часть его. Но чего же они достигли? Ничего, кромѣ позорнаго клейма предъ лицомъ Европы и всего цивилизованнаго міра, клейма, которое они стараются смыть въ настоящее время усиліями своихъ лучшихъ людей въ родѣ Гладстона.

Не только завоевать пытались ирландскій народъ, но и обратить его въ одну вѣру съ англійскимъ. Сначала это дѣлалось инстинктивно, а потомъ въ силу принципа, что религіозное единство необходимо для единства государства. Не мало времени прошло до того момента, пока выяснилась невѣрность этой идеи. Много крови было пролито во всей Европѣ изъ-за достиженія этого, казавшагося необходимымъ единства. Мученія христіанъ въ Римѣ, Вареломевская ночь и преслѣдованіе гугенотовъ во Франціи, испанская инквизиція и ея кровавая работа въ Нидерландахъ, преслѣдованіе православныхъ въ предѣлахъ Польши и раскольниковъ въ Россіи, Тридцатилѣтняя война, стремленіе искоренить католицизмъ въ Ирландіи,—вотъ всѣмъ извѣстные факты, съ представленіемъ которыхъ въ воображеніи рисуется такое количество крови и человѣческихъ страданій, что безъ ужаса и вспомнить ихъ нельзя. Но вотъ свѣточъ разума просвѣтилъ человѣчество, пелена, созданная фанатизмомъ, спала съ глазъ его, перенесенныя страданія, не приведшія ни къ какому положительному результату, выяснили бесплодность насилія надъ человѣческой совѣстью и въ концѣ концовъ привели вмѣстѣ съ работой разума къ сознанію, что не въ разнообразіи религіозныхъ вѣрованій кроется опасность, а во враждѣ ихъ послѣдователей, неспособныхъ уважать права совѣсти и убѣжденія, и что, напротивъ, въ религіозной терпимости въ признаніи свободы совѣсти лежитъ залогъ прочности человѣческаго общества и государства.

Въ теченіе исторіи Ирландіи мы встрѣчаемся и съ вопросомъ о лишеніи національной особеннсти даннаго народа. Этотъ процессъ обыкновенно совершался естественнымъ путемъ поглощенія національностью, стоящею на значительно высокой степени культуры, другой національности, стоящей гораздо ниже. Главнымъ условіемъ

въ этомъ процессѣ является именно это культурное превосходство. Таковъ былъ процессъ обрусѣнія финскихъ народовъ средней и восточной Россіи, который идетъ еще на нашихъ глазахъ. Положеніе англичанъ сначала было для нихъ неблагопріятно въ ихъ столкновеніи съ ирландцами. Они обирландивались, а не подчиняли ихъ себѣ. Но потомъ, когда они разорили страну и путемъ истребленія народа и опустошенія его понизили его культурное развитіе, перевѣсъ въ культурномъ отношеніи перешелъ на ихъ сторону, и начался обратный процессъ—подчиненія ирландцевъ англійской культурѣ. Но все же ирландцы, какъ народъ, какъ національность, остались и едва-ли когда нибудь сольются съ англичанами.

Въ теченіе XIX вѣка вопросъ о національности получаетъ особенное значеніе. Со времени наполеоновскаго владычества идея о національности, какъ основѣ государства, становится все болѣе распространенной, и тѣ національности, которыя были раздроблены на нѣсколько политическихъ тѣлъ, объединяются и тѣмъ пріобрѣтаютъ большую силу и выгоды съ нею связанныя. Вместе съ развитіемъ національнаго чувства пріобрѣтаетъ господство мысль, что національное единство составляетъ необходимое условіе единства политическаго. Нельзя не видѣть, что въ такой постановкѣ вопроса воскресаетъ та же идея, которая въ XVII вѣкѣ господствовала въ отношеніи религіознаго единства. Какъ тогда изъ нея вытекало стремленіе подчинить всѣхъ подданныхъ одной, господствующей религіи, такъ теперь является стремленіе объединить ихъ въ одной господствующей національности. Убѣжденіе въ необходимости національнаго единства для благополучія государства влечетъ къ стремленію поглотить подчиненныя народности искусственными мѣрами. Съ народами низкой культуры, слабо сознающими поэтому свою національность, это еще удается; но съ народами, стоящими на болѣе высокомъ уровнѣ культуры и сознающими сильнѣе свою національную особенность, этотъ процессъ становится чрезвычайно труднымъ, какъ это показываетъ примѣръ Ирландіи, Чехіи и Польши. Это стремленіе поглотить другія національности господствующею необходимо влечетъ за собою обостреніе національнаго чувства и сопряжено съ такими страданіями и можетъ

сопряжено съ такими потоками крови, предъ которыми религіозныя войны покажутся ничтожною игрушкой. Національное чувство гораздо болѣе всеобще и способно поэтому при своемъ обостреніи захватить гораздо болѣе широкія массы населенія, чѣмъ чувство религіозное, а отсюда и болшій размахъ самой національной борьбы. Вѣроятный результатъ этой фазы человѣческаго развитія будетъ тотъ-же, что и въ религіозной борьбѣ. Человѣчество придетъ къ убѣжденію, что стремленіе уничтожить сложившуюся національность такъ же бесплодно и вредно, какъ и стремленіе уничтожить религіозное убѣжденіе и чувство, и потому отречется отъ этого стремленія и придетъ къ сознанію необходимости свободы національнаго развитія и къ признанію того, что и при различіи національномъ государство можетъ быть не менѣе сильно и благополучно, какъ и при національномъ единствѣ. Скажу даже болѣе, — и государство и человѣчество могутъ только выиграть отъ свободы въ жизни отдѣльныхъ національностей. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности и способна внести свой вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества. Чѣмъ свободнѣе будутъ развиваться эти особенности, тѣмъ полнѣе съ другой стороны будетъ общеніе между людьми и тѣмъ больше народы въ свободномъ соперничествѣ будутъ двигаться впередъ по пути къ тѣмъ общимъ человѣческимъ идеаламъ, черезъ которые люди видятъ въ небесахъ Бога и могутъ счастье постигнуть на землѣ.

Кіевъ,

16 Ноября 1906 г.

БИБЛИОТЕКА

Книги проф. Н. И. КАРЪЕВА,

находящія въ складѣ при типографіи М. М. Стасюле-
вича (С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 л., 28).

Исторія Западной Европы въ новое время. Цѣна за 5 томовъ
17 р. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ: I т. - 2 р.; II, III и IV т. - по 3 р. 50 к.; V - 5 р.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени.
Ц. 60 к.

**Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первые двѣ
трети XIX вѣка.** Ц. 60 к.

Государство-городъ античнаго міра. Ц. 1 р. 50 к.

Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Ц. 1 р. 75 к.

**Помѣстье государство и сословная монархія средних вѣ-
ковъ.** Ц. 2 р.

Учебная книга древней исторіи. Ц. 1 р. 35 к.

Учебная книга исторіи средних вѣковъ. Ц. 1 р. 25 к.

Учебная книга новой исторіи. Ц. 1 р. 45 к.

Главные обобщенія всемірной исторіи. Ц. 80 к.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Ц. 1 р.

Историческій очеркъ польскаго сейма. Ц. 1 р.

**Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической
реакціи въ Польшѣ.** Ц. 1 р. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. Ц. 2 р. 50 к.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Ц. 2 р.

Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ.
Ц. 1 р.

Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. Ц. 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Ц. 40 к.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. Ц. 50 к.

Идеалы общаго образованія. Ц. 50 к.

Выборъ факультета. Ц. 50 к.

Polonica. (Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ). Ц. 1 р. 25 к.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Ц. 50 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Ц. 50 к. (Складъ двухъ послед-
нихъ книгъ въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Спб., Литейный, 46).

Общій ходъ всемірной исторіи. Ц. 1 р.

Политическая исторія Франціи въ XIX в. Ц. 1 р. (Складъ обѣ
книгъ у Брокгауза -Ефрона. Спб., Прачешный пер., № 6).

Сочиненія Г. Е. Деванасьева

1. Два момента конституціонной исторіи Англіи: 1789 и 1832 г. Одесса. 1882 г.
 2. Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса. 1884 г.
 3. Очеркъ дѣятельности Тюрго. Одесса. 1886 г.
 4. Виѣшняя политика Наполеона III. Одесса. 1886 г.
 5. Судьбы Ирландіи. Одесса. 1887 г.
 6. Двѣ публичныхъ лекціи о Маріи Стюартъ. Одесса. 1888 г.
 7. Les sociétés de Crédit Mutuel en Russie. Paris. 1888.
 8. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Петербургъ. 1891 г.
 9. Les Artels Russes. Paris. 1891. Reforme Sociale.
 10. Tableau des Mesures pour les grains qui étaient en usage en France au XVIII siècle. Paris Picard.
 11. Le Pacte de Famine. Paris. Picard. 1890.
 12. Общество голодовки. Петербургъ. 1891 г.
 13. Le Commerce des Céréales en France au XVIII siècle. Paris. Picard. 1891.
 14. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одесса. 1892 г.
 15. Наши конкуренты. Одесса. 1900 г.
 16. Капиталь, спекуляція и банкиры. Одесса. 1899 г.
 17. Гугеноты при Людовикѣ XIV. Одесса. 1899 г.
 18. Наполеонъ I. Кіевъ. 1898 г.
 19. Лалли Толандаль и его процессъ о государственной измѣнѣ. Кіевъ. 1900 г.
 20. Денежный кризисъ. Одесса. 1900 г.
 21. La Crise actuelle des capitaux en Russie. Paris. 1900.
 22. Мирабо. Публичныя лекціи. Одесса. 1902 г.
-